

Великий **КОНАН**™

КОНАН И КОПЬЕ КРОМА

Северо-Запад®

КОНАН
И
КОПЬЕ КРОМА

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

ББК 84(7СПА)
К64
УДК 820(73)

К64 Конан и Копье Крома: Романы и повесть.—
СПб, «Северо-Запад», 1997.— 448 с.

ISBN 5-7906-0001-8

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в любой
форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения
закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 8200000000

- © М. Делез, 1996
- © Д. Фрост, 1996
- © К. Стайл, 1996
- © Ken Kelly, обложка, 1990
- © А. Федоренко, графика, 1997
- © «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

Глава первая

Солнце только что скатилось за горизонт. Сумерки пали на город, но ночь лишь начиналась, и Конан ясно слышал пьяные выкрики завсегдатаев кабака, из которого полчаса назад вышел сам. Чей-то внезапно оборвавшийся вопль донесся с противоположной стороны, кто-то нехорошо ругался совсем рядом, кого-то били неподалеку. Словом — обычный шадизарский вечер, не хуже и не лучше прочих вечеров.

В последний раз Конан осмотрелся, с высоты пробежав внимательным взглядом по теряющимся в темноте улицам — все было спокойно. Легкой тенью он скользнул в окно, и ставни беззвучно затворились, вырвав его на время из большого, шумного мира.

Шагнув в сторону от окна, он настороженно замер, готовый к любой неожиданности, но вокруг царил мертвая тишина: коридор уходил вправо и влево, охватывая кольцом большое и совершенно пустое, необычной формы, пятиугольное здание. Он хорошо помнил план, который ему дал накануне стигиец. Коридоры, обегавшие по периметру каждый из трех этажей, соединялись винтовой лестницей, уводившей, если спускаться по ней, в обширный подвал. Туда-то и нужно было попасть Конану. Именно там, в потайной кладовой, хранилась якобы семейная реликвия стигийца, которую тот всеми силами стремился вернуть.

Конан ни на минуту не поверил в его неуклюжую историю, но золота оказалось слишком много, а киммериец,

как обычно, сидел на мели, и сделка была заключена. Он получил золото и план дома, а стигиец ушел с твердой уверенностью, что не позднее, чем через три дня, станет счастливым обладателем вожаемой реликвии.

В ту же ночь Конан провел разведку и остался вполне доволен ее результатами — дом пустовал уже много лет, а значит, все должно пройти без сучка и задоринки. Правда, его несколько удивило то, что при подобных обстоятельствах стигиец не пришел сюда сам. Взломал бы, не мудрствуя лукаво, дверь и забрал талисман... Поэтому в первую ночь Конан не полез внутрь, а попытался разузнать об этом месте как можно больше.

Оказалось, что дом пользуется в городе дурной славой. Некогда здесь было тайное святилище бога-цаука Затха. Правда, с тех пор минул не один десяток лет. После чего служители Затха перебрались в Йезуд-город, где жить не имел права никто, кроме жрецов. И с тех пор дом стоял заброшенным, и даже у самых безрассудных, презиравших любые суеверия купцов не возникало желания его купить и поселиться там.

Хотя толком о странном доме никто ничего не знал. Так, смутные слухи, запечатленные в памяти немногих любителей замшелых легенд... Конан не придал им особого значения.

На следующую же ночь он решил пробраться внутрь, и вот теперь стоял в коридоре и прислушивался, но хотя все было спокойно, киммериец не шевелился. Что-то не нравилось ему, хотя причины беспокойства он понять не мог, пока его не осенило: жизнь в городе в это время кипела ключом, но стоило лишь прикрыть ставни — и он оказался словно отрезанным от остального мира.

Тишина в доме стояла буквально мертвая...

Некоторое время он стоял, преисполненный дурных предчувствий, однако аванс был получен, а значит — отступать поздно. Киммериец был не из тех людей, что готовы подолгу размышлять о неведомой опасности, когда можно выступить ей навстречу.

Он пожал плечами и двинулся вперед.

Но если бы Конан задержался у окна совсем ненадолго, то увидел бы, как к дому подходят четверо людей. Двое молодых мужчин, молодая женщина и девушка, почти ребенок. Мужчины беззаботно смеялись, женщина благосклонно принимала их восторженные изъяснения чувств, а девушка молчала, по большей части краснея в ответ на излишне откровенные шутки. Подойдя к дверям, они остановились.

— Какой мрачный дом! — воскликнул огромного роста, плечистый детина. — Не хотел бы я здесь жить!

— Боишься! — обрадовался его приятель.

— Вряд ли тебе когда-нибудь доведется увидеть то, что сможет напугать меня, — с апломбом возразил плечистый.

— Бросьте спорить, мальчики, — поспешила успокоить их женщина, — просто эта темнота да истории, которые Зита неизвестно зачем заставила нас выслушивать весь вечер.

Услышав свое имя, девушка улыбнулась.

— А как же, сестра. Я собираюсь колдовать! Вы будете помогать мне, а для этого нужен соответствующий настрой — теперь он у вас есть.

— Бр-р! — непроизвольно вздрогнул щуплый брюнет, панически боявшийся и колдовства, и колдунов. Пойти с остальными он согласился лишь ради Мелии, сестры Зиты, да и то скрепя сердце. — Верно подмечено — настрой есть!

— Ага! — обрадовался здоровяк, — вот ты и попался, Эмерик! Сам боишься!

— Нечего приписывать мне собственные страхи! — парировал брюнет.

— Довольно спорить, мальчики, — повторила Мелия. — В доме нет никаких призраков — и вообще бояться нечего. Это я вам обещаю.

— Откуда такая уверенность? — недоверчиво поинтересовался брюнет. — Всем известно, что здесь логово Затха, и на нем лежит заклятье. Никто не бывает здесь!

— А вот и нет! — Девушка довольно рассмеялась, словно удачной шутке. — Этот дом уже многие поколения принадлежит нашей семье, хотя мало кто знает об этом. Здесь никто не живет, но отец иногда приводит сюда... гостей. —

Мужчины понимающе заухмылялись. — Да что говорить — увидите сами! Ручаюсь, вы будете удивлены.

С этими словами она достала большой, затейливой формы ключ и протянула его Эмерику. Тот повозился немного у двери и через минуту все четверо оказались внутри. Дверь за ними закрылась, и ключ повернулся в замке, отгородив их на время не только от шума улиц, но и от жизни, порождавшей его.

После густых, предночных сумерек, царивших снаружи, им показалось, что они попали в абсолютную темноту. Эмерик завозился, высекая огонь, а Фабиан, воспользовавшись темнотой, поспешил подтвердить свои права на нынешнюю ночь, но в самый неподходящий момент последовала тусклая вспышка. В крошечной тьме она показалась ярким сполохом, и фитиль лампы, вспыхнув, залил все вокруг мягким, желтоватым светом.

Пунцовая от смущения, Зита оттолкнула своего огромного спутника, рядом с которым выглядела маленькой, нашкодившей девочкой, и по-сестрински укоризненно посмотрела на него. Однако Фабиан, испытывавший к ней отнюдь не братские чувства, выглядел весьма довольным собой.

Эмерик окинул их критическим взглядом и с усмешкой произнес:

— Только не здесь, пожалуйста, друзья мои. Потерпите немного — в доме наверняка найдутся подходящие комнаты.

Он посмотрел на Мелию, и она лукаво улыбнулась в ответ.

— Конечно найдутся, милый... но попозже.

— А пока помечтаем об этом «попозже»! — Фабиан недвусмысленно посмотрел на Зиту, в смущении закусившую губу.

— Хватит, Фабиан! — вступилась за сестру Мелия. — Знай меру: твои шутки становятся невыносимыми!

Великан добродушно развел руками.

— Извини, перестарался!

Киммериец медленно шел вдоль длинного ряда окон. Один поворот, второй. Дальше должна быть лестница. Она

оказалась мрачной и угрюмой, под стать самому дому. Конан уже ступил на нее, когда его чуткий слух уловил посторонние звуки. Он прислушался и услышал разговоры и смех! Что-то здесь было не так! Проклятый стигиец! Неужели он намеренно свел в одном доме Конана и этих незнакомцев, там, внизу? Но зачем ему столь сложный план?

Впрочем, если стигиец кому и желал зла, то едва ли то мог быть Конан. Они никогда не встречались прежде, а прочим врагам киммерийца ни к чему столь запутанные интриги... куда проще попытаться подловить варвара ночью в переулке и всадить нож между лопаток!

Тогда выходит, стигиец его обманул, и истинная цель — те, внизу, и никакого камня нет? Что ж, вполне возможно. Его обнаруживают. Бор, пойманный в доме, все равно что покойник, а значит, чтобы остаться в живых, он должен будет убить. Тогда понятна и неправдоподобно высокая плата, которую выдал ему стигиец! Киммериец непроизвольно стиснул рукоять меча. Если так, он заставит стигийского выроodka пожалеть о вчерашнем разговоре. С ним, Конаном, такие шутки не пройдут! А Впрочем... кто же мешает проверить?

Если камень все же окажется на месте, значит, стигиец не соврал, и эти незнакомцы попали сюда случайно. Каких только совпадений не бывает на свете!.. Но вот если никакого талисмана в подвале нет — то за попытку обогреть руки Конана невинно пролитой кровью стигийцу придется самому проститься с жизнью!

Но это после, а для начала не помешает выяснить — что там за люди, и сколько их?

Конан двигался беззвучно и стремительно, как привык с детства пробираться в лесах Киммерии, где от этого умения зависело — будешь ты сегодня сыт или нет, а подчас вопрос стоял гораздо серьезнее — будешь ли ты жив? Слух его обострился до предела, и хотя он не слышал своих шагов, но зато на пределе восприятия различил едва уловимые, совершенно неслышные для нормального человека звуки: далекий, задавленный многометровой толщей камня смех и восклицания мужских и женских голосов, которые с каждым шагом становились отчетливее.

Он уже спустился на первый этаж и остановился, осматриваясь; вместо того, чтобы спокойно пойти и взять то, зачем пришел, ему придется теперь выяснять — кого Нергал занес в этот пустующий дом именно тогда, когда он оказался здесь?!

Он повернулся в сторону яркой полосы света, выбивающейся из-за неплотно прикрытой двери, откуда доносились шутки и смех, и осторожно пошел вперед, готовый в любую минуту незримым призраком легко скользнуть в густую тень и затаиться — что бы ни задумал стигиец на самом деле, а убийцей Конан становится не собирався и потому был сейчас вдвойне осторожен.

С молоком матери всосав принцип — выживает сильнейший, он не слишком трепетно относился к человеческой жизни, и когда было нужно, без колебаний пускал в ход оружие, но убивать просто так, без надобности, считал делом зазорным.

Возле самой двери он замер, мгновенно став похожим на одну из статуй, расставленных вдоль коридора, и прислушался.

— Ну? Где же твоя волшебная книга, моя красавица?

Фабиан насмешливо смотрел на Зиту, которая на протяжении всего вечера терялась и краснела под его откровенными взглядами, и подумал, что, быть может, он и не зря на сегодняшнюю ночь пренебрег ради нее своей постоянной подружкой, Марлиной, женщиной опытной и искусной во всем, что касалось любовных утех, но пресыщенной и капризной. Тут он невольно посмотрел на Эмерика.

Эмерик и Марлина... Было в них нечто, роднившее этих двоих сильнее, чем все узы крови: слишком рано отведали они сладостей плотских утех, которые пришлось им настолько по вкусу, что они оглянуться не успели, как пресытились. И теперь тосковали о днях давно ушедшей невинности, когда забавы, подобные сегодняшней, принимались с восторгом и вызвали неподдельное наслаждение. Сами они давно уже разучились чувствовать что бы то ни было.

Правда, Марлина, в отличие от Эмерика, не стала искать разнообразия в извращениях, и за это Фабиан уважал ее. Однако, оставаясь холодна как лед, она каждую их встречу превращала в болезненную, хотя и сладостную пытку любовью. Каждый раз Фабиану стоило большого труда разбудить в ней желание, но когда он добивался этого, она становилась ненасытна, как изголодавшаяся волчица, и доводила его до полного изнеможения...

Конан осторожно заглянул внутрь.

Четверо молодых людей удобно расположились на огромном мягком диване, перед которым стоял низкий столик красного дерева с резными, причудливо изогнутыми ножками. На нем покоился огромный фолиант в переплете синего бархата.

Наконец-то киммериец увидел людей, спутавших все его планы! Он жадно всматривался в их лица, прислушивался к разговорам, пытаясь выяснить, зачем они здесь и насколько могут быть опасны. Они показались ему смутно знакомыми — кажется, всех их он уже встречал когда-то, но в полумраке это трудно было определить достоверно.

По богатой одежде и манерам было видно, что все они люди знатного происхождения, а значит, в доме могли оказаться и слуги. Впрочем, нет. Вряд ли четверо молодых людей, даже привыкших, чтобы за них все делали другие, отправятся на ночное свидание в сопровождении пышной свиты. Однако всякое бывает.

Конан в очередной раз отпрянул от двери и прислушался, совершенно отключившись от звуков, доносившихся из комнаты. Этому искусству — не слышать того, что не интересно или даже мешает — он научился уже здесь, в Шади-заре. Однако в остальной части дома стояла мертвая тишина, и Конан вновь заглянул внутрь, тщетно пытаясь вспомнить, где же он мог встречать этих четверых.

Тем временем Мелия, искусная на всякого рода выдумки, наблюдала в зеркале за Эмериком, но он даже не подозревал об этом.

Она сумела добиться встречи с ним, хотя это потребовало немалого труда. Ее гордость, положение среди цвета

золотой молодежи Шадизара, не позволяли открыто привлекать к себе внимание мужчины, заставляли придерживаться самой для себя выработанных правил, и довольно долгое время Мелия вела тонкую игру, в результате которой Эмерик вначале просто изволил обратить на нее свое божественное внимание, затем последовало неизбежное ухаживание, наконец, к ее тщательно скрываемому от подруг восторгу, завершившееся сегодняшним приключением. Правда, радость оказалась с легкой примесью горечи — слишком уж рассудочным оказалось внимание Эмерика, и Мелия невольно припомнила случившееся с Арлитой, ее лучшей подружкой.

Это случилось пару лет назад, когда Эмерик был еще безусым юнцом, но уже пользовался шумным успехом у женщин. Поговаривали, будто он способен холодную, мраморную статую сделать пылкой и горячей. Услышав об этом, Мелия, равнодушно пожав плечами, выразила свое сомнение, и тогда Арлита с горькой иронией рассказала ей о случае, повергшем Мелию в изумление.

Как-то раз на дружеской вечеринке, Арлита позволила себе высмеять Эмерика, а он спокойно предложил ей поспорничать с ним. Она была весьма искушена в радостях плоти и от души смеялась над нелепым предложением Эмерика. Полностью уверенная в своих силах и в том, что вполне способна устоять перед любым мужчиной, остаток вечера она подшучивала над ним, позволив себе несколько весьма ядовитых шуток, которые Эмерик, благосклонно кивая, принимал с видом снисходительного превосходства. Арлита не понимала причины такого спокойствия. Оно выводило ее из себя, и потому она вовремя не почувствовала опасности и допустила ошибку, согласившись на близость с Эмериком.

Мелия не знала, а Арлита никогда не говорила, чего она хотела добиться тем вечером: любви его или ненависти, но — то ли она не рассчитала своих сил, то ли Эмерик и в самом деле оказался искуснее ее — последним смеялся он. Девушка опомниться не успела, как из великолепной светской львицы, умной и прекрасной, гордой и недоступной,

дарящей свою любовь лишь избранным счастливым, превратилась в истекающую соком самку, с единственной мыслью в голове — *скоро!* — и ради удовлетворения этого желания готовая на все. Она не замечала ничего, даже того, что Эмерик внимательно следил за ней, и в тот момент, когда тело ее раненой змеей билось в судорогах предвкушения, спокойно встал и ушел.

Забыв о гордости, она валялась у него в ногах, умоляя остаться, а он издевательски смеялся, глядя на нее, а перед уходом сказал лишь одну фразу: «Слова мало чего стоят», погладил ее по мокрой от слез щеке и, равнодушно повернувшись, ушел.

Она промучилась ночь, а наутро пустилась в разгул. Никто не мог понять, что с ней случилось, но многие поспешили воспользоваться моментом, и все-таки это оказалось не тем, что ей было нужно. Прошла всего неделя, а Арлита уже вновь заигрывала с Эмериком, который, к ее удивлению, охотно принял предложенную роль отвергнутого любовника, и после непродолжительного флирта, от которого оба явно получили немалое удовольствие, они повторили встречу. Арлита была вне себя от счастья, не учла она только того, что, как оказалось, совершенно не знает Эмерика. В результате этот «ни на что не годный безусый мальчик со смазливой личиком» с огромным наслаждением повторил то, что один раз уже проделал с ней совсем недавно.

Это воспоминание молнией пронеслось в сознании Мелии, и она внимательнее взглядела в знакомое лицо, и сейчас, в пламени свечей, Эмерик казался ей расчетливей и жестче, чем обычно. Ей страстно захотелось узнать, какие мысли и желания прячутся за этой красивой, но словно неживой маской лица, однако гадать она не решалась. Ей впервые пришло в голову это сравнение — маска. Да, пожалуй, именно так, но что бы ни прятал за ней ее владелец, одно Мелия поняла определенно — то не были мысли о ней, и это добавляло горечи сегодняшней встрече.

Эмерик, занимавший в этот вечер все мысли Мелии, также бросил на нее украдкой взгляд, но не долгий, изуча-

ющий, как она, а короткий и стремительный, как полет стрелы, лишь для того, чтобы обновить в памяти ее образ. Взгляд этот не остался незамеченным, но, увидев в нем полное отсутствие интереса, Мелия вздохнула и почувствовала, как против воли в ней начинает подниматься раздражение. Раздражение, вызванное недовольством. Недовольством Эмериком, а еще больше собой.

Вздыхнул и Эмерик. Он знал, что Мелия давно охотится за ним и умело подогревал ее пыл, надеясь, что, если повезет, в этой игре возродится и его интерес к женщинам, которого он в последнее время совсем не испытывал. Наконец он посчитал, что время пришло, плод созрел и его пора вкушать, пока не начал портиться. Мелия, правда, вела себя независимо, всем своим видом показывая, что лишь снисходит до его настойчивых ухаживаний и ее готовность отдаться ему когда угодно, где угодно и как угодно — это всего лишь мимолетная прихоть, милость с ее стороны. Смешная девчонка! Ну что же — пусть себе думает, что все зависит от нее.

Что-то сбило настрой его мыслей, и Эмерик недовольно нахмурился, пытаясь найти причину. Ага! Эта фраза — смешная девчонка! Он подумал так об Мелии, но напомнила она ему о ее сестре — Зите, молодой и робкой, как мальчик-подросток.

Едва это сравнение пришло ему в голову, как он поймал себя на том, что охотно променял бы Мелию на мальчика, и что сама она, несмотря на его упорные попытки возбудить в себе интерес к этой светской львице, совсем не привлекает его. Это было грустно. Он посмотрел в зеркало на Зиту — пожалуй, он предпочел бы сейчас ее пылкую неопытность жадной ненасытности Мелии. Это могло быть даже интересно. Он даже не нарушил бы ее девственности и вернул бы Фабиану такой, какой взял — неповрежденной!

От этой свежей и многообещающей мысли ему сделалось смешно, и Эмерик рассмеялся, на мгновение став похожим на обыкновенного, живого человека. Видимо, такое состояние было настолько необычным для него, что повер-

гло в изумление его товарищей, но он даже не заметил этого.

Зато заметила Мелия...

«А впрочем,— подумал Эмерик,— почему нет? Нужно лишь сделать так, чтобы Фабиана не оказалось рядом в нужный момент. Ну и, видимо от этого никуда не деться, придется сперва заняться Мелией».

Ясно, как день, что она не перестанет липнуть к нему, пока он не доведет ее до полного изнеможения. На это потребуется время, что несколько омрачало радость, но он решил не портить вечер неприятными мыслями. Все-таки впервые за многие месяцы Эмерик почувствовал нечто забытое, чего не испытывал уже давно — неподдельный интерес к женщине.

Конан с отвращением посмотрел на смеющегося. Чуть старше его самого, женоподобный фант, обильно увешанный золотыми безделушками, он производил впечатление человека, еще не успевшего прожить и трети жизни, но уже пресытившегося ею, утомленного и со скуки состарившегося, так и не став при этом взрослым. Состарившегося душой, телом оставаясь молодым!

Его лицо, с правильными, красивыми чертами, показалось варвару неживой маской, но проникнуть в то, что скрывалось за ней, Конан отнюдь не стремился. И без того ясно, что там нет ничего, кроме глупости да нечистых мыслей. К подобным типам он не испытывал ничего, кроме презрения и брезгливости.

Почувствовав на себе взгляд Эмерика, Зита обернулась, но чуть-чуть опоздала — он уже хихикал над своей удачной мыслью.

Зита вопросительно посмотрела на сестру, не понимая, что же так рассмешило ее кавалера, но та со скучающим видом смотрела в сторону, не проявляя к происходящему видимого интереса, и на мгновение Зита позавидовала ей. Позавидовала ее уверенности в себе, умению держаться, привлечь внимание, соблазнить наконец... Даже Эмерик не

устоял перед ее чарами! Впрочем, она почему-то не испытывала к нему влечения. Эмерик был строен фигурой и красив лицом, однако Зита ощущала в нем изъян, не позволявший ей почувствовать к этому человеку симпатию.

Рука Фабиана легла на ее нежную ручку, и Зита вздрогнула, внезапно осознав, что кавалер ее прижимается к ней все теснее. Однако это вызвало в ней чувства прямо противоположные тем, к которым стремился Фабиан.

Впрочем, ему простительно, ведь он считает, что она влюбилась в него по уши и потому, презрев гордость, решила сама сделать первый шаг, подумала Зита. И он вовсе не виноват в том, что она не испытывает интереса к мужчинам.

К тому же обострять отношения сейчас ни к чему, ведь своего предназначения Фабиан еще не выполнил — хотя и безропотно терпеть его откровенные, а потому все более обременительные притязания девушка тоже не собиралась и потому незаметно отстранилась.

Зита встала, чтобы достать бутылку вина, предусмотрительно захваченную ими из дома, и Конан резко отпрянул. Теперь он мог лучше разглядеть вторую девушку, Мелию, и был очарован ее красотой.

Большеглазая, чернобровая, с правильными чертами лица, божественной грудью и сильными бедрами, с немыслимо узкой талией, она напоминала вендийских богинь, какими их изображают люди. Ее красота служила эталоном, недосяжимым для других идеалом, предметом зависти многочисленных подруг и вождения поклонников. Многие мужчины были готовы на все за счастье получить лишь один ее благосклонный взгляд, и она пользовалась этим, флиртуя направо, что и послужило поводом для многочисленных сплетен, которые в большинстве своем не имели под собой оснований.

Конан вспомнил наконец, откуда знал обеих сестер, хотя те никогда и не видели его. Знал он и их отца, Тефилуса, который постоянно находился при королевском дворе, в Арэнджуна, а в Шадизаре, откуда жена с дочерьми не желали уезжать, появлялся лишь изредка.

Более того, Конан даже бывал у них дома, в роскошном особняке, в центре квартала знати, и сохранил об этом визите наилучшие воспоминания. И не мудрено: ведь туда он пришел с пустыми руками, а возвращался бережно унося в роскошном, розового дерева, резном ларце, выложенном изнутри нежнейшим бархатом цвета предночного неба, прекрасную, старинную диадему великолепной работы, с вправленными в нее тремя огромными бриллиантами чистой воды, редкого нежно-голубого оттенка.

Диадема хранилась в потаенном стенном шкафу, запиравшемся замком с хитроумным секретом. Шкаф находился в тайной комнате, доступ в которую был возможен лишь через потайную лестницу. И все это находилось в тщательно охраняемом многочисленной стражей здании.

Удачное завершение этого дела дало Конану основание считать свое искусство вора достойным умения древнего мастера, сотворившего диадему. Правда, справедливости ради стоит упомянуть, что почти никто не оценил мастерства Конана. Никто, кроме покупателя, отсыпавшего золото щедрой рукой, да старого Тефилуса, примчавшегося из Арэнджуна сразу, как только узнал о пропаже.

Вот уж кто не остался равнодушным!

В первое же утро он обрушил на жену, дочерей и челядинцев столь мощный поток брани, что содержателю дешевого кабака в Пустыньке его хватило бы на десять лет непрерывных перебранок с завсегдатаями! И тогда Конан понял, почему молодых дочек Тефилуса не соблазнили прелести столичной жизни.

Однако, при всех своих недостатках, Тефилус был умным человеком. Он прекрасно знал, сколь неторопливо действует дознание в Заморе, и справедливо рассудил: если он желает вернуть утраченное, то должен действовать самостоятельно. И он поклялся, что получит диадему, даже если это обойдется ему втрое дороже самой вещи.

Все думали, что за этой угрозой ничего не стоит, но не прошло и недели, как в Шадизар прибыл Та-Май — кхитайский маг, живущий где-то на юге Турана и специализирующийся на поиске краденного.

Тут Конан не на шутку встревожился. Колдунов он не любил и ко всему, так или иначе связанному с колдовством, относился недоверчиво. К тому же Конан знал, что в Шадизаре, где умели и любили воровать, не умели ловить воров, — если, конечно, вор не имел глупости попасться на месте преступления — но зато, когда дознанию улыбалась удача, правосудие охотно расправлялось со своей жертвой и делало это с большим вкусом.

Однако тревога Конана оказалась напрасной. Месяц кхитаец рыл носом землю, с утра до ночи носясь по Пустыньке. Он перепробовал вино во всех кабаках, спустил кучу денег игрокам в кости, переспал со всеми шлюхами, обнюхал все нужники, но так ничего и не нашел, потому что Конан, несмотря на молодость — а было это год назад, когда ему едва стукнуло восемнадцать — дело свое знал: работал аккуратно и язык держать на привязи умел, а внутреннее чутье, которое никогда не подводило его, подсказало, что на этот раз лучше придержать деньги, пока неизбежный шум не утихнет.

Кхитайская знаменитость так и уехала, ничего не добившись, и старый Тефилус с отчаяния объявил о награде, вдесятеро превышающей куш, сорванный киммерийцем с заказчика, но Конан лишь усмехнулся, прекрасно понимая, что, даже явись он с диадемой к Тефилусу, награды ему не видать как своих ушей! Старик сразу поймет, чьих рук это дело, а суд в Заморе скор, и приговор, как правило, разнообразием не блещет... выражаясь одним словом — петля.

Конан вновь посмотрел на Мелию. Она была девушкой умной, и хотя чувственность постоянно толкала ее на поиски любовных приключений, никогда не позволяла себе связей, за которыми не стояла бы по крайней мере влюбленность — чувство родственное любви, пусть и не такое глубокое, но почти столь же редкое. Именно поэтому, увидев ее в компании Эмерика, человека никчемного и пустого, он искренне удивился.

Впрочем, он тут же пожал плечами — его это не касается. «Каждый развлекается, как хочет, или уж, на худой конец, как может», — сказал он себе, и тут же подумал, что

сестра Мелии, Зита, удивила его еще больше. Судя по тому, что киммериец слышал о ней, эта юная, не испорченная светской пошлостью девушка сторонилась общества сверстников, предпочитая проводить время за книгами о колдовстве и магии. Мать же смотрела на это сквозь пальцы, считая детским чудачеством, которое со временем неизбежно пройдет.

Легкой, танцующей походкой Зита прошлась по комнате. Взгляд Фабиана жадно бегал по ее стройной фигуре. И как только он раньше не разглядел ее, считая лишь бледной копией Мелии?! Конечно, она проигрывала в сравнении со своей сестрой-богиней, так что ж с того? Пусть богиня прекрасна, но и фея полна очарования! Да и пять лет разницы в таком деле значат очень много!

Фабиан посмотрел на Мелию. В ее облике не было и следа детской чистоты и наивности, что так красили постоянно и по любому поводу заливающегося румянцем личико Зиты. Мелия была опытной и капризной девушкой, знавшей цену и своей красоте и своему положению в обществе. Поэтому друзей она выбирала придирчиво, и многие получили отставку по причинам, так и оставшимся для них неясными.

Фабиан поймал себя на мысли, что не может отвести от нее восторженного взгляда. Когда-то и он пытался добиться благосклонности богини, но, получив отказ, разделил судьбу неудачников. Но теперь желание вновь всколыхнулось в нем, окатив горячей волной. Он и думать забыл о том, что только что превозносил незрелые прелести Зиты. Стоило ему увидеть Мелию, и младшая сестра перестала существовать для него!

От этих мыслей его отвлекла опять-таки Зита, вернувшаяся с вином и бокалами, и, увидев ее вновь, Фабиан понял, что не собирается отказываться и от младшей. Он тряхнул головой — это было какое-то наваждение!

Глаза его плотоядно заблестели и он, сам не понимая, причины подобной уверенности, решил, что сегодня непременно овладеет обеими. Чего бы это ему ни стоило, а дальше — будь что будет!

Он украдкой посмотрел на Эмерика, и возжелание в его взгляде сменилось злой иронией — давно пора тебе, братец, отправляться на охоту за мальчиками. Нечего тебе делать здесь, среди нормальных людей!

Конан, отступив в тень и на время позабыв обо всех на свете стигийцах и талисманах, также пристально наблюдал за сестрами, невольно сравнивая красоток между собой. Нежные девичьи прелести еще не настолько прискучили ему, чтобы пренебречь ими, даже ради золота.

Он взглянул на Зиту. Пышногрудая и крутобедрая, с осиной талией, она сильно походила на сестру, и все-таки проигрывала в сравнении с Мелией, как проигрывает в сравнении с истинным произведением искусства копия, изготовленная пусть и хорошим, но отнюдь не гениальным мастером. Хотя обе были небесно хороши! И при случае варвар не отказался бы поближе свести знакомство с обеими.

Конан еще раз оценил каждого из компании.

Если прежде неизвестные, проникнувшие одновременно с ним в этот заброшенный дом и вызывали у него беспокойство, то теперь, узнав их, он перестал тревожиться. Сестры никакой опасности собой не представляли. Старшую, Мелию, ничто не интересовало, кроме развлечений, а теперь, видно, и младшая, Зита, решила пойти по ее стопам. Да и кавалеры их немногим лучше. Эмерик давно уже пользовался дурной славой в Шадизаре. Его хорошо знали не только в центральной части города, где жила знать, но и в притонах, многие из которых даже не отличавшийся брезгливостью Конан не посещал без нужды.

А Мелию, видно, потянуло на запретный плод. Ну что ж, коли есть аппетит, можно слопать и ежа! Конан пожал плечами. Все это его не интересовало. Важным было лишь то, что никто из этой троицы не мог помешать его планам.

Оставался Фабиан. В отличие от Эмерика, мало на что пригодного, Фабиан производил впечатление человека мужественного, сильного и способного на многое. Ему уже минуло двадцать, и он обладал мощной фигурой закаленно-

го в битвах воина. Конан знал, что Фабиан служит в гвардии правителя и, говорят, недурно владеет мечом. Пожалуй, из всей четверки только он, в случае нужды, сможет оказать сопротивление.

Киммериец в последний раз окинул взглядом сидящих и еще раз посмотрел на Зиту — она явно сторонилась своего нагловатого и самоуверенного кавалера. У него возникла даже мысль помешать их веселью и, возможно...

Но Конан с огорчением вспомнил, что и без того потратил достаточно времени и, прихватив стоявшую рядом лампу, скользнул прочь, так же неслышно, как пришел.

Зита перевернула еще несколько страниц, внимательно вчитываясь в колдовские письмена, пока не нашла нужное заклятье, в то время как остальные лишь с интересом рассматривали замысловатые вензеля, смысла которых не понимали.

Фабиан усмехнулся.

— Ну что, колдунья, нашла свое заклинание?

Кивнув, Зита посмотрела на своего ничего не подозревавшего кавалера, которому вскоре предстояло сыграть его роль, и взгляд ее остался серьезен. Более того, теперь в нем чувствовалась скрытая до сих пор сила, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

— Да. Я нашла первое из заклятий, что понадобятся мне сегодня.

— О! — опять ухмыльнулся Фабиан. — У нас, похоже, будет насыщенная ночь!

Но Зита оставила его двусмысленное восклицание без внимания. Она выпрямилась и, придав голосу торжественность, нараспев прочитала странную фразу, изобиловавшую рычащими звуками.

— Пир-ра! Тураст-тур мир-ра, кар-ран гар-ртаг зир-ра!

Фабиан хотел что-то сказать, но едва Зита произнесла первое слово, как буквы на странице вспыхнули бирюзой.

Стены дома вздрогнули. Эмерик судорожно вцепился в боковину дивана, затравленно озираясь. Пол накренился и

стены начали медленно вращаться, понемногу меняя свои очертания.

Как только это случилось, чей-то голос грустно и торжественно возвестил:

— Ахм-маэн!

Слово пришло ниоткуда, возникнув одновременно во всем объеме комнаты, стены которой в унисон отразили его, создав у находившихся внутри людей странное ощущение огромного, пустого зала, древнего и мрачного, с теряющимися в густой темноте стенами, породив у них ощущение собственного ничтожества.

Ужасный грохот наполнил дом. Воздух стал вязким и словно засветился невидимым огнем. Эмерик моментально вспотел, то ли от повисшего в воздухе напряжения, то ли просто от страха — ему показалось, что сейчас он полетит вместе с диваном прямо на Серые Равнины, в пасть к Нергалу, но грохот прекратился так же внезапно, как и возник. Эмерик недоверчиво осмотрелся — все осталось на своих местах.

Зита стояла, гордо выпрямившись, с достоинством глядя на своих растерявшихся друзей.

Образ огромного, пустого пространства настолько ярко предстал перед глазами Фабиана, что он зажмурился и потряс головой, сбрасывая наваждение. Открыв глаза, он уставился на продолжавшую гореть на странице фразу и почувствовал, что глаза его округлились от удивления.

Буквы изменили цвет. От бирюзы ничего не осталось, и фраза горела густым багровым огнем.

Он открыл было рот, чтобы спросить, что все это значит, но новое превращение заставило его промолчать. Буквы, прежде яркие и четкие, с сочным алым свечением, постепенно распухали и бледнели, и наконец настал момент, когда Фабиан с изумлением осознал, что они отделились от страницы и повисли в воздухе, источая странный аромат свежести после грозы.

Они все больше расплывались, пока не стали наползать друг на друга, перемешиваясь, превращаясь в бледное облако, которое росло и рассеивалось, пока не раство-

рилось в воздухе комнаты, оставив на память о себе только запах.

Лишь в этот момент Фабиан, ошалело следивший за происходившим, осмелился вновь заговорить. Он уже успел прийти в себя и говорил в привычной, насмешливой манере:

— Что это было, моя колдунья? Надеюсь, нам твое колдовство ничем не грозит?

Зита посмотрела на него с гордостью, впервые за вечер почувствовав себя на высоте — личностью, а не маленькой девочкой в компании взрослых.

— Это ограждающее заклятье. Не знаю, заметил ли ты, но дом построен в форме пентаграммы.

Фабиан был удивлен. Впрочем, как и все остальные — никто из них ничего не смыслил в колдовстве.

— Ну и что?

Зита терпеливо объяснила:

— Это обязательный ритуал. После произнесенного мною заклинания никакое зло не в силах прорваться сюда и помешать нам, равно как и откуда ничто не в силах будет вырваться, пока я не сниму заклятья!

Эмерик, который, как и все трусы, до смерти боялся всего неизвестного, смотрел на нее остекленевшими глазами. В нем боролись сомнение и страх.

Страх, которого он стыдился и старательно скрывал под маской высокомерия.

— Ты что, девочка, издеваешься над нами?

Зита ничего не ответила, только улыбнулась, и Эмерик вновь воскликнул:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я теперь не смогу выйти из дома, даже если захочу?!

Мелия взяла за руку своего трусоватого кавалера и сказала, смеясь:

— Так и есть, теперь откуда никто не выйдет. Но успокойся, дорогой — я уже видела подобное. Не о чем волноваться: когда настанет время, Зита снимет заклятье, и все.

Фабиан смеялся, слушая ее. Сперва тихо — так, что его никто не слышал, а потому и внимания не обращал, но

постепенно смех его становился все более громовым и безудержным.

Эмерик смотрел на него округлившимися глазами. Все происходившее он понимал на свой лад и совершенно не так, как его приятель.

— Она его заколдовала! — позорно взвизгнул Эмерик. — Он с ума сошел!

На мгновение Фабиан замолк, посмотрел на него удивленным взглядом, и смех его тут же грохнул с новой силой.

— Да она всех нас заколдовала! — наконец сумел он выдать из себя и, увидев недоумевающее лицо Эмерика, едва не расхохотался вновь. — Неужели ты не понимаешь: самцов привели на случку. Их не выпустят из загона, пока они не удовлетворят самок...

Дальше он не мог говорить, а лишь чиркнул ребром ладони по горлу, показывая предполагаемую границу удовлетворенности.

До Эмерика наконец дошла банальная в своей пошлости мысль Фабиана, и он мгновенно успокоился, проклиная в душе собственную трусость. Чего он испугался? Все ведь так просто! Как только он сам не догадался?!

Он тотчас включился в игру и, покачив головой, осуждающе посмотрел на Зиту.

— Ай да скромница! — и захихикал вслед за Фабианом.

Зита открыла было рот, но Фабиан, не переставая смеяться, махнул рукой, загодя отменяя ее возражения.

Девушка задохнулась от ярости и возмущения. От стыда щеки ее вспыхнули, и она отвернулась.

Мелия рассмеялась.

— Сестра, ты сама виновата: всем рассказала, что собираешься заняться колдовством, но никому не объяснила — зачем?

Это незначительное на первый взгляд событие странным образом изменило мысли и настроение всех четверых. Возбуждение еще не спало, заставляя шутить и смеяться, хотя все чувствовали, как изменилась атмосфера в их маленьком обществе. Однако каждый ощущал это по-сво-

ему и старался не выказывать своих мыслей, старательно делая вид, что все осталось по-прежнему, если не стало лучше — они продолжали развлекаться.

Впрочем, мужская часть компании вполне определенно знала, чего хочет, но если поначалу оба, и Эмерик и Фабиан, испытывали нетерпение, возраставшее с каждой минутой, то теперь, когда времени впереди неожиданно оказалось в достатке, оба почувствовали себя гурманами, единственная забота которых — не растерять аппетит перед обильной трапезой.

Чувства же сестер претерпели более значительные изменения.

К удивлению своему, Мелия осознала, как стремительно падает ее интерес к Эмирику и что от утреннего восторга, когда она, окрыленная предстоящей вечером встречей, витала в облаках, не осталось и следа.

Последняя сцена, когда ее «неотразимый кавалер» по совершенно пустячному поводу едва не забился в истерику, доконала остатки симпатии. Эмерик стал ей неприятен, и она уже понять не могла, как не рассмотрела его раньше.

«Запретный плод сладок, — запоздало пришла ей в голову та же, что и Конану, мысль, — Впрочем, — успокоила она себя, — лучше поздно, чем никогда».

Зита же и вовсе позабыла о своем кавалере. Ее занимало лишь предстоящее колдовство, и ни до Фабиана, ни тем более до Эмерика ей до поры не было дела. Разумеется: позже один из них должен будет принести из потайной комнаты Талисман Силы. Только мужчина может взять его, и если бы не это — Фабиана не было бы рядом. Если придется, она даже готова отдаться ему, лишь бы завладеть священным камнем! Однако все это будет еще не скоро, а значит, пока о предстоящем можно не думать. Сейчас важным было другое — они пришли в дом, и подошло время взять камень. Где-то внутри нее стремительно росла уверенность, что больше ждать нельзя.

Пока четверо наверху развлекались, строя свои планы, надеясь на что-то, Конан успел пройти до конца коридора

и спуститься вниз. Теперь можно было никого не опасаться. Он зажег прихваченный фонарь и осмотрелся. Путь ему преграждала массивная с виду дверь, неожиданно легко открывшаяся от несильного толчка. Приятно удивившись, Конан вошел внутрь.

Стены подвала, сложенные из массивных каменных блоков, уходили в темноту. Было сухо, и лишь здесь он впервые почувствовал, что в доме очень давно не было ни души — толстый слой паутины покрывал потолок и стены, а на полу скопилась огромная масса пыли, при взгляде на которую расхожая фраза — пыль веков — получала зримое воплощение.

Он толкнул назад дверь и пошел дальше, утопая в пыли едва ли не по щиколотку.

Стигиец сразу предупредил его, что не знает, в каком месте подвала расположен тайник. Поэтому еще накануне, тщательно рассматривая план, Конан постарался наметить участки, где тот может находиться. Самым реальным из всех вариантов казался дальний конец коридора, поскольку за ним ничего не было, но тогда получалось, что тайник находится вне стен дома, а это было маловероятно.

Прочие места были не столь удобными в плане размещения, зато все они находились внутри здания. Конан пошел вперед, оставляя в пыли дорожку следов. «Кром! Любят же в этом городе потайные комнаты!» — с иронией подумал он, достав кинжал и рукоятью его начал простучивать стену.

Он работал быстро и тщательно и, хотя площадь стены была велика, вскоре имел полное представление о том, где находится скрытая кладкой пустота. Тогда он достал кусок мела и начертил на стене прямоугольник, точно соответствовавший размерам тайника или, по крайней мере, входа в него. По сути, он мог бы и не делать этого — очерченный кусок занимал ровно половину тупиковой стены коридора.

Однако он не ограничился этим, а продолжил свои поиски дальше — справа и слева от себя, а затем обследовал пол и потолок. В результате он с головы до ног покрылся слоем пыли и паутины, но зато удостоверился, что никуда не провалится и на голову ему ничего не упадет.

Наконец настал момент, когда можно было заняться делом. Конан отряхнулся и, размяв руки, принялся изучать камни кладки. На каждый из них он пробовал надавливать, сдвигать его в стороны, пока не нашел один, поддававшийся усилиям. Его можно было сдвинуть, и можно было надавить, но как Конан ни старался, какие комбинации движений ни пробовал — ничего не получалось.

И тогда ему пришло в голову, что, может быть, это лишь ложная приманка, призванная отвлечь от настоящего тайника, упрятого действительно на совесть.

Мысль не была лишена логики, ведь то место, на которое он потратил столько времени, действительно было излишне на виду, и, не тратя времени даром, Конан продолжил поиски в оставшейся неисследованной части коридора. Однако, как он ни старался, а все оказалось напрасно — тайника не было и здесь.

Делать нечего — пришлось ему вернуться и вновь заняться поисками необходимой комбинации движений. Однако результат усилий остался прежним — проклятый камень двигался, но отпирать ничего не желал.

Быть может, сложные внутренности за века бездействия пришли в негодность? Столько времени прошло! Проклятая пыль наверняка забила все свободное пространство, лишив механизм возможности работать. С другой стороны, с трудом верилось, чтобы люди, строившие этот дом, похожий на крепость, с упрятым в его недрах тайником, не предусмотрели столь опасного противника, как время.

Конан задумался.

Если так, то механизм, видимо, не столь прост. Он вспомнил, как поразило его то, что воздух в подвале оказался совершенно сухим. Кто-то хорошо позаботился о том, чтобы влага не разъела сталь рычагов. Что же, о сырости подумали, а о пыли нет? Он недоверчиво покачал головой. И дверь открылась на удивление легко... Стоп! Он обернулся. Дверь так и осталась открытой, хотя Конан точно помнил, что сделал движение закрыть ее. Он пошел назад и тронул дверь — она начала закрываться, только когда он приложил значительное усилие. Тогда он вновь попробовал от-

крыть ее, и это оказалось столь легко, словно дверь сама стремилась встать на прежнее место.

Конан усмехнулся и налег на нее плечом. С незначительно возрастающим сопротивлением дверь закрылась, о чем возвестил приглушенный щелчок. Конан отошел на шаг — дверь осталась на месте.

Тогда он вернулся к задней стене и занялся тем, что делал в этот вечер уже не меньше десятка раз — принялся искать нужную комбинацию движений. Возможных сочетаний было не так много, и, наконец, когда он, сперва надавив, сдвинул один из камней к стене и тут же отпустил его, то понял, что поиски его завершились успехом.

Совершенно бесшумно, под действием взведенной дверью пружины, камень выехал наружу, открыв доступ к рычагу, по-видимому приводившему в движение механизм двери.

Это был волнующий момент.

Конан потер друг о друга ладони, отряхнув их от пыли, встал поудобнее, благоговейно взялся за рукоять рычага, потянул и... ничего не произошло.

— А-а-а! Нергалово отродье!

Конан зарычал от ярости. Неужели все-таки что-то сломалось?!

Никогда прежде он не встречался с подобного рода тайниками. Обычно все сводилось к тому, чтобы грабитель не мог найти место, где спрятаны ценности. В большинстве случаев это делалось примитивно, в расчете на новичка, а когда удавалось найти сам тайник, то вскрыть его не представляло труда. Однако несколько раз Конану попадались хорошо продуманные хранилища.

Один раз он даже едва не попался, забыв в пылу поисков об осторожности, лишь в последний момент успев вскрыть тайник и спрятаться в нем от стражника, который сам не знал, что охраняет. Тот искал, искал и решил, что легкая тень, которую он только что видел, просто помешалась ему в темноте. Он пребывал в этой счастливой уверенности вплоть до того момента, когда пропажа была обнаружена. На его счастье случилось это лишь через не-

делю после происшествия, и опознать проштрафившегося охранника не смогли.

Это была самая крупная ошибка Конана, и после нее он стал относиться к своему ремеслу с большей серьезностью, справедливо рассудив, что денег раздобыть удастся все равно — не здесь, так там, — а жизнь одна.

Этот случай запомнился ему надолго, и с тех пор он никогда больше не разрешал себе терять хладнокровия. Всегда он оставался спокоен, и это не раз позволяло ему выпутываться из сложных ситуаций. Вплоть до сегодняшнего дня... Впрочем, сегодня ведь все иначе — ему некого опасаться, и время в запасе есть. Быть может, стоит немного размяться и подышать свежим воздухом?

Конан повернулся и пошел обратно, но мысли о хитром секрете не покидали его.

Так, в задумчивости, он взялся за ручку двери и замер, похолодев — дверь не хотела открываться!

Кром! Не хватало еще, чтобы его здесь поймали как крысу! Недаром что-то щелкнуло, когда дверь закрылась — наверняка потайной засов!

Конан в ярости схватился за рукоять меча, хотя и понимал, что от него здесь мало проку.

«Думай! Или отправляйся в пасть к Нергалу!» — прикрикнул он на себя. Из каждого безвыходного положения должно быть, по крайней мере, два выхода!

Он потер виски и попытался рассуждать если уж не здраво, то по крайней мере не впопыхах.

«Стал бы я устраивать ловушки для непрошенных гостей?» — спросил он у себя и сам же ответил: — «Возможно. А стал бы я устраивать ловушку для знакомого секрет замка?» — задал он следующий вопрос и скептически покачал головой. — «Нет. Но если да, то предусмотрел бы способ выбраться отсюда самому».

Он чувствовал, что находится на верном пути, и продолжал рассуждать дальше.

- Есть такой механизм? Ведь все обыскано не раз!
- Нет такого механизма!
- Что остается?

— Ты просто не знаешь действия замка, Конан! Или знаешь его не до конца!

— Кром! Так ведь здесь нет ничего, кроме этой двери и проклятого рычага! Нергалу его в зад!

Рассуждая, Конан протаптывал тропинку, поднимая тучи пыли, сам не заметив, когда в споре с собой начал разговаривать вслух. Внезапно он остановился.

Стоп. Дверь, что однажды уже едва не обманула его. Что, если она действует в обоих направлениях? Пожалуй, это стоит проверить.

Он поудобней взялся за рукоять и потянул ее на себя — ни с места. Проклятье! Что же еще он упустил?! Конан задумался. Его не оставляло ощущение, что разгадка близка. Какая-то мелочь оставалась незамеченной, но именно это чувство чего-то недодуманного и вселяло ни на чем не основанную уверенность в благополучном исходе.

Он попытался припомнить все, что делал, свои ощущения, пока, наконец, не наткнулся на то, что как раз и могло оказаться потерянной мелочью. Он вспомнил, что когда пытался открыть дверь, она хоть и не поддавалась, но ощущения незыблемости у него не вызвала.

Теперь Конан не спешил. Он спокойно размялся, подошел к двери, поудобней взялся за рукоять и потянул, постепенно наращивая усилие, и дверь действительно поддалась. Киммериец удвоил усилия. Его могучие мышцы налились кровью, и, казалось, еще немного, и прорвав кожу, она брызнет наружу.

Просвет становился все шире, пока не раздался щелчок, заставивший Конана вздрогнуть. Он почувствовал, что сила, тянувшая назад, пропала, отпустил рукоять и с удовольствием расслабился.

Да, такую дверь мог открыть только очень сильный человек! А значит, и тайник наверняка предназначен для вещей более ценных, чем побрякушки, украшавшие жирную шею жены какого-нибудь торгаша!

Он вновь пошел — в который уже раз! — по протоптанной в пыли тропинке, по пути думая о том, что, оказавшись на его месте человек менее сильный, вряд ли он сумел бы

разгадать секрет. Для него подвал стал бы ловушкой, а скорее всего — склепом.

На этот раз рычаг поддался почти без усилий, и огромный кусок массивной каменной кладки бесшумно выдвинулся наружу, открыв проход в тайник.

Конан осторожно вошел внутрь и оказался в маленькой комнате, посреди которой стоял небольшой алтарь, на котором покоился невзрачного вида шар, точь-в-точь, как описывал его стигиец, больше похожий на кусок застывшей смолы, идеально круглой формы. Конан посветил фонарем и поразился случившейся перемене. Даже под слабым светом лампы шар лучился желтым, солнечным светом. Приглядевшись, молодой варвар увидел неведомо как попавшего в самую середину шара паука.

Он вынул из кармана приготовленный заранее кожаный мешочек и, распустив тесьму, протянул руку к талисману.

Именно в этот момент обостренным чутьем дикаря он почувствовал, что что-то изменилось, и напрягся. Отзвук гулко го эха донесся сверху, и вслед за этим он почувствовал, как дрогнули каменные плиты под ногами, и тут же ощущение гудящей пустоты, сперва незаметное, но почти мгновенно ставшее нестерпимым, оборвалось.

Конан настороженно оглянулся. Странное напряжение повисло в воздухе, словно чья-то мощная сила, доселе лишь находившаяся на страже, решила, что момент настал, и поспешила объявить о своем присутствии. Стены зажглись призрачным малиновым светом. Конан торопливо схватил талисман, при толчке скатившийся в кожаный мешочек, словно сам ведал, где ему надлежит находиться, и резко выпрыгнул в пыль коридора, ощущая нарастающее сзади давление, словно кто-то неведомый дал ему пинка, стремясь поскорее выпихнуть прочь.

Глава вторая

Сидя за столом, Зита неторопливо перелистывала толстые страницы, пристально вглядываясь в древние заклинания, но теперь она была одна. Остальные явно не торопились продолжить прерванное занятие, предпочитая немного размяться после устроенного ею представления.

Эмерик был весел и острил направо и налево, но явно переигрывал, пытаясь спрятать угнездившийся в душе страх за показной веселостью, втайне кляня Мелию за то, что заманила его в этот проклятый дом.

Фабиан не притворялся, он действительно был весел. На него колдовство Зиты не то чтобы не произвело впечатления, но больше удивило и позабавило, чем напугало. Однако он тоже не испытывал особого интереса к колдовским штучкам, предпочитая держаться от них подальше, а потому и он не торопился вернуться к своей подружке, предпочитая ее обществу пустую, но веселую болтовню в компании Мелии и Эмерика.

Наконец Зита начала проявлять признаки нетерпения. Она давно нашла нужное заклинание и некоторое время ждала, когда друзья обратят на нее внимание, но те были заняты собой. Лишь Эмерик исподтишка поглядывал на Зиту, но как только начал ловить на себе многозначительные взгляды девушки, перестал ее замечать, и ей ничего не оставалось, как встать и присоединиться к остальным.

— Быть может, мы закончим то, зачем пришли сюда?

Она почти просительно посмотрела на Фабиана, которому предстояло сыграть главную роль в предстоящем деле, но кавалер ее не был склонен понимать намеки, хотя и не прочь был сыграть в эту игру, но по своим правилам.

Он нежно обнял Зиту за талию.

— Я согласен, — она посмотрела на него с благодарностью, однако Фабиан продолжал, — но для того, чтобы закончить, нужно по меньшей мере начать.

Во взгляде Зиты промелькнуло недоумение, и Фабиан пояснил:

— Я не стану придираюсь к словам. Мне все равно, как это будет называться — магия любви или просто магия. Лишь бы поскорее начать!

Великан легко подхватил свою изящную подружку на руки. Щеки ее вспыхнули, и она запротестовала:

— Ну нет же! Нет! Не сейчас. Сперва я должна сделать то, зачем пришла.

Фабиан сделал обиженное лицо.

— Я-то думал, ты пришла сюда из-за меня...

Зита поняла, что сказала не то, и поспешила исправить:

— Ну конечно из-за тебя! — Она обняла Фабиана за шею и застенчиво, по-девичьи, прильнула губами к щеке. — Но мне нужно взять здесь одну вещь, и я хочу сделать это как можно быстрее, чтобы нам больше ничего не мешало.

Она лукаво и вместе с тем стыдливо посмотрела на своего кавалера.

«Ого! — сказал себе мужчина, довольно усмехаясь. — Похоже, дело выгорит!»

— Что за вещь? — спросил он с почти искренним интересом.

— Старинный талисман, — подумав, ответила она, — он находится в доме, но для того чтобы взять его, нужно спуститься в подвал, предварительно прочитав заклинание, дарующее успех в задуманном деле.

— Опять колдовство.— Эмерик недовольно сморщился, словно отведал кислого.

Почувствовав, что цель близка, Зита готова была уступить, лишь по инерции продолжая спорить.

— Без заклинания можно обойтись, но с ним будет лучше.

Мелия покачала головой.

— Хватит уже на сегодня колдовства, сестра.

— Всего одно маленькое заклинание,— продолжала девушка,— оно дарует нам удачу.

Эмерик скептически хмыкнул.

— Как то первое, якобы ограждающее от зла, от которого дом перевернулся вверх тормашками, а мы едва не ссыпались Нергалу на рога! — Он усмехнулся.— Если это удача, то что же тогда беда?!

«Неплохо сказано для человека, едва не обмочившего портки!» — подумал Фабиан, а вслух сказал:

— Забудь о том, что ты ведьма, дорогая. Пойдем возьмем, что тебе нужно, и займемся наконец тем, зачем пришли.

Мелия рассмеялась.

— Довольно спорить, сестра. Ты видишь: все против.

— Но ведь это так интересно!

— Дело вкуса,— философски заметил Фабиан,— меня, например, колдовство не интересует вовсе. Зато очень интересуют колдуны, особенно такие хорошенькие, как ты, моя прелесть.

Он лукаво посмотрел на девушку, и Зите ничего не оставалось, как в который уже раз за вечер покраснеть.

— Вот и отлично! — обрадовалась Мелия.— Я покажу вам дом! — Она обернулась к Эмирику: — Ты ведь еще не видел галереи воинов? Обещаю — тебе понравится!

— Не думаю.— Прикрыв рот ладонью, юноша лениво зевнул.— Кровопролитие никогда не интересовало меня, и мужланы в доспехах тоже. Идите за своим талисманом.— Он вяло махнул рукой, позволяя им удалиться.— Смотрите на статуи, а я подожду вас здесь.

Он налил себе вина и демонстративно откинулся на спинку дивана.

Молнии сверкнули в глазах Мелии, но никто этого не видел. Против ожидания, ее вовсе не расстроил отказ Эмирика, и вспыхнувший на мгновение гнев был вызван лишь тем, что кто-то осмелился отказать ей! Но он тут же угас, как только девушка поняла, что в душе даже рада отказу! Она уже не желала близости с Эмириком, но впереди была долгая ночь, и при мысли о том, что ей теперь придется избегать притязаний своего кавалера, любви которого она сама добивалась, ее начал разбирать смех.

Ничего не скажешь — хорошую шутку сыграла с ней сестра! Хотя, конечно, она должна быть только благодарна ей.

— Кром! — в сердцах воскликнул Конан.

Он, привыкший никому не давать спуска, впервые оказался в таком дурацком положении! Не иначе как компания наверху решила поразвлечься. Прекрасно! Но только не за его счет! Его никто не приглашал, а стало быть — самое время убираться восвояси! Тем более что дело свое он сделал.

Конан похлопал себя по поясу, проверяя, на месте ли камень, и пошел обратно, по протоптанной в пыли тропинке. Теперь уже в последний раз.

— Да где же эта лампа?!

Натыкаясь на углы и выступы, Фабиан шарил в темноте, беззлбно ругаясь, пытаясь на ощупь найти масляный светильник, оставленный у входа.

— Наверное, закатился куда-нибудь, когда дом стоял на рогах.

— Ну и ладно,— примирительно произнесла Мелия,— возьми подсвечник и забудь о лампе.

— И то верно.

Фабиан вернулся в комнату и, повернувшись к Эмирику, спросил:

— Может быть, все-таки пойдешь с нами?

Его приятель лениво отхлебнул вина из кубка и отрицательно покачал головой.

— Ну, как знаешь.

Фабиан пожал плечами и вышел, прихватив со стола массивный бронзовый подсвечник в форме многорукой вендийской богини, держащей шесть свечей. Теперь света хватало, и девушки сразу почувствовали себя свободно и непринужденно.

Зита с интересом смотрела на фигуры, расставленные на невысоких, черного гранита, цилиндрических постаментах вдоль стен голубого и розового карпашского мрамора. На время даже ее желание как можно быстрее получить талисман уступило место естественному любопытству, ведь она, в отличие от сестры, была здесь впервые.

Галерея начиналась с воина в закрывающем грудь и живот кожаном панцире, с рельефно оттиснутыми контурами мощных мышц.

В левой руке он держал узкий овальный щит, закрывающий предплечье, в правой — короткий широкий бронзовый меч. На массивном, бычьей кожи поясе с нашитыми медными бляхами висел внушительных размеров кинжал в кожаных ножнах.

Грудь и плечи следующего закрывали словно вчера надраенные до солнечного блеска бронзовые доспехи. Голову защищал округлый кожаный шлем, закрывавший сзади шею.

Из-под грудного панциря ниспадала к широкому кожаному поясу крупноячеистая сеть, искусно сплетенная из массивных бронзовых колец. У воина был маленький, в локоть, круглый щит и такой же, как у предыдущего, меч.

Дальше ждали своей очереди другие фигуры, каждая в своем, не похожем на прочих, облачении, которые еще лишь предстояло рассмотреть.

— Нам придется идти медленно, — заметила Зита, — чтобы свечи не потухли.

— Прекрасно! — Мелия внезапно ощутила подъем. — У нас будет время осмотреться! Тебе особенно должно быть интересно, Фабиан, ведь это галерея воинов. Не так много прославленных воителей было в Заморе, но их образы, уве-

ковеченные в искусно вылепленных из воска фигурах, сохранились здесь.

— Но почему воск, любезная хозяйка? Отчего не божественный мрамор, столь точно передающий красоту человеческого тела?

— Лица мраморных статуй мертвы, а наш прадед, великий Ксавер, стремился показать предков такими, какими они были при жизни. Не все получились одинаково, но в целом это ему удалось.

Она пошла вперед, продолжая рассказывать о коллекции, собранной в этой галерее, изумив Фабиана глубоким знанием жизни людей, чьи «чучела» — как он окрестил их про себя — были представлены здесь, но удивление лишь на миг коснулось его. В следующее мгновение его внимание оказалось всецело поглощено идущей впереди Мелией.

В свободной и непринужденной походке ее тело извивалось змеей. Полупрозрачное платье почти не скрывало дразнящей прелести тела, но движения оставались столь естественными, что не давали ни малейшего повода для мыслей об игре.

И тем не менее Фабиан не мог оторвать от нее зачарованного взгляда — каждый шаг что-то неумовимо менял в облике девушки, показывал ее несколько иначе. Она словно позировала художнику, непринужденно меняя образы, предлагая выбрать наиболее понравившийся.

Она хорошо знала, как завладеть вниманием мужчины и как удержать его, и умение это настолько глубоко вошло в плоть и кровь, став частью натуры, что она уже и сама не замечала того убийственного эффекта, который производит на окружающих ее внешность. Она привыкла быть в центре внимания.

Фабиан бросил случайный взгляд на подсвечник, зажатый в руке, и поразился неожиданному сходству: не зная он об истинном возрасте этой вещи, решил бы, что фигуру богини ваяли с Мелии — сильные, упругие бедра, невообразимо тонкая талия, гордо посаженная голова, царственная осанка и грация пантеры...

Его бросило в жар. Фабиан зажмурился, а когда открыл глаза, то, к своему удивлению, обнаружил, что галерея уже кончилась, а он так ничего толком и не видел, кроме первых двух фигур — пока сестры шли, рассматривая знаменитых воинов древности, он смотрел лишь на сводившее с ума тело Мелии!

Он шумно выдохнул и, отведя глаза, дрожащей рукой вытер вспотевший лоб.

— Что с тобой? — Зита участливо тронула его за руку, и Мелия, прервав рассказ, обернулась на ее голос.

Фабиан через силу улыбнулся.

— Жарко.

— Да, душная ночь. — Зита виновато улыбнулась. — Извини, но окон открыть мы не сможем.

— Да ничего, — Фабиан почувствовал себя неловко. — А здесь что собрано? — спросил он, чтобы перевести разговор в иное русло.

— Здесь история нашей семьи: родословное древо, гербы, люди, сумевшие в разное время добиться успеха.

— Понятно.

Фабиан вышел на середину большого шестиугольного зала. Две стены почти полностью были поглощены проемами кольцевого коридора. Та, что находилась напротив них, представляла собой огромное окно, задернутое тяжелыми шторами.

В трех оставшихся — в одной, разделявшей коридоры, и двух справа и слева от окна — были устроены большие ниши или, скорее, небольшие комнаты, полностью тонувшие в темноте.

Фабиан подошел к окну, раздвинул ткань штор, и лунный свет, ворвавшийся в дом, показался им ослепительным.

— Ты говорила о магической завесе? — Фабиан обернулся к Зите. — Я ничего не вижу.

Девушка улыбнулась.

— Слишком яркий свет. Задуй свечи и увидишь.

— Задуй, — передразнил он Зиту, — а где нам потом взять огня?

Он сделал несколько шагов и, оставив подсвечник на небольшом столике в одной из боковых ниш, вернулся к окну. Мелия и Зита уже стояли там.

Младшая из сестер обернулась к нему.

— Присмотрись хорошенько. Ты и теперь ничего не замечашь?

Фабиан хотел было ответить, что смотреть-то не на что, но тут внимание его привлекла некая странность, действительно существовавшая, которой он не приметил вначале. Он прищурился.

— Все, что за окном, видно не совсем четко, словно окно давно не мыли, но это не пыль.

— А больше ты ничего не видишь?

Девушка с улыбкой посмотрела на своего огромного кавалера. Череда знаменитых бойцов прошлого произвела на нее неизгладимое впечатление, заставив по-иному оценить и Фабиана.

Теперь ее могучий спутник тоже показался ей великим воином, равным своим прославленным предкам, и впервые за вечер она почувствовала к нему интерес как к мужчине, а не как к человеку, приглашенному лишь затем, чтобы выполнить ее поручение, за что после ей придется расплачиваться телом. Телом, которого еще не касались руки ни одного мужчины, но теперь она вдруг почувствовала, что желает этого.

Быть может, так, из ничего, из случайных встреч и непонятных ассоциаций и рождается любовь? Сперва простой интерес, потом симпатия, которая, в свою очередь, переходит во влюбленность, а потом...

Зита не задумывалась над этой чередой превращений, хотя ее симпатия уже переросла в нечто большее, и теперь она испытывала особую радость оттого, что, несмотря на юный возраст, тоже может чем-то удивить своего друга, быть может, даже дотянуться до его уровня...

Она уже другими глазами смотрела на могучего гвардейца, и странное дело — теперь даже шутки, заставлявшие ее краснеть на протяжении всего вечера, уже не казались ей пошлыми и циничными. Она вдруг увидела в них вер-

ный признак влюбленности, способ привлечь ее внимание, выказать свои чувства.

Фабиан, не отрывая взгляда от картины за окном, медленно покачал головой — он по-прежнему не видел ничего особенного. Он посмотрел на Мелию, но та лишь пожала плечами в ответ — видимо, у нее со зрением было не лучше.

— А что мы должны увидеть, сестра?

Зита сдержанно улыбнулась.

— Я не стану говорить. Вы должны увидеть сами, но ваша память еще хранит силу огня — это мешает. Постойте немного закрыв глаза и тогда увидите.

Они не стали спорить. Фабиан еще стоял, зажмурившись, когда услышал удивленный шепот Мелии:

— Кажется, я вижу.

Он посмотрел в окно. Едва заметная дымка, прежде казавшаяся ему чем-то сродни тонкому слою пыли на стекле, теперь светилась слабым мерцающим сиянием, очерчивая силуэты деревьев и кустарников нежным серебристым ореолом.

Фабиан вновь посмотрел на Зиту.

— Что ж, выглядит красиво.

Молодая колдунья рассмеялась.

— Действует еще лучше!

Богатырь недоверчиво покосился на девушку.

— Мне интересно проверить.

— Не нужно. Поверь мне на слово, — Зита мягко взяла его за руку, — ты только зря потратишь силы.

Фабиан расхохотался.

— Силы мне не занимать!

— И время...

Она прижалась к великану и, подняв лицо, заглянула Фабиану в глаза. Взгляд ее светился лукавством, в нем чувствовался призыв. Фабиан мгновенно забыл обо всем.

— О, Митра!

Он обнял Зиту, но та ловко, одним гибким движением, вывернулась из его объятий и, озорно смеясь, отскочила в сторону, приняв умопомрачительную позу, с многообещающей улыбкой глядя на него.

Фабиан закрыл глаза и облизнул пересохшие губы.

Ведьмы! Обел! Что они делают с ним!

Он посмотрел на Зиту: стройная и длинноногая — такая же, как сестра, и совершенно другая!

Она смеялась.

— Не сейчас, милый! После. Сперва я должна получить камень.

— Ну так идем за ним! — Он решительно шагнул вперед.

— Ха-ха-ха! — Ее звонкий смех прокатился по пустым коридорам. — Как ты нетерпелив! — Хотя смеялись над ним, Фабиан не чувствовал обиды. — Потерпи, дорогой. Ночь только начинается.

Мелия изумленно смотрела на них. Она-то до сих пор считала младшую сестру неопытной девушкой, почти ребенком, и очень удивилась, когда узнала о ее желании провести ночь вдвоем с мужчиной, а тем более с Фабианом, которого она знала давно, который домогался ее прежде, но получил отставку, так и не поняв — почему. А дело-то объяснялось совсем просто: Мелия вовсе не принадлежала к числу тех, кто готов лечь в постель с кем угодно, даже если это обещает несколько приятных часов.

Она искала «своего» мужчину, но пока не нашла. Даже лучшие из встречавшихся ей, те, кто внушал поначалу интерес, на проверку оказывались либо ни на что не годными представителями мужского племени, либо такими, как Фабиан — пошлыми, похотливыми жеребцами, умело носившими искусно сработанную маску настоящего мужчины.

Фабиан вздохнул и вернулся за подсвечником. Он уже собирался уходить, когда что-то привлекло его внимание. Он прищурился, пытаясь рассмотреть воина, стоявшего на круглом невысоком постаменте у дальней стены ниши, и обернулся к Мелии.

— А это что за предок?

Он поднял свечи повыше, и хотя это не очень-то помогло, принялся рассматривать застывшего в непринужденной позе могучего великана, под стать ему самому, расслабленно опиравшегося на рукоять меча, воткнутого острием в пол

меж слегка расставленных ног. Одет он был в черные шелковые шаровары и черную рубашу из тончайшего батиста, отделанную кружевами, перетянутую широким поясом черного бархата.

Огромного роста, пожалуй даже несколько выше Фабиана, с могучими мышцами, которых совершенно не скрывало его легкое одеяние, воин с первого взгляда поражал своей мощью, и Фабиан с неприязнью подумал — он не любил людей сильнее себя, — что не хотел бы встретиться с ним на поле боя.

От неприятных мыслей его отвлекла Мелия. Ноздри его ощутили тонкий аромат ее благовоний, а легкое шуршание шелка подсказало, что она стоит рядом. Почти одновременно он почувствовал и присутствие Зиты.

Считанные мгновения Мелия смотрела на незнакомую фигуру.

— Странно. Я совсем не помню его.

— И немудрено, сестра, — Зита с интересом разглядывала еще одного великана, — здесь так много всего собрано.

Красавица скептически покачала головой.

— И все-таки я совершенно не помню его. Даже не представляю, кто бы это мог быть, а должна бы помнить — выглядит он необычно.

— Что же в нем такого? — холодно спросил Фабиан, сразу пожалев о своем необдуманном вопросе.

— Что в нем необычного? — Мелия пристальнее вгляделась в фигуру у стены. — Начни хотя бы с одежды — с первого взгляда видно, что это наряд человека, привыкшего одеваться так, как ему нравится, а не как принято, а черный цвет наводит на размышления — это явно какой-то символ, но смысла его я понять не в силах.

— Мне кажется, что это одеяние жреца, — задумчиво добавила Зита, — но какому богу он поклоняется... — она пожала плечами, — не могу себе представить.

— Верно, — согласилась ее сестра, — но я бы добавила, что это не простой жрец. Это жрец-воин!

— Ну и все? — Фабиану явно не терпелось закончить разговор и отправиться дальше.

— Нет, — покачала головой Мелия, — не все. Если ты заметил, здесь нет каменных статуй — все эти фигуры вылеплены из раскрашенного впоследствии воска и довольно точно передают внешний облик человека. И все-таки в них нет жизни, и это понятно. Но посмотри на него. Он словно только что взобрался на постамент и в любой момент готов покинуть его, чтобы вернуться к жизни! А глаза!

— А что глаза?

— Разве ты не видишь? Это не просто стеклянные глаза, как у прочих — тех, что стоят в галерее. Я не знаю, что за сорт стекла использовали при их изготовлении, но я бы сказала, что они сделаны из холодного синего льда, добытого на вершинах далеких северных гор.

Фабиан рассмеялся.

— Ну и фантазия у тебя!

Мелия покачала головой.

— Нет. Так оно и есть. — Она протянула руку, словно желая прикоснуться к стоящей в отдалении фигуре. — Я чувствую жар его тела и если бы не знала, что это невозможно, то подумала бы, что это не кукла — живой человек застыл на постаменте.

Девушка водила рукой в воздухе, повторяя рельеф невероятно мощных мышц могучего тела, словно лаская его. Тела бога, не человека!

Она закрыла глаза. «Вот он, тот, за кем я пошла бы на край света! Да что там на край света — жизнь бы отдала без оглядки лишь за один день, проведенный с ним! Лишь за ночь... И этот идеал вылеплен из воска! Что за нелепая, злая шутка судьбы!»

Зита стояла рядом и улыбаясь смотрела на сестру.

— А из вас вышла бы великолепная пара! — неожиданно воскликнула она. — Женственная Иштар и грозный северный бог-воин! Это было бы потрясающе!

Мелия зажмурилась, невольно представив себе то, о чем сказала сестра. «О, Иштар! Молю, сотвори чудо! Я жизнь готова отдать, чтобы оно свершилось! Пусть даже ненадолго!»

Ресницы ее предательски отяжелели от соленых капель, и она, боясь, что Зита заметит это, через силу рассмеялась — она была прекрасной актрисой.

— И все равно я верю в то, что сказала!

— Ты скажешь, сестра. — Зита рассмеялась. — Ни один человек не способен простоять не двигаясь столько времени.

— Ну, это легко проверить.

Фабиан легко запрыгнул на настил, выложенный полированными гранитными плитами, на локоть повышавший уровень пола в зале, и ноги его неожиданно разъехались в стороны. В диком, варварском танце он отчаянно размахивал руками, пытаясь удержать равновесие, а когда это ему, наконец, удалось, поспешно соскочил назад.

— Не знаю, откуда привезли воск и где добыли стекло для глаз этого чучела, но становиться из-за него калекой я не желаю — один Митра ведает, как мне удалось не свернуть себе шею! Каким камнем выложен там пол? Он скользок, как тот лед, из которого сделали зенки этому парню!

Видя, что все кончилось вполне благополучно, сестры рассмеялись его шутке.

Мелия не хотела уходить. Ее словно притягивало это место, этот человек, застывший в глубине ниши. Она хотела остаться еще ненадолго, чтобы рассмотреть незнакомую фигуру, но спутники ее явно стремились дальше, и если Фабиана, пришедшего сюда с совершенно определенными намерениями, она понимала — он просто старался приблизить желанный миг, и всякая задержка раздражала его, — то сестра удивляла ее все больше. Она охватила великана за руку и жалась к нему как кошка, что было особенно неприятно Мелии, с детства привыкшей относиться с уважением к окружающим, а еще больше — к себе самой.

— Идем, сестра! — позвала ее Зита. — Мы вернемся сюда днем, и ты сможешь рассмотреть свой идеал со всех сторон.

И тогда она развернулась и пошла прочь, вслед за парочкой, удалявшейся по коридору в ярком пятне света.

Зита шла, держа за руку Фабиана.

— Здесь я чувствую себя гораздо лучше. — Она прижалась к своему спутнику, сама не понимая причины случившейся с ней перемены. — Там, в зале, где стены терялись в темноте, мне было неудобно.

Она поежилась и теснее прижалась к своему спутнику. Фабиан рассмеялся и обнял ее.

— Колдунья, а темноты боишься!

Она нахмурилась, но освободиться от его объятий не спешила, впервые обнаружив, что они приятны, заставляя замирать сердце, а тело дрожать мелкой дрожью.

Она почувствовала защиту сильного мужчины, дарившую ей ощущение безопасности, которого не давало ей еще не пробудившееся в полной мере колдовское искусство. Она улыбнулась своим мыслям, почувствовав их сладость.

— А у тебя, Фабиан, какой герб? — спросила Мелия, нагнав парочку.

— У меня? — На миг Фабиан задумался: он не ожидал такого вопроса. — Я точно не припомню, никогда особенно не интересовался геральдикой.

— А все-таки? — не унималась Мелия.

Она снова шла впереди, но теперь ее сводившее Фабиана с ума тело уже не оказывало на него столь сильного впечатления. Физическая близость Зиты действовала на него сильнее.

Он крепче прижал ее к себе, ощутил ее ответный жар, и сердце его забило сильнее. Теперь он спокойно смотрел на старшую сестру и не чувствовал, как прежде, желания отвлечься, чтобы не сойти с ума. Он наморщил лоб, делая вид, что вспоминает.

— По-моему, там был мастаф.

— Что? — Зита подняла голову и удивленно посмотрела на него.

Заметив, что она с интересом ждет его ответа, Фабиан усмехнулся.

— Да, теперь я точно вспомнил: там было две собаки. Одна из них забралась на другую, и я помню, что момент этот был запечатлен весьма живописно!

— Фу! — В очередной раз покраснев, Зита отстранилась от него, рассерженно ударив кулачком по плечу, но руки не отпустила, а Фабиан, смеясь, продолжал:

— На алом фоне самец огромного мастафа, стоя на задних лапах, склонился над самкой, и...

— Фабиан! Ты просто невыносим! Ни о чем другом и думать не можешь! Это переходит все границы!

Он развел руками и рассмеялся.

— Прости, Мелия! Но в вашем обществе я действительно не могу думать ни о чем другом.

— Что?! — вскипела Зита. — А при чем здесь моя сестра?!

Фабиан почувствовал, что влип, и принялся изворачиваться.

— Что поделаешь? Волей-неволей я должен играть свою роль беспринципного пошляка!

Зита прищурившись посмотрела на него.

— Смотри, игрок, не перестарайся! В крысу превращу!

Ого! Фабиан не знал, что и подумать. До сих пор эта милая и манящая девочка только краснела да смущалась, и вдруг!.. Он не знал, что и думать, когда во взгляде юной колдуньи неожиданно увидел непреклонную волю, к удивлению его, вызвавшую в нем чувство сильно схожее с робостью.

Конан легко спрыгнул с постамента и беззвучно рассмеялся. Хорошая это все-таки штука — сухая вода! Фабиан явно оценил ее по достоинству — такого залихватского танца ему давно наблюдать не доводилось! Он с сожалением посмотрел вслед уходявшей Мелии. Эта девушка нравилась ему все больше, и дело было вовсе не в ее умопомрачительной внешности. Прежде всего, она была умна, а это — киммериец был твердо уверен — среди женщин встречалось не часто. И у нее была душа, что — как он мог убедиться не раз — встречалось еще реже.

Хохот Фабиана отвлек его от этих мыслей. Что ж — всему свое время. Сейчас он здесь по делу, и дело это почти сделано. Осталась самая малость: подняться на два этажа

выше, где окна не забраны решетками, выбраться из дома и спуститься по стене. Конан бесшумно пересек зал и скрылся в темноте.

В ожидании своих спутников Эмерик выпил уже не один бокал вина и сильно захмелел. Поначалу он слышал постепенно затихавшие шутки и смех и прислушивался к тому, о чем они говорили, но постепенно голоса звучали все слабее, пока, наконец, он не перестал их слышать вовсе.

Тогда он принялся размышлять, мечтая о том, как это славно будет — использовать девочку Зиту в качестве мальчика. Это даже добавит остроты ощущений! Но постепенно думать об этом ему стало скучно. Проклятье Сета! Ну почему ему все так быстро приедается?! Не успеешь найти что-то новое и многообещающее — глядь, а оно уже надоело настолько, что даже от мыслей тошнит!

Тут он пожалел, что не пошел с остальными — уходили они смеясь. Им и сейчас наверняка не скучно! С расстройством он налил себе кубок, потом еще один, но и этого ему показалось мало. Он выпил порядочно, опьянел, но не развеселился и, от нечего делать, принялся листать лежащий на столе фолиант.

Киммериец шел по коридору третьего этажа. Вот и окно, через которое он вошел в дом — приключение подошло к концу. Пожалуй, о нем будет приятно вспоминать — отличное поначалу от банальной кражи, оно превратилось в интересное дело, какие встречались нечасто. По правде говоря, подобного у него еще не было, а значит, он приобрел бесценный опыт, который наверняка пригодится ему впоследствии. Пожалуй — это было даже ценнее, чем уже полученная им немалая плата, хотя и та не была лишней.

Одним словом — Конан был доволен собой.

Он подошел к окну и толкнул раму, неожиданно почувствовав, что словно пытается сдвинуть с места гранитную скалу.

Кром! Что еще за шутки?!

Он прекрасно помнил, где влезал в дом. Вот и щеколда, которую он специально не задвинул, лишь притворив створки окна. Он налег сильнее, но результат оказался тем же. Повторялась история с подвалом. Мелькнула безумная мысль, что механизм тайника значительно сложнее, а он сделал что-то не так и перекрыл все выходы из дома. Но эта мысль лишь коснулась его и была тут же отброшена. Пусть там срабатывает все что угодно, но никто не помешает ему высадить стекло!

Он схватил массивную мраморную вазу, стоявшую на высокой тумбе, и швырнул ее в окно. Раздался звон разбитого стекла, а дальше случилось нечто странное: мраморная глыба не вылетела в сад, куда Конан направил ее полет, а упала на пол, в кучу стеклянных осколков, расколовшись от удара пополам.

Конан озадаченно посмотрел на грудку мусора под ногами и протянул руку к зияющей пустотой раме окна, при попытке пролететь через которую дурацкий кувшин раскололся надвое. Однако что-то остановило его, шепнув, что не стоит трогать руками *это*.

И все-таки он осторожно приблизил руку к проему. Сперва он ощутил слабое покалывание в кончиках пальцев, которое постепенно становилось сильнее, и когда рука его начала слабо светиться малиновым светом, он решил, что узнал все, что хотел, и убрал руку, справедливо рассудив, что хотя знания и не бывают бесполезными, но набираться опыта на собственных ошибках имеет смысл лишь в самом крайнем случае.

Как ни странно, Конан не испытывал тревоги. Он уже понял, что деньги стигийца придется отрабатывать. Жаль, что он не знал этого раньше. Тут в памяти Конана всплыл разговор той троицы, когда он стоял в нише зала на постаменте, старательно изображая восковое пугало, которыми был напичкан весь дом.

Они что-то говорили о магической завесе. Теперь он ясно вспомнил это. Фабиан хотел проверить ее прочность, а Зита посоветовала ему не тратить понапрасну сил, и, похоже, она знала, что говорит. Значит, не стоит и стараться. Стало быть,

нужно спуститься вниз, разузнать планы веселой компании и уже тогда решать, как действовать.

Эмерик лениво перелистывал страницы. Сперва это развлекало его. Он с интересом рассматривал искусно выписанные вензеля заклинаний. Некоторые из них были невероятно затейливы, другие наоборот — очень просты, но и в них ощущалась та же гармония, что отличала все прочие.

В какой-то момент, опьяненный вином, под сильным впечатлением, навеянным увиденным, ему подумалось, что и он может не хуже этой сопливой девчонки повелевать тайными силами. Вот она книга — источник мудрости древних, накопленный веками!

Кривляясь и пошатываясь, он встал и, подражая позам, жестам и интонациям Зиты, произнес *два слова...*

Глава третья

Осторожнее, девочки — лестница здесь очень крутая.

Фабиан остановился на верхней ступени и, нагнувшись, посветил себе под ноги — выщербленные каменные плиты уходили влево и вниз, теряясь в темноте. Он взял подсвечник в левую руку, а правую предложил Зите. Девушка благодарно улыбнулась и оперлась маленькой ладошкой на огромную руку своего кавалера.

— Мы почти пришли.— Она кивнула на ведущие вниз ступени и пошла вперед.

Мелия задумчиво смотрела на них и думала, что, быть может, она ошиблась в Фабиане и на самом деле он вовсе не так плох, как показалось ей пару лет назад, когда он ухаживал за ней. Или за промелькнувшие годы он сумел измениться? Во всяком случае сегодня она с удивлением открыла для себя, что он способен быть не только пошло-ватым весельчаком, но и галантным кавалером, что оказалось для нее полной неожиданностью. Что ж, если так, то сестре повезло, а ей остается только порадоваться за нее и признать, что самой ей счастье вновь не улыбнулось.

Сколько она себя помнила, ее многочисленные и не слишком продолжительные романы заканчивались с неизменным результатом: быстрым и полным разочарованием в предмете недавней привязанности и незамедлительно следовавшим разрывом. Это было печально, потому что очень скоро обрело явные черты неприятной традиции, к

тому же создавая совершенно не соответствующую действительности, досадную репутацию неразборчивой куртизанки.

Размышляя таким образом, она не заметила, как стены дома налились вдруг тревожным багровым сиянием, но зато это заметила Зита, и довольная улыбка мгновенно покинула ее лицо, уступив место тревожному, настороженному выражению — она чувствовала, что произошло что-то такое, к чему ее колдовство не имело отношения. Нечто опасное, таящее смертельную угрозу.

Она замерла, настороженно прислушиваясь, и тревога ее моментально передалась ее спутникам. Они остановились, не понимая еще, что произошло, с надеждой и тревогой вглядываясь в ее лицо, ожидая, что сейчас она все объяснит, успокоит их и незваная гостья по имени тревога уйдет так же незаметно, как и пришла.

Несколько долгих мгновений ничего не происходило, и Фабиан уже собрался пошутить насчет глупых розыгрышей недоучившихся волшебников, когда...

Откуда-то снизу, из недр земли, донесся глухой, полный приближающейся угрозы, рокот.словно огромная каменная скала, бесчисленные века покоившаяся в самом сердце мрачной обители Нергала, раскололась на множество бесформенных глыб, и вся эта масса понеслась по узкому проходу вниз. Однако гул нарастал, словно этот низ, куда неудержимо рушились обломки, доселе сдерживавшие нечто заключенное внутри, на самом деле был верхом, и в конечной точке пути стояли они — трое растерянных людей, способных лишь ощущать стремительно нарастающий в душах ужас.

Эмерик постоял еще некоторое время в театральной позе всемогущего бога, возвещающего о конце света, потом пьяно икнул, глупо хихикнул, и руки его безвольными плетями повисли вдоль тела.

Колдовство! Фи!

Он пренебрежительно улыбнулся, сплюнул на ковер, сделал два шага и, безвольно повалившись на диван, долил вина в кубок, прильнул к нему и, осушив залпом, поставил

на стол. Видимо, от выпитого в голове у него загрохотало, словно грудa камней перекатывалась с места на место, и он запоздало подумал, что не следовало ему столько пить и в дом этот, провалился он в пасть Нергала, ему не надо было приходить, и не надо было связываться с этой девкой, от которой, он ведь знал это, ничего для себя получить не мог, и уж тем более не нужно было связываться с ее сестрой! Все равно до нее не добраться, и никого она ему не заменит! Впрочем, и мальчики надоели! Нужно было остаться дома и напиться! Вино — единственное, что еще приносит ему радость! Впрочем, а чем он сейчас занят, если не этим?

Ему сделалось смешно, и он залился глупым пьяным смехом, кивая безвольно болтающейся головой, отчего камни в его голове ворочались все громче, и чтобы избавиться от грохота, он принялся энергично заливать в себя вино.

Конан отдернул протянутую руку и увидел, что не только она, но и сама стена окрасились тревожным пульсирующим светом. Алое мерцание было совсем слабым, но оно не предвещало ничего хорошего — это он понял сразу. Как бы там ни было, а вниз все равно придется идти.

Он повернулся и вновь застыл, застигнутый далеким, глухим рокотом, казалось, продирающимся сквозь земную твердь. Такое он не раз слышал в горах, когда накопившийся за долгую зиму снег, не выдержав своего веса, срывался вниз, увлекая за собой камни, деревья — все, что попадалось на пути. Но там были горы, и как бы ни опасно было происходящее, но опасность оставалась естественной и зримой!

Сейчас происходило то же самое — каменная лавина неслась, но неслась почему-то снизу, готовая вот-вот выплеснуться наружу, а на пути у нее стоял он, Конан! Но ведь он не в горах! И хотя чутье дикаря подсказывало ему, что опасность совсем рядом, он не знал, что делать и как избежать ее, куда спрятаться, потому что понятия не имел о том, что ждет его в следующий страшный миг.

Удар оказался столь силен, что дом неизбежно должен был рассыпаться на каменные блоки, из которых был сложен. Должен был, но устоял — силу удара приняло на себя заклятье, наложенное юной колдуньей. Заклятье совершенно ненужное в задуманном ею деле, но зато спасшее их жизни.

Допив вино, Эмерик довольно икнул и, улыбнувшись и помахав рукой своему отражению, выглядевшему не более трезвым, чем он сам, повалился на диван.

Эта последняя порция оказалась роковой, выбив из его головы остатки пьяного сознания. Он гулко захрапел и не почувствовал удара, лишь качнувшись на мягких диванных пружинах. Кубок выпал из его руки и покатился по полу. Остатки вина вылились на ковер красными, кровавыми каплями.

Чудовищный по силе удар словно подломил ноги сестер и, одновременно вскрикнув и неловко взмахнув руками, они повалились на каменные плиты пола. Фабиана, успевшего уже спуститься на пару ступенек, бросило вниз, и он, бросив подсвечник, покатился по ступеням. Он сразу больно прикусил язык, а потому, как и подобает настоящему мужчине, не издал ни звука, хотя в душе проклинал и Сета, и Нергала со всеми их прихвостнями, моля светлого Митру прийти на помощь.

Раздался звон разбитого стекла, и стало совсем темно. Или наоборот — сначала потух свет, а уж потом что-то разбилось? А может, в глазах у него потемнело от боли? Этого он так и не узнал — как раз в тот момент, когда ему удалось, наконец, задержать свой стремительный спуск, он ударился затылком о стену и потерял сознание.

Инстинктивно Конан пригнулся, и когда удар настиг его, сбив с ног и бросив на пол, он уже был готов к худшему. Его могучие руки смягчили падение, и он остался цел и невредим, когда последовал следующий удар, не столь, правда, мощный, но тоже весьма внушительный, однако то же чутье, что предупредило его об опасности, подсказало ему,

что буря миновала или уж по крайней мере резко пошла на убыль.

...Обе девушки, совершенно не приспособленные к такого рода передрягам, чувствовали себя ужасно.

Зита, чутьем колдуньи предугадав дальнейшее, еще успела как-то собраться и лишь несильно разбила колено. Она тут же встала, но это было ошибкой — следующий удар, хотя по силе он и уступал предыдущему, бросил ее на пол, вывихнув ступню и разбив о камень локоть.

Мелию же первый удар застал врасплох. Она повалилась набок, ударилась плечом о стену, от которой ее через секунду отбросило, протаскивая по каменным плитам пола, попутно изодрав одежду и тело.

...Эмерик спал, улыбаясь во сне пьяной счастливой улыбкой. Ему снилась морская прогулка, мерный, баюкающий плеск волн за бортом корабля, и не было ему дела ни до Мелии, ни до Зиты, и уж тем более не волновали его мысли о Фабиане.

...Наполнив дом ужасающим грохотом, удары следовали один за другим, постепенно затихая. Казалось, некий великан огромной дубиной бил по стенам дома, силясь разрушить его или уж, на худой конец, повалить набок. Однако, то ли силы его иссякали, то ли ярость пошла на убыль, а может быть, он просто понял, что этот орешек ему не по зубам, но так или иначе, дом оставался на месте, и когда неведомое чудовище поняло, что взломать эти стены не удастся, оно решило выдрать каменный пятигранник из земли, чтобы унести его с собой и уже в спокойной обстановке позабавиться на досуге.

Мелия чувствовала, что все тело ее разбито и горит огнем. Свет погас почти сразу, и она не могла осмотреть себя, но когда удары прекратились, она попыталась встать. И хотя тело болело невыносимо, мысли о том, что с сестрой могло случиться нечто худшее, чем приключилось с ней, заставили ее подняться.

Зита лежала в двух шагах от сестры, у самых ступеней, по которым чудом не полетела следом за Фабианом, и теперь уже не спешила подниматься. Она еще не знала, в

какую передрыгу все они угодили и что послужило непосредственной причиной случившегося, но была рада, что сумела предугадать грозные события.

Впрочем — это было нетрудно. Талисман Силы был вещью, за которую многие готовы были заплатить хорошую цену. И теперь, когда подошел срок взять его силу, недостатка в желающих сделать это не было, но она предусмотрела такой поворот, и первый визитер смог убедиться в этом!

Спора нет, он оказался чрезвычайно силен, однако не настолько, чтобы преодолеть силу ее заклинания. То же будет и с остальными. Пусть приходят и пробуют силы, пусть дерутся между собой и ждут, когда она выйдет из этих стен — пусть попытаются завладеть камнем. К тому времени мощь ее будет столь велика, что им непоздоровится, даже если это будут все маги Черного Круга во главе с Тот Амоном!

Она будет готова к встрече и загонит их в пасть Нергалу или посадит к нему на рога — смотря по настроению! Древнее пророчество свершится, и она, получив мощь камня, справится со жрецами бога-паука и отомстит за Помелу, которую эти прихвостни Затха сожгли на костре лишь за то, что она не захотела отдать свои силы и знания в распоряжение жрецов! Она исполнит ее пророчество и сделает то, что не удалось той — станет не жрицей Затха, а повелительницей черного божества!

Она не думала ни о сестре, превозмогая боль пытавшейся подняться, чтобы помочь ей, ни о Фабиане, по ее прихоти оказавшемся здесь, а теперь без памяти лежащем на каменных ступенях лестницы, ни о пьяном Эмерике, храпящем на мягком диване.

Конан поднялся, придерживаясь рукой за внутреннюю стену дома. Удары постепенно слабели, и он побежал вниз, при каждом прыжке рискуя свернуть себе шею на крутой лестнице, ступени которой все еще стремились выскочить из-под ног — что бы там, внизу, ни происходило, он непременно должен быть в курсе, если не хочет, чтобы этот дом стал его склепом!

Бег его оставался стремителен и так же беспшумен, как и прежде — несмотря на молодость, киммериец давно уже научился в опасных ситуациях не терять осторожности, не позволяя эмоциям управлять собой.

Когда он оказался внизу, удары прекратились, и на некоторое время воцарилась тишина. На полу валялись восковые фигуры, сорванные ударами со своих мест, но так и не выпустившие из рук оружия. В остальном все выглядело нормально. Конан огляделся и быстрым шагом пошел вперед, к полоске света, пробивавшейся из-под двери — ему показалось, что она стала несколько ярче, и это ему не понравилось. В тот же миг уловив едва различимый на расстоянии запах паленой шерсти, он пошел быстрее, потом побежал, но у двери остановился и осторожно заглянул внутрь ярко освещенной комнаты.

Мелия сумела подняться, только когда удары прекратились и «качка» успокоилась.

— Зита! — позвала она сестру, боясь что вопрос останется без ответа, но тут же успокоилась, услышав ее голос, в котором явно чувствовалась боль.

— Я здесь, но подняться не могу. Колено разбила и локоть и подвернула ступню.

Видимо говоря, она ощупывала свои раны, потому что, замолчав, она вдруг вскрикнула и зашипела.

Мелия осторожно пошла на голос, при каждом шаге пробуя пол ногой, ожидая, что в любой момент дом начнет ходить ходуном, как это случилось только что, и пол вновь выпрыгнет из-под ног. На третьем шаге она почувствовала ногу сестры и, забыв обо всем, быстро присела и начала ощупывать ее. Зита взяла ее за руки.

— Нет, нет! У меня ничего не сломано. Просто очень болит нога. — Она помолчала немного и добавила жалобным голосом: — И рука тоже болит. Помогите мне встать.

Она оперлась о плечо сестры и тяжело поднялась, недовольно ворча — оказалось, что досталось не только руке и ноге. Все тело болело, просто почувствовала она это только сейчас.

— Фабиан! — Мелия не сумела крикнуть, но в наступившей вслед за грохотом тишине ее голос прозвучал оглушительно.

Зита поморщилась.

— Не кричи так громко, сестра — у меня голова раскалывается.

— Нужно же узнать, что с ним случилось!

— А что с ним могло случиться? Он же мужчина!

Чего-чего, а такого Мелия услышать от сестры никак не ожидала. Она не понимала, как можно быть столь равнодушной к человеку, к которому только что проявляла нескрываемый интерес, но она тут же поспешила успокоить себя, объяснив поведение сестры вполне естественными болью и испугом.

— Ты ушиблась? — участливо спросила она.

— Нет... не помню, — неуверенно ответила Зита, — наверное, это от грохота.

Мелия ничего не сказала, а встала, опираясь о стену, и, осторожно нащупывая ногой ступени, пошла вниз.

— Ты куда? — В голосе Зиты чувствовалась тревога — по звуку шагов она поняла, что сестра уходит.

— Надо же узнать, что случилось с Фабианом, — ответила та не оборачиваясь, а сама подумала: «Ну конечно же это от страха. Она уже стала приходить в себя, а отдохнет немного, и все встанет на свои места.»

Сперва Конан подумал, что в комнате никого нет, но потом услышал слабый стон и, посмотрев внимательнее, увидел на диване закрытого подушками человека. «Один раненый уже есть, и о нем позаботились. Где же остальные трое?»

Комната была затянута сизым дымом, забивавшимся в ноздри, и Конан порывался закашляться, но сдерживался. Он прищурился, пытаясь увидеть, что горело. Удивительным было то, что, несмотря на удары, массивные подсвечники на широких опорах устояли и горели как ни в чем не бывало, а вот уродливые ножки столика подломились, и сам он валялся теперь на ковре. Рядом лежал фолиант, а на нем упав-

ший подсвечник. Бархат обложки занялся пламенем, страницы изрядно обгорели, а ковер тлел, испуская струи едкого дыма и нещадно смердя, но огня на нем не было.

Конан вошел в комнату и первым делом склонился над лежащим. «Кром! Да он просто пьян!» — изумился киммерец, и, перестав обращать внимание на человека, поднял с пола массивную, в половину его роста, вазу с цветами и вылил воду на расплзающееся черное пятно под ногами, — не хватало еще сгореть заживо в доме, из которого нет выхода! — повернулся и вышел.

Прикрыв за собой дверь, так, чтобы осталась лишь узенькая полоска света, он задумался. Нужно было найти остальных, чтобы узнать-таки, что случилось, и хотя он не знал, где их искать, но куда идти, вопроса не возникало — конечно же туда, где он видел их в последний раз!

Мелия спускалась вниз, и ее не покидала мысль, что она упустила из виду нечто странное и очень важное. Ей и в голову не приходило, что сама ситуация была столь необычной, что слово «странная» совершенно не подходило к чему-то, что могло выпасть из ее сознания. Впрочем, сколь бы важной ни оказалась забытая мысль, она не мешала девушке идти вперед. Она шла осторожно, но на первой же ступени едва не подвернула ногу на выбоине в ступени, помянув недобрым словом темноту.

Невольно она остановилась.

Вот оно! Темнота! Как она сразу не вспомнила?! Фабиан ведь нес в руках подсвечник, а она слышала звон разбитого стекла, когда все погрузилось в темноту!

Она посмотрела вниз, и ей показалось, что тьма там не столь непроницаема, как вокруг нее. Невольно она пошла чуть быстрее и с каждым шагом ее подозрения усиливались.

Лестница спускалась винтом, и через десяток шагов она увидела отблески пламени на стене. Она удивилась, не понимая, что это может означать, и пошла дальше, теперь уже не рискуя попасть ногой в пустоту, она ясно видела путь, по которому должна идти.

Через несколько шагов она увидела Фабиана, распротертого на ступенях, и, забыв о своих синяках, бросилась к нему. Внешне он выглядел нормально и хотя признаков жизни не подавал, глаза открыл сразу, как только она пошлепала его по щеке.

— Ты как, — Мелия склонилась над гигантом, — двигаться можешь?

Он медленно кивнул, показывая, что все в порядке, и, перевернувшись, уселся на ступень, разминая шею и осторожно ощупывая голову. Наконец, видимо удовлетворившись результатами обследования, он посмотрел на девушку.

— Голова гудит, словно внутри кто-то камни дробит. — Он еще раз мотнул помятой шеей. — Вина надо выпить... А что случилось-то? — наконец спросил он. — Помню, как шел, потом лестница взбесилась и выскочила из-под ног, и дальше я спускался уже без нее — быстро, но больно.

— Ну, раз шутишь, значит, с тобой все в порядке.

— Можно сказать и так.

Он поднялся, кряхтя и охая, и Мелия тут же вспомнила о своих синяках и ссадинах, но виду не подала, а пошла дальше, чтобы узнать, что там горит сейчас и что звенело прежде. Все оказалось просто: когда Фабиан уронил подсвечник, тот полетел дальше и угодил в оставленную на полу лампу. Масло растеклось по полу и загорелось. Теперь же от него осталась маленькая лужица, продолжавшая чадить и дававшая все меньше света. Пока она совсем не погасла, Мелия подняла осколки лампы розового стекла, повертела в руках и, вздохнув, выбросила. То, что осталось от лампы, использовать было уже нельзя.

— Сестра! Где ты?! — услышала она голос Зиты. — Мы ждем тебя!

— Иду! — крикнула она и пошла обратно.

«И Фабиан хорош, — подумала она в сердцах, — даже не поинтересовался, как она себя чувствует. Очухался и удра! — Она вздохнула. — Впрочем, можно ли его винить, наверху ведь осталась Зита».

Обратно шли молча. Зита потихоньку хромала, опираясь на руку Фабиана, и изредка постанывала, ступая на больную

ногу. Так они и двигались, пока Фабиан не взял девушку на руки. «Наконец-то догадался», — усмехнулась про себя Мелия. Однако быстроты это им почти не прибавило — было слишком темно. Наконец, они прошли поворот, и впереди показалось слабое серебристое пятно лунного света.

— Хвала Митре! — невольно вырвалось у Мелии.

Фабиан опустил девушку на пол, взял у стены кресло и усадил в него Зиту.

— Ну? Рассказывай — что это было?

Она помотала головой, растирая ушибленное колено.

— Не знаю. Могу только догадываться.

— Ну так погадай — чего нам еще ждать? — попросила Мелия.

— Не знаю, но тот, кто снаружи, очень силен. — Она помолчала и добавила: — Судя по силе — кто-то из жрецов Сета.

— Из жрецов Сета? — Мелия была удивлена и не скрывала этого. — А что здесь делать магам Черного Круга? Или ты не все нам сказала, сестра?

Зита внимательно посмотрела на старшую сестру и нехотя кивнула — ей не хотелось говорить, как обстоит дело на самом деле, но и увливать после всего случившегося от объяснений она не могла.

— Да, так и есть, но история это долгая. Быть может, лучше нам вернуться назад?

— А зачем? — всполошился Фабиан. — Чтобы полюбоваться на пьяного Эмерика? Прости, Мелия, но по-моему, он крепко набрался еще до нашего ухода.

Мелия кивнула, соглашаясь.

— По правде говоря — мне даже думать не хочется, в каком он теперь состоянии. Фабиан прав, и если здесь найдется еще хотя бы пара кресел...

— Найдется! — успокоил ее великан.

— Ну, тогда слушайте, — сказала Зита, когда Мелия с Фабианом уселись рядом.

Конан, до сих пор слушал их стоя, но поняв, что разговор грозит затянуться, не стал брать кресла, а уселся прямо

на полу, у стены, с той стороны коридора, где тень была гуще. Трое сидели в центре зала. Фабиан устроился рядом с Зитой, спиной к окну, напротив них расположилась Мелия.

Ей нравился вид ночного неба за окном, она наслаждалась прохладой ночи, пришедшей на смену послезакатной духоте, с удовольствием чувствовала, как расслабляется избитое, уставшее тело, как затихает боль, а на смену ей приходит сладкая истома, расслабляющая, убаюкивающая.

Она сама не заметила, что голос Зиты доносится до нее словно издалека, как будто она находится в другой комнате, но она еще следила за общим смыслом рассказа, отмечая про себя основные моменты.

Впрочем, многое она знала и до того.

Три века назад Талисман Силы был изготовлен Помелой, одной из жриц Затха, приходившейся им с Зитой прапра-пра-.... в общем, какой-то бабкой. Но была она не просто жрицей. Она задумала возвыситься, не служа богу-пауку, а заставив его служить себе. Она была сильной колдуньей, и искусство увеличивало ее силу, а сила позволяла совершенствовать искусство.

Одно подталкивало другое, и Помела рвалась вперед, пока в один прекрасный момент не решила, что время настало, и она в силах осуществить задуманное. Она начала готовиться к овладению силой Затха, но мечтам ее не суждено было осуществиться.

Никто не знает, как жрецы прознали о ее планах. Быть может, она сама допустила оплошность, выдавшую ее, но за ней следили. Скорей всего, сама идея порабощения бога была абсурдной, невыполнимой. Так или иначе, но когда она уже считала дни до назначенного ею же срока, ее схватили, хотя ничто не наводило на мысль о готовящейся расправе, что говорит о тщательности осуществленного жрецами плана. Ее допросили с пристрастием, желая выведать все секреты, но она лишь смеялась в ответ, и тогда, поняв, что добиться от нее ничего не удастся, ее сожгли на костре...

Семья с трудом избежала участи Помелы. Они вынуждены были бежать из страны и возвратились домой лишь пятнадцать лет спустя.

А пытали ее жрецы не зря. Они знали, что она создала несколько магических предметов невероятной силы, но найти ничего не смогли. Уже на костре она смеясь крикнула своим палачам:

— Вы думаете, что уничтожили меня?! Нет! Минует три века, и в нашем роду появится на свет девочка, которая затмит меня своей силой!

Мелия неоднократно слышала эту историю, но ей никогда и в голову не приходило, что можно относиться к ней серьезно, а вот оказалось, что все даже серьезнее, чем ей хотелось бы.

Конан машинально поглаживал талисман, мирно покоившийся в замшевом мешочке за бархатом пояса, и думал. Из рассказанного он уже слышал кое-что и прежде, правда совсем немного, стигиец же вовсе ни о чем не упомянул, но теперь он понимал почему, и понятной стала цена.

Правда, только сейчас от Зиты он услышал, что талисман лежал все эти годы не просто так. По крошечной, незаметной ни для чего живого частице, копил он силы.

И сила шла к нему от всего живущего на земле — будь то обезумевший от ярости раненый слон, проламывающий-ся сквозь непроходимые джунгли, или тоненькая травинка, затаившийся перед стремительным прыжком тигр или его жертва — маленькая робкая лань. Все одинаково отдавали свои силы, а талисман их собирал. Сбирал и берег. Сбирал по крошке, по капле, по крупице, но за пролетевшие столетия обрел огромную мощь.

Вполне понятно, почему стигиец ничего не сказал ему о предназначении талисмана. Правда, Конану-то он все равно был ни к чему. Колдовским чарам он предпочитал холодную сталь и верную руку — эти двое никогда не подведут. Не то что колдовство, в чем могла убедиться пра-пра-пра... — тьфу ты! — бабка Зиты.

Киммериец дослушал рассказ до конца и с удивлением подумал, что та единственная мелочь, о которой все-таки поведал ему стигиец, отсутствовала в рассказе молодой колдуньи, хотя ее рассказ был много подробнее, а пропущенная деталь, мягко говоря, немаловажной.

Он как сейчас слышал голос стигийца.

— Только мужчина может взять его с алтаря, но и дня не проживет взявший его голыми руками!

Сперва он удивлялся такой странной заботливости за-казчика, но потом подумал, что фраза «и дня не проживет» вполне может иметь буквальный смысл, и в таком случае, не упомянув об этой мелочи, стигиец рисковал остаться без талисмана.

Зита же первую часть этой фразы произнесла, а вот что касается второй... Впрочем, вполне возможно, что она уже говорила об этом своему спутнику и не сочла нужным повторяться. И уж в любом случае — это не его дело.

Мелия почти спала. Голос Зиты постепенно слился в однообразное бормотание, и она уже не различала отдельных слов.

Она слишком устала, и все чаще глаза ее закрывались сами собой. Мелия видела полную луну за окном, окруженную серебристым ореолом. Закрывала глаза, и некоторое время образ ночного светила продолжал висеть перед глазами. Потом он тускнел и пропадал. Тогда она открывала глаза, и все повторялось сначала.

Это было приятно — дурманящая явь, густо замешанная на полусне, и спокойный, монотонный голос сестры.

Мысли ее становились все более ленивыми и вялыми, она чувствовала, что засыпает, когда что-то нарушило установившийся ритм. Сперва она не обратила на это внимания, но состояние безмятежной отрешенности ушло, а успокоение не приходило.

— Иди ко мне...

Сперва она удивилась: что значат эти слова, куда зовет ее голос, и кому он принадлежит? Но тут же мысли ее оборвались.

— *Иди ко мне...*

Мелия не понимала, что происходит. Рядом что-то монотонно бубнила сестра, но она уже не понимала, о чем та говорит. Слова Зиты слились в сплошной, ничего не значащий звуковой фон, одурачивающе-однообразный, и в какой-то момент она почувствовала, что не может оторвать взгляда от картины за окном, хотя, что ее там привлекает, тоже понять не могла.

— *Иди ко мне...*

Мир за окном померк. Звезд уже не было видно. Только самые яркие из них прорывались сквозь тьму, нависшую над миром, да серебряный диск луны по-прежнему висел за окном.

«Тьма. Ночью и должно быть темно. Скоро будет темно и днем...» Мысль родилась сама собой, без ее участия, заставив содрогнуться, вызвав резкий протест!

Но лишь на миг...

— *Иди ко мне...*

Тьма обрела зримые очертания, решила показаться ей, но Мелия не могла понять, кто это или что. И все-таки главное, если это было главным, было достигнуто: теперь она знала, что кто-то стоит за окном и зовет ее.

Она взгляделась пристальнее, и хотя образ зримо присутствующего Незримого собеседника ускользал от ее взгляда, зато его почувствовало ее бедное, измученное тело: сердце сжалось от смертельного холода, остановился беспорядочный хором мыслей, и тогда она увидела его и глазами, но то, что увидела, повергло ее в ужас.

Она хотела закричать, или это только показалось ей?

— *Иди ко мне...*

Руки девушки сжали подлокотники кресла так, что пальцы побелели. Ее душа плакала от невыносимой боли и страха, и слезы текли по щекам. Она хотела отвести взгляд, но не могла. Она понимала, что нельзя делать то, что приказывает Незримый, но вместо этого встала, медленно, словно деревянная кукла, и пошла к окну, повинаясь немому призыву:

— *Иди ко мне...*

Зита только что закончила рассказ и теперь внимательней присмотрелась к сестре — что-то не нравилось ей в облике Мелии. Та не отвечала на вопросы и никак не реагировала на ее рассказ. Она все чаще сонно моргала, и Зита подумала, что она засыпает, но теперь, взглядевшись внимательнее, поняла, что это не так.

И вообще, все было не так. Только теперь Зита осознала, что стало значительно темнее, словно небо затянуло облаками, закрывшими от них ночное светило.

Она обернулась, и лицо ее исказилось от ужаса. То, что она увидела за окном!.. Нет, этого просто не могло быть!

Незримый мгновенно поймал ее взгляд, и она почувствовала, как глаза ее сковало мертвящим холодом, который змеей скользнул внутрь, стремясь завладеть телом, в то время как взгляд ее примерз к черному силуэту за окном. Зита услышала, как в кресле напротив облегченно вздохнула Мелия, и тотчас почувствовала ослабление хватки — видно, тварь не могла держать сразу двоих и вновь переключилась на сестру.

Она заставила себя закрыть глаза. Веки опустились и тут же замерзли, словно не глаза они закрыли, а пару кусочков льда, каким-то образом оказавшихся вместо них в глазницах.

Фабиан тихонько потряс ее за плечо.

— Что с тобой, девочка?

Она почувствовала в его голосе искреннюю тревогу, и ей стало теплее.

— Не смотри назад.

Она с трудом разлепила губы и через силу прошептала эту простую фразу.

Фабиан вздрогнул и, словно нарочно, вопреки ее приказу, начал медленно разворачиваться. Внутренний голос надрывался истошно: «Не надо!», волосы на голове стояли дыбом, но чужая холодная воля впиалась в затылок, разворачивая голову, заставляя посмотреть в черноту бездонных провалов глаз Незримого, впитать его волю, подчиниться ей.

Неизвестно, откуда взялись силы, но Зита вдруг вскочила и с размаху залепила Фабиану пощечину.

— Не смотри в окно! Смотри на меня! Кроме меня, ничего нет! Не смей смотреть на Незримого! Не слушай его зов!

Она говорила отрывочно, словно объясняла непослушному ребенку, что можно, а чего нельзя, а великан судорожно кивал, слушая ее, и в душе у него неведомым образом росла уверенность, что то, о чем говорит эта девочка — незыблемое правило, которое необходимо выполнить, если он хочет остаться в живых!

Она хотела добавить еще что-то, но в этот момент Мелия со стоном встала и медленно, словно во сне, пошла к окну.

— Остановись, сестра!

Но Мелия ничего не слышала и не видела вокруг, кроме незримого образа и немного призыва.

— *Иди ко мне...*

Эти три коротких слова раскалывали голову невыносимой болью, и она была готова выполнить приказ хотя бы ради того, чтобы избавиться от нее, даже если ценой избавления станет смерть, но... она уже не могла не подчиниться. Незримый полностью овладел ее волей и гнал к окну, поближе к себе, чтобы попытаться овладеть и телом, даже несмотря на колдовство проклятой ведьмы. Нужно только, чтобы она оказалась близко, рядом, и тогда ничто ее не спасет.

— Стой, Мелия! Не смей!

— *Иди ко мне...*

Зита забыла обо всем — сестра прошла уже половину пути к окну. Если она подойдет вплотную — это конец.

— Фабиан! Задержи ее! — крикнула она, а сама бросилась в другую сторону.

Фабиан стоял, растерянно глядя то на нее, то на Зиту, не в силах понять, что же происходит, но чувствуя, что происходит нечто страшное, грозящее смертью, столь же быстрой и неотвратимой, как стрела опытного охотника, что настигает дичь, только во сто крат мучительнее и беспощаднее...

Это он узнал в тот момент, когда воля Незримого коснулась его, и хотя Зита спасла его от пытки, прикосновение Незримого вселило в него неизбывный ужас, от которого лишь смерть теперь в силах избавить его.

Он чувствовал себя несчастным калекой, лишенным собственной воли, и стоял, не зная, что делать. Он способен был лишь подчиняться и, когда услышал приказ Зиты, ни мгновения не раздумывая, бросился выполнять его. Он подбежал к Мелии и, схватив ее за руку, развернул к себе.

Она повернулась сразу всем телом, словно кукла, лишенная суставов, и некоторое время смотрела на него отсутствующим взглядом, от которого озноб пробежал по его телу, а сердце забилося в бешеном ритме, готовое выпрыгнуть из груди.

Она ничего не сказала, и выражение ее лица не изменилось, но она медленно подняла руку, и когда ладонь ее оказалась на уровне груди Фабиана, тихонько толкнула его, и от этого легкого толчка слабой девушки мощный мужчина отлетел назад, нелепо размахивая руками, пока не натолкнулся на стену и не повалился на пол.

Его мгновенно бросило в жар, словно он пробежал десять лиг, а не десять шагов. Воздуха не хватало, и он принялся жадно ловить его широко открытым ртом, в ужасе глядя на Мелию, все так же неспешно продолжавшую идти к огромному окну за которым ее поджидал Незримый.

Со всевозрастающей тревогой Конан следил за происходящим. Мирно текущая беседа в какой-то момент изменила свой характер. Чутьем дикаря киммериец мгновенно почувствовал перемену и насторожился — с того момента, как, попытавшись выбраться из дома, он потерпел неудачу, Конан понял, что судьба его в течение ближайшего времени неотрывно связана с судьбами четверых, оказавшихся вместе с ним в этом доме.

Он стал внимательнее следить за происходящим, но первый сигнал, отчетливо показавший, что здесь происходит на самом деле, подал ему Фабиан, воля которого оказалась настолько слаба, что Незримому не потребовалось даже ловить его взгляда — достаточным оказалось просто посмотреть на него.

Конан не знал, что испытывали эти люди, попадая под власть притаившегося за окном, но мгновенно понял, что, если хочет уцелеть сам, должен защитить и их. Поэтому, когда Зита, промчавшись мимо, скрылась за поворотом, а Фабиан, попытавшийся остановить девушку, но отброшенный мощью Незримого, повалился на пол, варвар понял, что дальше медлить нельзя.

Опрометью метнувшись вдоль стены, он сорвал с нее старинный гобелен и, в два прыжка настигнув Мелию, накинул ей на голову огромный кусок плотной материи, а сам, не останавливаясь, скрылся в противоположном коридоре. Она сразу остановилась и некоторое время стояла не двигаясь, потом тяжело опустилась на колени, немного постояла так, приходя в себя.

Постепенно одеревенение, сковавшее ее тело, прошло. Обессиленная, она села, и когда ужас случившегося дошел до сознания, и она поняла, чего ей удалось избежать, слезы сами собой потекли по щекам. Не в силах даже сидеть, она повалилась на пол, тело ее все сильнее сотрясалось от рыданий, всхлипывания становились все громче. Она стянула с себя накиннутую Конаном ткань и села, уткнувшись в нее лицом.

Киммериец смотрел на нее, чувствуя непреодолимое желание обнять ее, маленькую, трепещущую, прижать к широкой груди, целовать мокрые от слез щеки... Успокоить ее, защитить. Хотел, но не шелохнулся, не понимая, что удержало его.

Быть может, сознание того, что он вор в этом доме?

Зита вбежала в комнату, издалека почувствовав неладное, и то, что увидела там, подтвердило худшие ее опасения, однако сейчас было не до этого. Ей нужен был огонь, много огня! Она не зря бежала сюда, забыв о боли. Она знала, что Незримый, притаившийся за окном, как и всякое порождение тьмы, должен бояться света, и если она ошиблась, всем им конец.

Она выхватила факел из кольца, вделанного в стену рядом с дверью и, запалив его от пламени свечей, зах-

ромала обратно. Бежать она уже не могла. Страх, заставивший ее, позабыв обо всем, примчаться сюда, ушел, и теперь она еле шла, проклиная себя, но поделать ничего не могла.

Когда она добралась до зала, то увидела сестру, без чувств лежащую у окна, и Фабиана, тупо уставившегося в потолок.

Незримый отпрянул от окна и пропал.

Глава четвертая

Конан осторожно заглянул в проем неплотно прикрытой двери и окинул ее взглядом, выискивая следы пожара, но с удивлением обнаружил, что воздух уже успел очиститься от запаха гари, обломки столика были убраны, прогоревший ковер скатан в тугой рулон, ваза стояла на прежнем месте, хотя Фабиан, похоже, не участвовал в этом — бледный как полотно он сидел в кресле, по временам непроизвольно вздрагивая, и уже не глядел с вожделением ни на Зиту, ни даже на Мелию.

Зато перемена в настроении оказалась разительной. Не слышно было ни циничных шуток, ни громкого смеха Фабиана. Гордый Эмерик раскатисто храпел, безобразно раскинувшись на диване, заставляя своих друзей болезненно морщиться.

Как ни странно, но сестры перенесли потрясение гораздо лучше мужчин.

Зита выглядела озабоченной. Она разожгла камин и теперь была занята тем, что осторожно переворачивала страницы колдовской книги, внимательно рассматривая, что испорчено, что нет, и аккуратно просушивала отсыревшие. Временами она грустно качала головой, что-то говорила про себя, но что, Конан расслышать не мог.

Впрочем, проследить за ее размышлениями было несложно — треть фолианта обратилась в пепел, то, что осталось, тоже не миновало огня, а уж эти жалкие остатки размочила вылитая им вода.

Тем временем Мелия успела привести себя в порядок, и хотя одежда на ней была изорвана, а на коже виднелись синяки и ссадины, Конан отметил про себя, что выглядела она едва ли не более обворожительно, чем прежде.

«Впрочем, — усмехнулся он своим мыслям, — тут-то как раз нет ничего удивительного: чем меньше на ней останется одежды, тем желанней она будет становиться!»

Мелия закончила со своими делами и посмотрела на сестру.

— Ну что, Зита?

Та устало вздохнула.

— Половина страниц сгорела и безвозвратно потеряна, вторая половина промокла и, пока не высохнет, ни на что не годна. Хорошо еще, что Эмерик догадался залить пламя. Никак не пойму, как это ему пришло в голову погасить огонь, ведь пьян он настолько, что вряд ли понимал, что делает, и все-таки поступил как надо.

Зита покачала головой — видимо, удивление было столь велико, что не сразу оставило ее.

— Лучше бы он сжег ее, — вдруг заговорил молчавший до сих пор Фабиан, — я уже устал от колдовства. — Он зло посмотрел на младшую из сестер, все-таки не решаясь вслух обвинить ее в приключившейся с ними беде.

Девушки многозначительно переглянулись, и Зита на удивление спокойно ответила:

— Поверь, мне жаль, что наша затея обернулась таким кошмаром, но если ты думаешь, что я имею хоть какое-то отношение к случившемуся, то, уверяю тебя, ты глубоко ошибаешься — я даже не знаю, чьих рук это дело. А что касается книги, — она благоговейно провела рукой по верхней, почти не тронутой огнем странице, — молись Митре, чтобы и дальше ничего не случилось с листом, на котором начертано ограждающее заклинание. Если с ним что-то произойдет — мы погибли! Даже Эмерик это понял, — добавила она с укоризной.

— Эмерик?! — Фабиан расхохотался. — Да я скорее поверю, что он хотел сжечь ее, чем сохранить, но должен

тебя разочаровать: он не был способен ни на то, ни на другое!

— Но тогда кто?

И Зита, и Мелия удивленно смотрели на него — до сих пор подобное рассуждение не приходило им в голову, но теперь, когда Фабиан высказал эту мысль, обе вдруг почувствовали, что спутник их прав. Они ждали объяснений, но он в ответ лишь пожал плечами.

— Не знаю, но я скорее поверю, что вода выплеснулась из вазы, а уж потом подломившиеся ножки стола не выдержали и обгоревшие останки книги угодили в лужу на полу.

— Не годится, — Мелия скептически покачала головой, — не забывай, что ковер успел сильно прогореть, прежде чем его потушили.

Фабиан досадливо поморщился — и как это он упустил из виду столь очевидное обстоятельство? — но продолжал стоять на своем.

— Пусть так, но тогда в том, что ваза все-таки упала, в последний момент погасив пламя и сохранив нужную страстицу от огня, я склонен видеть провидение Митры!

Услышав эти слова, Конан едва не выругался — еще никто не сравнивал его с Солнцеликим, и хоть признавал он лишь мрачного Крома, а чтил Бела, подобное сравнение не могло не польстить его самолюбию. Что ни говори, а приятно иной раз сыграть роль провидения! Однако все это были мелочи, не стоящие внимания, и, усмехнувшись, киммериец вновь обратился в слух.

Зита хотела что-то возразить, но последние слова Фабиана заставили ее задуматься, наведя на интересные размышления. Сказанное им очень походило на правду, но если сам Солнцеликий благоволит к ним, а стало быть и к ней тоже, то значит, ее дело угодно и ему! Подобный поворот событий пришелся ей по душе, и она уже собралась с удовольствием порассуждать на эту тему, чтобы уяснить, какую пользу можно извлечь из такого покровительства, а главное — как не лишиться его, но ее отвлек вопрос Мелии.

— Ну так все-таки, сестра, что мы будем делать?

Что делать?.. Зита задумалась — как раз этого она и не знала. Она увидела устремленные на нее в надежде глаза сестры и требовательный взгляд Фабиана, и на мгновение гнев охватил ее, но она заставила себя успокоиться. В конце концов выкручиваться им придется вместе, а значит, ни к чему устраивать ссоры.

— Я не знаю, как с этим бороться, потому что не знаю, кто выступил против нас.

— Но ты говорила... — начала было Мелия, но Зита не дала ей закончить:

— Да, говорила, но могла запросто ошибиться — это может быть кто угодно!

— Неужели нет выхода?

— Выход есть всегда, — отрезала Зита, — найдется и теперь, но вот сколько времени на это уйдет, я сказать не могу.

— А разве нельзя побыстрее? — резко спросил Фабиан, который опять начал злиться.

Он уже оправился от того ужаса, что подмял его, подчинил себе в зале, и теперь испытывал чувство жгучего стыда из-за того, что обе девушки оказались куда сильнее его самого. Ему требовалось выместить на ком-то свою злость, и он рад был ухватиться за что угодно.

Зита прекрасно поняла это, но вида не показала, а попыталась спокойно объяснить ему все, что знала сама, надеясь, что, поняв, что к чему, и увидев, что никто его ни в чем не обвиняет и уж тем более не смеется над ним, он успокоится.

— Можно хоть сейчас убрать заклинание, но в этом случае мы рискуем умереть прежде, чем узнаем, кто наш враг.

Еще не дослушав ее объяснения, Фабиан собирался возразить, но слова застряли у него в горле, когда до него дошла суть сказанного Зитой: чего-чего, а помирить ему вовсе не хотелось!

Девушка спокойно смотрела на него, и в ее взгляде он не увидел ни намека на насмешку, а потому лишь проворчал, но уже примирительно:

— Так что же нам так и сидеть здесь до скончания века?

— Нет, почему же? — Зита обрадовалась, что ей удалось погасить злость Фабиана, но вида не подала. — Я рассчитываю, что мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, но для этого нужно подготовиться, а на подготовку потребуются время.

— Мы можем помочь тебе, сестра?

Зита улыбнулась.

— Мне без вас просто не обойтись, а то, что необходимо сделать, потребует к тому же силы Фабиана.

Услышав, что говорят о нем, Фабиан нервно облизнул губы.

— Что я должен сделать?

В это время Эмерик поднял голову и, посмотрев на них пьяными глазами, глупо улыбнулся и произнес заплетающимся языком:

— Привет, друзья. Все развлекаетесь?

Лицо его сморщилось на ярком свету, сделавшись похожим на первый весенний гриб, взгляд был мутным, и он глупо хлопал глазами, словно силясь понять, как оказался здесь, а главное — зачем?

Фабиана разобрал нервный смех. Он смеялся и никак не мог остановиться. Что ни говори, а развлеклись они от души — это он верно заметил. Будет о чем вспомнить на досуге!

При виде мятой физиономии Эмерика Мелию передернуло от отвращения — и это ничтожество она хотела прибить к себе!

— Ты сам-то чем тут занимался, пока нас не было?

Неизвестно почему, но у него было прекрасное настроение, и он вновь хихикнул.

— Так, поколдовал немного.

Не сговариваясь, все трое обернулись к нему. Мелия выглядела удивленной и растерянной. Фабиан перестал хохотать, и лицо его налилось кровью. Казалось, что еще немного, и он убьет своего приятеля, и непонятно было, что его удерживает от того, чтобы не сделать этого прямо сейчас.

Зита встала, и ее милое личико, искаженное гримасой гнева, казалось страшным.

— Что... ты... сказал?! — спросила она, тщательно выговаривая слова, делая ударение на каждом из них.

Эмерик вдруг почувствовал неладное, и лицо его приняло испуганное и вместе с тем потерянное выражение. Кровь прихлынула к лицу, он неловко взмахнул руками, подражая жестам Зиты, и когда до них дошло, что вслед за этим последует, было уже поздно — он испугано пролепетал два ничего не значащих, но страшных слова:

— *Сатанаро удо!*

— Не-е-ет!!! — протяжно и обреченно, словно в последний раз перед смертью, закричала Зита. — Что ты наделал, безумец?! Ты выпустил Незримого внутрь — теперь мы пропали!

Последние ее слова потонули в ужасающем грохоте. Стены дома заходили ходуном. Послышался сдавленный, далекий вой боли невообразимо мощного зверя, словно стадо слонов трубило в предсмертной тоске, заглушая торжествующий рев поедавшей их армии саблезубых тигров, и все, что происходило до сих пор, показалось людям детскими шутками.

Эмерик завизжал, закрыв голову руками. Казалось, что еще немного, и все это массивное, поразившее их при первом взгляде своей незыблемостью, сооружение вот-вот рассыплется грудой щебня, погребя под собой и четверку несчастных, так невовремя оказавшихся внутри.

Огненный вихрь ворвался в комнату, опалив лица людей, заставив их поспешно зажмуриться, окрасив все злое щим багрянцем.

Рев набирал силу, достигнув оглушающей громкости, когда казалось, еще немного, и люди не выдержат, либо оглохнув, либо сойдя с ума. Фабиан затравленно озирался, словно разум уже покинул его.

Зита стояла, не в силах пошевелиться, и лишь одна мысль больно пульсировала в голове — это конец. Не только крушение всех надежд, но и конец жизни.

Мелия схватила ее за руку и встряхнула.

— Делай что-нибудь, пока жива!

В первый момент она непонимающе посмотрела на сестру — что ей надо? Сейчас, за мгновение до смерти? — и вдруг засуетилась. Трясущимися руками она перевернула несколько страниц и, отыскав нужную, облегченно вздохнула.

Того, что произнесла юная колдунья, в грохоте, доносившемся снаружи, никто не расслышал, но едва она опустила руки, шум стих, а стены высветились белесоватой дымкой, поначалу почти незаметной, которая на глазах густела, оплетая стены комнаты защитным коконом.

Глава пятая

Едва это произошло, Конан ощутил мощную силу, отбросившую его от двери, сопротивляться которой не было сил, но он и не собирался делать этого, а наоборот — мгновением раньше сам отпрыгнул прочь, так что прыжок оказался настолько стремителен, что он врезался в противоположную стену.

Кром! Безмозглые идиоты! Собрались в гости к Нергалу?! Скатертью дорога! Путь на Серые Равнины прост и не долог, жаль, обратной дороги не знает никто, и здесь он им не попутчик — пусть заботятся о себе сами!

Конан бросился прочь, но было уже поздно. Едва он сделал первый шаг, как почувствовал, что воздух вокруг стал вязким, и он уже не бежит, а словно идет под водой, которая стремительно густеет, превращаясь в липкий кисель. Каждый шаг давался со все большим трудом, но киммериец не сдавался, стремясь уйти как можно дальше от двери. Облепивший его кисель начал твердеть, и идти становилось все труднее, но он успел добраться до зала, прежде чем воздух застыл окончательно и двигаться дальше стало невозможно. Тогда он остановился, тревожно глядя по сторонам, готовясь к худшему и гадая, в каком обличье оно явится.

Грохот стих так же внезапно, как и возник. Люди боялись смотреть друг на друга, боялись поверить в то, что самое плохое позади. Им казалось, что это лишь минутная

передышка перед смертью, которую им дали лишь для того, чтобы они успели осознать неизбежность трагического финала, чтобы боль расставания с жизнью была как можно сильнее.

Наконец Мелия не выдержала.

— Что случилось, сестра?

Зита стояла молча, словно громом пораженная страшной догадкой. Она невидящим взглядом обвела своих друзей и прошептала:

— Эмерик вызвал Незримого — одного из древних демонов, могучего и злобного, и он прорвался внутрь пентаграммы.

Эмерик нервно облизал губы. Опыянение мигом слетело с него, и хотя он все еще плохо соображал, а камни, перекатывающиеся в голове, по-прежнему мешали сосредоточиться, он почувствовал страх.

— Но ты говорила, что ничто не сможет проникнуть внутрь.

— Да, но заклинание было прочитано дважды. Первое заклинание вырвало его из тысячелетнего заточения, но он не смог прорваться внутрь пентаграммы, хотя и приложил к этому немало усилий. Он явился в наш мир бесплотным духом, ему необходимо облечься в плоть, и он должен явиться на зов заклинателя. — При этих словах Эмерик почувствовал, что у него вновь пересохло в горле. — Он не смог сделать ни того, ни другого и не уйдет, пока не добьется своего, но мы нашли бы выход, если бы не второе заклинание, позволившее ему прорваться в дом.

Фабиан побледнел, Эмерик от страха не мог вымолвить ни слова, Мелия прошептала:

— Что же теперь будет?

— Не знаю, но уверена, что он сильно ослаб за века заточения, а с потерей плоти потерял и большую часть еще оставшейся силы. Надеюсь, что насильный проход пентаграммы если не искалечил, то изрядно ободрал его. Но все-таки он демон... и я не знаю, сколько сил у него осталось — сумеет он прорваться сюда или нет, и если сумеет, то что сделает с нами.

Зита задумчиво покачала головой, размышляя о том, как им быть дальше, но во взгляде ее застыла обреченность. Чье-то скулящее подвывание вывело девушку из задумчивости, и она резко обернулась, поняв, что это истерический смех Эмерика.

— Будут тебя трахать, дура, только не я и не Фабиан, а твой демон в человеческом обличье!

— Заткнись, болван! У тебя только одно на уме! — Казалось, Мелия была единственной, до сих пор не потерявшей присутствия духа. Она обернулась к Зите: — Думай, сестра! Думай, и побыстрее! Должен быть какой-то выход!

Зита устало вздохнула.

— Да, да. Только паук сможет задержать его, да и то ненадолго. Сеть Затха может сдерживать его, хотя и не слишком долго. Во всяком случае время на передышку у нас есть. Он прорвался в наш мир, а потом сюда. Это непросто и отняло у него массу сил, а нам дало шанс на спасение.

— Но какой в этом смысл, если, собравшись с силами, он все равно прорвется сюда.

Эмерик кричал и брызгал слюной, требуя у других совета, совершенно игнорируя тот факт, что сам был повинен во всех несчастьях, ввергнув в беду не только себя, но и всех остальных — молодых, жадных до жизни. Он чувствовал, что стал отвратителен им, и сознание этого заводило его все больше. Хотя сам он давно потерял интерес к жизни, но умирать вовсе не собирался!

Молчавший до сих пор Фабиан, хоть и натерпелся страха, уже пришел в себя и, поднявшись с кресла и скалой нависнув над тщедушным щеголем, ядовито процедил:

— Пожалуй, мне следует напомнить тебе, что если нам суждено сегодняшней ночью переселиться на Серые Равнины, то заслуга в этом исключительно твоя. — Он зло посмотрел на своего приятеля и добавил: — Я думаю, тебе стоит помолчать, если не хочешь оказаться там раньше остальных!

Он говорил спокойным тоном, чтобы никто не заподозрил, насколько он напуган, но не скрывал гнева, и от этого

Эмерику стало жутко: он вдруг понял, что оказался среди людей, которых просто так, по глупости ввергнул в смертельную опасность, и неизвестно еще, сумеют ли они выжить!

Он затравленно оглянулся на девушек, словно ища у них поддержки, но увидел, что и те не питают к нему добрых чувств. Он почувствовал, что остался один, и это странным образом придало ему сил.

— Попробуй только тронь меня, и пожалеешь! — прошипел он. — Из царства Нергала я вернусь, чтобы отомстить тебе! — Он обвел их ненавидящим взглядом. — Всем вам!

— Да я тебя!.. — Фабиан вскочил, но Зита успела схватить его за руку.

— Не трогай его! Это он со страха!

Фабиан хотел сбросить с себя ее руку, но упоминание о страхе заставило его остановиться, и что он хотел при этом сказать, никто так и не услышал — окинув Эмерика тяжелым взглядом, великан уселся на место.

— Сиди и молчи, — Мелия в упор посмотрела на Эмерика, — так будет полезнее для здоровья. Твоего здоровья! — выкрикнула она ему в лицо, заметив, что тот собирается возразить.

И странное дело — под суровым взглядом девушки он против воли затих, не смея перечить ей. Дождавшись, когда Эмерик успокоился, Зита заговорила:

— У нас есть лишь один способ одолеть Незримого — мы должны сделать то, что нам мешало сделать первое заклинание Эмерика. Мы должны овладеть Талисманом Силы. Только с его помощью можно одолеть демона — остальные пути ведут напрямиком на Серые Равнины!

— Я думаю, что, следуя твоему плану спасения, мы попадем в царство Нергала еще быстрее, — возразил Фабиан, не понимая, к чему она клонит.

— Да, — кивнула она, соглашаясь, — если просто так выйдем отсюда и пойдем в подвал — смерти нам не избежать.

— А что, есть иной способ?

Вопрос Мелии звучал просто и естественно. Ей было не до сарказма и не до выражения эмоций, что охотно позво-

ляли себе мужчины, — смерть грозила всем им, и потому беспокоил ее лишь один вопрос: как избежать такого финала. Она надеялась, что Зита, зная о колдовстве неизмеримо больше всех их вместе взятых, непременно что-нибудь придумает. Однако на сей раз ее ждало разочарование.

— Нет. Другого способа нет, — грустно ответила она, — но если мы сумеем отвлечь демона, то Фабиан, я думаю, сможет добраться до талисмана и принести его сюда.

— Я? — Фабиан с интересом следил за их разговором, и когда Зита упомянула о талисмане, почувствовал прилив надежды, но оказалось, что его просто приносят в жертву, предлагая выйти из-под защиты Затха, прогуляться по дому и, если повезет, вернуться назад с талисманом, чтобы спасти остальных!

Зита виновато посмотрела на него, прекрасно понимая, что он должен подумать и о ней, и о ее «заманчивом» предложении. Взгляд ее смягчился, в голосе послышались просительные нотки.

— Я ведь уже говорила, что никто, кроме тебя, не справится с этим — понадобится твоя физическая сила, а от нас троих будет мало толку, даже если мы пойдем все вместе.

Фабиан открыл было рот, чтобы сказать еще что-то, но вовремя сообразил, что делать этого не следует. Положение, в котором они оказались, было хуже некуда. И все-таки роль дичи, незаметно проскальзывающей мимо разъяренного хищника, отвлеченного искусно приготовленной приманкой, устраивала его куда больше роли самой приманки, чья дорога пролегла через пасть демона напрямиком в нутро Нергала!

И он промолчал.

Увидев, что Фабиан все понял как надо и не возражает, Зита облегченно вздохнула. Она была наблюдательной девушкой и, памятуя о недавнем испуге Фабиана в зале, приготовилась к долгим уговорам.

Мелия, также напряженно следившая за их разговором, удовлетворенно кивнула.

— Ну хорошо, а как быть с приманкой, о которой ты говорила? Что может завладеть вниманием Незримого настолько, чтобы он не заметил человека, оказавшегося в его власти? Или что-то поможет Фабиану остаться невидимым?

Колдунья удовлетворенно кивнула.

— Да, я могу сделать и то и другое, хотя способ в обоих случаях будет один. — И видя, как загорелись от волнения щеки сестры, а Фабиан нервно сжал огромные кулаки, улыбнулась. — Я могу придать любому из нас невидимость. Незримый будет чувствовать его и попытается поймать, а это не так-то просто, хотя и возможно. Правда колдовство продлится недолго, но времени с избытком хватит, чтобы Фабиан успел спуститься вниз, открыть тайник, взять талисман и вернуться. — По очереди всматривалась она в лицо каждого, словно подготавливая их к тому, что скажет сейчас.

— Остается решить: кто возьмет на себя эту роль и позволит Фабиану сделать свое дело?

Все трое не сговариваясь посмотрели на Эмерика, который на протяжении всего разговора демонстративно глядел в сторону, словно происходящее не имело к нему ни малейшего отношения, однако его молниеносно следовавшая на их немой вопрос реакция показала, что это не так: он не только слышал, но и видел всех.

— Я?! — Лицо его исказила гримаса ужаса. — Чтобы я добровольно отправился на смерть ради вашего спасения?! Ни за что!

Фабиан поджал губы, и взгляд его недобро сверкнул.

— Никто не говорит о смерти, — терпеливо объяснила Зита, — роль твоя не страшнее роли Фабиана. Даже проще...

— Вот как? — перебил он девушку и деланно расхохотался.

— Да. Фабиану, кроме своей безопасности, придется заботиться еще и о деле, а тебе нужно всего лишь не попасться Незримому, держась при этом подальше от подвала. — Эмерик вопросительно посмотрел на девушку и она объяснила: — Если он спустится вниз, Фабиану конец,

а вместе с ним и всем нам! И не забудь еще одно: при всей опасности предстоящего — это нужно сделать. Если оставить все как есть, мы погибнем еще до восхода солнца!

Но Эмерик и слушать ничего не хотел. Он тряс головой, всем своим видом показывая, что верная смерть в компании ему гораздо приятней шаткой перспективы выжить. А попросту говоря, он не верил никому, считая все сказанное здесь обманом, призванным лишь усыпить его бдительность ложными обещаниями и спастись, принеся его в жертву.

Наконец, Фабиан, который долго сдерживался, не утерпел. Он сгреб своего щедедушного приятеля за шиворот и зло прошипел ему в лицо:

— Ты забыл, тварь, по чьей вине мы все оказались в этой ловушке? Стоило бы просто выбросить тебя наружу, не спрашивая согласия, и это будет меньшим из того, что ты заслужил!

— Давай, давай! — истерически расхохотался Эмерик, совершенно не обращая внимания на столь оскорбительное обращение с собой. — Распусти кокон, вытолкни меня — чихнуть не успеешь, как все мы окажемся в брюхе Нергала!

— Оставь его! — Мелия поднялась и шагнула к ним. — Я пойду.

— Ты? — Фабиан невольно отпустил Эмерика и обернулся к девушке. Она улыбнулась.

— Кому-то же надо идти?

— Не отговаривай ее, пусть идет, — захихикал Эмерик, — доброволец всегда имеет больше шансов уцелеть.

Мелия кивнула, но на своего «избранника» посмотреть не смогла, настолько сильным оказалось проснувшееся в ней отвращение.

— Насчет шансов Эмерик прав — у него их нет вовсе. Даже колдовство Зиты не сможет помочь — когда настанет решающий момент, он наделает в штаны, и его тотчас найдут по запаху. — Увидев мгновенно вспыхнувшее от стыда и гнева лицо Эмерика, Фабиан расхохотался, а Мелия про-

должала: — У сестры болит нога, и она не может ходить, так что остаюсь я.

Конан почувствовал, что сопротивление пропало, но это не принесло облегчения, а наоборот, заставило поразмыслить над тем, что придет ему на смену, и хотя ни одной путной мысли на этот счет в голове не появилось, всегдашняя рассудительность взяла верх над горячностью, заставив на время оставаться там, где он есть. Он прислушался — вокруг было тихо. Непонятное напряжение спало. Это обрадовало и удивило его.

Из слов Зиты можно было сделать вывод, что пьяный Эмерик, сам не понимая, что творит, сумел вызвать в наш мир одну из темных тварей, которым здесь не место. Он ни на миг не усомнился, что теперь эта тварь начнет охотиться за людьми и в первую очередь — за самим Конаном.

Это было плохо.

Он не боялся никого и не страшился умереть, постоянно помня, что когда-нибудь смерть придет к каждому. Однако и расставаться с жизнью просто так, за здорово живешь, не собирался. Именно поэтому даже теперь, на пороге мрачного царства Нергала, он не уступит никому!

Однако киммериец прекрасно чувствовал себя лишь среди людей, где твердость руки и крепость стали решали, кому жить, а кому умереть, и всегда старался держаться подальше от колдовства, где его богатырская сила и искусство воина не играли особой роли, а победу праздновали коварство и обман. И вот теперь он оказался именно в такой ситуации, когда все, что он мог и умел, оказалось никому не нужным хламом!

Как мог он защитить себя?

Киммериец уже не сомневался, что угодил в дурную историю, именно в такую, каких обычно старательно избегал.

Все эти попытки вырвавшейся наружу твари проникнуть в каменную крепость, где он находился, бесспорно убеждали именно в этом, да и «кисель», через который он только что прошел, подтверждал ту же мысль.

Рука его сама потянулась к поясу и нащупала мешочек с камнем. Конан достал его и попытался рассмотреть, но было так темно, что даже его острое зрение дикаря не помогало, и он заткнул его обратно.

Он стал думать о том, как сможет совладать с нечистью, проникшей в дом, но ничего путного в голову не шло.

Внезапно Конан ощутил смутную угрозу, но откуда она исходила, определить не смог.

Тревожно озираясь по сторонам, чтобы не упустить ничего, он инстинктивно прижался к стене, но пока об опасности его предупреждали лишь обостренные инстинкты дикаря — чувства молчали, не ощущая вокруг никакой явной опасности.

Однако Конан не расслаблялся. Хотя он не видел и не слышал ничего, его внутренний сторож еще ни разу не обманул своего господина, а сейчас он во весь голос вопил о том, что быть беде, и Конан собрался, продолжая ждать неведомо чего.

Нечто не поддающееся воображению приближалось. Конан не видел *этого*, но знал о том, что оно уже рядом. Он почувствовал, как густая грива смоляных волос на голове встает дыбом, но лишь сильнее сжал рукоять меча. Привычка не отступать ни перед кем взяла верх над страхом и теперь, подстегнула его, заставив собраться. Он не собирался сдаваться просто так. Ему бы только увидеть врага, а там уж он не даст спуска никому!

Неведомое нечто, чье присутствие Конан лишь ощущал до сих пор, начало обретать зримые очертания чудовищной тени, настолько черной, что была она видна даже на фоне непроницаемого для взгляда мрака, царившего вокруг, словно высвеченная изнутри яростным черным пламенем. И вместе с тем это нельзя было назвать тенью. Это было черное облако, бесформенное и колышющееся, перед которой сама тьма показалась бы ярким днем — это была чернота небытия.

Пустота.

Конан почти физически ощущал ее приближение, но теперь желание увидеть врага уже не казалось ему доста-

точным для победы, потому что он понял — против такого противника его меч бессилен.

Ты мой...

Из середины незримого облака на него устремился омертвляющий взгляд зияющих пустотой глаз. Конан сильнее сжал рукоять меча, ища поддержки у старого, неподкупного друга — острой каленой стали — и встретился взглядом с двумя провалами в пустоте. В тот же миг он почувствовал, что воля покидает его, обездвиживая тело, подчиняя его себе. Еще немного, и он станет куклой в руках тьмы, наползавшей ниоткуда.

Ты мой...

В следующий миг тьма навалилась, его вжало в стену, глухим стоном выдавив из легких остатки воздуха. Конан почувствовал, что тело его немеет, наливается свинцовой тяжестью, еще немного, и он станет тленом, ничем.

Ты мой...

Тот же внутренний страж, загодя предупредивший его о надвигающейся беде, подсказал и единственный возможный путь к спасению — талисман. Нужно во что бы то ни стало дотянуться до него... но Конан уже не был властен над своим телом. Он знал, что должен сделать это, однако для этого нужно отвести глаза, избавиться от чужой воли, а на это у киммерийца не осталось сил.

Ты мой...

Кром! Раскис, как баба! Он изо всех сил сжал веки, но они не желали слушаться!

Поздно, ты мой...

Твой?! Эта мысль взбесила его. Да будь противник его хоть с самого дна преисподней, он не поддастся! Вон! Вон из моей души!

Поздно, ты мой!!!

Голос гремел, оглушая. В нем слышались торжество и злая радость близкой победы, но и Конан не сдавался. Он понял, что погибнет, если не заставит себя превозмочь злую силу, и хотя понятия не имел, как пользоваться талисманом, но из последних сил рука его потянулась вверх, и он понял, что воля его выстояла! Каким образом это произош-

ло, он не знал, да знать не желал, но он выстоял! Рука коснулась пояса, вытащила наружу мешочек и сжала камень.

Ты мой...

Это было последним движением, на которое он оказался способен. Больше он не мог ничего. Только смотреть, наблюдая за приближающейся смертью, ощущать могильный холод и чувствовать, как члены обращаются в тлен.

Ты мой...

Он верил лишь в Крома, хотя и знал, что тот равнодушен к детям своим, да еще, по необходимости, почитал Бела, никогда не отказывавшего ему в удаче, но в этот миг почувствовал, что лишь светозарная сила Митры может спасти его, и взмолился подателю жизни!

И камень ожил.

Почти сразу Конан ощутил перемену, хотя и не понял, что произошло. Он опустил взгляд и увидел, что рука его, сжимающая талисман, словно впитав его силу, начала светиться, и солнечный пламень понемногу поднимается вверх по руке. Вот он дополз до груди и начал растекаться по телу, по его телу, которым он вновь владел, которым мог управлять. Он почувствовал, как сила полилась в него мощным потоком и тьма отступила, хотя и не ушла. Черное облако отделилось от него и застыло словно в недоумении.

Сдавленное рычание то ли боли, то ли гнева донеслось до него. Он прижал камень к сердцу, и его тепло проникло внутрь, окончательно отогнав смертельный холод.

«Я еще вернусь и возьму тебя!» — услышал Конан глухой, рокошующий голос, и облако поползло прочь, туда, где еще оставались живые люди, откуда он только что пришел сам.

Киммериец разжал руку и посмотрел на камень, который странным образом был виден через мягкую замшу мешочка. Разница была лишь в том, что теперь в полной темноте и сквозь слой выделанной особым образом кожи он светился более тусклым, оранжевым светом. «А камень-то и впрямь не прост», — подумал Конан и сунул его на прежнее место.

Чувства подсказывали киммерийцу, что нужно уйти, спрятаться, исчезнуть, но здравый смысл спорил, убеждая, что от этого не скроешься: дом ему не покинуть, так что встреча их не последняя. И с этим поделаться ничего было нельзя, даже если бы знал, что в следующий раз он так просто не отделается.

Что ж, к таким ситуациям ему не привыкать. Конан пожал плечами и пошел следом за исчезнувшим в глубине коридора облаком.

— Мы успеем? — Наблюдая за приготовлениями Зиты, Мелия не могла сдержать волнения. — Он сможет прорваться сюда?

— Может, сможет, а может, и нет. — Зита отвечала спокойно, не отрываясь от своего занятия. — Не знаю. Но я знаю, что Незримого вырвали из заточения, лишив телесной оболочки. Сюда попал лишь его дух, плоть осталась в тюрьме. Если он не разбудит себе тела, он погиб. — На миг она отвлеклась и с неприязнью посмотрела на Эмерика. — Пока он был снаружи, отрезок отпущенного ему времени был мал — остаток ночи до рассвета. Ведь не встретившись с заклинателем, места этого он покинуть не мог, а солнечный свет для него — гибель. Но теперь другое дело, — она помедлила, собираясь с мыслями, — попав внутрь дома, он получил то, чего лишен был, оставаясь снаружи. Он получил свободу действий, ибо защищен этими стенами, — Зита обвела рукой вокруг себя, — от солнечной силы светозарного Митры. С другой стороны, дух его сожжен и искалечен, ведь его дважды протаскивали сквозь казавшиеся неодолимыми стены, возведенные колдовством. Он стал слабее, но насколько, — она пожала плечами, — я не знаю, а значит, нужно торопиться.

— Ну так что же ты медлишь? — Фабиан волновался не больше них, но волнения своего, в отличие от сестер, не скрывал.

— Сейчас. — Зита полистала обгорелые остатки фолианта и облегченно вздохнула — по счастливой случайности, все, что им было нужно уцелело. Она приготовилась читать заклинания.

Глядя на них, Эмерик нервно облизывался. Он был пресыщенным, уставшим от жизни законченным негодяем и умирать не хотел. Он любил себя таким, каков он есть, и при одной только мысли, что он может лишиться — чего? да всего, что было ему так дорого! — его тело покрывалось липким потом.

Во все глаза он следил за девушкой, которая готовилась сделать то, на что сам он пойти решительно отказался — ради всех рискнуть собственной жизнью, выманив на себя демона. И хотя он оставался внутри, в относительной безопасности, его трясло от страха, а в горле пересохло.

В голове роились сумасшедшие мысли. Он вдруг подумал — а не разыгрывают ли они его? Может быть, они сговорились, пока он спал, бросить его здесь одного и уйти?! От этих мыслей закружилась голова. Он даже не подумал о том, почему они давно уже не сделали это — страх лишил его способности рассуждать. Трясущимися руками он налил в кубок вина и, залпом выпив его, закрыл глаза.

Неясный вздох донесся до окончательно спятившего от страха Эмерика и, мертвенно побледнев, он рывком открыл глаза, испуганно озираясь.

Странное видение предстало перед его глазами, еще усилив страх, хотя, казалось, это было уже невозможно — глаза Эмерика округлились, когда он увидел, как стены комнаты задрожали, словно в жарком мареве, поднимающемся от груды раскаленных камней, а очертания предметов стали расплывчатыми. Белая ткань защищавшей их паутины спеклась и поплыла, шипя и пузырясь, как сыр на куске хлеба в огне очага.

Он зажмурился и потряс головой — не может быть, чтобы вино подействовало так быстро и так сильно. Но, открыв глаза, увидел, что страшное видение не ушло, и вдруг услышал голос Мелии:

— Это он?

— Да, — ответила Зита, — паутина сдерживает его силу. Она должна защитить нас.

Она говорила то, что они хотели от нее услышать, и Мелия не слышала в голосе сестры прежней уверенности,

но промолчала: если остальным этот обман поможет хоть ненадолго — и то хорошо.

Эмерик недоверчиво осмотрелся. Стены плавилась от нестерпимого жара, царившего снаружи, непонятные волны начали пробегать по ним, сталкиваясь между собой, порождая вихри, невообразимым образом, словно в дурном сне, закручивая стоящие на полках или висающие на стене предметы, причудливо искажая их форму. Временами все успокаивалось, потом поверхность подергивалась рябью, служившей предвестником нового вихря, и все начиналось сначала.

Однако мебель, стоявшая у стены, имела вполне нормальный вид. Странная буря кончалась сразу перед ней, старательно слизывая паутину Затха, защищавшую четверку обреченных, спрятавшуюся внутри.

Словно рыба, выброшенная на песок, Эмерик судорожно ловил открытым ртом воздух. Только бы выбраться отсюда! Он никогда больше не будет иметь дел с колдунами, а любого, кто произнесет при нем слово «колдовство», задушит собственными руками!

Впрочем, и остальные выглядели немногим лучше, ведь умирать не хотелось никому...

Зита с тоской думала о том, что так прекрасно начавшийся день, когда она, полная честолюбивых планов, мечтала о предстоявшей ночи, которая должна была подарить ей могущество, сравнимое лишь с мощью великих магов древности, кончился нынешним положением, когда Нергал стоит за спиной, в нетерпении постукивая копытом и положив руку ей на плечо, и словно спрашивает: «Ну что ты тянешь, девочка?»

Мелия воспринимала происходящее более спокойно. Ей жаль было Зиту и жаль было себя. Ей было жаль Фабиана, которого Зита затащила сюда обманом — теперь она знала это. И хотя источником всех их бед был Эмерик, ей было жаль даже его.

Фабиан по натуре был трусом, хотя внешне и не производил такого впечатления, и сейчас он с ужасом думал о том, что вот и подошел конец его жизни, а ведь он и пожить-то толком не успел! Ему всего двадцать, и сколько

еще его ждало впереди неизведанных радостей, ведь он был богат и красив!

Высокий и не обделенный от природы ни силой, ни красотой, на первый взгляд он вполне мог посоперничать и с Конаном, хотя человек опытный без раздумий поставил бы на мощные, нажатые трудом мышцы варвара, угадав в хоть и крепкой, но уже подернутой жирком фигуре Фабиана следы праздности и лени, сладкой жизни и изнеженности, которым не по силе противостоять настоящей опасности. Ему стало до боли жаль себя.

От этих мыслей его оторвали слезливые стоны Эмерика, нервно ломавшего руки. Фабиан открыл глаза и увидел, что приятель его дошел уже до последней черты — еще немного, и он падет на пол, жалобно скуля и заливаясь слезами.

— Что же теперь делать, что делать?

Зита резко обернулась. Взгляд ее пылал гневом, который трудно было предположить у этой молоденькой, робкой девушки.

— Ты, кажется, забыл, по чьей милости мы оказались в таком положении?

— Ты хочешь обвинить меня?! — неожиданно взвизгнул он. — Я, может быть, и совершил глупость, но никому не хотел зла, а вспомни-ка лучше, кто привел нас сюда?! Ну? Что скажешь? Тебе нужен был этот проклятый камень? Ну так пошла бы и взяла его! Зачем мы здесь?!

Глаза Зиты зло сверкнули, но она смолчала. Зато у Фабиана от злости все поплыло перед глазами. Ему было наплевать на не лишённые логики доводы Эмерика. В голове у него вертелась лишь одна мысль — этот живой телом, но мертвой душой полутруп вверг их в беду, из которой нет выхода!

Нет выхода!

Эта мысль болью пульсировала в голове. Что может быть страшнее положения, из которого *нет выхода!*.. Кроме...

Он вскочил, еще не зная, что сделает в следующий момент, и слова сами посыпались из него:

— Надо отдать ему этого засранца! — Он ткнул пальцем в грудь Эмерика. — Может, твой демон и угомонится, заполучив того, кто вызвал его сюда! Вырвал душу из тела, дважды проволоком сквозь колдовские барьеры! Сам заварил кашу, пусть сам и расхлебывает!

Эмерик побледнел. Он смотрел на Фабиана ненавидящим взглядом, не в силах выговорить ни слова, по лицу его струился холодный пот.

— Все! Хватит ссориться! Сейчас не время! — закричала Мелия, и крик ее словно спустил некую пружину внутри тщедушного Эмерика — не все, оказывается, на стороне этого борова! Он будет защищаться!

— А ну, попробуй! — заверещал Эмерик, схватив массивные каминные щипцы и замахнувшись ими на Фабиана. Как крыса, загнанная в угол, в отчаянии бросается на человека, так и он изготовился, быть может, к последнему, но решительному бою. — Да я сейчас самого тебя выброшу вон! Наверняка твоя кабанья туша больше придется ему по вкусу!

За этой ссорой никто из людей не увидел, как стены налились тревожным багровым сиянием. Понемногу, совсем незаметно, кокон начал продавливаться внутрь — все больше, все сильнее! — туда, где находилась дверь и не было дополнительного сопротивления толстых каменных стен, которые каким-то образом усиливали заклятье, наложенное Зитой.

Девушки не успели вмешаться. Зита лишь подняла руки, запоздало поняв, что сейчас произойдет, Мелия вскрикнула и бросилась на помощь, но было уже поздно... С легкостью отбив жалкий выпад Эмерика, Фабиан схватил его за грудки, благо силы ему было не занимать, и швырнул в сторону выхода.

— Путь свободен!

Фабиан был настолько силен, что десяток локтей, отделявших его от двери, Эмерик пролетел по воздуху, выронив по пути бесполезные теперь щипцы, налетел на извивающуюся словно в дурном сне дверь и вдруг завизжал не своим голосом, словно от невыносимой боли.

— А-а-а-а! — Его истощный, полный ужаса и страдания крик заставил всех оцепенеть.

Эмерик висел, словно прилипнув к двери спиной, тело его конвульсивно извивалось, словно ужасные невидимые челюсти прожевывали его, не дожидаясь, пока плоть прорвется сквозь паутину. Человек захлебывался криком. Тело билось, словно его сводило чередой жестоких судорог, руки и ноги произвольно болтались, словно у тряпичной куклы, на губах выступила кровавая пена.

— Что ты наделал! — Мелия первой очнулась от шока и бросилась на помощь Эмерiku.

— Не трогай его! — истощный крик Зиты остановил ее в локте от несчастного. — Ему уже не поможешь!

От вида того, что творилось с человеческим телом, еще недавно бывшим их товарищем, а теперь пожираемым Незримым — демоном, вызванным им же самим, людям становилось дурно, но глаз отвести они были не в силах.

Дело подходило к концу. Из-за извивающейся стены послышалось глухое, чмокающее ворчание, и Эмерик завизжал, словно из него начали выедать внутренности. Кожа пошла трещинами, и на лопнувших местах появились кровавые потеки. Кровь стекала на пол, где уже образовалась лужа.

Эмерик захлебывался кровью, и они слышали, как трещат, ломаясь, кости бедняги. В следующий момент тело Эмерика начало комкаться, словно стремилось сжаться в шар, пока не превратилось в комок сочащейся кровью плоти, из которой торчали белые обломки костей.

Что-то еще булькало и переливалось, некоторое время комок уменьшался в размерах. Неожиданно один глаз вывалился на пол, комок резко сжался и исчез.

Мелию колотило. Она не могла стоять на ногах, но как ни странно, сознания не потеряла. Фабиан, сидя на диване, трясся от страха, и единственной, кто не потерял самообладания, оставалась Зита. Она медленно повернулась к гиганту.

— Ты знаешь, что ты наделал? — Она посмотрела на своего кавалера едва ли не с ненавистью. — Незримый по-

жрал его! Каким бы ни было до сих пор наше положение, теперь оно стало во сто крат хуже! И уже это благодаря тебе! — Она сделала паузу, быть может для того, чтобы придать значительность своим словам, и понизила голос почти до шепота. — И запомни: если ты еще хотя бы шевельнешься без моего разрешения, считай себя трупом!

— Ну ты! — взвизгнул верзила неожиданно тонким голосом, которого тут же сам устыдился. — Если не перестанешь разговаривать со мной в подобном тоне, я и тебя кормлю этой тварью!

Как ни странно, но Зита даже не рассердилась.

— Ты можешь сделать это — ты ведь такой сильный! — Она окинула Фабиана презрительным взглядом. — Может быть, мы все и умрем, но знай: чем сильнее он становится, тем страшнее будет смерть каждой следующей жертвы. А теперь, если хочешь, убей меня, но, глядя на мою смерть, помни — твоя будет во сто крат страшнее! — Она выжидательно смотрела на Фабиана, и когда увидела, что смысл сказанного дошел до него, закончила: — Если же хочешь разумного совета — держись меня. Это единственный шанс уцелеть. Не только для тебя — для всех нас. Ты по-прежнему нужен нам, но ни шагу без моего ведома!

Казалось, сильнее напугать его было уже нельзя, но теперь гигант смотрел на Зиту взглядом, ясно показывавшим, что прежние ужасы он уже считает просто детскими страхами.

— Ну?! Так да или нет? — Зита требовательно посмотрела на него, и Фабиан судорожно кивнул, не в силах произнести ни слова.

Конан возвращался, не очень-то представляя, зачем делает это. Он знал, что не в силах помочь людям и ничего не сможет сделать с отвратительным черным облаком, которому не знал названия, зато хорошо помнил его угрозу: «Я вернусь и тогда возьму тебя!» — и чутье подсказывало ему, что это не пустые слова.

Он вернется.

И вернется тогда, когда почувствует возможность совершить то, что сказал. Значит, нужно лишить его этой воз-

можности или найти способ уничтожить тварь до того, как она обретет достаточно сил.

Получалось так, что, лишь идя на смерть, можно было попытаться спасти себе жизнь!

Стена справа, стена слева. Небольшие ниши с застывшими на пьедесталах фигурами, оружие, развешанное по стенам. Все терялось в непроглядно густой тьме, но обостренное чутье варвара безошибочно подсказывало ему где что.

Вот выступ в стене — это уходит под потолок колонна. Ее не видно, но она почти физически давит на грудь, предупреждая: я здесь! Нужно только уметь отличить ее уверенный голос от тихого шепота ниши — иди смело, впереди ничего, пустота! — по неожиданной легкости, пришедшей на смену нажиму.

У оружия свой стиль: сталь холодит, а руки сами тянутся погладить острый клинок, сжать рукоять меча или ощутить приятную тяжесть секиры, дарующую ощущение безопасности и силы. Щиты соблазняют иным, обещая: возьми меня, я защищу, лишь бы держащая меня рука была тверда!

Безумный вопль неожиданно ударил Конана по ушам, заставив вздрогнуть и остановиться, но лишь на миг — кричали именно там, в комнате, в которую он шел. Кто-то заходил криком так, что ушам было больно. Не думая о последствиях, Конан бросился вперед.

Несмотря на молодость, он много чего успел повидать на свете, и уж во всяком случае, крови и боли в достатке, но такого вытягивающего душу человеческого вопля он еще не слышал. От этого крика кровь стыла в жилах, а волосы поднимались дыбом.

«Да что они там — с ума посходили?!» — подумал он, и в этот момент крик перешел в визг, сравнимый разве что с застывшим на одной, нескончаемо высокой ноте визгом заживо съедаемого поросенка. Равнодушно относившийся к крови Конан почувствовал тошноту.

«Кром! Этого еще не хватало! Да что они там делают?!» — едва успев подумать об этом, он понял, что опоздал — крик оборвался. На мгновение остановившись, чтобы

выругаться, он вновь пошел вперед, осторожно, словно тигр, вышедший на охоту, но когда подошел к двери, на этот раз плотно закрытой, все уже стихло.

Он подошел к ней вплотную и осторожно протянул вперед руку, в тот же миг почувствовав слабое жжение в пальцах, и ему почудилось, что какие-то призрачные нити потянулись к ладони, стремясь ухватиться за нее. Нет, лучше этого не касаться.

Дверь была густо вымазана кровью. Конан не мог видеть ее, но чувствовал горячее дыхание уходящей жизни и ее острый запах, не сравнимый ни с чем. Тот же след указывал вглубь коридора. Конану пришла в голову дикая мысль, что так могло случиться, если кто-то нес наполненные до краев ведра с кровью, которая расплескивалась при каждом шаге.

Он пошел по следам, но кровавые лужицы попадались все реже и становились все меньше — след иссякал. Сперва они превратились в подобию плевков, которые вскоре сменились каплями. Число их все уменьшалось, пока они не перестали встречаться вовсе.

Киммериец потерял след и осмотрелся, напряженно вглядываясь в плотную завесу мрака, но ничего примечательного не увидел и не почувствовал. Тогда он вернулся к двери и прислушался — оттуда доносились голоса, но слышны они были настолько неясно, что, постояв немного в нерешительности, он решил вернуться туда, куда вели кровавые следы, и выяснить — куда же девались ведра с кровью?

— Сестра, ты что-нибудь можешь сделать?

Мелия говорила спокойно, но по лицу ее видно было, что она еще не оправилась от испытанного потрясения. Только что девушка воочию увидела, что ждет их всех, если они не сумеют что-то придумать — если Зита не сумеет...

— Могу, — кивнула она, — но вы должны помочь мне — ты и он, — она ткнула пальцем в сторону единственного оставшегося с ними мужчины, — и план у нас прежний — нам нужен талисман — это единственный шанс спастись!

— А нельзя обойтись без него?

Теперь, когда Фабиан убедился в реальности и силе Незримого, он уже не испытывал прежнего трусливого оптимизма, а лишь удивлялся своей недавней глупой вере в успех, и страх, который до сих пор ему удавалось, хоть и с трудом, подавлять, теперь заставлял его думать лишь о том, как бы спастись самому. Плкнуть на все, отсидеться в каком-нибудь потайном уголке, недоступном для демона. Вот только где он — этот уголок?

Зита брезгливо посмотрела на Фабиана. Она мгновенно поняла его мысли, то ли по выражению лица, то ли интуитивно почувствовав, что ни на что иное, кроме бегства и предательства, он уже не способен, и насмешливо ответила:

— Зря ты мечтаешь отсидеться — от Незримого не спрячешься и не убежишь!

«Вот ведьма!» — с ненавистью подумал верзила, а она продолжала:

— Мне кажется, что ты не до конца понял, что случилось. — Она посмотрела ему в глаза, но он молчал. — Когда Эмерик совершил первую глупость, прочитав заклинание, демон явился в наш мир. Колдовство оказалось необыкновенно сильно, но и оно не смогло освободить его полностью, а лишь выдрало черную душу из тела и перенесло ее к нам. Эта душа обязана была служить вызвавшему, но Незримый могуч и непокорен даже в нормальном состоянии, а взбешенный болью, стал почти неудержим! И все-таки шанс победить у нас был, и немалый, ведь мы оказались надежно защищены и имели в запасе достаточно времени. Мы вполне могли не торопясь подготовиться и развоплотить его. — Девушка сделала паузу, чтобы смочить губы вином, и продолжила: — Когда твой приятель повторил свой идиотский поступок, положение наше осложнилось. Не скрою, в первый миг я подумала, что мы пропали, но постепенно все встало на свои места, нам вновь удалось защититься, и шансы на спасение по-прежнему оставались весьма высоки. Хотя Незримый и прорвался в дом, а значит, стал для нас опаснее, но наверняка потерял при этом много сил, а времени в запасе у нас появилось еще больше.

— Что же мешает тебе сейчас проделать то же самое? — зло процедил сквозь зубы Фабиан. Его выводило из себя высокомерие сопливой девчонки, которая должна была, быть может в этот самый миг, рыдать под ним от восторга, а вместо этого открыто выказывала ему свое презрение.

Тут он, сам того не ожидая, почувствовал бешеный приступ похоти. Ему захотелось схватить эту маленькую сучку, задрать платье и показать, на что он способен и на что годится она! Он весь напрягся, похожий на мастафа перед решающим рывком, но следующая фраза Зиты пригвоздила его к месту и одновременно возбудила еще сильнее:

— Ты, мерзавец!

— Я?! — Он был настолько шокирован ее ответом, что даже не заметил его откровенно оскорбительной формы.

— Ты дал ему лишний шанс одолеть нас, а он и без того слишком силен! Ты и Эмерик! Вы — два болвана, едва не превратившие нас в живых покойников. Эмерик сделал две глупости и умер, теперь ты бросился догонять его!

— Эмерик получил по заслугам! — От злости лицо Фабиана пошло пятнами. — Ты сама знаешь, что именно он протащил эту тварь сюда и в первый и во второй раз, и если нам всем суждено из-за него умереть, то я считаю, что он легко отделался!

При этих словах Мелию передернуло от отвращения, а Фабиан продолжал орать:

— Если уж считать виноватых, начни с себя, колдунья сопливая. Не разбрасывала бы книги с заклинаниями где попало, ничего бы и не случилось!

Зита задыхнулась от возмущения, и тут Мелия, до тех пор молча наблюдавшая за ссорой несостоявшихся любовников, не выдержала:

— А ну замолчите оба! Не время теперь спорить, выясняя, чья вина больше — все мы наделали ошибок. Сейчас важно другое. Он ищет плоть и не успокоится, пока не добудет ее.

— Он получил Эмерика, — процедил сквозь зубы верзила, — пусть подавится им.

— Идиот! — прошипела Зита, но уже тише. — Он же демон! Он не может существовать в человеческом теле! По крайней мере плоти одного человека ему мало, но первый шаг он уже сделал и не успокоится, пока не возьмет нас всех! — При этих словах Фабиан зябко поежился, мгновенно вспомнив, как страшно умирал Эмерик. — Мы должны вернуть талисман, — в который уже раз повторила она, — но это очень опасно, ведь едва мы выйдем отсюда, Незримый начнет охотиться за нами.

Она посмотрела на Фабиана, у которого стояло перед глазами лицо Эмерика, с дико распахнутым в вопле безумной боли ртом, с выпученными, вылезшими из орбит налитыми кровью глазами, один из которых потом вывалился на пол, и Фабиан поймал себя на идиотском желании вспомнить: какой же он был — правый или левый?

— Не пойду! — зло огрызнулся он и с ненавистью посмотрел на Зиту. — Ты знаешь дорогу к тайнику, знаешь, как его открыть, и сможешь воспользоваться талисманом, ты и иди!

Девушка обессиленно опустила руки.

— Я уже устала объяснять тебе, почему не могу сделать этого сама.

— Все равно не пойду, — отрезал он, — потому что не верю тебе — так или иначе мы все подохнем, так что я предпочитаю напиться до бесчувствия и подождать здесь.

Закончив говорить, он отвернулся, всем своим видом показывая, что решение его окончательно и менять его он не намерен. Зита поджала губы и зло бросила:

— Эмирику это не очень-то помогло, если припомнишь — ему было достаточно больно...

Видимо, та же мысль одновременно пришла и в голову Фабиану.

— Заткнись, ты!.. — Он замахнулся на девушку, испытывая непреодолимое желание ударить ее, но, встретившись с ее презрительным взглядом, осекся и невольно опустил руку.

— Я предлагаю прекратить этот спор. — Мелия встала со своего кресла и, пройдя пару шагов, остановилась между

ними. — Каждый из нас волен поступать так, как ему кажется правильным. Фабиан, — она повернулась к великану, — ты можешь начинать прямо сейчас, вино на столе. — Она посмотрела на сестру. — Если уж смерти не избежать, то я предпочитаю умереть, пытаясь спастись.

Фабиан смотрел на них во все глаза. Он-то думал, они бросятся перед ним на колени, станут молить о помощи...

— Но мы не справимся без него. Нам нужен мужчина, — Зита с отвращением кивнула на Фабиана, — хотя бы такой.

«Наконец-то поняли!» — со злорадством подумал он и потому решил молча проглотить это «хотя бы такой». Страх и жажда жизни боролись в нем. Жажда жизни говорила, что стоит рискнуть, и если повезет, благодарность сестер несомненно вознаградит его за страхи.

Но страх убеждал, что шансов нет, что все это — пустые мечты. Нужно воплотить их здесь, сейчас, пока еще есть время. Взять силой то, чего хочется, а потом напиться и вскрыть себе вены. И не будет никаких мук, которыми пугает его проклятая колдунья! Правда... и жизни тоже уже не будет. И спор начинался сначала.

— В доме есть еще один мужчина, — неожиданно услышал он, — по крайней мере был! — Это подала голос Мелия. Зита с удивлением посмотрела на сестру, и та пояснила: — Помнишь воина-северянина, которого мы разглядывали? Так вот — тот постамент прежде всегда пустовал! Там никого никогда не было!

— Как так? — Зита недоверчиво смотрела на сестру. — И почему ты ничего не сказала нам?!

— А вот так! Это был вор! — Глаза девушки озорно сверкнули, она чувствовала воодушевление. — И хороший вор, умный — он спокойно стоял, опершись о меч, которым в любой момент готов был посрубить нам головы, если бы мы что-то заподозрили, а мы рассматривали его, хвалили мастерство скульптора, сравнивали с ним Фабиана, а он стоял и смеялся над нами!

— Но почему ты до сих пор молчала? — продолжала настаивать Зита.

Сестра ее на миг прикрыла глаза. Она не могла вспомнить, когда поняла это. Возможно, когда оглянувшись, пройдя дальше по коридору, и ей показалось, что фигура чуть шевельнулась во тьме... Возможно, позже. Но затем случилось так много всего. Она попросту забыла... Но сейчас ей не хотелось признаваться в этом остальным. Приятно было насладиться их изумлением.

— Разве я молчала? Если припомнишь, я сказала, что не помню этой статуи, но настаивать не стала — не хотела вас беспокоить, особенно когда поняла, что меч он достал неспроста и опирается на него не напрасно. Но нужно торопиться: как бы он ни был умен и силен, как бы удача ни благоволила ему, но если он жив, то продлится это не слишком долго.

— Ты права, сестра. — Зита повернулась к Фабиану. — Ну так как — ты идешь с нами или пьешь?

— Между прочим, — вдруг заявила Мелия, не дожидаясь его ответа, — тот воин, на которого ты так похож, наверняка согласился бы!

— А кто тебе сказал, что я не соглашусь? — к собственному удивлению услышал он свой голос и выругался про себя. Дернул же его Нергал за язык!

Мелия равнодушно кивнула и повернулась к Зите, которая вдруг засуетилась.

— Раз ты идешь, — она небрежно кивнула Фабиану, — нужно действовать быстро, потому что теперь у нас есть приманка для Незримого.

Зита ободряюще улыбнулась сестре, но та лишь огорченно вздохнула — ей вовсе не хотелось подставлять под удар незнакомца. Хотя, с другой стороны — это не ее вина. Он сам забрался в дом. Она посмотрела на Фабиана, пожирившего ее взглядом, но лишь равнодушно кивнула ему, поглощенная своими мыслями. «Нергалово отродье! — зло подумал он. — Никакой благодарности!»

Конан стоял на лестнице и думал: наверх или вниз?

Несколько шагов назад кровавые следы кончились, и сколько Конан ни искал признаков, указывавших дальнейший путь — все было напрасно. Следов не было.

Он пожал плечами и двинулся вниз, руководствуясь нехитрым правилом: ищи нечисть в норах и подвалах. Это был тот самый подвал, где он нашел тайник, с длинным коридором, поделенным пополам массивной бронзовой дверью, доставившей Конану столько хлопот, с двумя рядами крепких деревянных дверей по обе ее стороны, которые тогда не интересовали молодого варвара.

Правда, сейчас он тоже не знал, что искать, а потому ходил и осматривал помещения, в надежде, что найдется нечто, что в силах будет помочь ему выбраться отсюда. Может, какой-то тайный подземный ход, на который не распространилось действие колдовства, или еще что-то в этом роде. Кто знает?

В начале коридора все комнаты оказались заперты, зато с другой стороны бронзовой двери все было открыто настежь, и он заходил во все подряд комнаты, попадающиеся на пути, пока в одной из них не обнаружил странное собрание чучел и скелетов. Из любопытства он задержался, чтобы поподробнее осмотреть их.

Зита повернулась к сестре.

— Все. Мы можем идти. Ты готов? — Она вопросительно посмотрела на Фабиана.

Тот кивнул и встал, слегка покачиваясь. За несколько минут он успел со страху выпить все вино, которое нашел, но желаемого облегчения не наступило. «Как и предупреждала проклятая колдунья!» — зло подумал он.

— Не надо было тебе пить, — укоризненно покачала головой Мелия.

— Я с-сам знаю, ч-что мне надо, — огрызнулся Фабиан и, покачнувшись, обернулся к Зите: — С-снимай свое проклятое заклятье!

— Если бы ты меньше пил, то знал бы, что оно уже снято.

Он посмотрел на девушку пьяным взглядом.

— Л-ладно, хватит болтать, — подошел к двери и толкнул ее — дверь не поддавалась, тогда он поднажал обеими руками.

— О, Митра!

Фабиан завозился у двери и некоторое время девушки не могли понять, чем он там занят. Наконец он с усилием оторвал руки от двери и уставился на толстый слой густой полужастывшей крови покрывавший его ладони. Некоторое время он тупо разглядывал их, а потом бросился оттирать кровь об обивку дивана.

Мелия широко раскрытыми глазами наблюдала за его судорожными движениями, а Зита брезгливо наблюдала за ним, стоя чуть сзади, пока не потеряла терпения.

— Идем, Фабиан, если останемся живы, у тебя еще будет время умыться.

И они пошли — девушки впереди, Фабиан сзади. Ему чудились шорохи и чье-то приглушенное дыхание. Он по-минутно оглядывался и вздрагивал, постоянно смотрел на свои выпачканные кровью Эмерика ладони и что-то бубнил под нос.

— Тихо, — прошептала вдруг Зита. — Ты что, хочешь позвать его?

Фабиан дернулся, судорожно оглянулся, но замолчал и дальше уже шел молча, стараясь держаться поближе к девушкам.

Конан поднял повыше лампу. Та, первая, что он прихватил у двери, когда шел за талисманом, и которая верно послужила ему, лежала разбитая на нижней площадке лестницы — кто-то неизвестно зачем запустил в нее подсвечником, валявшимся там же — и он поразился, что не поленился на всякий случай захватить с собой еще одну.

Все здесь было покрыто пылью так же, как и в коридоре: и пол и столы, чучела и скелеты. Здесь было много такого, о чем Конан и представления не имел. Некоторые из скелетов могли принадлежать лишь тварям, которым явно не было места на земле, и где владелец собрания приобрел их, можно было только гадать.

А вот среди чучел Конан не нашел ничего необычного. Правда, все, что здесь было собрано — будь то чучела или скелеты — выглядело несколько однобоко. В основном это

были крокодилы, жабы и прочие гады, крысы и ночные твари, на день прятавшиеся от солнечного света и людских взглядов. Был тут и волк и еще несколько крупных хищников, но они казались скорее исключением из общего правила.

Внезапно Конан насторожился. Его острый слух различил неясные голоса, доносившиеся сверху. Он быстро обмотал фонарь тряпкой и, поставив его в угол, выглянул наружу.

Зита почти не хромала. Они уже подошли к лестнице и собрались спуститься в подвал, когда Мелия, оглянувшись, переменялась в лице.

— Бежим! Он идет следом!

— Кто идет? — тупо спросил Фабиан и вдруг, с диким воплем затравленного зверя отпихнув девушек, помчался вниз, перескакивая через две ступеньки, а затем и по коридору, сам не зная, куда и зачем бежит.

Именно в этот момент Конан, привлеченный шумом, высунулся в дверь. Он увидел молодого мужчину, который ломился во все комнаты подряд, но все они оказались заперты. Наконец разум окончательно покинул его, и, словно именно за этой дверью его ждало спасение, он начал с криком дергать за ручку запертой двери, пытаясь открыть ее. Пробегая мимо, Зита потянула его за собой, но не ей с ее слабыми руками было тягаться в силе с великаном.

Мелия дернула сестру за руку.

— Пусть этот трус остается здесь!

— Да как ты не понимаешь — без него мы пропали! Где нам искать твоего вора?

И когда до Мелии дошел весь ужас положения, она схватила Фабиана за вторую руку. Теперь уже обе сестры пытались увлечь единственного своего мужчину за собой, но все было тщетно. Наконец, поняв, что настал момент, когда нужно спасать свои жизни, они побежали дальше, а Фабиан так и остался стоять, намертво вцепившись побелевшими пальцами в толстую бронзовую скобу. Теперь он был совершенно спокоен, и только губы его продолжали монотонно шептать что-то неразборчивое и бессмысленное.

Мелия и Зита в ужасе бежали по коридору, не зная, куда спрятаться. Они чувствовали, что еще немного, и они, подобно Фабиану, лишатся воли и разума, и ворвались в первую же открытую дверь. Мелия скорее ощутила, чем увидела темную тень, неслышно скользнувшую за спиной.

Все — это конец.

Она почувствовала огромную горячую ладонь, закрывшую ей рот, и отчаянно заизвивалась, размахивая руками, лягаясь ногами, одним словом — пытаясь освободиться. Сердце ее безумно заколотилось от страха, она даже не сообразила, что у Незримого, лишённого плоти, не может быть горячих ладоней! Чуть повернувшись, она увидела, что и Зита в таком же положении — висит в воздухе, размахивая руками — и прежде чем успела понять, что же произошло, услышала торопливый шепот:

— Тихо, тихо вы. Успокойтесь. Я не сделаю вам ничего дурного.

В другой обстановке и в иное время их жалкое сопротивление вызвало бы лишь смех Конана, но сейчас он оставался серьезен. Наконец до них дошло, что это не Незримый закрыл им рты руками, чтобы не кричали, а скорее всего тот самый вор, которого они решили принести демону в жертву в качестве приманки.

Они затихли, и Конан осторожно отпустил их. Девушки смотрели на него не только с тревогой и надеждой, но и с интересом, хотя положение их было, прямо скажем, совершенно неподходящим для этого.

«Хвала Митре, сохранившему ему жизнь, — подумала Мелия, — было бы жаль, если б он умер». Она смотрела на Конана с явным облегчением и... восторгом!

«Хвала Затху, — думала Зита, — теперь у нас есть другой мужчина — настоящий, а значит, не все еще потеряно».

Две красавицы смотрели на молодого варвара, одна с восхищением, другая с непонятной радостью, но он нахмурился и беззлобно проворчал:

— После насмотритесь, клянусь Кромом, а сейчас лучше помогите мне. Нужно запереть эту проклятую дверь!

Мелия вспыхнула, сообразив, как глупо она выглядит со стороны — никогда еще она не позволяла себе так, не скрываясь, пляться на мужчину! Что подумает сестра! Она обернулась и увидела, что Зита вряд ли видела ее «позор», поскольку сама выглядела ничуть не лучше.

Она рассмеялась и, быстро затворив дверь, повернула ключ, а Конан, навалившись на шкаф плечом, легко поставил его на новое место. Ему не понадобилась их помощь, но пристальное внимание двух красавиц, с каждой из которых он с удовольствием пообщался бы при иных обстоятельствах, сейчас, непонятно почему, досаждало ему.

Зита скептически посмотрела на результаты его усилий и покачала головой.

— Ты думаешь, это жалкое препятствие сможет удерживать демона?

Она сильно волновалась, хотя и старалась не подавать вида. Только что за ними по пятам гнался Незримый, потом их кто-то схватил, и сердце ее едва не выпрыгнуло из груди, но — странное дело — едва она увидела перед собой этого огромного воина, вора, похожего на северного бога, как странное спокойствие охватило ее, а Мелия — она покосилась на сестру — даже сумела рассмеяться! Словно им и не грозило ничто! Это было удивительно!

Конан спокойно пожал могучими плечами.

— Не знаю, красавица, но до сих пор это поганое облако плавало по коридорам, а сквозь камень не пролезало.

Лишь только он сказал это, как снаружи раздался первый, мощный удар, сотрясший стену и поднявший тучу пыли. Девушки инстинктивно прижались к Конану, ища у него защиты. Даже Зита от страха забыла о том, что она колдунья. Они смотрели на продолжавшую раскачиваться преграду. Дверь треснула в нескольких местах, и даже девушкам стало ясно, что жить ей осталось недолго.

Тем временем Фабиан, все так же тупо глядя перед собой, продолжал чуть слышно скулить. В царившей в коридоре абсолютной темноте он вряд ли смог бы что-либо различить, но даже будь здесь светло, это ничего не дало бы — разум его еще не проснулся, он лишь готовился вос-

прять — что-то уже начало проникать внутрь сознания, и когда со страшным треском сломалась дверь, с грохотом обрушилась баррикада и с низким, грозным ревом Незримый ворвался внутрь, чтобы пожрать людей, сознание наконец вернулось к Фабиану, и он с истошным воплем бросился прочь.

Демон ворвался внутрь, но Конан загородил собой девушек, держа фонарь в вытянутой вперед руке. Незримый закружился вокруг него, но, отпугиваемый талисманом, к которому не смел приблизиться, ослепленный светом лампы, не мог причинить вреда людям. Девушки, памятуя о недавнем происшествии в зале, боялись поднять глаза, опасаясь встретиться взглядом с Незримым, но даже если бы и сумели преодолеть страх — это ни к чему бы не привело. В комнате царил полумрак, в котором они вряд ли сумели бы различить его черную душу.

Лишь Конану с его обостренным восприятием удавалось следить за демоном, не позволяя ему напасть сзади. Некоторое время продолжался нелепый танец трех людей и Незримого, пока киммериец не понял вдруг, что если потухнет единственная лампа в его руке то они, ослепнув, окажутся во власти монстра.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Мелии, потому что в один из моментов, когда они оказались у двери, она вдруг выхватила факел из кольца в стене и, ткнув его в лампу Конана и дождавшись, когда он разгорится, быстро зажгла от него еще пару факелов, находившихся поблизости. Факелы разгорелись и постепенно комнату залили потоки яркого света.

Девушки увидели черное облако, с грязно-бордовым оттенком, затаившееся в углу. Свет не мог причинить вреда демону, но он напрочь потерял ориентацию, подобно сове, вылетевшей в полдень под ясное око Митры. И, что самое важное, не мог поймать взглядов людей!

— Что? Не по вкусу? — Конан довольно ухмыльнулся. — Это тебе не девушек в темноте пугать!

— Глупец! Ты не знаешь, с кем связался! — донеслось из недр облака, и людей обдало ледяным холодом.

— Выходи на свет, отрыжка Нергала! Хватит прятаться!

— Ты хочешь видеть? Что ж — смотри! — отозвалось чудовище утробным голосом.

Ответ показался им странным, и поначалу никто из троих не понял, что произошло и на что они должны смотреть, но потом Конан заметил, как то здесь, то там от отдельных скелетов отделяются кости и косточки, собираясь в какую-то непонятную конструкцию в центре комнаты.

Мелия вскрикнула и прикрыла рот рукой. Что бы это ни было, но это было лишь начало! Начало чего-то страшного, о чем они пока не имеют представления, чего-то такого, что должно их уничтожить, иначе Незримый не стал бы тратить ни сил, ни времени на подобные глупости. И самым страшным было то, что она не понимала, что происходит!

Зита нахмурилась — до нее начал доходить смысл происходящего.

Тем временем на полу собрался скелетик некоей твари, мелкой и злобной, но явно неспособной причинить человеку вреда. Тварь, покачавшись на задних лапках и окинув их злобным взглядом одинокой дырки во лбу, поплелась в угол, где затаилось грязно-бордовое облако, и вскоре скрылась в нем. Облако забурлило, запенилось, словно в недрах его происходил некий процесс.

Конан выхватил меч, предчувствуя недоброе, но в следующий миг замер, пораженный увиденным. Девушки, все еще прятавшиеся у него за спиной, сдавленно вскрикнули и замолкли, и киммериец почувствовал, как впились ему в плечо девичьи пальчики.

Облако поднялось вверх, обнажив перед взорами людей некое существо... Оно не было похоже на зверя, но не было похоже и на человека, хотя стояло вертикально. Оно могло быть похожим на огромную ящерицу без хвоста, решившую прогуляться на задних лапах, если бы не крысиная голова с одиноким глазом во лбу, но главное — оно уже не было той мелкой тварью, что собиралась на их глазах из

косточек посреди зала. Теперь она была ростом с младшую из сестер.

— Это Эмерик... — в страхе прошептала Мелия.

Услышав свое имя, чудище дернулось неестественным для человека образом, застыло на полушаге и рывком уставилось на троих людей, замерших у двери. Крик ужаса застрял у Зиты в горле, Мелия сдавленно охнула, когда тварь прошла по ним злобным взглядом единственного ока, но самым отвратительным было то, что у уroda не было шкуры, лишь голые переплетения мышц и сухожилий, по которым редкими каплями стекала кровь, покрывали тело.

Периодически тварь начинала трястись всем телом, словно в жестоком ознобе, и тогда кровавые капли падали в пыль на пол. Одна из них пробежала по поверхности не прикрытого веком и оттого казавшегося непропорционально огромным глаза, оставив на нем кровавый след. Это словно бы навело тварь на некую мысль: урод рывком переместился на десяток локтей, вновь заставив девушек вскрикнуть от неожиданности, и, схватив чучело крокодила и одним быстрым движением вытряхнув из шкуры его содержимое, нырнул в облако, которое уже не было багровым, а вновь обратилось комком черноты небытия, неизвестно как попавшим в светлый мир Митры.

Едва тварь скрылась внутри, облако забурлило, но на сей раз все закончилось гораздо быстрее. Не успели девушки подумать о цели его действий, как урод выскочил наружу. Теперь тело монстра покрывала крокодильи шкура и оно уже не тряслось от озноба. Урод посмотрел на людей, пригнулся к полу, словно изготовившись к прыжку, и зашипел.

Зита взвизгнула, и Конан почувствовал, как обе девушки вцепились в него сзади.

— Убей его! — слышали люди мерзкий голос демона.

Тварь словно ждала именно такого приказа. Дернувшись, одним прыжком она сумела очутиться рядом с Конаном, но мощный удар кулака в висок отбросил ее к стене. Урод приподнялся на передних лапах и оскалился,

обнажив два ряда длинных и острых зубов. Что означал этот оскал — гримасу боли или улыбку — никто из троих не знал.

— Убей человека! — раздался повторный рык Незримого.

Тварь вскочила и одним движением сорвала со стены кривую туранскую саблю и небольшой круглый щит. Конан выхватил меч и приготовился. Он не знал, чего ожидать от монстра, но его способность передвигаться неестественно быстро настораживала, и, как оказалось, не зря.

Тварь нападала, молниеносным рывком подсакивая к Конану, наносила удар и так же быстро пропадала, уходя от ответного удара. Это раздражало, но гораздо хуже было другое — монстр оказался силен и неутомим. Он насккивал справа и слева, и при его быстроте выпады эти становились все опаснее, потому что происходили почти одновременно!

Странное дело, как только начался бой, облако в углу застыло, обратившись неподвижным сгустком тьмы. Конан заметил это сразу — он ждал, что тварь попытается прижать его к своему господину, но этого не произошло, и он понял, что урод был частью Незримого! Частью, отделенной от целого и способной действовать самостоятельно, но сейчас, когда исход поединка был чрезвычайно важен, Незримый посчитал необходимым непосредственно управлять созданным им монстром.

Киммериец невольно усмехнулся: тут Незримый явно просчитался и очень скоро поймет это. Поймет, что тварь и без его помощи сильна своей быстротой и непредсказуемостью, а стало быть, есть возможность спокойно заняться девушками, которых он сейчас, едва успевая отбивать наскоки твари, просто не в силах защитить.

И еще он понял, что эта вторая, созданная им из плоти Эмерика, часть не успокоится, пока не убьет Конана, а в том, что рано или поздно это случится, если, конечно, он ничего не придумает, варвар уже не сомневался. При всей своей силе и выносливости, он скоро начнет уставать, потеряет

быстроту и пропустит атаку, а одного правильно нацеленного удара вполне хватит.

Почти сразу Конан заметил, что его явно пытаются оттеснить от двери, чтобы, уловив момент, ни он, ни девушки не попытались спастись бегством, а это означало, что не все так просто и однозначно предрешиено, как вещал Незримый, значит, есть у них шанс спастись, раз демон, провозгласивший себя хозяином положения, опасается их бегства.

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Конана, подсказав единственно возможный выход — уничтожить тварь немедленно. Он не стал медлить, тем более что ее атаки хоть и были быстры, но действовала она однообразно, полностью положившись на тактику выматывания. Нужно было лишь выбрать удобный момент, и он не заставил себя ждать — четко угадав начало очередного броска своего противника, Конан шагнул навстречу и, чуть уклонившись влево, пронзил уродливое тело монстра мечом и, тут же выдернув его, оттолкнул тварь ногой.

Оружие выскользнуло из когтистой лапы монстра, он пал на четвереньки и завыл по-волчьи — дико и страшно.

Факелы начали чадить, грозя вскоре оставить их в темноте, но пока еще освещая пространство вокруг тусклым, желтоватым светом. Кровь капала из раны монстра, но он уже не выл от боли и предсмертной тоски, развернувшись и тихонько поскуливая, медленно пополз в сторону облака, замершего в самом темном углу комнаты.

Что все это означает и что должно произойти дальше, Конан понял мгновенно. Одним движением он закинул меч в ножны, схватил девушек за руки и бросился вон.

— Бежим! Сейчас он очухается, и все придется начинать сначала!

Уговаривать никого не пришлось. Мгновенно очутившись впереди Конана, они бросились вон, словно две ошпаренные кошки. Киммериец усмехнулся и последовал за ними. Он остановился всего раз, когда они миновали железную дверь, надвое делившую коридор.

— Бегите! — крикнул он девушкам, ухватился за рукоять, одним могучим рывком закрыл ее и запер, вогнав в

дверную скобу туранскую саблю монстра. Кто знает, на что способна тварь, созданная демоном, но как бы ни была она сильна, с дверью ей поюзиться придется!

Девушки бежали, от страха позабыв обо всем. Желание жить, даже не жить, а просто выжить в этот страшный миг оказалось настолько сильным, что Зита даже не вспомнила о талисмане, еще недавно составлявшем предел ее желаний, а теперь превратившимся в единственную возможность уничтожить Незримого, спасти свою жизнь. В тот момент, когда они выскочили из комнаты, он был всего в десяти шагах дальше по коридору, но она даже не посмотрела в его сторону!

В один миг они взлетели по лестнице, преодолели коридор, зал и второй коридор, и когда ворвались в комнату, Конан нагнал их.

На этот раз Зите не пришлось готовиться к колдовству. Всю дорогу она лихорадочно твердила слова заклинания, вызывающего паутину Затха, и, едва переступив порог, яростно выкрикнула их, произведя попутно необходимые жесты. Конан едва успел проскочить следом, как стены начали затягиваться знакомой уже белесой пленкой, которая должна была оградить их от Незримого.

Прошло совсем немного времени, и последний факел, тускло вспыхнув, потух, испустив перед смертью длинную струю дыма. Лишь только это произошло, монстр вышел из бестелесной плоти Незримого, застывшего в углу. Рана на груди твари затянулась, она стала сильна как прежде, но Незримый ослабел, пожертвовав частью своей силы. Выбравшись наружу, он быстро восстановил бы потерю, но здесь, в замкнутом пространстве, силу черпать было неоткуда, и каждая потеря становилась невозполнимой.

Неволью Незримый задумался над этим, хотя в первый момент хотел послать тварь следом, в надежде настичь беглецов. Однако мелькнувшая мысль о невозможности потери остановила его, заставив осмыслить создавшееся положение, а поразмыслить было над чем. Сам он не боялся стали клинка, но свет отнимал у него силы и, что было

еще хуже, ослеплял, лишая способности действовать. Именно поэтому он во время боя управлял монстром, желая видеть его глазом происходящее!

Тварь же, создание которой тоже не обошлось ему даром, не боялась света, но стала могла нанести ей ощутимый урон, скомпенсировать который он мог опять-таки лишь за счет ущерба себе самому. Быть может, он совершил ошибку, разделив себя на две, пусть и неравные, части, каждая из которых неизбежно оказывалась слабее целого? Но с другой стороны — это давало немалые преимущества, позволяя находиться одновременно в двух местах!

И все-таки он совершил непростительную глупость, рассчитывая с помощью своего творения, едва появившегося на свет, сразу расправиться с опытным и искусным бойцом, каким оказался проклятый гигант! По привычке он понадеялся на силу, совершенно забыв, что лишился большей ее части, и потерпел неудачу! Надо было действовать скрытно, и тогда его создание смогло бы поодиночке уничтожить людей, нападая на них исподтишка. Они даже не знали бы, кто их убивает!

Мысль была вполне здравая, но когда она пришла на ум, Незримый едва не зарычал от ярости. Ему, Незримому, с которым считались даже боги, приходится действовать тайно, изворачиваться, чтобы расправиться с жалкими людьми!

Тварь оскалилась и зашипела, обнажив острые, словно кинжалы, зубы. Она пошла вперед, а демон незримо плыл следом. Сейчас они поднимутся наверх и переловят людей, заберут их плоть. Незримый вновь станет единым, и не поможет уже варвару проклятый талисман, висящий на груди!

Тварь напряглась, упершись ногами в стену, Незримый накрыл его собой, отдавая новую порцию силы, клинок с другой стороны двери треснул, и дверь открылась. Путь был свободен.

Услышав голоса, Фабиан очнулся.

Собственно, тень мысли коснулась его ума чуточку раньше, когда в коридоре раздались шаги бегущих, но это была

всего лишь тень, подготовившая сознание к пробуждению. Почти сразу последовал недолгий всплеск, позволивший спастись из страшного подвала, и следом опять тьма... Лишь заслышав рядом голоса людей, он открыл глаза и осмотрелся. Обе сестры были здесь, а рядом с ними стоял незнакомец огромного роста, с растрепанной гривой смоляных волос. Пожалуй, он был даже выше Фабиана... Впрочем, не совсем незнакомец. Где-то Фабиан его видел.

Он принялся вспоминать. Вяло и неторопливо мысли сменяли друг друга. Черные шаровары, черная рубаша, синие, как лед с вершин далеких северных гор, глаза. Казалось — вечность минула с тех пор! Тогда они еще смеялись... но когда это было и где — он не помнил.

Он вновь посмотрел на троих, занятых разговором — они не обращали на него ни малейшего внимания. Проснулась обида, но он подавил ее, вспомнив вдруг о собственном незавидном положении.

О чем они разговаривают?

Фабиан прислушался.

— Ну так что — вы готовы?

— Да.

— Хорошо, — синеглазый великан кивнул, — но вашего друга нельзя оставлять здесь.

— Да, — вновь согласилась Мелия и обернулась к нему, — Фабиан, ты должен собраться, ты нам нужен.

Ага! Они вспомнили о нем! Вспомнили, когда он им понадобился, когда поняли, что без него не обойтись! Он не помнил, сколько времени находился здесь, даже не помнил, как попал сюда. Он спал целую вечность — это было первое, что он осознал. Он нужен им — было второй мыслью. Однако ни та, ни другая еще не отложили отпечатка понимания на его лицо — лицо тупого идиота. И он не видел, как, посмотрев на него, Конан критически покачал головой.

— Кром! Мы все погибнем, взяв его с собой! Посмотри — он ни на что не годен!

— Оставлять его тоже нельзя, — возразила Зита, — и ты это знаешь!

— Знаю, клянусь копытами Нергала! — Варвар возбужденно заходил по комнате, а Фабиан, поняв, что решается нечто жизненно важное для него, заставил себя сесть и улыбнуться.

— В чем дело, друзья? Я тут заснул и вдруг слышу свое имя!

Он по-прежнему не помнил, как оказался здесь и что произошло. Равно как не помнил и того, что едва не выбило из него дух, иначе не сказал бы такой глупости. Он помнил всех, кроме огромного детины, которого, правда, тоже где-то встречал. Он решил, что находится на вечеринке и, немного перепив, заснул. Видимо, незнакомец пришел позднее.

В общем-то, он был сравнительно недалеко от истины, он не вспомнил лишь «деталей» вечеринки, но деталей очень важных. Остальные постарались не заметить этого — с них достаточно было и того, что он пришел в себя.

— Наконец-то ты очнулся! — облегченно вздохнула Зита.

— Ну прямо герой, — проворчала Мелия, но так тихо, что услышал ее лишь Конан.

Да, эту девушку ничто не заставит лишиться чувств! Такая могла бы стать отличной подружкой даже такому как Конан — человеку, привыкшему ежедневно рисковать собой!

Одним словом — она нравилась ему все больше. Занятый этими мыслями, он мимоходом наблюдал, как Фабиан вооружился мечом, и про себя удивился, что после такого потрясения парень на удивление быстро пришел в себя. Похоже, он недооценил своего нового товарища. Что ж, оно и к лучшему. Пара сильных рук никогда не помешает.

Зита сделала несколько незаметных жестов, и охранявшее их заклятье спало — теперь они вновь стали беззащитны. Хотя нет. Беззащитными они не были. Теперь они знали, что для каждой из тварей, охотившихся на них, есть свое оружие — сталь для зримой и свет для незримой. О том, что станет с ними, если они что-то упустили из виду, они предпочитали не думать.

Выходя, каждый из них брал по два факела — один поджигал здесь же, второй держал в левой руке про запас. И вот тут-то, уже на выходе, Фабиан увидел лужу на полу и глаз Эмерика, валявшийся здесь же, и мгновенно вспомнил все. Руки его затряслись. Он посмотрел на выпачканные кровью своего приятеля ладони, и ему стало совсем нехорошо.

Словно почувствовав эту перемену, Конан обернулся, но Фабиан на краткий миг сумел взять себя в руки и кивнул варвару — мол, все нормально, — и тот успокоился. Трясущимися руками Фабиан взял два факела и, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, пошел вперед.

Они вышли в коридор и остановились.

Гудящая тишина стояла вокруг. Свет факелов позволял видеть пространство коридора на десяток локтей в каждую сторону. Дальше все тонуло в полумраке, за которой стояла стена непроглядной тьмы. Конан подумал, что их враги наверняка подготовились к встрече, и обернулся к молодой колдунье.

— Ты точно знаешь, что Незримый не сможет погасить огонь?

Та уверенно тряхнула гривой смоляных волос.

— Если бы смог, давно уже сделал это.

— И то верно. — Конан успокоился.

Конан успокоился, но не находил покоя Фабиан. Взгляд его перебегал от Мелии к Зите, от Зиты к незнакомцу, которого сестры называли Конаном. «Как хорошо, что я не один, что рядом кто-то есть! Пусть даже это чужак и две девушки, но нет никакого черного облака, пожравшего Эмерика, и ничто, по крайней мере сейчас, мне не угрожает!» — в момент прозрения эта простая мысль, пришедшая сразу же вслед за страхом, заслонила собой все, но радость была недолгой и закончилась, как только он понял, куда они идут и зачем.

Он шел, словно во сне, держа в левой руке оба незажженных факела, а в правой меч. Когда они оказались в пустынной, звенящей темноте, свет показался ему никуда не годной защитой, а затея безумной, но протестовать он не решился.

Они пошли знакомым уже путем, и неясные фигуры, спасавшиеся бегством от надвигающегося света, чудились ему в отступающей тьме. Отовсюду слышались шорохи и мерещились притаившиеся тени. Он поминутно вздрагивал и озирался, но вокруг никого не было. Вскоре он услышал позади себя странный, скребущий звук и резко обернулся, но вновь никого не увидел.

— Ты что? — На этот раз Конан не на шутку встревожился. Каким бы трусом ни был Фабиан, а игнорировать его полностью было бы непростительной ошибкой. Киммериец знал, что иной раз страх обостряет восприятие настолько, что позволяет чувствовать то, что человеку в нормальном состоянии недоступно.

— Там кто-то есть! — злое прошептал верзила и судорожно обернулся.

Конан встал рядом и внимательно вгляделся в густую тьму, но ничего не увидел. Впрочем, если тварь и кралась следом, то теперь, когда ее вспугнули, наверняка поспешила ретироваться и затаилась в тени.

— Я пойду сзади.

Фабиан облегченно вздохнул и быстро пошел вперед. Здесь, позади Зиты, впереди Мелии, чувствуя надежную защиту своего нового товарища, он ощутил себя гораздо увереннее.

Конан насторожился. Тревога Фабиана против ожидания оказала на него более сильное действие, чем он согласился бы себе признать. Пару раз он и впрямь услышал позади странный скребущий звук, словно кто-то осторожно крался следом. Это заставило собраться и одновременно успокоило его — осторожничает, значит, боится, а это уже хорошо.

Незаметно они дошли до зала, и Фабиан, осмелев, пошел вперед.

«Хвала Митре! — подумала Мелия. — Наконец-то он пришел в себя».

— Зажги факел, не строй из себя героя, — крикнула ему вслед Зита, но вместо того, чтобы последовать ее разумному совету, руки Фабиана безвольно разжались, факелы и

меч упали на каменные плиты пола, а сам он, словно деревянный истукан, которого подтягивают вперед на веревке, двинулся в сторону зияющей тьмой дыры коридора по ту сторону зала.

— Стой!

Мелия бросилась к нему, первой почувствовав неладное, хотя и не представляла, чем сможет помочь, но Конан мгновенно сообразил что делать — его факел огненной кометой пронесся над головой девушки и, ударившись о стену, упал на пол, осветив на краткий миг зловещую тень, черной молнией метнувшуюся прочь.

Фабиан замер, словно нить, тащившая его неизвестно куда, лопнула. Потом пал на колени, жадно лоя ртом воздух, глядя, как занимают огнем развешанные по стенам гобелены, не понимая, что произошло. Он чувствовал лишь безотчетный страх и вместе с тем облегчение, оттого что ужасная тень, с неодолимой силой звавшая его за собой, пропала.

Мелия склонилась над Фабианом, но Зита, схватив ее за руку, потащила за собой.

— Оставь! Теперь с ним ничего не случится, а вот согреть мы можем запросто!

Мелия бросилась за сестрой. Конан поспешил им на помощь. Втроем они срывали со стен знамена и гобелены — огонь распространялся на удивление быстро — и затапывали их. На время они позабыли обо всем, когда отчаянный крик Фабиана вернул их к действительности. Обернувшись, они застыли от ужаса. Тварь, с которой Конан уже имел дело в подземелье, напала на Фабиана, так и стоявшего в оцепенении посреди зала. Каким-то чудом он сумел отбросить монстра, который теперь готовился к новому прыжку. Не раздумывая, Конан метнул меч, но тварь ловко вывернулась и скрылась во мраке.

Конан резко обернулся.

— Не смотрите во тьму! Забирайте факелы и быстро сюда!

Медлить было нельзя, и Конан не церемонясь погнал их назад. Так вожак гонит свою стаю, чтобы уберечь ее от

врага. Никто, кроме него, не понимал, что делать, кого теперь опасаться, откуда на них в очередной раз навалится беда. Они даже были рады, что не приходится задумываться ни о чем, вручив свои жизни киммерийцу, который бежал позади, поминутно оглядываясь и подгоняя своих товарищей. Тот был уверен, что со стороны комнаты им ничто не грозит — тварь наверняка попытается обегать коридор, чтобы напасть сзади, но даже при ее быстроте передвижений этого нельзя было сделать мгновенно.

Они повиновались беспрекословно, молчаливо признавая превосходство киммерийца. Вскоре все четверо сидели в комнате, и Конан с раздражением, Зита с удовольствием, Мелия с радостью, а Фабиан с облегчением наблюдали, как густеет на стене паутина Затха, обещая им краткий период безопасности.

Девушки тут же занялись раной Фабиана. Он сидел по пояс раздетый, а Мелия бинтовала его разорванной на узкие полосы рубахой. Когти твари оказались гораздо опаснее, чем они думали, и раны были, хоть и не опасны, но глубоки и обильно кровоточили. Конан осмотрел их и подумал, что Фабиану повезло — придись удар немного ниже, и кишки оказались бы на полу. Тогда Конану не оставалось бы ничего иного, как прирезать их приятеля, а он сильно опасался, что это пришлось бы не по вкусу сестрам.

А Фабиан, занимавший сейчас руки и мысли своих товарищей, тупо смотрел на кровавую лужу перед дверью, и в голове его вертелся лишь один вопрос — правый или левый глаз Эмерика валяется в пыли рядом с ножкой дивана?

Глава шестая

Правый или левый? Фабиан не мог оторвать взгляда от покрытого пылью глаза, уставившегося помутневшим зрачком куда-то в угол комнаты. На чем свет стоит клял он себя за это, но ничего поделать с собой не мог.

Его всегда интересовало: что особенного находят женщины в этом тщедушном слизняке? И постепенно пришел к убеждению, что не иначе, как тот обладает некой колдовской силой, поднав под которую жертва лишь сохраняет видимость свободы, на деле оставаясь в полной власти мерзавца, пока не прискучит и он не выберет новый объект для своего внимания. Однако, когда Фабиан начал наводить справки, то вскоре выяснил, что тот явно не владел никакими тайными знаниями, а наоборот — панически боялся всего, связанного с колдовством, и вопрос повис в воздухе.

Он оторвался от воспоминаний и вновь взглянул на глаз Эмерика, задавшись прежним вопросом — правый или левый?

Тфу ты, пропасть! Он вздрогнул и отвел взгляд, невольно вернувшись к прежним мыслям.

Когда вариант с колдовством отпал, он начал следить за своим приятелем. Было время, когда Фабиан частенько ловил себя на том, что изучает его внешность, когда никто не видит, но и это никак не объясняло неотразимости Эмерика в глазах женского пола. Зато он узнал нечто

такое, чего не знал никто и что дружок его тщательно скрывал от всех: его левый глаз немного косил!

Обычно Эмерик следил за собой, успешно скрывая этот недостаток, к которому относился весьма болезненно, но изредка, когда перепивал или задумывался над чем-то и терял контроль над собой, левый глаз его начинал смотреть в сторону, причем иногда весьма сильно, словно пытаясь посмотреть на сидящего рядом соседа, а то и подглядеть за тем, что там делается за спиной! Правда, случалось такое редко, обычно когда веселье было в разгаре, да и везло ему необыкновенно! Так или иначе, а никто, кроме Фабиана, об этом недостатке покорителя женских сердец не знал.

«Впрочем,— осек он себя,— сейчас это уже не поможет».

Иное дело тогда! Как иногда было приятно в шумной компании, в обществе равных себе представителей золотой молодежи Шадизара — общества, куда допускались лишь избранные — отпустить тонкую шутку, невинный намек, понятный лишь им двоим, следя за реакцией приятеля. Наблюдать, как невольно бледнеет его холеное личико, как фальшиво он смеется, удивляя окружающих, как силится поддерживать прежний непринужденный разговор!

Как ненавидел его Эмерик за то, что тот раскусил эту маленькую тайну! Иногда Фабиану казалось, что еще немного, и приятель бросится на него с кулаками, и это доставляло ему немало приятных минут! И, видя это, Эмерик изводил себя бессильной ненавистью — он был готов убить его!

И тут неприятная мысль поразила Фабиана: так ведь эта одноглазая, мерзкая тварь, созданная из костей мертвецов и облеченная поганой плотью его старого приятеля, пыталась убить его! Его! Фабиана! Своего лучшего друга! И она сделала бы это, если бы не Конан, отогнавший тварь!

Его бросило в жар: он вспомнил, что только что едва не умер!

Он не смог побороть искушение и вновь с ненавистью посмотрел на глаз.

Зрачок злобно уставился на него, пристально изучая. Фабиан зябко поежился. Злость моментально испарилась, навалился страх. Его бросило в жар, мысли лихорадочно закружились.

Что тебе нужно от меня? Ведь ты умер! Я убил тебя! Какое право ты имеешь лежать здесь и недобро коситься на меня?!

Руки его затряслись. И вдруг он почувствовал, что злоба во взгляде валявшегося в пыли одинокого глаза неожиданно сменилась немим укором. Ему даже почудилось, что он слышит голос Эмерика, отвечающий ему: «Зачем ты убил меня? Я не сделал тебе ничего дурного! Я, как и ты, был молод и мог бы жить еще долгие годы! Но ты убил меня! Я отплачу тебе тем же! — Око вновь яростно сверкнуло нескрываемой злобой. — Смотри же на меня!»

Это было невыносимо! Он стиснул зубы и едва сумел подавить стон. Однако остальные, почувствовав неладное, а скорее всего что-то услышав, обернулись.

Фабиан полулежал на диване с побелевшим лицом и выпученными от страха глазами смотрел куда-то на пол перед дверью. Конан слегка поморщился: похоже, этот бравый вояка доставит им больше хлопот, чем пользы. Однако Зита насторожилась.

— Что случилось, Фабиан?

Она подошла к безвольно распластавшемуся в кресле великану и тронула его за плечо. Тот вздрогнул и, посмотрев на нее безумными глазами, указал дрожащей рукой в угол комнаты.

— Он смотрит на меня, — медленно прошептали его побелевшие губы, — следит за нами своим левым глазом. Он всегда делал это, если никто не видел.

Мелия переводила взгляд с него на сестру, не понимая, о чем они говорят. Кто смотрит? На кого? Она перевела взгляд на Конана — тот оставался спокоен. Он просто стоял и ждал, когда Зита успокоит своего слабонервного кавалера и можно будет продолжить прерванный разговор.

Зита проследила за взглядом Фабиана, наклонилась к полу и пошла к двери.

— Что там, сестра? — Мелия хотела подойти к ней, но колдунья подняла руку, жестом останавливая ее.

— Здесь глаз Эмерика.

— Так что ж? — Конан пожал плечами.

— Его нужно убрать отсюда. — Она значительно посмотрела на Конана, желая показать, что, возможно, Фабиана терзают вовсе не пустые страхи. — Между ними могла остаться связь.

— Ну так в чем дело? — Он недоуменно посмотрел на девушку, искренне не понимая ее непонятной озабоченности подобной безделицей. — Выброси эту дрянь, и дело с концом!

— Его нельзя трогать руками, — она покачала головой, — да и девать его некуда — из комнаты нам не выйти. Ты забыл?

Конан шагнул к ней. Его уже начал нервировать этот нелепый разговор.

— Нергалово отродье! Трогать его нельзя! Выйти нельзя! — В раздражении он вынул из-за пояса кинжал и, несмотря на протесты Зиты, наколот на него глаз и бросил в камин. — Больше разговоров!

Покачав головой, Зита заметила:

— Ты храбр, конечно, и сейчас оказался прав, но прошу тебя — не делай больше таких вещей, пока я не позволю! Обещаешь?

Конан посмотрел на нее изучающим взглядом — молодая ведьма нравилась ему, но вовсе не настолько, чтобы потерять голову и давать подобные безрассудные обещания — и неожиданно улыбнулся.

— Обещаю действовать по-своему, но лишь после того, как выслушаю тебя.

И Зита улыбнулась ему в ответ, молчаливо согласившись на предложенный вариант, понимая, что большего от такого человека, как Конан, ей добиться вряд ли удастся, а Фабиан, как ни расстроен был страхом его ум, скрипнул от злости зубами, увидев, что Зита — *его Зита!* — улыбается варвару так, как имеет право улыбаться только *ему!*

Тварь замахала руками, пытаясь защитить лицо, но острая сталь вонзилась в глаз. Она схватила за свой одноглазый лоб, словно это в него угодил нож Конана, и замерла, но через несколько мгновений закорчилась и заизвивалась всем телом, когда пламя очага, гудевшего высоко над головой, коснулось ее плоти, пытаясь пробраться внутрь головы, выжечь мозг, уничтожить.

Тварь каталась по полу от терзавшей ее невыносимой боли и заходила отвратительным, скрипучим визгом, непохожим на голос ни одного из существ, когда-либо ходивших по земле.

Черное облако застыло неподалеку, не обращая внимания на боль своего создания, на время полностью убравшись из ее сознания, чтобы боль не мешала думать. Пусть эта боль станет ей наказанием за трусость!

Незримый любил боль. Не свою, конечно, но любил, когда ее испытывали другие. Любил доставлять страдания и обожал наблюдать за жертвами. Особенно за теми, кто служил ему. Их он частенько ввергал в муки просто для удовольствия и видел в этом большой смысл: боль заставляла ненавидеть, делала сильнее.

Поэтому его не тревожила боль, испытываемая его тварью. Пусть валяется по полу и копит злобу — это даже полезно. Сейчас важнее другое — второй глаз уничтожен, а это значит, что теперь они не смогут заранее узнавать что замышляют люди, и не смогут подготовиться к их очередному выходу, как то было в прошлый раз, когда его план едва не удался.

Если бы не варвар!

Что ж — его плоть пригодится Незримому... в свое время, а пока нужно подумать о том, как восполнить потерю.

Незримый задумался. Слишком много сил он потерял, и сознание того, что привычные методы стали недоступны, приводило его в ярость. Однако он подавил в себе это чувство. Ярость — привилегия силы, а он теперь слаб, а значит — должен вернуть силы, заслужить право на ярость! И он вернет их! Вернет непременно!

Эти размышления успокоили его, и он подумал, что все не так уж плохо, нужно лишь действовать с умом. Времени у него теперь достаточно — свет Митры не грозит ему здесь, за толстыми стенами дома. В крайнем случае, он может просто подождать, когда люди передохнут от голода. Правда, тогда их плоть окажется потерянной для него, и останется заклятье, удерживающее его здесь. Но это не беда, ведь останется и книга, которую люди прячут в коконе проклятого Затха! Когда с людьми будет покончено, он найдет способ пробраться внутрь, уничтожит книгу и заклятье спадет!

И тогда...

Он станет свободен! Свободен, после стольких веков заточения! Он сможет отомстить и отомстить страшно! Но... для этого надо выбраться отсюда. И он отогнал приятные мысли, чтобы заняться насущными делами.

Итак, его тварь обладает огромными силой и быстротой. Раны, по крайней мере не несущие мгновенной смерти, не опасны для нее, а если нужно, он всегда придет на помощь. Тварь потерпела два поражения, и они должны научить ее многому. В этом он не сомневался — после того, как ее проткнули мечом, она стала гораздо осторожнее! К сожалению, ей нужно подобраться вплотную, чтобы причинить вред человеку.

Но были у нее и недостатки. Тварь оказалась труслива. В этом его убедило второе столкновение, когда при первой же опасности она бежала, и он не смог заставить ее вернуться, сумев лишь убедить обежать здание и напасть на людей сзади.

К тому же она была не слишком умна, а потому в ответственных ситуациях он предпочел бы сам управлять ее телом. К сожалению, для этого ему пришлось бы переселиться в плоть твари, но тогда она сгорела бы слишком быстро.

Сейчас он мог лишь контролировать ее мысли, а руководить поступками имел возможность только на близком расстоянии — чем дальше друг от друга они находились, тем слабее становилась связь. Причем даже это небольшое

он мог позволить себе лишь в ситуации, когда самому ему ничто не грозило. Конечно, тварь может затаиться, но проклятый варвар слишком осторожен... Здесь опять незамеченными были его ум и опыт.

Незримый задумался — руководить поступками твари на любом удалении, отдавать беспрекословные команды... Эта мысль казалась удачной, но требовала перемещения части сознания в плоть твари, а это опасно... хотя и заманчиво!

Сам он способен обмануть любого, подманить к себе, но только если человек один и ему никто не придет на помощь, как это случалось уже несколько раз. И он не может находиться на свету, а тварь может!

Ну что же, выход всегда найдется! Незримый знал это. За бесчисленные века жизни он накопил огромный опыт. Он сделает то, что задумал, и кое-что сверх того!

Тварь в углу затихла, и Незримый неслышно наплыл на нее. Тварь замерла, чувствуя, как боль слабеет. И еще она чувствовала, что меняется, но как — пока не знала. Это длилось долго, но сколько, она тоже не знала — вокруг по-прежнему царили тьма и тишина, а внутри блаженство покидающей тело боли. Тварь чувствовала, как наливаются силой мышцы, а мысли становятся глубже и определеннее, суждения тверже, уходит нерешительность, появляется уверенность в себе.

Когда Незримый отступил, тварь почувствовала, что изменилась. Как? Она задумалась. Она больше не чувствовала Незримого хозяином, повелителем. Он стал... частью ее самой! Вернее — она стала его частью. Маленькой частицей большого целого. Они стали больше, чем отец и сын, которых связывает лишь крохотная частица плоти, отданная одним, чтобы появился на свет другой. Их связывало нечто большее — единство духа! Они стали *единым существом*!

— Ну так что мы будем делать? — Зита вопросительно посмотрела на Конана. С тех пор, как он оказался среди них, она понемногу, сама того не сознавая, начала считать

его главным среди них — *вожаком стаи* — и теперь ждала его ответа, ничуть не сомневаясь, что вождь знает, как поступить в любой ситуации.

На то он и вождь.

Конан небрежно пожал могучими плечами.

— Ты колдунья. Тебе лучше знать, на что способны наши враги и как их победить!

Но девушка покачала головой.

— Да, я знаю, как их победить, но для этого мы должны попасть в подвал. Мы только что попытались сделать это, и Фабиан чуть не погиб. Мы не подумали, что для того, чтобы пробраться туда, мы должны были сперва уничтожить Незримого и его тварь.

...Фабиан с ненавистью посмотрел на Зиту. Дочь шелудивого верблюда решила, что знает все, и повела их за собой! В результате он едва не лишился своей драгоценной жизни! Фабиан чувствовал, как растет его ненависть. К кому? Он переводил взгляд с одного на другого. Ко всем троим! К Зите, которой он, Фабиан, похоже нужен был лишь для того, чтобы взять проклятый камень, а теперь, когда появился чужак, забывший о нем! К Мелии, которая однажды отвергла его притязания и с тех пор уже не воспринимала всерьез! К проклятому варвару, который спас ему жизнь!

И тут его осенило: ведь варвар хитер. Он ничего не делает просто так. И жизнь ему он спас лишь затем, чтобы унижить Фабиана и тем возвысить себя в глазах обеих сучек! И он достиг своего!

Фабиан закрыл глаза. Теперь он испытывал только страх и похоть, похоть и злость, злость и ненависть, ненависть и страх. Он не знал, отчего так произошло, равно как не задумывался и над тем, что он уже не тот бесшабашный весельчак и балагур, каким был еще вечером.

Новые мысли и желания появлялись у него, и он даже не задумывался над тем, откуда они берутся, а зря. Еще было время, чтобы исправить многое, но неудовлетворенная похоть будила злость, злость порождала ненависть, а страх нашептывал, что нужно быть осторожнее. Так что время шло, и три сестры — Злоба, Похоть и Ненависть — доедали

беднягу под бдительным присмотром старшего брата — Страха, и никто, а уж тем более Фабиан, не знал, что это отвратительное семейство работает на Незримого, а он медленно и неотвратно становится *третьим*...

У Конана шевельнулось в душе смутное подозрение, и едва он осознал его, как тут же, не раздумывая, воскликнул:

— Кром! Ты бы хоть сказала, что тебе там нужно! Быть может, я найду способ что-то сделать!

Сказав это, Конан посмотрел на Мелию и во взгляде ее прочел надежду и веру в него и что-то еще, незнакомое и очень теплое. Чувство, порожденное этим взглядом, было столь сильным, что он поклялся себе: что бы ни случилось, а ее он спасет непременно! Ее и Зиту!

Зита вздохнула устало и обреченно. Она уже и не думала ничего скрывать от киммерийца, как это было вначале, твердо уверовав, что если им и суждено спастись, то спасет их варвар, случайно оказавшийся в этом доме вместе с ними, а вовсе не ее колдовское искусство.

— Внизу, в тайнике, хранится камень. Он называется Талисман Силы. А в этой книге, — она положила руку на обгоревший фолиант, — заклинание, позволяющее использовать его. Если мы добудем камень, я смогу уничтожить Незримого.

Конан пожал могучими плечами.

— Чего проще. Нужно было просто сразу сказать, что тебе нужно.

Он достал из-за пояса замшевый мешочек и осторожно выкатил лежащий в нем солнечно-желтый шар в вазон, стоящий на столе.

— Этот?

Округлившимися от восторга и изумления глазами девушка смотрела то на Конана, то на камень, не в силах выговорить ни слова. И эти два чувства так разительно изменили ее, изгнав тоскливую безнадежность, что Конан не выдержал и расхохотался.

В безумном порыве Зита бросилась ему на шею, покрывая лицо поцелуями. Ее радость передалась Конану — он обнял ее и закружил по комнате, на время забыв обо всем.

Мелия смотрела на двух счастливицев, и сердце ее сжималось от радости и боли. Она радовалась за сестру, которая нашла себе пару. Достойную пару... Тут она невольно покосилась на безвольно обмякшее в кресле огромное тело Фабиана. Ни мощью, ни статью он, пожалуй, не уступал Конану, но какая разительная разница была между этими двумя молодыми людьми!

Отвага, неустрашимость, напор Конана и безвольное, граничащее с истерикой восприятие любой неудачи Фабианом! А ведь сегодня вечером она едва не пожалела о том, что когда-то рассталась с ним. Воистину сегодня ночь откровений! Ночь горестных открытий и прозрений... Что бы она не отдала, на что бы не пошла за счастье поменяться с сестрой местами!

Но человек, о котором она тщетно мечтала не первый год, которого искала повсюду, о котором грезилась, черты которого пыталась отыскать в каждом новом лице, достался другой. В этом была вопиющая несправедливость, но она была лишена возможности даже попытаться исправить ее, потому что этой другой оказалась ее сестра...

Фабиан, по которому только что с таким презрением скользнул мимоletный взгляд Мелии, тоже смотрел на кружащуюся в центре комнаты пару, но мысли его были иными.

Его отношение к Конану обрело четкие черты ненависти, и он почувствовал, что не успокоится, пока не убьет проклятого варвара, доказав тем самым, что он лучше его! И пока не овладеет этой маленькой стервой, приведшей его сюда и с такой легкостью променявшей его на киммерийца. Предавшей его! Этого предательства он не простит им обоим. Еще оставалась Мелия, но что делать с ней, он решит после.

Придя к такому решению, Фабиан почувствовал себя гораздо увереннее, как человек, вдруг ощутивший твердую почву под ногами вместо засасывавшей его мгновение назад вонючей болотной жижи. Теперь, обретя эту уверенность, он вдруг понял, что знает, как ему действовать дальше. Вперед его поведут три сестры, а за тем, чтобы он в

пылу борьбы не совершил какую-нибудь оплошность, при-
сматривает их старший брат.

Вспомнив о том, что они не одни, Зита освободилась из объятий Конана и смущенно потупилась, но почти сразу прежнее чувство взяло верх, и она вновь с восторгом посмотрела на Конана.

— Чего же мы ждем? У нас есть все, что нужно!

Конан ободряюще улыбнулся ей.

— Давай, милая, насади эту тварь Нергалу на рога!

Она ответила ему благодарным взглядом и, с воодушевлением схватив книгу, что-то замурлыкала себе под нос, возбужденно перелистывая страницы. Сейчас она покажет ему, что достойна стать подругой великого воина, потому что она ему равня. Пальчики ее мелькали все быстрее и быстрее, но нужного места не находили.

Она побледнела, впервые почувствовав неладное, и Конан, увидев вдруг, как побелели только что горевшие от возбуждения щеки девушки, а движения из быстрых стали лихорадочными, насторожился.

— Что-то случилось?

И, услышав его голос, Зита растерянно посмотрела на него и почувствовала, как комок подступает к горлу, а на глаза наворачиваются слезы.

— Оно сгорело, Конан...

Ее растерянный взгляд перебегал с него на сестру и обратно. В комнате повисла мертвая тишина. После только что испытанного всеми, не исключая и Фабиана, возбуждения это известие оказалось тяжелым ударом. Оно было крушением всех надежд, вновь возвратив к тому положению, с которого начали — к положению узников, загнанных в западню.

Правда, теперь с ними был Конан! Никто из троих даже не задумывался о том, что он такой же человек, как и каждый из них! Для них он стал единственной надеждой на спасение, могучим воином, силой своей равным богам!

Все трое с надеждой смотрели на него, ожидая ответа, а он молча подошел к столу, бережно поднял вазон, аккуратно наклонил его и, когда камень скатился в подставленный

мешочек, затянул тесьму и убрал его на прежнее место, за широкий черный пояс.

Он по очереди посмотрел на каждого и увидел обращенные к нему лица, на которых застыло одинаковое выражение робкой, исчезающе малой надежды. Кром! Да чего же они ждут от него?! Он что — колдун? Что он может поделывать с тварью, которую не берет острая сталь, с тварью, лишенной плоти? Да будь он во сто крат сильнее — ничто не изменилось бы!

Он покачал головой и обернулся к Зите.

— Говори, милая, что нам делать — это по твоей части.

Округлившимися глазами она посмотрела на Конана, моргнула, и первая слезинка, не удержавшись, скатилась по щеке, оставив за собой влажную дорожку.

— Я больше ничего не могу. Только ты, Конан... — Она не договорила, задохнувшись от слез, но все поняли смысл недосказанного.

Конан пожал плечами.

— Я воин! Я лишаю врага жизни, уничтожая его тело, но я не в силах лишить жизни лишенного плоти! Облеки его во плоть, и, клянусь Кромом, я уничтожу тварь, или пусть Нергал затопчет меня копытами!

Зита тяжело вздохнула.

— Я не знаю, как это сделать, Конан...

— Значит, ты должна найти способ убить его в том облике, какой он носит.

Она подняла к нему залитое слезами лицо.

— Я не знаю, как это сделать, Конан!

— Тогда мы все погибнем.

Лицо ее исказилось гримасой боли, и она простонала навзрыд:

— Я не знаю, как это сделать! Ко-она-а-н!!!

Из глаз ее вновь брызнули слезы, которых она не в силах была сдержать. Она бросилась Конану на грудь, тело ее вздрагивало от рыданий. Он гладил ее волосы и, когда она немного успокоилась, сказал:

— Думай, милая, думай. Я готов пробиваться к цели, но ты должна указать мне путь.

Понемногу она приходила в себя. Конан что-то тихонько шептал ей на ухо, но Мелия, с завистью следившая за ними все это время, не смогла разобрать ни слова. Ни единого слова, кроме последней фразы, произнесенной киммерийцем в полный голос.

— Ты знаешь то, что не знает ни один из нас. — Он мягко отстранил ее от себя и посмотрел в заплаканное лицо девушки. — Любое полезное нам знание прибавит нам силы.

Она посмотрела Конану в глаза. Губы ее еще дрожали, но во взгляде появилось желание сделать все, что можно. Конан, увидев, что с девушкой, похоже, все в порядке, отошел к столу, налил бокал вина и протянул его Зите.

— Припомни все, что сумеешь. Любая мелочь может оказаться решающей.

Он усадил девушку на диван, а сам устроился в огромном, словно специально для него сработанном, кресле напротив Мелии, сидевшей в углу комнаты на маленьком диванчике.

Он хотел бы поговорить по душам с Фабианом, но тот уснул, сидя в своем кресле, и Конан не стал будить его — пусть выспится. Быть может, сон вернет ему былую уверенность в себе, и он перестанет быть для них обузой?

Зита надолго замолчала, добросовестно выполняя поручение Конана, и Мелия, посмотрев на киммерийца, спросила:

— Как думаешь, Конан, мы останемся в живых?

Варвар внимательно посмотрел ей в глаза. Как просто прозвучал ее вопрос! Словно не о собственной жизни и смерти интересовалась она, а о чем-то каждодневном, будничном, не имеющем важного значения. Похоже, с сестрами проблем не будет. На деле они оказались сильнее, чем этот здоровенный, раскисший от страха мужик!

Он еще раз окинул ее внимательным взглядом — не ошибся ли? Но она по-прежнему ждала ответа — спокойная, готовая ко всему. Он понял, что такой девушке нельзя лгать, и ее прямой вопрос требует столь же прямого ответа.

— Не знаю, — Конан говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово, но Мелия настаивала на своем.

— Ты думаешь — мы умрем?

— Не знаю, — повторил он и, увидев, как девушка поморщилась словно от зубной боли, добавил: — Но умирать я не намерен.

— Так ты считаешь, что мы выберемся, — она все-таки хотела получить однозначный ответ.

— Не знаю, — в третий раз повторив свою фразу, Конан улыбнулся и на сей раз решил не ограничиваться ею, — но время работает на нас.

Мелия удивленно посмотрела в глаза варвару, ища в них подтверждения родившейся в ней надежде. Она-то считала, что чем дальше, тем тяжелее становится их положение. Время, проведенное в этом доме, превратилось для них в сплошную цепочку неудач и потерь. Трагических, как смерть несчастного Эмерика и появление в доме этого Митрой проклятого творения Сета — Незримого! А враг их, наоборот, становится все сильнее — теперь он не один, а значит, сделался вдвойне опаснее! И вдруг Конан заявляет, что все происходит наоборот!

Ее не могло удовлетворить такое объяснение, и Конан понимал это.

— Вспомни, когда кто-то из вас вызвал его в наш мир, что произошло!

Мелия кивнула.

— Я думала, он развалится на куски.

— Может быть, так и случилось бы, если б не ограждающее заклятье, — на мгновение Конан задумался, — но когда его втащили в дом, и он начал охотиться за нами, то не стал ломиться сквозь стены, и даже нашу неуклюжую баррикаду он развалил не с первого раза.

— Ты хочешь сказать?..

— Он становится слабее, — Конан кивнул, — а сейчас мы сидим в коконе, который, по словам Зиты, он способен распороть как подушку, а он даже не пытается достать нас, хотя цель его именно такова. Говорю тебе: он теряет силы, и ему неоткуда их восполнить!

Конан видел, что почти убедил ее, но остатки сомнения еще боролись с его доводами.

— Но ведь и мы теряем силы! Вскоре мы почувствуем голод и жажду, и чем дальше, тем будет хуже. Быть может, понимая это, он и не торопится рваться внутрь, не желая тратить силы понапрасну?!

— Пусть ждет, — Конан равнодушно пожал плечами, — меня это вполне устраивает, потому что я ждать не собираюсь. Как только Зита закончит свои поиски, мы выйдем отсюда, потому что лучшая защита — это нападение! События развиваются слишком быстро. Уверю тебя, мы не успеем умереть от жажды, а когда выйдем, тогда-то он и поймет, что потратил время даром, а мы нет, но будет уже поздно.

— А ты уверен, что и он не рассуждает так же?

«Не глупа и красива, — Конан посмотрел на нее с невольным уважением и тут же одернул себя, — да что там — умна и прекрасна, словно богиня, спустившаяся в мир людей!» Такого сочетания Конан еще не встречал — обычно красота исключала ум, которым Митра не слишком щедро одаривал женщин.

— Не уверен. Именно поэтому и не отвечаю тебе, что мы наверняка останемся живы.

— А если сестра ничего не найдет, что мы будем делать, когда выйдем?

Конан равнодушно хмыкнул. Для него подобного вопроса не существовало.

— Мы займемся тем, чем, как думает Незримый, занят сейчас он.

— Что же это?

— Охота.

Некоторое время Мелия молчала, пораженная. Он что, с ума сошел, этот не знающий страха воин?

— Как же мы станем охотиться на него? Ведь ты сам говорил, что не можешь лишить жизни лишнего тела!

— Верно, — согласился Конан, — но вторая тварь вовсе не бесплотна! Уничтожив ее, мы нанесем Незримому серьезный урон! — Он немного помолчал. — Но нужно быть готовыми к тому, что он немедленно захочет отомстить. Это нужно использовать.

— Но, насколько я понимаю, лишь в том случае, если Зита найдет способ избавиться от него самого? — Она вопросительно посмотрела на Конана.

— Это было бы просто здорово! — Он кивнул. — Тогда нам останется лишь прикончить тварь.

Она удивленно посмотрела на киммерийца. Он говорил об этом так, словно знает он, что делать, и исполнение задуманного уже не представляло бы ни малейшей трудности! А ведь он производил впечатление человека умного и не хвастливого, значит, отвечающего за свои слова!

— А если нет? Не кажется ли тебе, что рано или поздно, ослабленный или нет, но он доберется до нас. Сперва до меня, Зиты, Фабиана, А под конец и до тебя, как бы ты ни был силен и уверен в себе!

— Кром! Я же сказал тебе, женщина, что не могу гарантировать победы, но надеюсь на нее! Уже сейчас он не пытается прорваться сюда, хотя и может! А может, уже не способен на это?! Но даже если просто экономит силы, то мы можем постепенно ослабить его настолько, что он не сумеет вырваться из умно устроенной ловушки.

— Что за ловушка? — Мелия вдруг, сама не зная почему, так разволновалась, что щеки ее вспыхнули, оттенив пронзительную черноту бездонных глаз. Она чувствовала, что это не пустые слова, не попытка успокоить напуганную девушку, и сердце ее взволнованно забилося.

— Ты хочешь от меня слишком многого! — Он пожал могучими плечами. — Нужно найти место, из которого он не сможет выбраться.

— Но что это за место? — не унималась Мелия.

— Спроси у сестры, — отрезал Конан. Как ни прекрасна была девушка, как ни приятно было ее общество, но разговор надоел ему, и он решил поставить точку.

Зита обернулась к ним в тот момент, когда Мелия, сердито нахмурившись, исподлобья посмотрела на киммерийца, но промолчала. Если бы это был кто-то другой, ему дорого обошлась бы подобная бесцеремонность, но это был он, и девушка смолчала, быть может впервые в жизни.

— О чем вы тут спорите? — Зита улыбнулась Конану так, словно между ними уже было что-то, словно был он ей ближе, чем все остальные. Конан почувствовал, как сильнее забилося его сердце, удивился и обрадовался этому.

— Мы не спорим, сестра. — Мелия заметила этот взгляд, но никак не выдала своих чувств. — Мы ждем, что ты нам скажешь. Ты нашла, что искала? — По сияющему лицу девушки и так было видно, что ей есть что сказать. — Ну? Не мучай нас, милая!

Она радостно кивнула, но тут же помрачнела.

— Да. Я нашла подходящие заклинания. К сожалению, их всего два, и одно из них не очень полезно, а второе очень опасно. — Она посмотрела на Конана, словно извиняясь перед ним за свою, ведомую лишь ей одной, провинность.

— Стоит ли говорить об опасности в нашем положении? — усмехнулся он. — Говори лучше в чем дело.

Однако Зита не торопилась, словно обдумывая в последний раз то, что собиралась сказать.

— К сожалению, бесполезное могу использовать только я, а опасное только ты...

Мелия закусил пухлую губку. Вон оно как все обернулось — два спасителя несчастных пленников! А она-то строила из себя благородную дуру, не решаясь соперничать с сестрой, позабыв о простой истине — в любви каждый сам за себя!

Впрочем — это даже хорошо, что не она сделала первый шаг на этом пути. Как бы все теперь ни обернулось, но ей не в чем будет упрекнуть себя.

Она посмотрела на Конана, но тот явно не думал сейчас о подобных тонкостях, он смотрел на сестру, ожидая ее объяснений, и уже начинал терять терпение.

— Говори!

— Хорошо. — Она наконец решилась. — Тогда я начну с бесполезного: я могу обострить свою чувствительность — зрение, слух, ощущение опасности, малейшие колебания воздуха или температуры не останутся незамеченными, ну и кое-что еще.

— А ты не могла бы и нам добавить чувствительности, сестра? — Мелия обворожительно улыбнулась Конану, и он улыбнулся в ответ, в душе прокляв все на свете — это надо же было выбрать момент! Никогда он не понимал женщин и никогда не поймет!

Зита тоже почувствовала иронию в вопросе сестры, но то ли не поняла ее смысла, то ли предпочла не заметить.

— К сожалению, нет. Для этого необходимо обладать определенными навыками, которые не получишь за короткое время. К тому же повышенная чувствительность слишком усилила бы наше восприятие друг друга, а это принесло бы больше вреда, чем пользы.

Последняя фраза, быть может и непреднамеренно, получилась двусмысленной, но Мелия предпочла понять ее по-своему и довольно улыбнулась. Все складывается как нельзя лучше, нужно только действовать с умом и не торопить события.

Конан думал над сказанным Зитой, лишь краем уха слушая их мудреный обмен любезностями и не очень-то вдаваясь в его смысл, лишь еще раз убедившись в своем мнении: странный народ — женщины. Даже теперь, когда беда в двух шагах, они не могут уговориться!

— Это вовсе не бесполезно. — Конан говорил только о деле. — Когда мы выйдем отсюда и начнем охоту, ты сильно поможешь нам. Теперь второе. Говори!

Он вопросительно посмотрел на маленькую колдунью. Та вздохнула и ответила таким взглядом, словно он был уже покойником. Киммерийца это ничуть не тронуло, но Мелия почувствовала неприятный холодок в груди и, побледнев, нервно облизнулась.

— Я могу погрузить тебя в Очарованный Сон, и ты увидишь в нем ответы на все вопросы, но в инсказательной форме. — Она посмотрела на киммерийца, убеждаясь, что он понял ее правильно и продолжила: — Плохо то, что понять такие ответы порой не менее сложно, чем самому ответить на вопрос, но это единственный способ даже не узнать, повторяю, а попытаться узнать, где спрятана смерть Незримого.

— Ну так давай свой сон! — Конан предпочитал не раздумывать излишне долго, когда представлялась возможность получить преимущество над врагом.

— Подожди, я еще не все сказала! — заторопилась вдруг Зита, словно он мог сам, без ее помощи, уйти в этот сон, не получив ее последних наставлений. — Сон не так прост. Все, что ты увидишь во сне, станет для тебя явью: ты будешь любить и ненавидеть, нападать и спасаться бегством. Но сон богаче яви, в нем возможны любые превращения, только что защищавший тебя в бою друг, обернувшись врагом, может всадить тебе нож в спину! Во сне ты будешь сражаться и побеждать, но и тебя могут убить, и тогда душа твоя отправится на Серые Равнины, и ты никогда не проснешься...

— Все мы когда-нибудь отправимся на Серые Равнины, — равнодушно ответил варвар, — но, конечно, хотелось бы, чтобы это случилось как можно позже.

— Хорошо, — кивнула Мелия, — предположим, ты узнаешь, как уничтожить Незримого. Что мы будем делать дальше?

— Убьем его, — спокойно ответил Конан, и Мелия покачала головой, но на этот раз ничего не сказала. Она поняла наконец, что такой уж он, этот варвар, принимающий жизнь, как она есть, не делая трагедии из возникающих проблем, вместо этого спокойно сметая их с пути. Однако и поняв это, она не смогла не заметить:

— Ты говоришь так просто, словно за стеной нас ждет не демон, вызванный из мрака небытия, а полуживая от старости и побоев собака!

Конан кивнул — ему понравилось это сравнение.

— Примерно так, но если уж говорить о собаках, — он улыбнулся, — я сказал бы несколько иначе — он бешеный пес, хоть и подслеповатый, и с наполовину выбитыми зубами, но все еще смертельно опасный затаившейся в нем заразой! Его укусы смертельны, и быть может, мы все погибнем, пытаясь уничтожить эту тварь — на все воля Митры, и пути его никому не ведомы. Но, зная, что нужно сделать, мы вольны будем выбирать: идти к победе, рискуя

погибнуть в бою, или дожидаться смерти здесь, в тишине и уюте!

Зита досадливо поморщилась.

— Я согласна с тобой, но, как и сестра, хочу знать, как ты собираешься действовать.

— Об этом бессмысленно говорить сейчас. Вот когда я увижу свой сон, тогда и станем думать. Быть может, и думать будет не о чем.

Конан посмотрел на спящего Фабиана и пожалел, что тот оказался такой трусливой бабой, и подумал, что, быть может, сон поможет и ему тоже?

А Фабиан вовсе не спал. Он раскинулся в кресле, отличный от неподвижного трупа, и слушал, о чем они говорят. Иногда он приоткрывал глаза и смотрел на них, с возрастающим раздражением осознавая, что они не только не смотрят, но даже не вспоминают о нем.

Его притворство оказалось очень полезным. Он понял, что потерял Зиту, причем в тот момент, когда начал испытывать к ней нечто большее, чем простое влечение. То же можно было сказать и о Мелии. Для него не осталось незамеченным, что ее вежливое равнодушие, которое он ощущал на протяжении всего вечера, пропало! Холод во взгляде уступил место искреннему интересу. У Фабиана даже мелькнула надежда, в которой он сам себе боялся признаться, но вот появился этот Конан и разрушил все! Проклятый варвар отобрал у него обеих!

Видя, какими глазами смотрят на киммерийца обе девушки, Фабиан испытывал настоящие муки ревности, от которой желание обладать Зитой, или Мелией, или обеими только усиливалось, а злость росла. И вдруг он со всей отчетливостью понял, что выход прост.

Конан нарушил его планы, значит, Конан должен умереть, и тогда все вернется на круги своя! Но только сделать это нужно осторожно, иначе можно остаться не только без женщины, но и без жизни. И пора прекратить играть роль труса, иначе он настолько опротивеет им, что и смерть варвара ничего не исправит.

Незримый еще не мог дотянуться до сознания человека, тем более сквозь паутину Затха. Воздействие на тонкие струны души, контроль мыслей — все это предполагало близкий контакт, но сильные инстинкты, дергавшие за эти струны, были ему доступны, в особенности потому, что раз уже покорились его неодолимой воле. Была еще женщина, до сознания которой он тогда же сумел добраться, но она оказалась сильнее духом и слабее телом. К тому же на ней не было крови сожранного им человека, а значит, через паутину контакт невозможен.

Ему очень хотелось поскорее добраться до мыслей человека, чтобы узнать планы остальных — это дало бы ему огромное преимущество, но рисковать Незримый не желал. Для такой роскоши, как риск, сил оставалось слишком мало, и он действовал наверняка.

Невероятная цепочка бед обрушилась на него, подобно горной лавине, беспощадно выдирая, отрубая, отсекая порции силы.

Сперва его вырвали из собственного тела, едва не уничтожив при этом, и мощь его уменьшилась неизмеримо, но он все еще был могуч. И тут же, не успев он прийти в себя и осмотреться, как его бесплотную суть, только-только начавшую сбрасывать с себя обжигающе когтистые лапы боли, едва не сожгли окончательно, протавив сквозь всепожирающее пламя пентаграммы.

И вот он стал обычным духом, из тех, что пугают людей по ночам, высасывают из их тел души, чтобы стать сильнее. Правда, он способен вернуть себе прежнюю мощь, но для этого нужно выбраться в большой мир, существующий для того, чтобы отдать ему свою силу.

Но он здесь. Чтобы стать прежним, ему нужно совсем немного — забрать силы пятерых, запертых с ним в доме. Одного он уже получил, осталось четверо, а он стал един в двух лицах и мог одновременно находиться в двух местах, но скоро их будет трое!

Трое на трое!

Правда, люди все еще смертельно опасны для него, хотя и не знают, как им действовать. Жаль, что он не может

сам напасть на проклятого варвара, который слишком быстро понял, как обезопасить от него себя и других! Зато это может его меньшая часть! Если бы он сумел в решающий миг оказаться рядом, чтобы соединиться с его плотью, человека ничто бы не спасло! Но все-таки риск останется, а потому он поступит мудрее: завладев третьим, нанесет удар в спину. Единственный удар, который решит все!

Торопиться не к чему. Нужно разжечь в человеке страсти, крепко держа при этом на удавке страха, а когда душа его заполыхает огнем, тихо и незаметно пробраться внутрь, поразвлекаться, управляя этой куклой, считающей себя человеком, внушить чуждые ему мысли, которые он станет считать своими, и в конце концов выставить из тела прежнего хозяина, а еще одну свою часть поселить на его месте.

С двумя оставшимися девушками проблем не будет — в этом он не сомневался. Рано или поздно у них кончится вода и еда, нечем будет заправлять лампы, сгорят все свечи и факелы... Ему придется просто немного подождать, но что такое несколько дней ожидания после веков, проведенных в заточении!

Он улыбнулся бы своим мыслям, если б было чем, и замер в углу коридора. В противоположном конце застыла в неподвижности его меньшая часть. Оба следили за дверью. Оба ждали, когда она откроется. Время для них не имело значения, а ждать им предстояло долго, потому что Конан спал...

Глава седьмая

Конан вздрогнул и мгновенно проснулся. Такое ощущение, будто верный друг потряс его за плечо, предупреждая об опасности. Он сел и настороженно окинул взглядом мрачные своды пещеры, но ничего подзрительного не увидел. По крайней мере в освещенном пространстве не появилось ничего нового и ничего не пропало.

Конан пожал плечами — видно, во сне ему померещилось чужое присутствие. Присутствие... Ощущение оставалось, не позволяя успокоиться, и он еще раз внимательно осмотрелся — стены пещеры все так же тонули в темноте, но теперь круг света, идущий от костра, сузился, лишь локтей на десять отгоняя вязкую тьму. Дальше даже острый взгляд варвара не различал ничего.

Это было плохо. Конан подбросил в огонь запасенных кем-то сухих сучьев, и пламя с жадностью набросилось на них.

Огонь взметнулся вверх, осветив темные своды, а Конан, посмотрев на остатки дров, подумал, что этот, заботливо приготовленный неизвестным запас скоро иссякнет, и это тоже было плохо.

Не оборачиваясь, он пододвинул поближе несколько факелов, которые успел сделать из молодых, смолистых деревьев, росших перед входом, пока проклятые твари не загнали его в мрачную дыру в горе. Что им нужно от него? Впрочем, это был праздный вопрос.

Конан нащупал на груди маленькое круглое серебряное зеркальце на цепочке — скорее, даже талисман в виде зеркала — и вытащил его. Это из-за него он оказался здесь, в глуши, забытой Митрой и людьми. Он потратил массу времени, чтобы разыскать хорошо спрятанный сундучок, ожидая найти в нем одному Белу ведомо что! Каково же было его удивление, когда, открыв крышку, он обнаружил внутри эту никчемную вещицу!

Похоже, бог воров посмеялся над ним — кому могла понадобиться такая безделица? Впрочем, кому-то понадобилась, хотя удивлялся он и сейчас, в который уже раз разглядывая незатейливую вещицу, но сколько ни смотрел, впечатление оставалось прежним — ничего особенного. С одной его стороны было рельефное изображение паука, ничем не отличавшегося от своих живых собратьев. Другая сторона его была отполирована до зеркального блеска и украшена несложным орнаментом, опоясывающим его по кругу.

Одним словом, зеркало как зеркало, каких в Шадизаре видимо-невидимо в дешевых базарных рядах, торгующих мелочью.

Знал бы — купил да сидел бы сейчас в уютном кабаке старого Абулетеса и потягивал вино, вместо того чтобы лазать по каменным норам! Подумав так, он усмехнулся — ему ли жаловаться! За эту грошовую мелочь стигиец отсыпал ему столько золота, что он мог бы купить воз таких зеркал!

Конан хмыкнул, сунул его на прежнее место — за отворот рубахи, и мысли его вернулись в прежнее русло. Не мешало бы наделать факелов побольше, но тут уже ничего не исправишь! Хотя он успел убедиться, что неведомые твари боялись не только солнца, но и обычного огня.

Кем они были, киммериец не знал, но надоели они ему сверх всякой меры. Прячась в малейшем клочке тени, они протягивали узловатые когтистые лапы и, странно растягивая слова, шипели:

— Ты наш-ш, Конан, наш-ш! Но мы отпус-тим тебя, лиш-шь отдай талис-сман! Мы отпус-тим и наградим-м!

Конану толком не удалось разглядеть ни одной из них, но от этого было не легче. Временами, еще когда он не попал в проклятую пещеру, ему чудились в тени неясные силуэты, а когда он несколько раз оказался в непосредственной близости от дерева или густого кустарника, он с удивлением видел, как уродливая тень тянулась к нему корявой лапой, пытаясь зацепить когтем за одежду, подтащить поближе.

Однако касание это походило больше на легкий ветерок, а бесплотное тело напоминало причудливо изогнувшуюся струйку дыма.

В первый раз Конан хохотал над этим «нападением» до слез и тогда же впервые услышал тихий голос, похожий на шорох ветра в прошлогодней листве.

— Вреш-шь, не уйдеш-шь...

Но Конан лишь расхохотался над этими жалкими попытками запугать его — дневные тени были слишком прозрачны, чтобы укрыть собой нечто действительно опасное, и он перестал обращать внимание на крапившие по пятам полупрозрачные силуэты. Однако время шло, солнце неумолимо клонилось к закату, предвещая скорый приход тьмы.

Голоса сделались громче, а силуэты проступали все явственнее, хотя почему-то стали избегать Конана, и тут внутренний голос впервые подсказал ему, что дело принимает дурной поворот и пора всерьез подумать о том, что даст ему защиту, когда скроется за горизонтом око светлого Митры, а на землю падет тьма.

И тогда он принялся готовить себе факелы, но было уже слишком поздно. Твари обрели реальную силу. Конан начал слышать не только их голоса, но и шаги. Это значило, что они уже не были теми причудливо изогнувшимися струйками дыма, какими явились ему вначале. Они обрели вес, а значит, получили плоть! Откуда-то приходили все новые. Они ломали сучья, собираясь вместе, чтобы напасть на человека, но пока почему-то перейти в атаку не репались.

Он выпрямился и осмотрелся — диск солнца уже наполовину скрылся за горизонтом, и тогда Конан понял, что

сдерживает его незримых врагов, но тогда же он понял и другое — очень скоро он окажется в полной из власти!

И тогда, действуя по наитию, он начал поджигать факелы от пламени костра и разбрасывать их во все стороны, стараясь закинуть как можно дальше. Расчет его был прост — лес полон сухого валежника, и если ему удастся окружить себя стеной огня, на какое-то время это спасет его. Пусть это будет час или даже меньше, но за это время он сможет уйти от погони.

...Теперь, сидя у костра, в самых недрах горы, он вспомнил о своих надеждах и невесело улыбнулся. Он-то считал, что твари идут за ним по пятам и, отгородившись стеной огня, он сумеет спрятаться от них. Убежать... Как он ошибся! Здесь, в пещере, куда он забрался в поисках спасения, они по-прежнему преследовали его. Они или другие такие же. Варвар давно понял свою ошибку: забираясь все глубже, он рискует окончательно заблудиться, а ведь снаружи рано или поздно взойдет солнце, несущее избавление от ночного кошмара, который здесь продлится, лишь пока не догорят факелы, которые он так бездумно разбросал перед входом в пещеру.

Конан пробовал повернуть назад, но далеко пройти не смог — проклятые твари не хуже него соображали, что нужно делать, и одно из узких мест, где он прошел недавно, оказалось заваленным камнями. Тогда он пошел вперед и через некоторое время набрел на эту пещеру. Здесь он нашел оставленные кем-то дрова. Это подняло его настроение. Ему пришло в голову, что раз здесь лежат дрова, то пещера ведет куда-то, а значит, у нее есть не только вход, но и выход тоже.

Он разжег костер и потушил факел. Он должен был немного отдохнуть и поесть, прежде чем идти вперед, но сам не заметил, как вместо этого заснул. Он не видел снов и не помнил, как засыпал, но не сомневался, что спал, потому что ясно помнил, как просыпался. И то, что он сейчас вспомнил, он именно вспомнил, а не увидел во сне, — в этом он был абсолютно уверен — но и воспоминание было странным. Оно не было памятью о происшед-

шем с ним, равно как и не было впечатлением от чужого рассказа.

Оно было *воспоминанием, взявшимся ниоткуда!*

Размышляя об этом, Конан доел баранью ногу, разогретую на огне, и допил остатки вина. Все. В следующий раз он пообедает, только выбравшись отсюда, если ему не суждено сложить свои кости в этой дыре.

Он соорудил из остатков дров еще несколько факелов, израсходовав на это всю веревку, и поджег первый из них. Тот, весело затрещав, разом занялся пламенем, а киммериец невесело подумал, что толку от таких факелов будет немного: дрова, они и есть дрова, — а значит, надо торопиться.

Он вдруг ясно почувствовал, что времени у него осталось совсем мало. Попросту говоря — его не было вовсе. И опять-таки Конан не знал, откуда у него появилась эта уверенность, но раздумывать не стал, а быстро собрал свои пожитки и не оглядываясь пошел прочь.

Он шел, ускоряя шаг, но не страх гнал его вперед, а нечто иное. Может быть, сознание неодолимости того, что стремительно приближалось сзади, а может быть, это был тот чуткий сторож, который сидел глубоко внутри, вовремя подсказывая правильный путь или предупреждая об опасности? Он не раз уже помогал Конану выжить в, казалось бы, безвыходных ситуациях, а иногда и наоборот, в спокойной обстановке толкал его на безумные на первый взгляд поступки, впоследствии оказывавшимися единственно правильными.

Серые стены по бокам слились в однообразный бесцветный фон, то наплывая и становясь светлее, то отступая в мрачную темноту, но он не обращал внимания ни на что. Он даже не оглядывался, потому что знал — пока горит огонь, он в безопасности. Когда его не станет, не станет и Конана... И он бежал, рискуя свернуть себе шею или разбить голову, повинувшись лишь внутреннему сторожу, без усталости гнавшему его вперед.

Конан так и не понял, когда оказался снаружи, но так или иначе теперь над головой у него раскинулся звездный ковер — а значит, пещера осталась позади. Но мгновенный

импульс радости, едва родившись, иссяк — это не было избавлением, лишь краткой передышкой, открывавшей путь к спасению, и об этом ясно говорило усилившееся чувство тревоги.

Конан оглянулся и увидел в десятке локтей позади гранитную стену и пятно непроницаемой тьмы на ней. Киммериец лишь едва скользнул по ней взглядом, но что-то его насторожило, и он присмотрелся внимательнее. Стоячая он принял пятно за вход в пещеру, из которой он только что выбежал, но теперь увидел, что это не так.

Непроницаемый для света факела мрак скрывал ее, и это ясно было видно, потому что тьма изливалась из выхода волнами, ползла вперед, скрывая от глаз Конана все, к чему прикасалась, и уже подползала к его ногам.

Вот сейчас... еще немного... всего один миг...

Она коснется его ног, и тогда все.

Наступит конец.

А может, нет?

Конан не стал дожидаться ответа на свой вопрос — его любопытство не простиралось столь далеко. Он отпрыгнул, перескочив на одиноко стоявший валун, и тьма рванулась к нему, но нашла вместо человека голый камень. Тогда она начала быстро оползать его, окружая со всех сторон, но киммериец уже узнал все, что хотел, и не стал дожидаться продолжения, а, быстро взобравшись повыше, осмотрелся.

Света факелов оказалось явно недостаточно, чтобы осветить границы того места, где он сейчас находился, а в том, что они существуют, сомнений не было — огонь освещал чернеющий зев пещеры в стене, уходившей в стороны и назад, но вот смыкаются ли они где-то за спиной или он стоит в тупике ущелья, было неизвестно.

Он посмотрел вверх и обнаружил, что находится в каменном колодце — звезды видны были лишь на небольшом круглом клочке неба прямо над головой. Тогда он понял, что если есть у него шанс спастись, то лишь взобравшись по стенам на вершину скалы. Несмотря на ночь, это не было бы проблемой для киммерийца, выросшего среди

гор, если бы не твари, прячущиеся в темноте, и необходимость держать в руке факел.

Одним прыжком он преодолел быстро растекавшуюся лужу мрака, подбежал к ближайшей стене, отвесно поднимавшейся вверх, и тут же в ярости зарычал — имея только одну свободную руку и думать нечего было взобраться по ней. Она была холодной и шероховатой, но ни трещинки, ни малейшей выбоины, которые можно было бы использовать в предстоящем восхождении, он не нашел. Впрочем, тут и две руки мало чем смогли бы ему помочь!

Положение становилось угрожающим. Если он хочет спастись, нужно немедленно что-то делать. Оглядевшись, Конан зябко поежился и пошел дальше, внимательно вглядываясь в тянувшуюся слева стену, но ноги его отмеряли шаги, а в гранитной поверхности ничего не менялось.

И тут он обнаружил еще одну неприятную вещь — он находился на небольшой возвышенности, а остальное пространство было заполнено тьмой. Из нее исходил холод, который не чувствовался прежде, когда тьмы было мало, а сам он был далеко, но от которого не стало спасения теперь — от него ныли кости, а мышцы деревенели.

Конан отбежал на середину оставшегося в его распоряжении островка и в отчаянии посмотрел вверх, но теперь небо было затянуто мертвящей мглой, словно испарения озера тьмы, плескавшегося у самых его ног, закрыли собой небо, делая звезды тусклыми и мертвыми.

Факел догорал. Конан поджег от него следующий и, отойдя на несколько шагов назад, сам не зная, на что надеясь, бросил догорающий вверх. Почти угаснув на лету, он ударился о стену в трех десятках локтей над головой Конана, рассыпавшись от удара снопом красных искр, однако Конану показалось, что не все они упали к его ногам.

Впрочем, раздумывать было некогда. Оторвав полосу ткани от ворота рубахи, он примотал факел к левой руке и полез вверх в единственном месте, где сумел уцепиться за крошечный выступ. Он привычно ощупывал шершавую поверхность камня, выискивая в нем малейшие щели и неровности, позволявшие подниматься все выше. Руки его

намертво впились в крошечные выбоины, за которые, казалось, и удержаться-то невозможно. Несколько раз он едва не сорвался, почти сразу обломал ногти и изодрал в кровь руки, но неуклонно поднимался, дивясь этому про себя. Иногда ему начинало казаться, что пальцы его вовсе не ищут опоры, а впиваются в каменную плоть скалы, оставляя на ней незаживающие раны!

Конан успел подняться на два своих роста, когда тьма сомкнулась у него под ногами, заполнив собой все пространство от края до края, и подумал, что если теперь сорвется, то надеяться будет уже не на что. Однако именно здесь он впервые наткнулся на узкую, с острыми краями трещину, под углом уходящую вверх, в которую поспешил вцепиться мертвой хваткой настигшего добычу мастафа.

Потом попала пара крошечных уступов, не больше ногтя шириной, но позволивших ему зацепиться и дать отдых рукам, одеревеневшим от непрерывных усилий. Однако, памятуя о том, что времени расхолаживаться нет, и, позволив себе лишь несколько мгновений расслабления, продолжил восхождение.

Полку шириной в ступню он нащупал прежде, чем рассчитывал. Она уходила в обе стороны, но Конану показалось, что справа она едва заметно забирает вверх. Он пошел, старательно прижимаясь грудью к камню, распластавшись по нему, точно хорошо выделанная шкура медведя, растянута на стене пиршеского зала. Вскоре уклон сделался более ощутимым, и через несколько сотен шагов Конан увидел прямо под ногами начало «тропы». Локтя на три ниже ее плескалось непроницаемо-черное озеро тьмы.

Это было плохо. Это было гораздо хуже, чем он рассчитывал! У Конана появилось ощущение, что тьма набирает силу, что ее становится все больше, и если так пойдет дальше, то вскоре она начнет прибывать быстрее, чем он сможет уходить от нее, и хотя это было рискованно, Конан пошел быстрее — у него просто не оставалось иного выхода.

Теперь он лишь изредка посматривал на звезды, пытаясь определить, как высоко поднялся и далеко ли до верхней кромки колодца, но ничто не менялось. Ощущение

было таким, словно он, круг за кругом поднимаясь вверх, топтался на месте.

Еще один факел догорел. Он зажег следующий и бросил дымящийся огарок вниз. Он летел, как показалось Конану, слишком долго, но внезапно рассыпался снопом искр, снизу донесся тяжкий стон, в котором слышались боль и угроза.

Карниз, по которому он шел, понемногу расширялся, и киммериец шел все быстрее. Вскоре он заметил, что звезды вновь стали светить ярче, и вместе с этим пропало ощущение мертвящего холода, исходившего со дна колодца, а ночная прохлада, пришедшая ему на смену, показалась теплым южным ветром. Это было хорошим признаком.

Тропа кончилась, но это было уже не важно. Здесь стены стали более пологими, с многочисленными кавернами — дожди и ветры знали свое дело. Конан усмехнулся и полез вверх. Теперь он не сомневался, что спасение близко. Чтобы ни ждало его в конце подъема, но тьме туда не добаться: уже отсюда были видны низкие расщелины, ведущие наружу, а лежали они ниже вершины скалы, на которую он сейчас взбирался.

Притаившихся в тени он тоже не боялся. Киммериец прекрасно знал эти горы — вершины их были плоскими, как стол. Там нечему отбрасывать тень. Другое дело, если его угораздит провалиться в трещину, которую легко не заметить ночью, или небо затянут тучи...

Только поэтому Конан не стал гасить факел.

Выбравшись наверх, он осмотрелся. Как ни странно, это место показалось ему незнакомым. Он готов был поклясться, что ничего прежде не слышал о нем ни от горцев, спокон веку живущих в этих горах, ни от кочевников, пасущих свои стада в предгорьях. Но факт оставался фактом: прямо перед его глазами прилепилась к скале убогая харчевня, а чуть дальше он увидел с десятков покосившихся от времени ветхих лачуг.

Одному Крому известно, чем живут здесь люди! Во всяком случае, Конан представить себе этого не мог, но мысли эти недолго занимали молодого варвара. Как бы там ни

было, а найти деревню, затерявшуюся в горах, было удачей, на которую он не смел и надеяться. Где дома, там и люди, а где люди, там всегда можно раздобыть себе кров и пищу, и женщину на ночь, и все это ему сейчас требовалось в большом количестве и как можно скорее!

Ободренный этой мыслью и близостью ее воплощения, Конан бросился вперед, но когда дверь, повинаясь его могучей руке, скрипнув, отворилась, и он оказался внутри, то мгновенно почувствовал неладное, хотя и не сразу понял, что его встревожило.

Он быстро осмотрелся. Комната имела явно нежилой вид, и Конан понял, что не суждено сбыться его мечтам насчет еды и вина, не говоря уж о женщине. Впрочем, он не особенно и расстроился. Что-то еще там, на краю каменного мешка, подсказывало ему, что не найдет он здесь ни пищи, ни тепла. Ну и Нергал с ними! По крайней мере он согреется и выспится! Уж этих двух радостей его никто лишить не сможет!

Конан подошел к камину и ткнул факелом в кучу хвороста, сложенную внутри, затем схватил охапку дров из кучи, сваленной в углу, и навалил ее сверху. Ему даже не пришлось в голову обойти деревню в поисках жителей. Отчего-то, едва попав сюда, он моментально уверился в бессмысленности поисков — наверняка никто не жил здесь уже десятки лет.

И тогда в голову ему пришла странная мысль — похоже было на то, что жители этого селения перед тем, как покинуть его, старательно запаслись дровами. Впрочем — он пожал плечами — разрешить его сомнения все равно некому, так что и голову ломать ни к чему.

— Хвала Сету! Наконец кто-то додумался развести огоны!

Конан резко обернулся. Он прекрасно помнил, что, когда вошел, комната была пуста. Теперь это было не так. Незнакомно откуда взявшийся незнакомец в черной накидке с капюшоном, надвинутым на лицо, сидел за столом. В глубоком провале капюшона не видно было лица, но говорил он явно с Конаном, потому что никого больше здесь не было.

— Кром! Кто ты и откуда взялся? — спросил Конан не из любопытства, а скорее, чтобы просто сказать что-то, и рука его привычно легла на кожаную обшивку рукояти меча. Хотя речь незнакомца и звучала дружелюбно, он не понравился киммерийцу — прятал лицо да помянул Сета, что не было принято нигде, кроме Стигии.

— У тебя короткая память, варвар, — впервые что-то знакомое промелькнуло в голосе незнакомца, и он продолжил, — мы ведь договаривались о встрече. Ты принес талисман, о котором мы говорили?

Эти слова поставили на место все, кроме одного — как он оказался здесь? Здесь, а не в кабачке Абулетеса, где они должны были встретиться?

— Твой талисман едва не стоил мне жизни.

Стигиец ухмыльнулся.

— Разве я говорил, что тебя ждет легкая прогулка? Наоборот, я предупреждал, что дело опасное, и деньги предложил немалые, а я не привык платить зря. Или ты считаешь, что тебе недоплатили?

Явная насмешка в его голосе выводила Конана из себя, но возразить он ничего не мог — все было верно.

— Нет! Клянусь копытами Нергала! Все было честно.

— Ну так давай талисман! — сказал тот уже совершенно спокойным голосом.

И хотя Конан был взбешен и ждал лишь повода, чтобы снести скрытую тканью башку мерзавца, ему пришлось подавить гнев — теперь в голосе стигийца не было и тени насмешки. Киммериец нехотя полез рукой за отворот рубахи и, вытащив золотой кругляш, снял его с себя. В конце концов, уговор есть уговор, и свою часть стигиец, кем бы он ни был, выполнил честно.

— На, забирай!

Он протянул руку и опустил талисман в костлявую ладонь стигийца. Тот порывисто вскочил и восторженно всмотрелся в свое, неверное в колеблющемся пламени очага, отражение.

— Наконец-то он мой! — В голосе прозвучало злобное торжество, но он тут же замолчал, полностью поглощенный появившимся в зеркале образом.

Конан осторожно подошел сбоку и заглянул в серебряную поверхность.

Стигиец словно и не замечал этого. Он смотрел не отрываясь, но теперь уже не проявлял радости. Вместо себя, вместо своего лица он увидел голый, ухмыляющийся череп. Он попытался отвести взгляд и не смог, с ужасом чувствуя, как кожа на голове стягивается, ссыхаясь, превращаясь в ветхий пергамент, который тут же лопается, рассыпаясь ядовитой пылью. То же самое происходило и с телом. Мышцы судорожно напряглись, съеживаясь и укорачиваясь, грозя переломать кости.

Он готов был закричать от ужаса и боли, но смог лишь судорожно вздохнуть. Пыль мгновенно заполнила пустой череп и ушла вглубь ссохшегося тела мумии, в легкие. Ему непреодолимо захотелось чихнуть, чтобы избавиться от пыли, но откуда-то он знал, что делать этого нельзя. Воздуха не хватало, и когда он почувствовал, что уже не сможет сдерживать крика боли и безысходности, тело его взорвалось, исторгнув из своих недр смрадное облако пыли.

Как только Конан увидел, что творится с лицом стигийца, он отскочил к двери. Ремесло вора приучило его первым делом заботиться о пути к отступлению, не считая бегство безоговорочным признаком трусости. Часто оно оказывалось единственным способом сохранить жизнь, хотя бы для того, чтобы иметь впоследствии возможность доказать обратное, и его опыт воина не раз подтверждал правоту этого правила.

Он вновь посмотрел на стигийца. Тот замер, словно одеревенев, с протянутой вперед рукой и свешивающимся с нее зеркальцем. В следующий миг отрывистый полурык-полулай, в котором слышалась смесь чудовищного кашля и неудержимого чиха, сотряс его тело. От неожиданности Конан чуть не расхохотался, но тут увидел, как из одежды незнакомца посыпалась на пол необъяснимо отвратительная, тончайшая серая пыль тысячелетия назад истлевшей плоти, источающая густую трупную вонь.

Пыль мгновенно забила в рот и в нос, заставив его закашляться и поспешно прикрыть лицо куском материи,

но когда он поднял глаза, то увидел, что стигийца уже нет, а перед ним стоит, покачиваясь, скелет, а прикрывавшая прежде его тело хламида валяется в куче пыли на полу.

Поймав на себе взгляд Конана, скелет злобно осклабился и, быстро шагнув к нему, протянул руки, словно желая обнять киммерийца, и тот услышал странный голос, идущий ниоткуда:

— Ты освободил меня от плена плоти, варвар. Теперь я вновь свободен и готов забрать тебя с собой.

Неестественно быстро он оказался рядом с Конаном, но киммериец отскочил в сторону, и его могучий кулак ударил скелет точно в висок. Позвоночник хрустнул, не выдержав удара, и череп, сорвавшись со своего места, кувыркаясь пролетел через пустой зал и упал в пламя очага. Чудовищный рев, застывший на одной нескончаемо хрипящей ноте, ударил варвара по ушам, заставив болезненно сморщиться.

— Вытащи! Вытащи меня! — надрывался череп. — Вытащи, иначе умрешь!

Конан стоял не шевелясь, ожидая, что произойдет дальше, когда ему почудилось шевеление за спиной. Он стремительно отпрыгнул, и вовремя — безголовое сборище костей, полуприсев и раздвинув руки, слепо крутилось по комнате, стремясь достать человека.

— Оставь его! — взвыл череп. Пламя уже занялось на нем, предвещая скорый конец. — Он никуда не денется! Вытащи меня!

Скелет тут же развернулся и пошел на зов. Теперь он шел гораздо быстрее, ориентируясь по жару, идущему от огня.

Вот как! Никуда не денется. Кром! Да он сам развалит этот поганый костяк!

Конан оглянулся — двери и окна были наглухо заперты, а он прекрасно помнил, что, когда пришел сюда, они были распахнуты настежь. Впрочем — какая разница? То, что закрыто, всегда можно открыть. Он схватил массивный стол, за которым совсем недавно они мирно беседовали с незнакомцем, голова которого горела сейчас в огне, а все осталь-

ное было занято ее поисками, и швырнул его в окно. Давно прогнивший ставень разлетелся в мелкие щепы. Конан увидел невыносимо яркий свет солнца, льющийся за окном, и понял, почему оказался закрыт ставень в этом месте, где все происходившее услужливо пыталось помочь ему без проблем сойти в царство Нергала.

— Скорее! — хрипло забасила голова, словно случилось нечто ужасное.

Обернувшись, Конан увидел, что так оно и есть, только не знал, кому из них грозит большая беда. Скелет уже разогнулся, держа в руках пылающий шар черепа. Через миг он потушит ее, и тогда неизвестно, чего ждать. Впрочем, ждать он и не собирался.

— Клянусь кишками Нергала — ты первым попадешь на Серые Равнины!

Конан схватил со стены моток веревки с привязанным на конце крюком и, пару раз энергично крутнув его над головой, бросил в своего противника. Крюк мгновенно обмотался вокруг позвоночника, и Конан резко рванул на себя. Движение оказалось слишком резким — прогнившая веревка лопнула, но он вложил столько силы, что это уже не имело значения: скелет сложился пополам и, словно выпущенный из катапульты снаряд, полетел наружу, все еще держа костлявыми пальцами исходящий неистовым воплем, объятый огнем шар черепа.

Киммериец пригнулся, когда гряда костей с ревом пронеслась у него над головой, но тут же вскочил, мгновенно развернувшись к окну. Скелет бился в конвульсиях посреди пыльной, залитой солнцем улицы. В следующий миг гряда костей занялась пламенем, и Конан понял, что это конец.

Глава восьмая

Киммериец открыл глаза и поудобнее уселся на диване, только что служившем ему ложем, удовлетворенно осматриваясь, словно вернулся не в постылую темницу, за стенами которой притаилась беда, а в родной дом, к любящим друзьям. Впрочем, последнее было не так уж и далеко от истины. Зита с Мелией настороженно, с надеждой смотрели на него.

— Ну? Что скажешь?

— С огнем шутки плохи! — только и ответил Конан, ухмыльнувшись каким-то своим мыслям.

О чем это он?

Девушки недоуменно переглянулись.

— Устал я. — Конан устроился поудобнее и прикрыл глаза.

Только тут до них дошло, откуда он вернулся и чем занимался на самом деле, пока тело его спокойно лежало в одной с ними комнате, погруженное в сон. Очарованный Сон, для них с сестрой продлившийся совсем недолго, но сколько времени — а главное сил! — потратил Конан, чтобы пройти свой путь, они могли только догадываться. Кляня себя за непростительную глупость, девушки бросились за вином и едой.

Киммериец ел, словно дня три не видел съестного, с иронией вспоминая аппетитную увесистую баранью ногу, съеденную в пещере. Все-таки это было несправедливо — убить-то его грозили по-настоящему, а кормежка оказалась

фальшивой! Зита с Мелией терпеливо ждали, не понимая менявшей его лицо мимики, но лишь когда он насытился и с кубком вина в руке откинулся на спинку дивана, Зита решила, наконец, вновь задать свой вопрос:

— Ну, что скажешь?

Она так напряженно ждала ответа, нетерпение столь явно отражалось на ее лице, что Конан не смог удержаться и, усмехнувшись, повторил:

— С огнем шутки плохи.

— Ты!.. — Девушка задохнулась от гнева, и щеки ее вспыхнули румянцем.

Конан беззвучно рассмеялся, обнажив белые крепкие зубы, и вдруг посерьезнев развел руками.

— Мне нечего сказать. Я ничего не узнал.

Ответ был столь бесхитростен и категоричен, что обе девушки надолго замолчали. Они надеялись узнать нечто для себя важное, но так и остались с тем, с чего начали — с паутиной Затха, неизвестно, сколько еще способной защищать их, и необходимостью обезвредить Незримого неведомым пока способом. Теперь все их надежды оставались на Конана.

На его силу.

На его бесстрашие.

На его ум.

Огорченная неудачей, Зита погрузилась в свои мысли, а Мелия под села к киммерийцу — она еще не переставала надеяться — ласково тронула его за руку и заглянула в лицо.

— Расскажи, дорогой, как это было, — попросила она, — быть может, ты забыл что-то важное или не обратил внимания на какую-нибудь мелочь?

Киммериец удивленно посмотрел на нее.

— Как ты меня назвала?

Она смущенно потупилась и лицо ее залилось румянцем. «Совсем как Зита! — подумал Конан, восхищенно глядя на девушку. — Поразительное умение краснеть по любому поводу, и похоже, обладает им не только младшая из сестер!» Прежде ему доводилось слышать истории, о восточ-

ных владыках, выбиравших себе в наложницы исключительно легко краснеющих женщин, уверяя, что они необыкновенно горячи на брачном ложе.

Он посмотрел на Зиту, занятую своими мыслями, и ему стало неловко, а в душе против воли родился протест. Обе сестры оказывали ему явные знаки внимания, тайком друг от друга одаривая взглядами, недвусмысленно намекавшими, что если все закончится хорошо, он без труда сможет убедиться в правдивости слышанных рассказов!

Несмотря на то что киммериец давно уже привык к повышенному вниманию к себе прекрасной половины человечества, сейчас он чувствовал себя польщенным — до сих пор ему не приходилось иметь дело с женщинами, принадлежавшими к знати. Однако ему вовсе не нравилось желание каждой из них склонить его на свою сторону, негласное состязание за знаки внимания с его стороны! Он вовсе не намеревался быть игрушкой в чьих-то руках, будь то хорошенькая Зита или божественная Мелия! Не говоря уже о том, что сейчас он просто не намерен забивать себе голову подобными глупостями — слишком уж они расслабляют!

Конан так и не дождался ее ответа и коротко бросил:

— Нечего рассказывать.

— А все-таки?

К Мелии вернулась ее непринужденность. Она молитвенно сложила ладони и просительно заглянула Конану в глаза, а Зита, очнувшись от размышлений, с улыбкой смотрела на нее и думала о том, сколько, оказывается, еще скрывается в ее старшей сестре детской непосредственности, о которой никто, даже она сама, и не подозревает!

Киммериец кивнул. В общем-то он и сам понимал, что их не может удовлетворить его односложный ответ.

— Я проснулся в пещере, в сердце горы, у догорающего костра, почувствовав, что кто-то тронул меня за плечо, предупреждая об опасности, но все было спокойно и никого рядом не оказалось. Однако я точно помню, что у меня осталось ощущение отступившей беды.

При этих словах Зита насторожилась.

— Что ты имеешь в виду?

Конан поморщился, не зная, как точнее выразить свое ощущение.

— Еще снаружи пещеры меня начали преследовать какие-то твари, прятавшиеся в тени, но они не осмеливались нападать, лишь угрожали да тащились следом. Когда я очнулся, все оставалось по-прежнему, но я уверен — если бы не этот толчок, я бы уже не проснулся. Ни здесь, ни там!

Мелия кивнула.

— Нечего сказать — хорошее начало.

Конан согласился:

— Мне тоже понравилось.

Но Зита не была склонна к пустопорожним разговорам.

— Ты же говорил, что проснулся в пещере, а теперь оказывается, что все началось значительно раньше! — Она ехидно прищурилась. — Как тебя понимать?

— А ведь и верно. Как это я сама не заметила? — Мелия удивленно посмотрела на киммерийца.

Кром! А он-то надеялся обойтись самой сутью! Конан задумался ненадолго, прикидывая, как покороче рассказать обо всем, раз уж рассказа не избежать.

— Я действительно проснулся в пещере. Все происшедшее до того лишь всплыло в памяти. Солнце клонилось к закату. Я решил заночевать прямо у подножия горы и отправился в рощу набрать веток для костра — не хотелось, чтобы шакалы тревожили ночью, — он усмехнулся, — вот только поспать мне так и не пришлось. Пока я собирал хворост, меня не покидало странное ощущение, что за мной кто-то следит, ходит следом и пялится в спину голодным, злым взглядом.

Он посмотрел на Зиту, словно хотел взглядом передать то ощущение, что так неумело описал словами, и девушку передернуло, а руки покрылись гусиной кожей, словно от холода, когда она представила, как это могло быть: солнце садится, тени густеют. Ты ходишь, а следом крадется кто-то страшный и сильный, с острыми как кинжалы зубами, когтистыми лапами и буравит злым, голодным взглядом спину, в ожидании, когда ты уснешь или солнце зайдет, и до мига этого осталось совсем не-

много, а ты знаешь обо всем, но сделать ничего не в силах!

Конан тем временем продолжал:

— Я набрал дров, и ничего со мной не случилось. Но такое чувство, что я был не один. Что-то мне во всем этом не нравилось, хотя что, я и сам не знал. На всякий случай я срубил пару десятков молодых сосенок, понаделал из них факелов. Оказалось, не зря. Стало темнеть — и какие-то твари стали подкрадываться ближе.

Нечаянным жестом Мелия в волнении положила свою маленькую ладошку на его большую ладонь, и по ее дрожанию, по судорожно сжимавшимся пальчикам киммериец чувствовал, какое впечатление оказывает на девушку рассказ.

— Как только солнце село, начался кошмар, которого я никогда не забуду. Я уже чувствовал на себе их грязные когтистые лапы, чуял смрадное дыхание, хотя стоило обернуться, и все пропадало. Но я же не мог обернуться во все стороны разом! Всегда кто-то оставался за спиной! И я не видел врага! Я не мог убить его и когда понял, что едва догорит костер — мне конец, запалил с десяток факелов, раскидал их как мог дальше и, когда от валежника пламя перекинулось на деревья, ушел в пещеру.

Мелия сжала его ладонь.

— Скажи, тебе было страшно?

Он рассмеялся.

— Нет! Конечно, нет! Не хотелось расставаться с жизнью? Да. Страшно? Нет! Хотя страх — полезное чувство. — И, видя удивление в глазах девушек, пояснил: — Страх помогает выжить! Выжить там, где победить нельзя, а можно лишь напрасно потерять жизнь. Выжить, чтобы прийти и отомстить, доказав, что ты не трус.

Конан замолчал, поймав себя на том, что только что высказал вслух мысль, впервые пришедшую ему именно там, во сне. Девушки некоторое время ждали продолжения, пока Зита не спросила:

— Что же было дальше?

— Дальше? — Он пожал могучими плечами. — Дальше не было ничего. Только бегство без конца, неизвестно от

кого. Я ведь думал, что, пока горит огонь, успею уйти далеко, а оказалось, что лишь понапрасну извел факелы. За мной гнались всю ночь. Сперва по пещере, которой я прошел сквозь гору и оказался в каменном мешке, откуда не было выхода. И тогда я полез по отвесной стене. Мне пришлось взобраться на самый верх. Я надеялся, что там, наверху, нечему будет отбрасывать тень, но тучи начали сгущаться, и я понял, что не все так просто. Хотя приходится дни они задержать и не могли, но грозились погасить луну и звезды!

Но это уже не имело значения, — заговорил он вновь после небольшой паузы, — недалеко я заметил несколько убогих лачуг и обрадовался возможности провести остаток ночи в тепле и на свету, но, подойдя ближе, увидел, что там давно никто не живет. Дома так обветшали, что того и гляди грозили рухнуть. Представьте, как я был удивлен, когда встретил там незнакомца, который мне заплатил, чтобы я принес талисман. Он потребовал его, и я отдал.

— Ты отдал талисман? — всплеснула руками Зита, и на лице ее на мгновение промелькнуло выражение обреченности.

Конан усмехнулся.

— Отдал, но не тот. Это ведь был сон! — Конан улыбнулся девушке, и она закусила пухлую губку, досадуя на себя за несообразительность. — На шее у меня висело маленькое зеркальце, и я отдал его. Чужак впился взглядом в свое отражение, обернулся скелетом и бросился на меня. Не стану описывать, что было дальше — это мало интересно, но кончилось тем, что он сгорел. — Конан помолчал. — Это спасло мне жизнь. — Он еще немного помолчал и добавил: — В тот раз. Но я все равно не вижу, чем все это может помочь нам сейчас.

Конан замолчал — больше ему говорить было нечего — и принялся ждать, что скажет Зита, но девушка сосредоточенно размышляла. Похоже было, что и ей, несмотря на ее познания, не за что уцепиться в рассказе Конана. Он долил в кубок вина и, сделав внушительный глоток, — в горле у него настолько пересохло, что жажда продолжала мучить

даже теперь, после четырех внушительной вместимости кубков — заметил:

— Ты оказалась абсолютно права, девочка: я и в самом деле едва не распростился с жизнью. Но ничего полезного так и не узнал.

Однако Зита по-прежнему молчала, пытаясь найти рациональное зерно в его рассказе.

— Быть может, тебе следует показать его Незримому? — Мелия вопросительно посмотрела на киммерийца. — Ведь незнакомец погиб именно после того, как увидел в нем свое отражение.

Конан покачал головой.

— Вряд ли. Он будет ждать меня завтра вечером, но для этого мне еще нужно выбраться отсюда, а вот сумел бы талисман защитить меня от тварей, прятавшихся в тени, а потом в темноте пещеры, я не знаю — говоря по правде, тогда я так ни разу и не вспомнил о нем. Не забывай, что для меня все происходило наяву. Это сейчас я знаю, что то был сон, а тогда мной владело единственное желание — спастись. — Конан задумался ненадолго. — Могу сказать только одно: если и похож Незримый на что-то, виденное мною, то только на тьму, выплеснувшуюся из пещеры и заполнившую собой каменный мешок, едва не ставший моей могилой. А что касается талисмана, — Конан сделал паузу, — Незримый знает, что он у меня.

Он сказал это спокойно, как говорят о чем-то обыденном, не стоящем внимания, Зита озабоченно покачала головой.

— Ты ничего не рассказывал об этом.

Конан усмехнулся.

— Я много о чем не рассказывал. — И тут же посерьезнел. — Это случилось в зале, в котором мы впервые встретились. Сперва я почувствовал беспричинную тревогу и вдруг поймал себя на том, что не могу пошевелиться. Я не ожидал ничего подобного, и он начал овладевать мной. Я боролся, но едва мог пошевелиться. В какой-то момент мне подумалось, что еще немного — и конец. Из последних сил я сжал талисман, и тогда Незримый отпустил меня. Мед-

ленно и неохотно, но ему пришлось сделать это. Он убрался, а вскоре я услышал нечеловеческий крик и бросился сюда, но нашел только кровь на полу.

Фабриан в кресле нервно сглотнул слюну, пытаясь бороться с тошнотой, но никто этого не замечал.

— Так ты думаешь, что и там столкнулся с Незримым? По твоему рассказу, это такое же непроницаемое для взгляда облако тьмы, перед которой абсолютная тьма ночи — солнечный полдень.

— Возможно, — Конан задумчиво кивнул, — но там, поверь, у меня был единственный способ спастись — отступить, не позволяя ей приближаться, и как можно быстрее. Это как горная лавина, которую не остановишь ничем! Можно лишь убраться с дороги, а если некуда, то остается бежать без оглядки в поисках недоступного ей места. — Он значительно посмотрел в глаза молодой колдуньи. — Там было зло, необъятное и необоримое. Тьма сглотнула брошенный в нее факел, лишь проворчав о своем недовольстве. Здесь же лишь маленький клочок того необъятного облака, злобный и смертельно опасный, но не настолько. Не знаю, — Конан пожал плечами, — может быть, в моем сне Незримый предстал во всей своей красе? — Он почувствовал, как невольно дрогнула на его ладони рука Мелии. — Тогда я не хочу даже думать о том, что случится, если он вырвется наружу!

— Ты действительно считаешь, что мы можем что-то сделать? Даже после того, как едва не погиб и вернулся ни с чем? — Зита заговорила, и в голосе ее угадывалась обреченность. — Быть может, ты просто не понимаешь, в каком положении мы оказались? — Она с тоской посмотрела на Конана, и у Мелии сердце сжалось от жалости и боли, хотя сама она находилась точно в таком же положении. — Я очень надеялась, что твой сон прояснит что-то, но теперь меня не покидает предчувствие скорой смерти.

Она говорила спокойно, но от спокойствия этого Мелии сделалось страшно.

— Все может быть, милая, — Конан оставался невозмутим, как вендийский мудрец, заранее знающий ответы на

все вопросы, но не стал успокаивать девушку. Все, что он мог сказать ей, прозвучало бы пошло и фальшиво, — но поменьше думай о смерти, если хочешь избежать ее. Лучше расскажи нам, что нас ждет теперь.

Зита кивнула.

— Я думаю, ты действительно видел Незримого. Не того, что притаился снаружи кокона, а прежнего, такого, каким он явился в наш мир — лишенный плоти, но не лишившийся всей мощи. Однако не это важно. Мы не можем выпустить его отсюда, чтобы спастись. Это лишь ненадолго отсрочит нашу смерть, но не спасет от нее, зато погибнет неисчислимое количество людей, пока кто-то, кому по силам будет справиться с ним, не решит, что настал момент избавить мир от зла, либо что конкурент за власть стал слишком силен — все равно. Сейчас это сделать значительно проще, но на беду нашу мы по-прежнему не знаем — как!

— Я не вижу в этом большой беды, — спокойно возразил Конан. — Главное — не сидеть сложа руки.

— Но что мы можем сделать? — Зита недоуменно смотрела на него, пытаясь понять ход мыслей варвара. — Мы можем покинуть дом, но для этого должны прежде уничтожить Незримого, но как сделать это, не знаем, а узнать сможем, лишь выйдя отсюда! Получается заколдованный круг! Что нам делать, Конан?

Она стиснула руки на груди и с тоской посмотрела на огромного киммерийца.

— Чтобы победить, нужно драться! Мы ведь еще не погибли! Ты говоришь, что это ненадолго и смерти не избежать? Прекрасно! Значит, бояться уже нечего! Но нам дали шанс, ставка в котором — жизни! Так почему не побороться? Мы ничего не теряем, но многое можем обрести!

Конан не беспокоился за Мелию. Он видел в ее взгляде готовность идти за ним куда угодно. Пусть в конце пути их ждет смерть — неважно. Лишь бы быть вместе. Он боролся за Зиту, смотревшую на него взглядом, в котором обреченность боролась с надеждой, и он обязан был помочь надежде победить!

— Но что делать? Что делать?!

— Мы можем уничтожить Незримого?

— Нет!

Конан кивнул, соглашаясь.

— Если не знаешь, как убить льва, поохотись на шакала, что крутится рядом, — Конан посмотрел на Зиту, перевел взгляд на Мелию и во взгляде его сверкнула холодная синева северных гор. — Займемся его вырождением.

— Но что это даст нам? — не унималась Зита. — Незримый, а вовсе не тварь, созданная им, преграждает нам путь к свободе!

— Лев — очень опасный зверь, и если уж решил поохотиться на него, полезно знать, что шакал не прыгнет тебе на спину! — возразил киммериец и добавил: — Если из двух врагов ты убил одного, опасность уменьшится вдвое.

— Но что потом? — Зита по-прежнему хотела сразу получить ответы на все вопросы.

— Что делать потом, будем решать потом, — отрезал Конан. — Не к чему торопить события. Возможно, когда Незримый лишится твари, он сам подскажет нам, как быть дальше.

— Эмерика оставьте мне! — Решив, что момент настал и пора проснуться, Фабиан сел в кресле и решительным взглядом окинул присутствующих.

«Ага, наш спаситель проснулся! — Конан усмехнулся про себя, но виду не показал. — Только что от страха валялся без памяти, но пришел в себя и снова рвется в герои!»

— Эмерик мой! — Для убедительности Фабиан повторил свою фразу и требовательно посмотрел на Конана. Тот неопределенно кивнул, то ли соглашаясь, то ли просто принимая к сведению желание Фабиана.

— Какой Эмерик? — побелевшими губами прошептала Зита.

— Ты что, не поняла? — после продолжительного «беспамятства» Фабиан почувствовал подъем и, отчаянно жестикулируя, продолжал объяснять: — Это же Эмерик напал на меня в зале! Неужели ты не узнала его?!

Мелия смотрела на него округлившимися глазами. Она думала, что сон исцелил его, помог забыть перенесенный ужас, поверить в себя, стать прежним веселым балагуром, сильным мужчиной, умелым воином, на которого можно положиться, достойным встать рядом с Конаном, чтобы защитить их с сестрой. Теперь же ей казалось, что он сошел с ума.

— Фабиан, ты не знаешь... — прошептала она. — Эту тварь создал Незримый из костей и чучел животных, хранившихся в подвале...

— Он просто возродил Эмерика! — обрадовался Фабиан, словно речь шла о чем-то необыкновенно веселом. — Незримый воссоздал его таким, каков он и был на самом деле — помесь крысы и крокодила! Тебе не приходило в голову, что одноглазым он получился потому, что второй глаз остался валяться здесь! В этой комнате под диваном, в пыли! — Он перевел взгляд на Зиту, и у нее холодок пробежал по телу. В рассуждениях Фабиана сквозило явное безумие, и в то же время она вдруг сразу и безоговорочно поверила в его слова, а он продолжал: — Эмерик всегда был таким. Просто теперь он остался без маски. Ты веришь мне? — неожиданно спросил он у Конана.

Тот сдержанно кивнул, соглашаясь. Он помнил, как выглядела тварь поначалу, с узлами не покрытых шкурой мышц, с сочащейся из глубины тела кровью — всего этого быть не могло в иссохшихся мумиях, не говоря уже о чучелах, набитых соломой.

— Он был вашим другом, — напомнил киммериец. — Вам виднее.

— Он не был ничьим другом! — прервал его Фабиан.

— Но он был человеком вашего круга, я же лишь понаслышке знаю о нем. — Конан поморщился. Он не терпел подобного обращения, но сдержался, памятуя о том, что теперь не время ссориться. — Правду сказать, Фабиан дело говорит — вашего приятеля всегда тянуло туда, где потемнее да погрязнее, но дело в конце концов не в этом. — Он посмотрел на Фабиана в упор. — Уверен ли ты, что справишься с этой тварью, неважно Эмерик это или что-то иное?

Тот судорожно кивнул и собрался что-то сказать, но киммериец жестом остановил его.

— Учти — он очень опасен.

— Я не боюсь! — Он с вызовом посмотрел на Конана, который покачал головой, показывая, что далек от такой мысли.

— Я и не сомневаюсь, но не в этом дело. Он гораздо опаснее, чем просто очень сильный человек, прекрасно владеющий оружием. Как раз с мечом-то он обращается довольно-таки скверно, но зато он нечеловечески силен и невероятно быстр, передвигается рывками. Нужно время, чтобы привыкнуть к этому. Даже я справился с ним с трудом.

Возможно, если бы не это «даже я», без всякой задней мысли произнесенное Конаном, Фабиан и уступил бы, но он отнюдь не собирался соглашаться на предложенную ему вторую роль и упрямо поджал губы.

— Поверь — я неплохо владею мечом и силой не обделен, а ненависть поможет мне. — И, увидев удивление, промелькнувшее во взгляде Конана, поспешил объяснить: — Эта тварь пыталась убить меня, а значит, должна сдохнуть от моей руки!

— Хорошо, — Конан пожал плечами, считая бессмысленным продолжать спор. — Но помни: убьешь ты его или нет, но себя дать убить ты не имеешь права. Если почувствуешь, что приходится туго — плюнь на гордость и отступи. И помни об одной простой истине — живой трус лучше мертвого храбреца.

Тот кивнул, но по упрямому блеску глаз Конан понял, что согласился он лишь для того, чтобы его оставили в покое. Ну что же, жить или умереть — этот выбор человек может сделать только сам. Во всяком случае безрассудная храбрость в их положении была предпочтительней панической трусости. Им предстоит выйти, и то, что они сумеют сделать, должно в корне изменить создавшееся положение — либо Незримый останется в одиночестве, и шансы их возрастут, либо демону удастся завладеть кем-то из них и тогда...

Жаль, что это понимает только он.

Занятый своими мыслями, Конан только теперь с удивлением заметил, что Фабиан с деловым видом облачается в доспехи, подбирает себе оружие, явно намереваясь немедленно покончить с тварью, а заодно и с самим Незримым.

— Ты, похоже, собрался идти прямо сейчас? — Вопрос Конана заставил его вздрогнуть и обернуться.

— Ну да. А чего ждать-то? Я уже устал от этой говорильни!

«Кром! — Конан едва не выругался вслух. — Настоящий герой! Вот сейчас пойдет и спасет всех от смерти! Просто так, мимоходом, чтобы размяться!»

— Подожди немного — драка от тебя не уйдет. Давай послушаем сперва Зиту. Может, ей удалось выудить что-нибудь из моего сна?

Он посмотрел на девушку, но та сокрушенно покачала головой. Однако Конана ее ответ не обескуражил — он и не надеялся особенно услышать что-то полезное.

— Тогда остается решить, как действовать дальше.

— Да что там решать-то? — Фабиан, все это время возбужденно ходивший взад и вперед, остановился и в упор посмотрел на Конана. — Выйдем да прибьем эту тварь! Нам бы только найти ее.

— Успокойся, Фабиан! — Мелия пришла на помощь Конану, когда он уже начал терять терпение. — Если помнишь, один раз мы уже поступили подобным образом и это едва не закончилось для нас катастрофой. Зачем повторять ошибки?

Фабиан, видя, что его явно не поддерживают, демонстративно уселся в кресло и замолчал, не желая принимать участия в общем разговоре.

— Что ты предлагаешь, Конан? — Мелия вопросительно посмотрела на него.

— В прошлый раз мы угодили в ловушку. Тварь помашила нас за собой, а Незримый подкрался сзади, и мы попались!

— Если бы не ты, Конан... — Мелия тронула его за руку.

— Брось! Нам просто повезло! — отмахнулся Конан, но девушка с удовольствием увидела, как потеплели его глаза.

Впрочем, если она подумала, что подобная реакция была вызвана ее невольной лестью, то она ошибалась — ему нравилось видеть ее и не менее приятно было бы просто услышать звук ее голоса, независимо от того, что она говорила. От девушки веяло теплом и давно забытым уютом, чем-то близким и трепетным, чего он, казалось, безвозвратно лишился со смертью матери.

Конан с сожалением заставил себя вернуться к разговору.

— Ему достаточно повторить то, что однажды уже получилось, а ведь он вполне может придумать и что-то другое.

— Так что же делать? — Зита требовательно смотрела на него. — Ты говорил, что для тебя в этом нет вопроса, так ответь — как помешать ему?

Киммериец кивнул. Он все помнил и не отказывался от сказанного.

— Нас ждут. Как только мы выйдем, начнется охота, и наша задача стать охотниками, а не оставаться дичью, как сейчас.

— Ну, это-то и так понятно, — буркнул Фабиан себе под нос, но так, чтобы всем было это слышно. Этот киммериец мнит себя большим хитрецом, а говорит о вещах, понятных даже детям! — Расскажи, если не секрет, как сделать это! — добавил он уже в полный голос.

— Ты прав. — Конан с усмешкой посмотрел на него. — Я действительно не сказал ничего нового, а упомянул об этом лишь потому, что с нами девушки, которые должны понимать, что мы делаем и зачем. Кстати, и в том, что я скажу дальше, ты не услышишь ничего для себя нового. — Он посмотрел на Мелию и тут же перевел взгляд на Зиту. — Главное для нас — разделить их. Заставить действовать порознь. Загнать Незримого в темную дыру, запереть там и начать охоту на тварь. Только так можно убить ее.

— И как ты собираешься это сделать? — Фабиан не смог удержаться от саркастического вопроса. — Попросишь его не мешать?

— Ну зачем же? — Конан оставался на удивление спокоен. — Все гораздо проще — Незримый боится огня. Достаточно оставить пару факелов у двери, и он не сможет пробраться дальше.

— Ты уверен в этом? — Зита ждала ответа, но по взгляду ее киммериец понял, что в душе она уже поверила, и постарался убедить ее до конца.

— Во всяком случае, прежде было так, и если мой сон хоть что-то значит, то свет — единственное наше оружие в борьбе с Незримым. Скажу больше. Когда мы выйдем, и свет ослепит его, он на какое-то время потеряет ориентацию и не сразу поймет, что наши роли переменились. Это время нельзя потерять!

Фабиан скептически ухмыльнулся, но ничего не сказал. Свет так свет. Уверенность в себе Конана невольно подействовала и на него, хоть он и не признавался себе в этом. Он думал о своем, представляя, как загонит Эмерика в угол и, проткнув его мечом, станет их спасителем, и, быть может, тогда напомним им, кто такой Конан на самом деле и как попал в дом!

В отличие от честолюбивых мечтаний Фабиана мысли Конана носили чисто практический характер. Его совершенно не интересовало, кто из них нанесет решающий удар. Главное, чтобы это было сделано.

— Ты уверена, что сможешь отличить, где Незримый, а где тварь? — Поборов наконец недоверие Зиты, он задал вопрос, от которого зависело, насколько сложным окажется сделать то, что он задумал.

— Думаю, да.

— Так, это хорошо. — Конан удовлетворенно кивнул. — Они уже поджидают нас неподалеку. Как только выйдем, я подожгу факелы, укрепленные у двери, а ты тем временем узнаешь, где они. Если у тебя получится, все будет хорошо. Я думаю, что лучше всего загнать Незримого в подвал — там его легче будет удержать. После этого мы сможем заняться тварью. Надеюсь, что, лишенная поддержки своего хозяина, она станет не столь опасна. Во всяком случае, уверен, что разделаться с ней нам по силам.

— А потом?

Конан уже начал привыкать к тому, что Зита все и всегда хочет знать наперед. От начала и до самого конца, причем даже в ситуациях, когда сказать что-то наверняка значит показать себя безответственным болтуном, а он вовсе не собирался играть эту роль.

— А потом видно будет, но запомните главное, — он посмотрел в глаза каждому, и на этот раз даже Фабиан не стал противопоставлять себя киммерийцу, а лишь кивнул, соглашаясь, — ни в коем случае не смотреть в темноту, ходить только по двое и обязательно иметь при себе кусок материи.

— Зачем? — спросила Мелия и сразу поняла, что он имеет в виду, вспомнив себя, рыдающую, силящуюся выбраться из груди тряпья, которая спасла ей жизнь, позволив освободиться от взгляда Незримого.

Так это был он — Конан! До сих пор она не задумывалась о том, кто спас ее, сестра или Фабиан, и лишь теперь поняла. Она посмотрела на киммерийца взглядом, полным восторга и обожания. Они все, даже чванливый Фабиан, задолжали ему, а ее долг оказался вдруг больше, чем у остальных!

Незримый привык ждать, а тварь, сотворенная им, хоть и была прежде человеком, но утратила присущие ему эмоции. Она не знала тревог и сомнений или думала, что не знала, по крайней мере до сих пор она испытывала лишь желания, и самым сильным из них, а может быть единственным, было желание убивать! И ради его исполнения она готова была ждать сколько угодно!

Наконец дверь открылась, и двое мужчин вышли на середину коридора. Потoki обжигающего света ударили в густую черноту плоти Незримого, заставив поспешно отпрянуть в спасительную темноту за поворотом и замереть, выжидая. Он знал, что сейчас они начнут осматриваться, ища его — элементарная мера предосторожности. Потом пойдут в сторону зала — почему-то их неудержимо тянет именно туда! — а он будет красться следом, и когда тварь нападет, повторит свой маневр.

Занятый своими мыслями, он не сразу заметил, что все пошло несколько иначе, а когда понял, отчего свет впереди горит слишком долго, прошло уже изрядное время.

Проклятые люди быстро усваивали уроки! Гораздо быстрее, чем ему бы хотелось! Что ж, их план ясен — разделиться с врагами поодиночке! А раз против него они бессильны, то, отделив его от меньшей половины, враги начали ее поиски! Что ж, в здравом смысле им не откажешь, но и он не так прост!

Незримый не стал мешкать и поспешил навстречу твари. Он мог бы и не торопиться. Став единым целым, он, одновременно оставаясь самим собой, видел мир ее глазами и слышал ее ушами, но для того, чтобы влить свою мощь в ее тело, нужно было соединиться физически, и он поспешил вперед.

Конан с Фабианом зажгли оба факела, висевшие слева от двери, и, по мере того, как они разгорались, потоки набиравшего силу света заливали пустое пространство коридора на все большую глубину.

Едва выйдя из комнаты, Зита остановилась и напряженно прислушалась к чему-то внутри себя.

— Незримый справа, тварь затаилась где-то в зале.

— Точно?

— Точно.

— Следите друг за другом. Старайтесь не смотреть в темноту.

— Да знаем, знаем, — проворчал Фабиан. Он волновался, и ему действовали на нервы наставления Конана, который и на самом деле, похоже, не боялся ничего.

Они медленно продвигались вперед, и трепещущее пламя порождало странные, постоянно меняющиеся тени, которые тревожили, будоражили сознание. Боковым зрением Фабиан следил за Конаном. «Почему он не боится? — крутилась у него в голове банальная в своей простоте мысль. — Ведь он такой же как я! Почему тогда я боюсь?»

Зал с затаившейся тварью становился все ближе, а вокруг стояла одуряющая тишина, тревожимая лишь их осторожными шагами.

— Зита, ты чувствуешь, где они?

— Да, Конан. Тварь впереди, на прежнем месте, мы идем к ней. Незримый пропал.

— Побежал вокруг, — пробормотал про себя Конан, а вслух сказал: — Я пойду немного быстрее, постараюсь успеть раньше Незримого. Следите за мной.

— Нет, Конан, дорогой, не надо, — умоляюще прошептала Зита, но он предпочел не услышать ее и пошел вперед.

«Ишь ты — дорогой! — зло подумал Фабиан. — Сперва одна, потом вторая». Некоторое время он шел, тупо глядя перед собой. «А ведь это ты привела меня сюда! — вдруг вспомнил он. — погоди, сучка, от меня не уйдешь!»

Конан оторвался почти на десяток шагов вперед, когда внезапно почувствовал неприятный холодок в области темени. Он мгновенно опустил глаза и швырнул факел вперед.

— Он здесь! Фабиан, приготовься!

Великан, шедший сзади, вздрогнул и словно очнулся от сна, вновь став самим собой. Он быстро обогнал девушек и вышел в зал, посреди которого, настороженно озираясь по сторонам, уже стоял Конан. Внезапно Фабиан почувствовал непреодолимую силу, притянувшую его к себе, и шагнул в сторону, но Конан среагировал мгновенно, словно ждал этого.

Он швырнул факел в зияющую чернотой хищную пасть коридора, ругая себя за то, что не сделал этого сразу. В два прыжка он оказался в проеме, на ходу зажигая новый факел, который в следующий миг горячей кометой метнулся вперед, упав у поворота. Конан зажег еще один и бросил туда же и лишь после этого, успокоившись, вернулся назад.

Все трое стояли посреди зала и настороженно осматривались.

— Где он?

Зита осторожно подняла руку и указала куда-то в сторону.

— Он там, но мы не видим его.

Неуловимым движением выхватив из-за спины меч, Конан пошел вперед, внимательно глядя по сторонам: картины, гобелены на стенах, коллекции оружия — все было

на месте, ничто не вызывало тревоги. Он искал что-то странное, необычное, но не находил ничего.

Все было в порядке.

Киммериец шел к занавешенному окну, чувствуя, как нарастает в воздухе напряжение. Еще шаг, другой и... Что-то шевельнулось сбоку — он мгновенно обернулся, но все равно опоздал, однако и тварь совершила ошибку. Ей бы напасть на незащищенных девушек, а она, не пожелав оставлять за спиной сильного, вооруженного мечом мужчину, словно ниоткуда возникла прямо перед ним, изготовившись к бою.

От неожиданности Фабиан замер, мгновенно позабыв о своих намерениях, а когда тварь бросилась вперед, подоспел Конан. От его могучего пинка она отлетела к стене, но тут же вскочила и, схватив со стены кривой меч, пригнулась к полу и зашипела.

Фабиан словно очнулся и пошел на нее, остановившись лишь в паре шагов перед монстром.

Тварь стояла в расслабленной позе, странно, рывками, раскачиваясь из стороны в сторону, вперед-назад. Конан подумал, что если это существо и вправду было прежде Эмериком, сохранило его память, то можно было представить, как оно наслаждается сейчас беспомощностью погубившего его приятеля, как предвкушает его скорую смерть. Оставаясь неподвижной, тварь словно постоянно возникала в другом месте, мешая сориентироваться. Перемещения ее завораживали, дробя внимание, мешая сосредоточиться. Она явно растягивала удовольствие.

Глядя на двух оцепеневших у входа в зал девушек, на застывшую посреди пару, Конан понял, что еще немного, и Фабиан будет ни на что не годен, и если тварь не совсем тупа, ей хватит одного удара, чтобы прорваться к Зите с Мелией, которыми она должна была заняться сразу, а он просто не успеет помочь им. И хоть киммериец обещал не вмешиваться, сейчас было не до этого. Он подхватил с пола мраморную вазу и швырнул ее в монстра. Тот как раз сменил положение тела и ваза пролетела мимо, лишь слегка задев его голову. Тварь выгнулась и заверещала.

Фабиан словно очнулся от сна и бросился вперед. Он и впрямь оказался хорошим фехтовальщиком, и Конан с удовлетворением отметил, что твари приходится жарко. Темп, заданный человеком, оказался столь высок, что монстр думал лишь о защите, а меч человека сверкал без устали, выбирая самые незащищенные части тела и мгновенно разя, но пока тварь непостижимым образом умудрялась избегать укусов смертоносной стали.

Лица девушек выражали восторг, но Конан озабоченно покачал головой: ему, опытному бойцу, ясно было, что выбранный темп из союзника вскоре станет противником Фабиана. Пока его еще поддерживали ярость и ненависть, желание доказать всем, что недавняя слабость была случайной, но тем сильнее будет реакция, когда усталость ляжет неподъемной тяжестью на руки, прикует ноги к полу, заставит дыхание вырываться с хрипом.

Надо было что-то делать.

Конан начал заходить сбоку.

— Стой! Он мой! — Фабиан говорил, резко выплевывая слова, дыхание его вырывалось со свистом.

Конан покачал головой — все произошло гораздо быстрее, чем он предполагал. Тем не менее варвар не стал спорить и остановился рядом. Он был готов, ожидая перелома в любой момент, сознавая, что ему придется с ходу заменить Фабиана, причем так, чтобы тот остался жив и клинок твари не добрался до него.

Незримый знал, что происходит в зале, и это не нравилось ему. Человек теснил его меньшую часть, и малейшая ошибка могла привести к гибели. С другой стороны, он понимал, что силы человека на исходе, и как только наступит спад и усталость камнем ляжет на плечи, человеку придет конец.

Однако оба возможных итога исхода поединка не устраивали Незримого. Он терял либо свою меньшую часть, либо будущего союзника, часть самого себя, еще находящуюся в стадии переделки. Нужно было что-то предпринимать, и немедленно.

Тварь видела, как стремительно накатывается на человека усталость, и в тот момент, когда руки его безвольными плетями повисли вдоль тела, резко прыгнула, нанося смертельный удар.

Мелия завороченно смотрела на мелькавшую сталь клинков, и вдруг поняла, что Фабиан начал уставать. Движения его стали замедленными, он уже не шел вперед, а лишь защищался. Еще немного и... И что-то словно кольнуло ее в грудь, ледяным предчувствием непоправимой беды сжав сердце.

— Конан!

Конан не ожидал, что все произойдет столь стремительно, но в этот момент словно рука друга тронула его за плечо, предупреждая о беде, и тренированная психика среагировала мгновенно, выручив и на этот раз. Мощное тело варвара с быстротой, не уступающей быстроте твари, метнулось в сторону как раз вовремя. Клинок монстра рассек место, где он находился мгновение назад, и в тот же миг он услышал отчаянный крик Мелии, предупреждавший об опасности.

Он успел увидеть, как безвольно повалилось на пол тело Фабиана, но не ранение было тому виной, а накатившийся вслед за усталостью страх. Страх осознания близости смерти, не позволявший теперь не только драться или помогать Конану, напроочь изгнавший из головы прежние честолюбивые намерения самому разделаться с врагом.

Однако киммерийцу было не до размышления о странных перепадах в настроении Фабиана. Перед ним стоял смертельно опасный противник, и он не стал ждать, а пошел вперед, нанося удар за ударом, поддерживая темп, выбранный Фабианом, но, в отличие от последнего, трезво оценивая свои силы и силы монстра.

Он видел, что Фабиан, не допустивший ни одной ошибки и действовавший в недопустимом темпе, тем не менее не смог ничего поделать с тварью, не имевшей ни малейшего представления о том, как надлежит обращаться с оружием — непостижимая быстрота передвижений полностью скомпенсировала этот, казалось бы, решающий недостаток.

Конан, что показалось бы невероятным, мог действовать еще быстрее, но гарантии того, что этого хватит для победы, у него не было, и он решил поступить так, как подсказывала ему интуиция.

Не оборачиваясь и не обращая внимания на распластавшегося на полу, тяжело дышавшего Фабиана, он крикнул:

— Осветите коридор до второго поворота! Живо!

Левой рукой он оторвал привязанные к поясу факелы, и не дожидаясь и даже не следя, как выполняется его приказ, начал теснить монстра. Он готов был в любой момент метнуть зажатый в левой руке массивный метательный кинжал, способный пробить аквилонский панцирь, если тварь вдруг решит напасть на девушек.

Тварь, дернувшись однажды, сразу поняла, что как только повернется к варвару спиной, острая сталь без промаха вонзится в спину, и единственный, пылающий ненавистью, глаз ее налился кровью. Она попыталась перейти в контратаку, но Конан был готов и к этому.

На краткий миг он удвоил темп, но тут же сбавил его до прежнего уровня. Маневр этот возымел успех, но дорого обошелся Конану — он почувствовал, что и его тренированное тело закаленного бойца начинает уставать...

Незримый не ожидал такого поворота. Он знал, что силы любого человека, как бы могуч тот ни был, не беспредельны, и когда счел, что момент настал и пошел вперед, был удивлен безмерно, ибо варвар легко увеличил темп, казавшийся невероятным, и тут же сбавил его, показав, что готов и к такому повороту.

Некоторое время Незримый пребывал в растерянности. Он не понимал, чего добивается противник, теснящий его меньшую половину в неосвещенную часть коридора, где находился он сам. Казалось, что это ему только на руку. Как только он окажется достаточно близко от твари, человеку придет конец! Но именно это его и настораживало. Люди вовсе не глупы, а значит, они что-то задумали!

Что же, у него есть чем ответить.

Он оставил свою меньшую часть и обратился к *третьему*, которому еще предстояло стать таковым.

Девушки убежали вперед. Сердечки их трепетали от страха, но они не осмеливались послушаться своего повелителя и вскоре скрылись, а потому не могли видеть, что происходило там, откуда они только что ушли.

Фабиан стоял на четвереньках, постепенно приходя в себя.

Он помнил все: и свой подъем, и бой, и внезапно навалившуюся усталость, и панический страх того, что в следующий миг будет убит, и пронзившую стрелой радость, когда тварь непонятно почему оставила его и бросилась на Конана, и сменившую радость жгучий стыд, — вновь Конан спас его! — и злость, пришедшую вслед за стыдом, шепнувшую на ухо, что киммериец опять перешел ему дорогу.

Злость все росла в нем. Вернулась мысль о том, что им вдвоем не ужиться в этом мире, и решимость, мелькнувшая в его глазах, тут же уступила место страху. Страху за свою жизнь. Нет, он не собирается рисковать жизнью, не будучи уверенным в успехе. Он прикончит варвара, но действовать будет наверняка, а сейчас, когда он имел возможность посмотреть, как варвар расправляется с его противником, ему вовсе не улыбалась мысль напасть на киммерийца, пусть даже сзади. И более всего Фабиана страшило то, что сестры непременно увидят происходящее, а этого допустить было никак нельзя.

Фабиан стиснул зубы и шумно выдохнул. Жажда убийства мгновенно пропала, оставив в душе отвратительный привкус предательства. Он снова стал прежним и обрадовался этому. Он не знал, что очередной раунд борьбы за его душу Незримый проиграл, но главное, чего он не знал — это того, что в следующем бою ему уже не выстоять.

Зато это знал Незримый.

Конан теснил тварь. Он мог попытаться стремительным броском покончить с ней, но не делал этого, понимая, что

скорее всего дело закончится бегством противника и все придется начинать сначала, но уже в худших условиях. Необходимо довести бой до конца. Значит, нужно теснить тварь, не давая передышки, загнать в угол, где можно будет расправиться с ней, а делать это становилось все труднее. Конан видел для себя лишь один путь и теперь шел по нему, не щадя сил.

Шаг за шагом отвоевывая пространство, он загнал противника к лестнице и, предвидя, что тот постарается уйти на верхние этажи, усилил натиск, лишив его такой возможности.

Тварь шагнула назад, и нога ее опустилась на ступень, потом еще и еще... Тогда она бросилась вниз, но Конан, выхватив факел у Мелии, устремился следом.

Когда он ворвался в коридор, твари там не было. Ясно как день, что она спряталась в одной из боковых комнат и притаилась, готовая в любой момент напасть.

Конан вытер ладонью пот, струившийся по лицу, и осторожно пошел вперед, пробуя каждую дверь, но все они были заперты. Значит, тварь проскочила за стальную плиту, преграждавшую путь в дальнюю часть подвала, где находится тайник.

Услышав быстрые, легкие шаги за спиной, он отскочил к стене, чтобы не терять из виду оба входа, хотя и знал, что это девушки бегут к нему. Реакция варвара заставляла его действовать не думая, и это не раз уже спасало ему жизнь.

Мелия первой показалась в конце подвала, следом на ступенях лестницы мелькнули ножки Зиты.

— Следи за лестницей!

Почти одновременно Конан воткнул факел в держатель на стене, и меч с легким шипением скользнул в ножны. Обеими руками он схватился за скобу двери и, упершись ногой в стену, потянул ее на себя. Уступая усилиям человека, дверь закрывалась неохотно — пружина потайной стены работала на растяжение. Мышцы Конана напряглись невообразимыми буграми, так что глаза девушек округлились от ужаса — такого им видеть еще не приходилось.

На миг им показалось, что это не человек, а монстр поднялся из подземных глубин, или кто-то из светлых богов спустился на землю. Казалось, еще немного и плоть не выдержит нечеловеческого напряжения, однако сталь поддалась быстрее. Дверной просвет становился все уже. Что-то мелькнуло вдали, видимо тварь, почувствовав, что вместо спасения попала в ловушку, равносильную смерти, осознала ошибку и теперь стремилась исправить ее.

Конан почувствовал, что сил у него не хватает, и понял, что борется теперь не только с мощью, запасенной равнодушной сталью, но враг его присоединил свои усилия, и они — сталь и тварь — действуют теперь заодно.

Он устал, очень устал. Дверь, только что готовая захлопнуться, не желала этого делать, а он уже готов был упасть в изнеможении. Если он позволит одержать над собой верх, им конец! Он даже руки не сможет поднять, а Фабиан где-то наверху валяется как баба, пуская слюни! Эта мысль привела Конана в бешенство.

— Кр-р-ром! — прорычал он сквозь стиснутые зубы и удвоил усилия, хотя это уже казалось невозможным.

Легкий вздох невольно вырвался у Зиты, когда рубаха Конана лопнула на спине, не выдержав чудовищного напряжения. Дверной просвет вновь начал понемногу сокращаться, пока не послышался щелчок, возвестивший о том, что пружина взведена.

— Факел! Скорее! — Конан продолжал тянуть за скобу уже закрытой двери. Зита застыла в недоумении, но Мелия сообразила, что ему нужно, и быстро сунула в скобу рукоять массивного бронзового факела, так что дверь оказалась словно бы запертой на щеколду.

Когда Конан поднялся, руки его дрожали, в висках стучало, но он не мог позволить себе расслабиться даже теперь. Сперва нужно надежно заклинить дверь, и тогда время для отдыха будет, а он прекрасно помнил, что сделала тварь с мечом, вставленным так, как теперь торчал в дверной скобе факел.

Обломки его до сих пор валялись на полу. Правда, тогда пружина двери не была взведена, а сталь клинка оказалась

хрупка и не выполнила своего назначения. Теперь такого произойти не должно.

Он вставил еще пару прогоревших факелов, забив их, словно гвозди — пусть-ка теперь, коли есть желание, попробует вырваться! — и устало оперся спиной о стену.

За стеной слышалась возня. Тварь скребла стену когтями, словно пытаясь проковырять в ней лаз, и злобно шипела от бессилия. Мелия подбежала к Конану и, с опаской косясь на дверь, из-за которой доносились всеяющие дрожь звуки, попыталась помочь ему подняться. Зита уже оказалась с другой стороны, но Конан решительно отверг их помощь — не в привычках его было опираться на хрупкие девичьи плечи.

— Где Фабиан?

Девушки переглянулись — они и думать забыли о своем втором спутнике.

— Вы что, забыли, о чем я говорил — ходить только по двое!

Он бросился наверх, но внезапно обернулся и улыбнулся им спокойно и уверенно, словно ничего не произошло.

— Идемте, у нас есть чем заняться!

Незримый был не на шутку встревожен — все пошло совсем не так, как ему хотелось. Начать с того, что не удалось овладеть третьим — слишком силен оказался его страх — и придется еще немного подождать, пока сестры — Злоба, Похоть и Ненависть — не пересылят своего брата, а для этого нужно время.

Хуже другое — пока он возился с будущим третьим, его вторая часть терпела поражение, и он был не в силах помочь — вмешиваться в ход такого боя, когда каждый удар мог оказаться решающим, было бы равносильно самоубийству. Он ждал передышки, и она наступила, но к тому времени было уже поздно что-либо менять, дверь оказалась почти закрытой. Дело оказалось гораздо хуже, чем он мог предположить. Его меньшую часть стремились замуровать в подвале, и Незримый чувствовал, что допускать этого нельзя.

Тварь бросилась вперед и навалилась на дверь с нечеловеческой силой. Ее когти впились в каменные плиты пола, кроша их, словно то была не гранитная твердь, а дешевая гипсовая подделка. На какое-то время ей удалось сдержать натиск человека, но потом сил не хватило, и дверь вновь начала закрываться, перекрывая путь к свободе.

В бессильной ярости монстр скреб когтями по камню, злобно шипя, потом затих, прислушиваясь, как тяжелые удары сотрясают дверь. Ясно было — его заперли. Он замер, прислушиваясь.

— Где Фабиан? Вы что, забыли, о чем я говорил — ходить только по двое!

Как странно, что в этот момент он подумал о том же, но что-то заставило его насторожиться.

— Идемте, у нас есть чем заняться! Сейчас мы поймаем это дерьмовое облако, или пусть меня забодает Нергал!

Незримый взъярился, позабыв о всякой осторожности. И хотя сознавал, как опасно принимать решения в пылу эмоций, поспешил влить в меньшую половину часть своей мощи, рискуя сжечь ее раньше времени, — так велика была жажда мгновенной расплаты.

Конан шагнул к лестнице, когда на дверь обрушился первый удар. Стены содрогнулись от тяжелого потрясения. Пыль и мелкие камни падали откуда-то сверху.

— Он пытается вырваться, — прошептала Зита.

Мелия молчала.

— Вижу.

Конан выхватил меч и развернулся лицом к противнику, но никого не было, и дверь оставалась на прежнем месте.

— Похоже, сил на этот раз не хватает.

— Не спеши, Конан. — Зита положила ему на плечо руку, которая заметно дрожала.

Словно следуя ее предупреждению, послышались отвратительные, скребущие звуки. Что-то осыпалось на пол у самой двери, а скрежет становился все громче и нестерпимей, словно огромная крыса выедала череп изнутри.

Рука Зиты дрожала все сильнее. Конан отстранил ее.

— Отойдите-ка подальше. Сдается мне — та драка не была последней.

Девушки замерли у нижней ступени и, обнявшись, с угасающей надеждой глядели на мощную фигуру варвара, который один только мог теперь защитить их, все меньше веря, что это ему по силам — он был всего лишь человеком, а то, что рвалось наружу, являлось порождением мрака и напитано его злой силой.

Когда стена начала рушиться, осыпаясь каменной крошкой, а в образовавшемся отверстии показалась когтистая лапа и принялась рвать каменную плоть здания, исполненный ужаса крик Зиты заставил Конана вздрогнуть, но он не обернулся и потому не видел, как обмякло ее тело, как Мелия осторожно опустила ее на пол, достала из ножен меч и встала рядом с киммерийцем, готовая если не помочь ему, то, по крайней мере, умереть вместе с ним. Он слегка покосился на девушку, но ничего не сказал.

Отверстие увеличилось настолько, что тварь сочла дальнейшую работу ненужной и полезла вперед. Ей пришлось сложиться почти вдвое, чтобы протиснуться в дыру, но когда сталь клинка свистнула в волосе от ее тела, она мгновенно отпрянула и принялась крушить стену, обеспечивая себе большую свободу действий. Чудовищные удары обрушивались один за другим, массивные каменные блоки начали расшатываться.

Онемевшей от ужаса Мелии начало казаться, что достаточно малейшего толчка, чтобы все здание рухнуло им на голову, но тут что-то мелькнуло перед ее лицом, и удары прекратились. Конан решительно бросился в пролом.

Сердце Мелии отчаянно колотилось, готовое в любой момент выскочить из груди, но она взяла факел и пошла вслед за Конаном, хоть и понимала, что помощи от нее немного. Она осторожно заглянула в проем и в первый момент почти ничего не смогла рассмотреть, лишь мятущиеся тени в густом облаке пыли, — но непрекращающийся звон стали говорил о том, что бой продолжается. Через мгновение, когда то ли пыль осела, то ли глаза девушки приспособились, она увидела фантастическую картину боя.

Теперь она ясно различала огромную фигуру Конана, державшего факел в левой руке. Пыль, заполнившая все пространство коридора, попадая в огонь, ярко вспыхивала мириадами разноцветных искр, придавая происходящему мрачному действию странный, призрачный, какой-то нереальный вид. Словно все виделось в дурном сне, созданном фантазией неумелого колдуна-недоучки, задумавшего окрасить трагедию в праздничные тона, тут же отказавшегося от своего намерения, решив создать взамен ощущение мрачной безысходности, да так и остановившегося на полпути.

Мелия вошла внутрь, и тут же вездесущая пыль, настолько мелкая, что больше походила на клубы дыма, забилась в рот и нос, заставив ее чихать и кашлять. Она прокляла все на свете, а себя в первую очередь, когда увидела, что Конан, обернувшись, пропустил удар твари, и алые капли, брызнувшие из раны, показались черными в заполнивший пространство густой пелене.

Тварь, окрыленная успехом, бросилась вперед, но напорвшись на ответный удар, отскочила, и бой продолжался в прежнем ключе: Конан защищался, готовя атаку, наносил удар и делал шаг вперед. Тварь была необыкновенно быстра, и удары киммерийца в основном не достигали цели, но он теснил противника, и хотя Мелия не понимала, чего он добивается, но сознавала, что какой-то план у него есть. Быть может, он хочет загнать противника в угол и там, лишив его подвижности, постараться прикончить?

Это казалось сомнительным. Тварь была необыкновенно быстра, но пока не понимала намерений человека. Однако, осознав их, наверняка сумеет вывернуться. Неужели киммериец не понимает этого? Неужели он всерьез надеется измотать противника, сохранив свежесть и подвижность в такой степени, чтобы получить реальное преимущество? В это было еще труднее поверить. Человек, даже такой, как Конан, был все-таки человеком, а тварь, напитанная мощью Незримого, сделалась почти непобедимой.

Мелия постепенно приближалась к сражающимся. Она закрыла лицо куском воздушной материи, оторванным от рукава, и теперь могла свободно дышать. Пыль, поднятая

рушившимися камнями, понемногу оседала, и видно стало получше.

Тварь отступала шаг за шагом, и, оказавшись напротив комнаты, где когда-то — Мелии казалось, что с того момента прошло не менее сотни лет — ее создал Незримый, нырнула в дверной проем. Конан бросился следом. Девушка поспешила за ними, и вбежав в комнату, едва не налетела на спину киммерийца. Пыли здесь не было, и она увидела странную картину: Конан замер, держа факел в левой руке, меч в правой, а тварь, вцепившись стальными когтями в каменные плиты, словно то было мягкое дерево, висела вниз головой, злобно шипя на человека.

Увидев вошедшую девушку, она рванулась к ней. Мелия вскрикнула, но Конан взмахнул мечом, и алые брызги, сверкнув в свете факела, пали ей на платье. Девушка судорожно рванула вымазанный кровью рукав и бросила его на пол.

Только теперь она увидела многочисленные раны и на теле Конана. Были они неглубоки, но красноречиво говорили о том, как дорого обошелся киммерийцу этот еще не закончившийся бой.

Впрочем, сверху тоже капали редкие, густые капли. Бойцы остановились, словно в нерешительности. Тварь застыла на потолке, а Конан стоял на полу, пресекая малейшие попытки к бегству. Видимо, наступил момент, когда оба противника негласно решили передохнуть, а может быть, просто осмысливали создавшееся положение, не в состоянии решить, что делать дальше.

Мелия огляделась. Стены комнаты тонули во мраке. Света пары факелов явно не хватало, чтобы осветить все пространство. Конан поднял огонь выше, и тварь тут же отскочила и зашипела на него, оскалив редкие, но длинные и острые, словно клинки кинжалов, зубы.

Видимо, тварь сочла передышку достаточной. Она отскочила в темноту и тут же попыталась проскочить мимо Конана и девушки в открытую дверь, но киммериец не для того загнал ее сюда, чтобы так просто выпустить, однако и достать тварь, вдруг продемонстрировавшую способность

передвигаться по потолку так же свободно, как и по полу, он теперь не мог.

Все труднее удавалось ему пресекать ее попытки вырваться, и после того, как тварь внезапно бросилась на пол и тут же по стене попыталась проскочить мимо, Конан едва успел отпрыгнуть в сторону, заслонив собой девушку и перегородив выход. Он понял, что если ничего не придумает, не избежать бегства твари.

— Уходи!

Киммериец махнул рукой в сторону выхода и тут же отступил сам, в ярости пнув по дороге пару чучел, от его могучего пинка отлетевших к двери. Тварь нырнула в тень и затаилась, готовясь к новому прорыву, но Конан не стал ждать, что она еще придумает.

Мгновенно обернувшись и удостоверившись, что девушки нет в комнате, он схватил валявшуюся под ногами имитацию волка и, подпалив ее в огне, бросил в кучу таких же псевдозверей, в углу. Следующую набитую соломой шкуру, едва она занялась пламенем, он бросил в приоткрытый шкаф, слева от двери.

Всюду было сухое дерево, сухие травы, кости, высохшие животные, набитые опилками шкуры, и Мелия понять не успела, что он делает, как Конан выскочил в коридор и насторожился, готовый ко всему.

Словно ошпаренная, тварь выскочила следом и злобно зашипела, но явно опасалась нападать на человека. Мелия не могла отделаться от ощущения, что тварь смертельно напугана и в растерянности не знает, что делать дальше, хотя все так же опасна. «Как крыса, загнанная в угол, готова на все, что дает хоть какой-то шанс», — подумала она.

Теперь Мелия и вовсе не понимала, что задумал Конан. Ясно было, что он выкурил тварь из комнаты, потому что в стесненном пространстве коридора проще было воплотить в жизнь какой-то план, но понять его замысел пока не могла. Однако, когда киммериец погнался за тварью в черную пасть коридора, пошла следом.

Конан тыкал в тварь факелом, имитировал атаку, нанося в оскаленную пасть удары мечом, и тварь отступала. Она

совершила ошибку, когда, бросив оружие, взобралась на потолок в попытке вывернуться. Теперь она не могла драться, она могла только отступать, дергаясь из стороны в сторону. Конан то подрубал ей ногу, то наносил колющий удар в морду, а она не могла даже обороняться. Она могла лишь спастись бегством, но бежать-то как раз было некуда, а Конан все шел вперед, продолжая теснить ее, загонять в тупик.

Стало светлее. Оглянувшись, Мелия увидела, что проем двери ярко освещен — пламя с ревом вырывалось наружу. Оно моментально выжгло всю паутину и пыль на пять локтей вокруг. Мелия испугалась, что они сами сгорят вместе с тварью, но тут же сообразила, что гореть в коридоре нечему, а значит, со временем огонь утихнет сам собой.

Через пару шагов Мелия увидела отблески пламени на дальней стене и поняла, что развязка приближается. Стена имела непривычный вид огромной, непонятно зачем сооруженной ступени. Левая половина ее выдавалась внутрь коридора на добрых пять локтей. Когда они продвинулись еще на несколько шагов, она увидела, что выступающий кусок открывает проход в потайную комнату, о существовании которой Мелия до сих пор не имела ни малейшего представления. Так вот где киммериец раздобыл талисман!

Зато Конан прекрасно знал о ее существовании. Она поняла это по тому, что он удвоил усилия, и как ни изворачивалась тварь, ей пришлось скользнуть внутрь.

— Рычаг! Толкни рычаг!

Из-за широкой спины варвара Мелия не могла увидеть, что она должна сделать, но тварь, видимо, лучше ее поняла, что означают слова Конана, и с отчаянием обреченности бросилась на киммерийца. Конан с трудом сдерживал ее попытки, а Мелия, словно оцепенев, наблюдала за ними, не в силах пошевелиться.

— Рычаг! Мелия! — прорычал Конан.

Когтистая лапа твари полоснула человека по плечу, оставив глубокие шрамы, тут же обильно обгравившиеся кровью, и это вывело Мелию из оцепенения. Проклиная все на свете, она бросилась вперед, и ей уже неважно было, что

она должна сделать. Достаточно было и того, что Конан — *ее Конан* — истекал кровью по ее вине, потому что она не сделала того, что он ей приказал!

Ее гибкое тело мягко скользнуло под руку киммерийца, наносившую удар, и, заведя в углублении стены стальной стержень, о котором, видимо, говорил Конан, она с разбегу всем телом навалилась на него.

Что-то глухо щелкнуло под ногами, и массивная каменная ступень медленно и бесшумно заскользила вперед, неумолимо сужая оставшийся еще проход. Еще немного, и он уменьшится настолько, что через него нельзя будет проскользнуть, и тварь понимала это не хуже людей! Она рванулась наружу, но клинок Конана отбросил ее назад.

Щель сужалась. Через нее уже невозможно было вырваться, но тварь продолжала биться внутри, непонятно на что надеясь. Неожиданно она высунула когтистую лапу и попыталась схватить Мелию, и это ей почти удалось. Пронзительно закричав, девушка отскочила в сторону. Тварь повторила попытку, но с тем же результатом. В следующий миг лапа дернулась назад, но было уже поздно — кисть оказалась намертво зажатой между двумя неумолимо сближающимися каменными глыбами.

Неописуемый, невыразимый словами визг ударил Мелию по ушам, заставив поморщиться даже привычного ко всему варвара. Кровь брызнула и потекла по каменным плитам, мгновенно впитываясь в пыль на полу. Когтистая кисть упала на пол. Плита продолжала двигаться, пока не перекрыла полностью просвет. Задавленный камнем визг становился все глуше, пока шум пламени за спиной не перекрыл вопли, доносившиеся из-за стены.

Мелия все еще учащенно дышала, но теперь уже с облегчением.

— Хвала Митре! Я думала, это никогда не кончится!

Она обессиленно упала Конану на грудь. Он обнял ее, глядя ее волосы, наслаждаясь ощущением покоя, казавшегося просто нереальным после недавнего кошмара.

Внезапно Мелия завизжала не своим голосом, и Конан, подхватив ее за талию, мгновенно отпрыгнул назад.

— Рука! Рука! Она хочет напасть на нас!

Она указала на пол и разразилась истерическим смехом. Конан опустил взгляд и увидел, как, быстро-быстро перебирая пальцами, похожая на огромное, неуклюжее насекомое, оставляя за собой быстро скудеющую кровавую дорожку, к ним бежит оторванная кисть твари.

— Дерьмо Нергала! — процедил сквозь зубы Конан, насаживая кисть на кончик клинка. Тут же из-за стены доносился скрежещущий визг. Кисть сучила пальцами, пытаясь сняться со своего насеста, и стальные когти с отвратительным скрипом скребли о сталь клинка.

Почувствовав дурноту, Мелия прислонилась к стене, а Конан шагнул к двери, в проеме которой уже затихало пламя и, остановившись у входа, воткнул меч в горящую стенку шкафа. Острые когти отчаянно заскребли по горящему дереву. На пол посыпались искры. Через несколько мгновений чудовищная кисть занялась пламенем, вспыхнула и, неожиданно быстро прогорев, рассыпалась пеплом.

Глава девятая

Тишина казалась нереальной. Даже огонь утратил воинственность: пламя перестало гудеть, лишь изредка потрескивая, и если не открывать глаз, можно было представить это не звуком утихающего пожара, а мирным огнем разожженного камина, себя — сидящей в уютной комнате, за столом, накрытым на двоих. Свечи дают света не больше, чем нужно, чтобы видеть лицо любимого, сидящего напротив. И тогда можно вообразить, как он встает, обходит стол, склоняется над ней, а она поднимает лицо, открывает глаза, чтобы встретить его взгляд...

Киммериец рывком освободил меч и, не глядя, одним отработанным движением бросил его в ножны за спиной. Мелия все еще стояла, прислонившись спиной к стене, не в силах отогнать от себя пережитый кошмар. Он шагнул в коридор и ласково погладил девушку по щеке.

— Идти можешь?

Услышав голос Конана, почувствовав ласковое прикосновение его сильной руки, она открыла глаза, и видение рассыпалось прахом, столкнувшись с мрачной реальностью подполья. Свет свечей обернулся неверным огнем догорающих факелов, а камин разросся до размеров огромной комнаты, скрывающей за своими стенами пламя умирающего пожара.

Лишь он остался тем же — любимым и желанным. Мелия с трудом поборолла желание броситься ему на шею, прижаться к могучей груди, покрыть лицо поцелуями, а

вместо этого лишь кивнула и вновь закрыла глаза, чтобы по блеску глаз он не догадался ни о чем.

— Надо посмотреть, как там Зита.

Он удовлетворенно кивнул и пошел к выходу.

Мелия провожала его мощную, покрытую пылью и кровью фигуру взглядом, в котором застыли восторг и восхищение, и удивление и... любовь, которую она так и не решилась высказать. Для нее он стал почти богом. Непобедимым, сказочным героем, в присутствии которого она, привыкшая повелевать и принимать восторженное поклонение мужчин, робела как девчонка, впервые вышедшая в свет, но ничего не могла с этим поделать.

Когда киммериец скрылся в проломе, она вздохнула, оторвалась от стены и пошла следом.

Конан склонился над Зитой, и Мелия с досадой подумала, что совершенно забыла о сестре, лишившейся чувств, да так и пролежавшей все это время без памяти у входа в подвал. Сколько же времени прошло с тех пор, как они спустились сюда? Ей казалось, что этот бой длился вечно, но, судя по тому, что Зита до сих пор не пришла в себя, все произошло очень быстро.

«И где-то там, наверху, остался Фабиан! — вдруг подумала она. — Что, если Незримый сумеет добраться до него, пока они здесь? Тогда все придется начинать сначала!»

Она встревоженно посмотрела на Конана, и он понял ее без слов. Протянув руку очнувшейся Зите, он легко поднял ее.

— Идем. Нельзя отдать ему Фабиана.

Зита сразу пришла в себя, ей даже не пришлось объяснять что к чему. Она помнила, что Фабиан остался наверху, и понимала, что будет означать для них потеря еще одного человека, если до него доберется Незримый. Все трое бросились наверх и, едва очутились в зале, увидели Фабиана.

— Мы покончили с этой тварью! — Мелия радостно подбежала к нему, но он поспешно отстранился от девушки, словно она чем-то смертельно напугала его, и лицо сильного мужчины исказила гримаса боли. Левой рукой он зажал рану на груди, видимо полученную в поединке. Улыбка

постепенно сползла с лица девушки, уступив место растерянному выражению. Она видела, что у Фабиана произошел очередной надлом, но еще не верила в это, надеясь, что, быть может, все еще обойдется.

— Что с тобой?

Зита не на шутку встревожилась. Фабиан, который начал бочком пробираться мимо Мелии, вдруг повернулся и увидел Конана с Зитой, и лицо его неожиданно сделалось злым.

— Вы предали меня! Бросили одного!

— Фабиан! — Зита шагнула к нему, но он отстраняюще протянул руку.

— Нет! Будьте вы прокляты!

Неожиданно он побежал. Конан бросился следом, но почти сразу вернулся, вовремя вспомнив, что, пытаясь догнать этого обезумевшего недотепу, рискует потерять девушек.

— По-моему, ваш друг спятил. Он бросился наверх, словно сам Незримый гнался за ним по пятам, но если он останется там, ничего страшного не случится. Признаюсь, мне уже надоело слушать его нытье.

— Ты думаешь, Незримый добрался до него? — Зита обеспокоенно посмотрела на Конана.

— Я думаю, он спятил от страха! — Киммериец брезгливо скривился.

— Бедный Фабиан! Какая беда! — Зита сокрушенно покачала головой.

Конан пожал плечами.

— Меня беспокоит другое: как бы он не начал со страху метаться по дому да не угодил в лапы Незримому, вот тогда действительно будет беда!

— Что же делать, Конан? — Мелия тронула его за руку, и второй раз за вечер Конан почувствовал вдруг странное умиротворение и вновь поклялся себе, что сделает все, чтобы эта девочка осталась жива, и тут же поймал себя на том, что желание его вовсе не бескорыстно... «Впрочем, — остановил он себя, — сперва нам нужно выбраться отсюда. Позже можно будет помечтать и об остальном! Но жизнь, однако,

вовсе не плохая штука! И чтобышний раз убедиться в этом, стоит постараться!»

— Для начала нужно немного передохнуть и побеспокоиться о том, чтобы это дерьмовое облако не удраило от нас. Вы пока отдышитесь, а я позабочусь о нашем приятеле. Когда вернусь, скажу вам, что делать дальше. Да, чуть не забыл — если появится Фабиан, постарайтесь задержать его.

Он шел по коридору, слушая, как Мелия рассказывает сестре, что произошло внизу. Он подивился тому, что, хотя прошел уже приличное расстояние, все равно прекрасно слышал, о чем разговаривали девушки, и довольно хмыкнул, когда узнал, какой он, оказывается, великий и могучий воин.

Занятый этими мыслями, он не заметил, как подошел к повороту, у которого были укреплены факелы, и опомнился, лишь ощутив ледяные пальцы, мгновенно впившиеся в мозг, и услышав приказ:

— Стой и смотри на меня!

Еще чего не хватало!

Превозмогая быстро нарастающее сопротивление, он опустил глаза и тотчас почувствовал, как ослабла хватка и затих голос, звучавший в сознании. Волна разочарования прокатилась, но это было *чужое разочарование*.

Конан усмехнулся и, сменив факелы, пошел назад. Нужно сменить вторую пару факелов с другой стороны, а потом они придумают, что делать с Незримым. Впрочем, для Конана в этом не было проблемы.

Одним махом Фабиан взлетел на третий этаж и теперь мчался по коридору, залитому лунным серебром. После освещенных лишь мрачным светом факелов коридоров первого этажа вид звездного неба показался ему ослепительным. Невольно он остановился, хотя в голове продолжали кружиться хороводом все те же злые мысли.

«Предатели! Бросили меня, раненного, на растерзание твари! Предатели!»

Он никак не мог вырваться из их плена. Мысли ходили по кругу, не оставляя в покое ни на минуту. Побелевшими

пальцами он вцепился в подоконник и стоял, глядя на звездное небо, пока злость его не сменилась страхом.

Как легко проклятая тварь справилась с ним! С ним, лучшим фехтовальщиком Шадизара! Он так гордился своим искусством, а оказалось, что Эмерик, который никогда и меч-то в руках не держал, способен одержать над ним верх! Вот у кого нужно было брать уроки!

Ему сделалось смешно. Он представил себе, как Эмерик, сурово уставившись единственным глазом на непонятливого новобранца, объясняет ему тонкости защиты в той или иной позиции!

Не в силах остановиться, он смеялся все громче и громче, пока пришедшая в голову простая мысль не заставила сердце сжаться от страха: только что он запросто мог умереть! Расстаться с жизнью!

Истерический смех прервался на вскрипе. Он остановился, тупо глядя в окно, и долго стоял так, без мыслей и без движения, пока не осознал того, что видит уже давно: деревья и кусты, цветы и аккуратно посыпанные песком дорожки.

Ничего особенного, но там, за окном живут люди...

И вдруг ему страстно захотелось жить! Просто жить! И не надо ни Зиты, ни Мелии! Пусть варвар забирает обеих! А он хочет просто жить! Выбраться отсюда и больше ничего!

Он схватил с высокой мраморной подставки массивную серебряную вазу и принялся остервенело бить по стеклу. Осколки сыпались на ковер, рама, не выдержав многочисленных яростных ударов, разлетелась в щепы. Он бросил вазу и начал протискиваться в окно. Впечатление было таким, словно он бился о каменную стену, но он не сдавался. Ему казалось, что еще немного, и он окажется снаружи! Не может быть такого, чтобы он не сумел выбраться в окно, не закрытое ни рамой, ни ставнем, ни решеткой — ничем! Лишь когда плечо его превратилось в сплошной синяк, он беспомощно опустился на пол и устало оперся на стену.

Плечи его дрогнули... раз, другой... Потом чаще, еще чаще, пока, наконец, молодой, сильный мужчина не зашелся

в беззвучном неудержимом плаче, который не в силах был сдержать.

— Это очень опасно, Конан.

— Жизнь, вообще, опасная штука, — философски заметил киммериец.

— Сестра права, — поддержала Мелию Зита, — ты просто не представляешь себе, что нам предстоит. Нужно действовать очень быстро, и все должно получиться с первого раза.

— Значит, нам нельзя допускать ошибок. — Конан спокойно пожал могучими плечами и поморщился от боли, но тут же с удовольствием вспомнил ловкие пальчики Мелии, ее нежные прикосновения, когда она, содрогаясь от одного вида ран у него на груди, старалась обработать их, не причинив воину боли.

— Не только мы должны будем действовать быстро и без ошибок, — не унималась Зита, — но и Незримый должен будет действовать именно так, как нужно нам, иначе ничего не получится.

— А куда он денется? — усмехнулся Конан. — Сквозь стены ему не пробраться, вдоль них он сможет пройти лишь там, где нет огня — так что бежать ему будет просто некуда, а дальше все будет зависеть только от тебя. — Он испытующе посмотрел на девушку. — Не передумала?

Она ничего не ответила, лишь отрицательно мотнула головой, и Конан понял, что она боится. Боится настолько, что даже говорить не может, и винить ее в этом нельзя, ведь, в отличие от Фабиана, она не воин и даже не мужчина. Она всего лишь молоденькая, сильно напуганная девушка, которой, к тому же, предстоит опасное дело.

Смертельно опасное дело.

Он присел перед ней на корточки, тронул щеку девушки ладонью, и она прильнула к нему, обхватив его сильную руку своими маленькими ручками, и Конан почувствовал, как они дрожат. Он поймал ее взгляд, полный вполне понятного страха и... решимости сделать все, как он сказал.

— Успокойся, детка, я буду рядом. Все будет хорошо.

Обычное напутствие перед опасным делом, которое неизвестно чем кончится, потому что враг опасен и запросто может вырваться — это Конан тоже понимал и знал, что понимает это и Зита. И понимал он еще одну важную вещь: вся их надежда сейчас на быстроту и неожиданность, но и в этом случае все построено на «если»... Точнее — на двух «если».

Задуманное им должно получиться, если Незримый не выработал еще собственного плана действий и если он не поймет, что придумали они. Это второе если было определяющим. Их план должен стать понятен не раньше, чем бегство окажется невозможным. Иначе — все пропало. В лучшем случае, у них будет немного времени, чтобы попытаться придумать что-то еще, но это будет уже очень и очень непросто. Средства людей в борьбе с демоном были весьма ограничены.

— Хорошо, — сказал он вслух, — тогда начнем немедленно.

— Подожди, Конан, — взмолилась Мелия, — нужно хотя бы немного отдохнуть и прийти в себя!

Киммериец с жалостью посмотрел на нее и отрицательно покачал головой.

— Вот этого как раз делать нельзя. Незримому тоже нужно прийти в себя и осмотреться, и когда он поймет, что пора идти на прорыв, поймать его заново будет гораздо труднее, чем в первый раз.

Сказав это, Конан поднялся.

— Ждите меня здесь.

Силуэт его быстро пропал в сгустившейся за спиной тьме. Не зажигая факела, он ушел, ориентируясь в темноте не хуже, чем на свету.

Сестры смотрели след варвару, пока была видна его мощная фигура, но и потом долго не могли оторвать взгляда от чернеющего проема коридора. Для обеих это была страшная ночь, самая ужасная ночь в жизни. Ночь, в которой ожили, материализовавшись наяву, ночные кошмары, когда нечто черное и ужасное, чему нет названия, растет, наваливается, окружает со всех сторон, а ты бежишь, но не

можешь убежать. Ноги путаются, воздуха не хватает и в какой-то момент понимаешь, что это конец, что дальше — смерть и... просыпаешься. И испытываешь ни с чем не сравнимое облегчение, когда понимаешь, что то был лишь сон!

Как хотелось бы проснуться сейчас, встать, раздвинуть тяжелые душные шторы, впустить в комнату ослепительный солнечный свет! Но нет...

Мелия открыла глаза и с тоской посмотрела на мрачные стены, выложенные из почерневшего за прошедшие века, закопченного, во многих местах поросшего мхом серо-черного гранита, освещенного лишь жалким и неверным светом единственного догорающего факела. Даже этот свет приходится экономить, ведь до утра еще далеко, а запас факелов у них ограничен.

Она вновь закрыла глаза — так легче было убедить себя, что все хорошо, а если и не хорошо, то, по крайней мере, еще может быть хорошо — и задумалась.

Конечно, Конан прав, и медлить нельзя. Как он сказал? Что бы ты ни делала — делай это быстро! Откуда в этом человеке столько силы?! Вот Фабиан — ни ростом и ни статью не уступает киммерийцу, но на что он оказался годеи, когда дошло до дела!

Она была убеждена, что все их надежды на спасение теперь связаны только с киммерийцем. Вовсе не с сестрой, которая была колдуньей и, казалось бы, могла побороться с силами мрака, вызванными пусть и без ее ведома, но ее колдовством!

Нет! Она надеялась на воина, который был всего лишь простым человеком! Впрочем, человеком ли? Разве может простой человек на равных бороться с порождениями Зла? Конечно, нет! Но если он и был человеком, то не иначе, как боги покровительствовали ему!

Сама не осознавая того, Мелия уже преклонялась перед Конаном. При мыслях о нем ее охватывало благоговение, сравнимое лишь с тем давним, полузабытым ощущением, когда она, маленькая девочка, впервые переступила порог храма...

Она думала и думала, и мысли ее теперь касались лишь киммерийца, но даже тени ревности она не испытывала — не до того было сейчас. Она просто мечтала о нем, нисколько не заботясь о том, сбудутся ли мечты, или ей так и суждено умереть лишь грезой о несбыточном...

Конан вернулся так же внезапно, как ушел. Про себя Мелия удивилась, что в полной тишине пустого дома не услышала его шагов, хотя он был могуч, а значит, тяжел и явно торопился, но, заслышав его голос, тут же открыла глаза и увидела, что Зита так же напряженно, как и она, смотрит на киммерийца, а в глазах ее застыло то же выражение надежды и обожания, и закусила губу.

— Идемте, — отрывисто бросил Конан.

Он был спокоен и деловит, и Зита мгновенно почувствовала, как уходит страх и возрождается уверенность, что все будет хорошо. На этот раз он зажег еще один факел, оставшиеся сгреб в охапку и пошел впереди, освещая им дорогу и на ходу давая последние наставления.

— Идем все вместе, чтобы он раньше времени не понял, что у нас на уме.

Они отчаянно кивали, давая знать, что поняли его как надо, что он может не беспокоиться, но Конан даже не обернулся, чтобы удостовериться в этом — с него достаточно было и того, что он сказал, как действовать, а уж их дело выполнять приказ. Впрочем, в тот момент они способны были только подчиняться, хотя и не осознавали этого.

Дальнейшее воспринималось Мелией как во сне. Она помнила лишь одно — она должна быть рядом, что бы ни случилось. Быть может, он прикажет ей схватить Незримого голыми руками? Тогда она должна будет сделать это и умереть. Но это будет потом, а сейчас она должна быть рядом, и она бежала следом, ни о чем не думая.

Мелия не помнила, в какой момент появилось ощущение, что она плывет, а может быть, стоит на месте, а стены, колыхаясь в неверном свете факелов, сами наплывают, исчезая за спиной. Она позабыла, куда они бегут и зачем, пока не оказалась у входа в их комнату, где они — недавно, а может быть века назад — вели беспечные беседы. С кем?

Она попыталась припомнить и вдруг увидела, как столб пламени взметнулся перед лицом, едва не опалив ее, и Конан пропал. Она испуганно заозиралась — как же она одна? — и увидела что он уже бежит обратно. Зачем? Какая разница — она должна быть рядом! И она побежала, не понимая, куда бежит и зачем, зная лишь, что должна видеть перед собой его!

Мелия бежала, и стены начали странно наклоняться при каждом шаге, а пол вдруг вставал на дыбы, и она с ужасом думала, что смертельно устала и не сможет бежать в гору, и тогда все вдруг волшебным образом переверачивалось, и она уже боялась не удержаться и кувырком полететь вниз. Мир кружился, перед глазами поплыли радужные круги, когда Конан вдруг остановился и она с размаху налетела на него.

— Ты готова?

Он лишь мельком взглянул на Зиту, которая судорожно закивала, нервно облизывая пересохшие губы, совершенно не обращая внимания на Мелию, вцепившуюся в него сзади.

— Иди за мной и, что бы ни случилось, не смотри вперёд.

— А ты, Конан?! — выкрикнула Мелия, но он предпочел не отвечать.

Они медленно пошли вперед — Конан и две дрожащие от страха девушки, намертво вцепившиеся в него. Факелы, укрепленные в стенах, остались позади. Впереди была тьма и Незримый, укрывшийся в ней. Два изгиба и три прямых отрезка, один из которых они уже наполовину прошли.

Все напряженней Конан всматривался в темноту перед собой, стараясь разглядеть во тьме незримое облако мрака, когда почувствовал легкое касание и тут же опустил глаза. Слишком хорошо он знал, что это такое и что последует дальше, если не отвести взгляда. Правая рука сама собой размахнулась и метнула факел. Конан посмотрел вперед и успел заметить метнувшуюся за угол тень.

Неужели демон так и не понял, что задумали люди? От ответа на этот вопрос зависело слишком многое. Впрочем,

скоро все станет ясно. Он снял с пояса еще один факел и зажег его — не было времени поднимать брошенный, к тому же — чем больше огня, тем лучше, и хотя факелов осталось не так уж много, сейчас не время экономить.

Они быстро добрались до поворота, и в пяти десятках локтей впереди Конан заметил отблески далекого пламени. Теперь он ясно видел пятно тьмы, мечущееся впереди.

Наступал решающий момент.

Конан насилу освободился от вцепившихся в него девушек и пошел вперед. Тут он увидел, что удача улыбнулась ему — в стенах были укреплены свежие факелы, и он шел, зажигая их. Постепенно киммериец приближался к последнему повороту. Он шел все медленнее и когда до цели оставалось с десяток локтей, Незримый вынырнул и попытался прорваться, но Конан ткнул факелом едва ли не в середину облака, и оно отпрянуло, тут же дернулось в другом направлении, нырнуло вниз и попыталось протиснуться, стелясь над самым полом, но Конан был готов и к этому. Казалось, он готов ко всему, а реакция варвара позволяла ему не только точно уловить момент броска, но и вовремя пресечь его.

Конан не понял, почему Незримый не пытался больше воздействовать на него. Быть может, убедившись в безрезультатности прежних попыток, он понимал и тщетность будущих и сейчас хотел лишь одного — прорваться мимо человека. Прорваться, чтобы спрятаться, и уже тогда подумать о достойном отпоре.

Киммериец потерял счет времени и потому не мог сказать, сколько продолжалась эта дикая погоня, когда Незримый внезапно замер в самом дальнем от Конана углу у потолка, и киммериец остановился, чтобы перевести дыхание, — как вдруг до него дошло, что означает эта «передышка».

— Не смотрите на него!

Его рев сотряс стены. Он не мог обернуться, чтобы проверить свою догадку, но знал, что опоздал, и сделал единственное, что мог сделать в своем положении — метнул в Незримого факел. Он угодил прямо в середину облака и

тут же почувствовал болезненный удар в голову, который мгновенно ослаб, когда он инстинктивно коснулся рукой талисмана за поясом.

Тяжелый гобелен мгновенно занялся огнем, и черная тень метнулась за угол. Совершенно не заботясь о последствиях, Конан поджег и второй гобелен, рядом с собой, и побежал назад.

Он тряхнул Зиту и заглянул ей в глаза. Сейчас было не до церемоний и от того, насколько она способна действовать, зависело все. Она посмотрела на него отсутствующим взглядом, но постепенно в глазах появилось осмысленное выражение.

Губы девушки задрожали, и Конан ударил ее по щеке, моля Крома, чтобы она не лишилась чувств. Зита часто заморгала, испуганно глядя на него. Он обнял ее, прижал к себе, и она уже готова была простить ему сотню таких оплеух, но Конан тут же оторвал ее от себя и, легонько встряхнув, внимательно посмотрел в глаза.

— Ты помнишь, что должна делать?

Она часто закивала и посмотрела на сестру.

— Оставь ее здесь. Она нам не нужна. Пусть приходит в себя. Жди.

Он говорил отрывочно, постоянно оглядываясь, словно ожидая в любой момент увидеть рядом ненавистное облако, и сразу бросился вперед.

Время словно ускорило бег. Мир кружился, как в калейдоскопе, и он с удивлением увидел, что устроенный им маленький пожар не только не потух, но продолжает разгораться, и это было ему на руку.

Он свернул за последний поворот, готовый к новой схватке, но не обнаружил никого. Коридор был пуст, здесь негде было спрятаться.

Конан бросился вперед. Единственным местом, где Незримый мог укрыться, была их комната и, подбежав к ней, он, полуобернувшись, увидел, что девушки рядом нет.

— Зита! — взревел он.

Девушка выскочила из-за стены и бросилась к нему, следом бежала Мелия — она никак не желала оставаться

одна. Яростно сверкнув глазами, Конан коротко ткнул пальцем в пол рядом с собой, показывая, где ей надлежит быть, и тут же перестав обращать на них внимание, осторожно шагнул в комнату.

Его нога еще не опустилась за порог, как внутренний голос завопил, предостерегая об опасности.

Что-то обрушилось сверху, но варвар оказался быстрее — он выскочил, успев при этом поджечь тяжелые, свисавшие до пола бархатные портьеры, и, не обращая внимания на огонь, вновь ступил внутрь.

Комната была большой, он это помнил. Дальняя стена терялась в полумраке, но Конан ясно видел затаившуюся в самом темном углу черную тень. Она казалась жалкой и беспомощной, но он хорошо знал, сколь обманчиво это впечатление.

Стороннему наблюдателю киммериец мог показаться безумцем, решившим покончить с собой. Он стоял, спокойно поджигая мебель, нисколько не заботясь о том, что и сам может сгореть в пламени разожженного им пожара.

— Зита! — позвал он, когда огонь начал разгораться, но еще не поглотил дверной проем.

Ему не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, что она рядом.

— Иди, Конан.

Он не заставил себя уговаривать. Все что мог он сделал, дальнейшее зависело только от нее. Пламя занималось все сильнее, но он не собирался ждать, когда станет слишком поздно думать об уходе. Он уже собрался выскочить в коридор, когда увидел Мелию, стоявшую тут же.

Кром!

Похоже, девчонка лишилась ума от страха.

Колдунья подняла руки и начала что-то говорить, но Конан слушать не стал. Медлить дальше было нельзя. Он подхватил Мелию и выпрыгнул в дверь, оставив Зиту наедине с Незримым, сожалея лишь о том, что ничем не в силах ей помочь. Он прислонил девушку к стене, встряхнул раз, другой, заглянул в глаза — очнись! — но все было без толку.

Конан оставил ее и остановился напротив двери. Зита пора выходить — почему она медлит? Неужели время может тянуться так медленно? Он прислушался. Девушка торжественно произнесла последние слова заклинания. Сейчас она повернется и выпрыгнет, еще есть время! Почему она медлит?!

Конан не знал, о чем думает сейчас Незримый. Он, рассуждая, поставил себя на место демона. Как раз сейчас стремительно уходит остаток времени, отпущенного на то, чтобы попытаться вырваться. Похоже, Незримый до сих пор не понял, что задумали люди, считая, что его пытаются просто сжечь. Иначе он неизбежно попытался бы прорваться сквозь губительное пламя. Зита уже произнесла ключевую фразу, а он ничего не предпринимает, — но и девушка стоит, словно решила остаться, пожертвовать собой ради них!

Конан тупо смотрел, как медленно, но верно покрывалась паутиной стена, заплетался проем. Его не покидало ощущение, что он упустил что-то важное. Он посмотрел на девушку, застывшую с простертыми вперед и вверх руками, и внезапно до него дошло.

Молнией пронзила до боли простая мысль! Как он мог так просчитаться! Незримый овладел волей девушки, сейчас он овладеет ее сознанием и снимет заклятье, а что будет дальше, нетрудно себе представить!

— Зита!

Не обращая внимания на боль, Конан в отчаянии прорвался сквозь густеющую сеть и пламя пожара и, схватив лишенное воли, одеревеневшее тело девушки, вырвался наружу.

Он чувствовал себя так, словно только что проломился сквозь каменную стену, объятую огнем. Он ощущал себя старой развалиной, но главное было не в этом — он был жив и Зита была рядом!

Она мгновенно очнулась и упала ему на грудь. Ее бил жестокий озноб. Как только она поняла, чего ей только что удалось избежать, ее тело против воли начало содрогаться в неудержимых рыданиях.

Мелия уже пришла в себя и теперь смотрела на сестру. Радость, сострадание и невольная ревность смешались в ее взгляде!

Конан тяжело прислонился к стене и закрыл глаза, чувствуя себя счастливейшим из смертных, но никто из троих не видел Фабиана, выглядывавшего из-за угла, ненавидящим взглядом следившего за киммерийцем — опять проклятый варвар оказался сообразительней, быстрее и решительней его! Нет! Пока тот жив, ему не будет покоя!

Фабиан со всей очевидностью понял, что вдвоем им тесно в этом мире.

Паутина неудержимо уплотнялась, пока кокон не набрал силу и несокрушимость, способную удержать Незримого.

Глава десятая

Незримый остался один. Пламя пожара не желало уюмониться. Вырвавшись на волю, оно, с необузданностью демона, выискивало себе жертвы, пожирая все, что могло гореть, но с самим Незримым, находившимся тут же, поделаться ничего не могло. Жар не в силах был причинить ему вреда. По правде сказать, он не боялся даже света, хотя и терял ориентацию. На свету ему приходилось действовать вслепую или бездействовать вовсе.

В первый момент он испытал приступ бешенства, не сравнимого ни с чем: цепочка невероятных случайностей упорно не желала прерываться. Если так пойдет и дальше, дело может кончиться развоплощением! Некоторое время он не в силах был даже думать, но когда эта способность вернулась к нему, принялся шаг за шагом уничтожать злость, возвращать себе способность здраво мыслить, понимая, что чем слабее становится, тем осмотрительнее должен вести себя, а злость, как известно, не содействует осторожности.

Это были не пустые слова. Сила его уменьшилась уже настолько, что сам он не способен выбраться из ловушки, подстроенной людьми — жалкими двуногими, которых он до сих пор и в расчет-то всерьез не принимал! Они точно рассчитали момент для удара, а может быть, просто угадали по его действиям, что силы демона на исходе. Так или иначе, но без помощи извне ему отсюда не выбраться.

Значит, надо использовать все, что осталось снаружи и способно оказать ему эту помощь.

И он потянулся к своей меньшей половине...

Конан расслабленно полулежал в кресле.

Теперь, когда круглая комната была занята Незримым, люди обосновались в зале, где когда-то Мелия впервые увидела его. Девушки постарались создать здесь некое подобие уюта — какое-то время киммериец был ни на что не годен — и теперь Зита склонилась над ним, настойчиво требуя у него ответа на простой, казалось бы, вопрос:

— Как ты чувствуешь себя, Конан?

Теперь, когда все страшное, по крайней мере на время, осталось позади, девушки приплыли в себя и, понимая, что он сделал для них, хлопотали над огромным и могучим, но беспомощным сейчас варваром, промывая и перевязывая его раны, позабыв обо всем на свете: и о бившемся в приступе безумной злобы Незримом, угодившем в придуманную Конаном ловушку, и о твари, загнанной им же в тайник и надежно запертой в нем, и о Фабиане, по собственной воле бросившем их и бродившем теперь где-то в темноте пустого дома.

Они забыли обо всем на свете, а потому так и не увидели мрачной фигуры, притаившейся в тени.

— Ненавижу! — злобно прошептал Фабиан и беззвучно скрылся в темноте.

И никто из троих — ни Конан, которому сейчас было не до того, ни девушки, заботливо пытавшиеся привести его в чувство — так и не увидел тени, тихо подымавшейся по лестнице и скрывшейся во тьме погруженного в ночь дома.

Заботливые вопросы Зиты назойливыми мухами бились в уши Конана, не давая ни минуты покоя.

«Далось же ей самочувствие... Кром! Когда же она утомится!» — думал он и когда наконец понял, что никогда, веки его с трудом разжались, будто склеенные, и это

невинное движение тотчас же отозвалось в затылке пронзительно острой болью. Он разжал пересохшие губы и прошептал:

— Хуже некуда...

Услышав это, Зита упала ему на грудь и разрыдалась.

— Да что же ты плачешь, глупая. Он ведь жив, и мы живы. Подумай лучше, чем можно помочь ему, ведь ты же колдунья!

Зита вдруг засуетилась, словно теперь лишь вспомнила, что и от нее зависит многое, что ей по силам такое, чего не может даже Конан!

Незримый потянулся к своей меньшей половине.

Тварь была зажата между непреодолимым заклятьем пентаграммы и камнем стены. Она была почти раздавлена и потеряла много крови, но все еще жива. Незримый перелил в ее ослабшую плоть новую порцию своей силы, и та ощутила, как тело наливается прежней мощью.

Правая кисть сжалась, кроша древний гранит, раз за разом небольшими порциями выедавая каверны в, казалось бы, несокрушимой, каменной тверди, и Незримый пожалел на миг, что пожертвовал второй кистью, поддавшись мимолетному порыву, в попытке нанести урон кому-нибудь из людей.

В результате он лишь бессмысленно растратил силы. Однако не в его правилах было подолгу сожалеть о случившемся — что сделано, то сделано.

Каверна становилась все больше. Вскоре его меньшая половина сможет двигаться, и тогда дело пойдет быстрее — кинжалы когтей на ногах выглядели гораздо внушительнее. Нет — рано, рано они успокоились!

Что с ним делала Зита, Конан не знал. Памятуя о своем предыдущем опыте, он не пытался открыть глаза, просто наслаждаясь уходящей болью, словно неведомым лакомством. Что ни говори, а во всем есть своя положительная сторона. После того как боль словно клещами нещадно

вцепилась в него, ломая избитое тело, и каждая клеточка тела молила о пощаде, секундной передышке, было ни с чем не сравнимым наслаждением чувствовать, как боль отпускает, исчезает.

Медленно и неохотно освобождает от себя его плоть, словно и не было ее, а тело становится здоровым и сильным — таким, как прежде.

— Ну как?

Конан осторожно открыл глаза, увидел сияющее счастьем личико Зиты, а чуть сбоку Мелии и сжал чудовищный кулак, подняв его в приветствии гладиаторов.

Мелия рассмеялась, весело и беззаботно.

— Даже не верится, что все уже позади.

Зита улыбнулась ей, но, как ни странно, слова сестры настроили ее на серьезный лад.

— Все намного серьезней, чем ты думаешь, сестрица. Жрецам придется поломать головы над тем, как обуздать Незримого. Конечно, он сильно ослаб, и сил у него уже не прибавится, и все же — это непросто. Впрочем, для нас-то все действительно кончилось.

Теперь, почувствовав себя лучше, Конан задал, наконец, вопрос, который мучил его всю ночь.

— А кто он такой — этот Незримый? — Но, к его разочарованию, Зита лишь пожала плечами.

— А все-таки? — не унимался киммериец.

Девушка задумалась.

— Не знаю. В моей книге он так и зовется — Незримый. Известно, что убивает он, чтобы жить, а живет, чтобы убивать. Известно, что он силен. Он может подчинить человека своей воле и управлять им, словно куклой. Может поселиться в его душу и постепенно овладеть ею. Может просто исторгнуть ее и поселиться внутри телесной оболочки.

Он много чего может, но делает это так, для развлечения, и столько было от него неприятностей, что обрекли его на вечное заточение, а вот развоплотить не смогли.

— Ну что ж, будем надеяться, что это удастся сейчас. Некоторое время они молчали.

— И что же мы будем делать теперь?

— Проведем остаток ночи здесь и отправимся по домам.

— Почему не прямо сейчас?

— Неужели мы наскучили тебе, Конан? — Зита всплеснула руками и томно посмотрела на киммерийца, который досадливо крикнул, но ничего не ответил. Чего-чего, а уж такого вопроса от этой постоянно краснеющей девочки он никак не ожидал!

— Расскажи нам, чем ты занимаешься? — Мелия пришла ему на помощь, и это показалось киммерийцу не менее нелепым. В его понимании все должно было происходить наоборот. И все-таки он обрадовался этому вопросу, позволившему сменить тему.

Правда, и отвечать на вопрос старшей сестры ему не очень-то хотелось, поэтому он предпочел ограничиться тем, что они уже и так знали.

— Я пришел сюда за камнем. — Он похлопал себя рукой по поясу, за которым был спрятан мешочек с талисманом.

— Так ты вор? — В голосе Мелии Конан не услышал ни презрения, ни разочарования.

Правда, и теплоты в нем тоже не было, но что можно ждать от девушки, которая встречается в своем доме с человеком, пришедшим обокрасть ее? Пусть даже и спасшим при этом ей жизнь?

Однако впервые за годы, прожитые в Шадизаре, он обнаружил, что ему неприятно слышать это слово — вор — по отношению к нему самому, и, неожиданно для себя, он сказал:

— Теперь уже нет.

Мелия удивленно посмотрела на него, и Конан пояснил:

— Я пришел в Шадизар мальчишкой именно затем, чтобы обучиться воровскому ремеслу. Теперь оно мне наскучило.

Девушка понимающе кивнула, но все-таки спросила:

— Но зачем это тебе было нужно?

Конан пожал плечами — что за странный вопрос, ведь ответ очевиден.

— Ни один человек не может прожить без пищи, одежды и крова, а значит, должен чем-то зарабатывать на жизнь.

— Но разве мало дел, позволяющих прожить честным трудом? — возразила Зита.

— Честным?! Кром! Что же ты понимаешь под честным трудом?

На этот раз настал черед девушки удивляться.

— Да ведь ясно и так! Труд — это... — Она задумалась, ища подходящее определение, и Мелия договорила за нее:

— Это то, во что ты вкладываешь свое умение, свое время, получая взамен деньги с человека, на которого трудишься.

Киммериец иронично хмыкнул.

— Но ведь именно этим я и занимался! Незаметно пробраться в дом, полный стражи, отыскать тайник, суметь отпереть хитрый замок, взять то, что нужно, и так же незаметно, как пробрался внутрь, покинуть дом — это большое искусство! И заказчик высоко ценит его, платя немалые деньги!

Мелия досадливо закусил губу. Как-то все нелепо получалось, и при этом именно так, как она сказала — умение, труд и время, за которые кто-то платит деньги! Но ведь все не так! Все поставлено с ног на голову! Только как показать это?

— Но ведь я не о том говорю! Это оплачивается, да, но приносит вред тому, у кого украли!

— Тут ничего сделать нельзя, — спокойно возразил варвар, — так уж устроен мир — если где-то чего-то становится больше, то неизбежно где-то того же самого становится меньше! Это как деньги, которые платит мне мой заказчик. Они переходят из его кошелька в мой карман, и ничего тут не изменить!

— Хорошо, — Зита вмешалась в разговор, — оставим это. Поговорим о другом — к примеру, ремесленник? Ведь он

никому не приносит вреда! Почему ты не захотел заняться чем-то в этом роде?

— Кром! — Конан вспыхнул. — Корпеть от зари дотемна, чтобы какой-нибудь жирный боров, купив спитые тобой сапоги, выудил из мешка с золотом монетку, долго думал, вертя ее в руках — где бы разменять этот золотой, чтобы бросить тебе жалкий медяк?! Да лучше я срежу у него с пояса весь мешок! Так будет проще и быстрее!

— Но ведь это нехорошо! — воскликнула Мелия, сама понимая, что звучат ее слова глупо и наивно, и ожидая, что сейчас киммериец опять взорвется, но, к удивлению ее, он успокоился.

— Для кого нехорошо? — Конан с ухмылкой посмотрел на девушку, и та невольно смутилась, не ожидая такого вопроса.

— Ну-у... — она помялась, подыскивая подходящий ответ, и Зита, в свою очередь, пришла ей на помощь:

— Для того толстяка, у которого ты отобрал кошелек!

Она победоносно посмотрела на Конана, и обе сестры принялись ждать, что он скажет, но «противнику» их, в отличие от них самих, не нужно было ничего придумывать.

— Но если б я не сделал этого, плохо было бы мне: за день работы я получил бы медяк, на который смог купить краюху хлеба да кружку перекисшего вина!

— Но это был бы честно заработанный медяк!

— А-а-а! — воскликнул варвар. — Так вот что важно для тебя!

— Конечно! — Мелия гордо посмотрела на него.

— Скажи, — спросил тогда варвар, — а тот толстяк свой кошелек с золотом как заработал?

— Ну... — Мелия смутилась под насмешливым взглядом киммерийца и посмотрела на сестру, вновь прося поддержки, а Конан продолжал:

— Бьюсь об заклад — он в жизни ничего полезного не сделал. Лишь пил да жрал в три глотки!

— Конечно, пользы от него никакой, — поразмыслив, нехотя согласилась Мелия, — но он тратит свои деньги, он их не украл.

— И где же он их взял? — усмехнулся киммериец.

— Они ему достались по наследству, от отца.

— Ну а отец?

— От своего отца...

— И дальше так же?

— Ну конечно! — обрадовалась Мелия, и Зита, довольная за сестру, кивнула. Что ни говори, а она нашла прекрасный выход из затруднения.

— Ха-ха-ха! — Конан раскатисто расхохотался. — А ты не пробовала проследить любой из родов шадизарской знати?

— Но зачем это мне? — удивилась девушка, не понимая, куда он клонит.

— Да для того, моя красавица, — назидательно изрек не желающий сдаваться варвар, — чтобы узнать, что где-нибудь в десятом, двадцатом — неважно, в конце концов, каком — колене один из славных предков ходил в военный поход, из которого вернулся неожиданно богатым.

— Но в этом нет ничего зазорного! — возбужденно воскликнула Зита. — Военная добыча всегда считалась почетным трофеем!

— Ага, — Конан нахмурился, изображая раздумье, — я понял свою ошибку.

— Ну, вот видишь! — облегченно вздохнула Мелия. — Мы рады, что смогли помочь тебе понять это.

— Да, я понял, в чем ошибался, — повторил Конан, — мне нужно было прирезать толстяка, и все получилось бы честь по чести — золото стало бы моим военным трофеем.

Некоторое время Конан ждал, что они ответят, но сестры молчали. Им никогда даже в голову не приходило посмотреть на окружающий их мир под таким углом.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что и мы с сестрой... — но Конан не дал ей договорить, подняв руки примирительным жестом.

— Кром! Да нет же! Я о другом. Когда-то один из предков толстяка отправил на Серые Равнины множество невинных людей и, забрав их имущество, разбогател. Он передал деньги по наследству, и в итоге они пришли к нашему толстяку. Я просто хочу спросить тебя: почему теперь я должен заботиться о нем, а не о себе?

— Да потому, что есть закон!

— Ха! А кто его придумал и зачем? Такие же, как он, чтобы закон защитил их самих и их деньги?

Зита в отчаянии замотала головой. Она совсем запуталась и не знала, что сказать, но согласиться не могла и не хотела.

— И все же я считаю, что ты не прав. Война есть война. Это не нами придумано. Она велась где-то далеко, и законов Заморы никто из наших предков не нарушил.

— Я понимаю тебя. — Конан кивнул и серьезно добавил: — Скажу больше: я согласен с тобой, и сам живу именно по твоим правилам. Я киммериец и объявил войну Заморе. Поэтому все, что попадает здесь ко мне — мои военные трофеи!

Он серьезно смотрел то на одну, то на другую из сестер, но в глубине его синих глаз Мелия видела сверкавшие озорством льдинки смеха. Она нахмурилась, но не выдержала и рассмеялась.

— А ты умен, варвар!

Конан рассмеялся следом, а за ними и Зита. Возникшее было напряжение спало, но молодая колдунья посерьезнела первой.

— Быть может, на сей раз ты отступишь от правил и отдашь мне талисман? Я возмещу тебе убытки!

Она лукаво улыбнулась ему.

— Что ж, — Конан изобразил на лице глубокую работу мысли, — об этом стоит подумать.

Глухой удар оборвал их разговор, не дав ответить — киммериец вскочил как опшаренный, настороженно прислушиваясь, стараясь понять, откуда мог прийти звук, в руке его неведомым образом очутился меч. Следующий удар заставил Зиту вздрогнуть, и ей показалось, что Конан

рванулся вперед еще до того, как он прозвучал. Они бросились следом, помня его слова о том, что должны находиться все вместе. Третий удар застал их на бегу, потом все смолкло.

Нечего и говорить, что Конан убежал далеко вперед, и когда они догнали его, молча рассматривал меч, по самую рукоять загнанный в дверь комнаты, где сидел Незримый. Киммериец хмуро посмотрел на подбежавших девушек.

— Рано мы успокоились.

— Но зачем он это сделал?

— Как раз это понятно — чтобы освободить Незримого.

— Но зачем это Фабиану?

— Фабиану? — Конан мрачно усмехнулся, и девушки почувствовали, как холодок позабытого страха коснулся их изнутри. — Ваш приятель, быть может, и спятил, но не настолько — это была тварь.

— Ты уверен? — Мелия настороженно посмотрела на Конана. Тот пожал плечами.

— Я видел ее.

— Значит, все начинается сначала... — прошептала девушка.

— Ну нет, — возразил Конан, — этот ублюдок надоел мне смертельно, и больше я с ним возиться не намерен. На этот раз я убью его!

— Что же ты не убил его раньше?

— Не мог, — спокойно ответил он.

— А теперь можешь? — иронично спросила Мелия. Хотя она и знала, на что он способен, но ее не покидало чувство, что сейчас он немного бравирует.

— Теперь могу.

Киммериец был холоден как лед, сверкнувший в его глазах. Он развернулся и, ничего не говоря, пошел назад, а им ничего не оставалось, как вновь бежать следом, потому что только так они и могли поспеть за его энергичным шагом.

— Ты все еще чувствуешь обоих? — спросил он не оборачиваясь, ничуть не сомневаясь, что Зита находится рядом.

Она торопливо кивнула, совершенно позабыв, что раз Конан не видит ее, то и не знает, что она ответила, а когда сообразила это, то удивилась, что он так и не переспросил ее, словно все-таки видел кивок.

Она не успела подумать о том, как такое возможно, когда услышала новый вопрос:

— Незримый сможет выбраться?

— Нет. — Она покачала головой. — Не думаю.

— Так нет или не думаю? — Тут он впервые счел нужным удостоить ее взглядом.

— Думаю, не сможет, — торопливо выпалила она.

Конан сдавленно рыкнул в ответ, и девушка поспешно поправила себя:

— Нет, Конан, нет. Если меч останется в двери, то нет.

— А если его вынуть?

— Если его вынуть, то не знаю.

— Понятно. Что ж — это уже лучше.

Внезапно Зита остановилась и схватила варвара за рукав. Он замер на полушаге, словно только и ждал этого, и вопросительно посмотрел на девушку.

— Он там, — она едва шевельнула губами и Конан скорее угадал ее ответ, чем услышал шепот.

— Как думаешь — он видит в темноте? — точно так же, одними губами беззвучно прошептал Конан.

Зита отрицательно покачала головой, и он тут же сорвал со стены кусок плотного гобелена и быстро замотал факел, затоптав огонь. Стены погрузились в темноту, но они видели впереди, в зале, где только что мирно болтали, свет, и теперь знали, что именно там поджидала их тварь, наверняка где-то затаившись, чтобы, выбрав момент, напасть, застав их врасплох.

В слабых отблесках далекого света можно было различить лишь силуэты людей, и Мелия увидела, как Конан подошел к стене, потом услышала два негромких сухих щелчка и увидела, как он потянул за собой Зиту, а ей махнул рукой, жестом показывая, что она должна идти следом.

Перед последним поворотом они остановились, и Мелия увидела, как Конан наклонился к сестре и что-то прошеп-

тал ей на ухо. Та кивнула и, отойдя к противоположной стене, медленно пошла вперед. Они с Конаном двигались следом.

С каждым пройденным шагом становилось светлее. В обеих руках киммерийца она увидела по заряженному арбалету и поняла, что щелкало в темноте.

На полпути Мелия невольно остановилась, глядя на сестру и Конана — через каждый шаг Зита показывала, где тварь, он кивал и неслышно ступал следом. По ее знакам Мелия поняла, что тварь находится в нише, или небольшой комнате, у нее за спиной, и подумала, что им повезло: конечно, в погруженной в полутьму комнате легко спрятаться, но, с другой стороны, убежище превратится в великолепную ловушку, как только они обнаружат тварь.

Видимо, Конан думал так же, потому что он улыбнулся девушке, жестом приказав ей замереть, а сам осторожно двинулся вперед, изготовив арбалет к стрельбе. Второй он нацелил в пол, лишь чуть приподняв, чтобы удобней было в любой момент повторить выстрел, если первый окажется неудачным.

Внезапно Зита насторожилась и подняла руку, привлекая внимание Конана.

Он мгновенно насторожился, вопросительно глядя на девушку. Она пальцами показала, что тварь решила сменить место — похоже, ей пришла в голову та же мысль, что и людям. Даже без знаков Зиты они слышали, как скребут ее когти то по деревянным панелям, то по мрамору стены.

Наконец все успокоилось, и Зита показала, что тварь засела почти над головой Конана, а вернее, над самым выходом, в пяти локтях от которого он стоял. Теперь любой, кто рискнет войти в зал, неизбежно попадет к ней в лапы — монстру достаточно будет разжать когти, чтобы оказаться на спине жертвы.

Мелия беспомощно посмотрела на Конана — что же теперь делать? — но варвар лишь усмехнулся, и она невольно подумала: «Кажется, его вообще ничто не способно смутить!»

Он положил на пол один из арбалетов, причем так аккуратно, что она не услышала ни малейшего звука, затем легко поднял одну из восковых статуй — гордость коллекции! — и выпрыгнул ее в зал, тут же подхватив с пола оружие.

Того, что произошло следом, похоже, не ожидал даже Конан: раздался сухой щелчок, и манекен прошил арбалетный болт.

— Стой! — закричала Мелия, но Конан уже бросился вперед.

Однако еще раньше тварь поняла, что обнаружена, и бросилась наутек, но успела сделать лишь пару шагов, когда раздался второй щелчок, и она закрутилась на месте, пронзительно вереща, и Мелия увидела, как Конан вскидывает второй арбалет.

— В голову целясь! — услышала она крик Зиты, и почти одновременно с глухим ударом арбалетного болта в тело твари ответ Конана: — Ты думаешь — это его остановит?

Болт прошил навывлет уродливый костистый череп монстра. Охватив голову руками, он неистово катался по полу, и Зита зажала уши, чтобы не слышать его воплей.

Конан выхватил меч и бросился вперед, но мгновением раньше тварь вскочила и заковыляла в темноту. Конан бросился следом, лишь на миг обернувшись, чтобы показать им, что они не должны отставать.

Мелию тошнило, и голова разболелась, но она побежала следом — за все богатства мира она не согласилась бы остаться здесь одна. Она бежала и гадала, когда же, наконец, все это кончится, да и кончится ли вообще? Может, всем им суждено остаться бездыханными трупами в этом проклятом Сетом доме? Конан-то, конечно, уцелеет, но вот остальные...

Она очнулась, когда ткнулась ему в спину, и увидела огромное кровавое пятно на полу. Глаза ее расширились от ужаса — она и представить себе не могла, что из живого существа может вылиться столько крови!

— Стойте!

Конан жестом остановил их, и Мелия увидела, что Зита выглядит, пожалуй, не лучше, чем она.

— Теперь он никуда не денется, а чем больше крови потеряет, тем проще будет нам.

Он перезарядил арбалеты. Один дал Зите, другой взял сам.

— Как из него стрелять?

Она неумело вертела в руках тяжелое оружие, весьма смутно представляя, что с ним делать.

— Тебе не надо из него стрелять — еще убьешь кого-нибудь! Ты должна лишь, когда понадобится, не мешкая отдать его мне.

Они вооружились факелами и пошли вперед.

— Он внизу, — неожиданно сказала Зита.

— Знаю, — отозвался Конан, — где крысе прятаться, как не в подвале?

Они пошли вперед. Первым шел Конан, за ним обе девушки. Мелия посмотрела на пол и подумала, что и без колдовства Зиты и нюха Конана они без проблем отыскали бы тварь. Четкие кровавые следы ясно указывали путь.

Мелия присмотрелась. Следы не были человеческими, и она тут же поймала себя на мысли, что продолжает, как и Фабиан, отождествлять тварь с Эмериком, и ее передернуло от омерзения.

Следы были четырехпалыми, похожими на птичьи, но огромных размеров, и она с содроганием вспомнила о когтях-кинжалах, распоровших грудь Конану, а ведь то были руки...

Впрочем, не такие уж они и большие. Она приставила ногу — кровавый след был в длину точь-в-точь таким же. Видно, верно говорят, что у страха глаза велики!

Они уже подошли к лестнице, ведущей в подвал, когда Мелия насторожилась — что-то ей не нравилось все это время, но только сейчас мелькнула в голове догадка, которая, правда, тоже ничего не объясняла.

— Конан! — Киммериец резко обернулся. — Посмотри! Следы становятся меньше.

Он посмотрел себе под ноги, осветил факелом.

— А ведь и верно. Что бы это могло значить? — Он вопросительно посмотрел на Зиту.

— Кровь вышла из нее, — девушка в раздумье покачала головой, — но я не знаю, как она может теперь выглядеть.

— Неважно, — сам ответил на свой вопрос Конан, — сейчас все выяснится. Но ты молодец, — он улыбнулся Мелии, — если тварь действительно уменьшилась в размерах, ей проще спрятаться, и мы рисковали пропустить ее.

Они пошли дальше, но Мелия не могла оторвать взгляда от стремительно уменьшавшихся следов. Казалось, Зита была права, и тварь действительно теряла размеры вместе с вытекающей из ее тела кровью, которой было залито все вокруг. И все-таки это было уже слишком — не из одной же крови она состояла!

Но тут Мелия заметила, что и сами следы начали меняться. Мало того, что они становились все меньше и меньше, но сперва пропали отпечатки чудовищных когтей, потом, словно пальцы твари отпадали один за другим, отпечаток четырехпалой лапы сменился отпечатком маленького копытца. Одновременно с этим пропала кровь, до сих пор щедро отмечавшая путь. Последняя ее капля осталась на нижней ступени лестницы.

— Где она, Зита? — спросил Конан не оборачиваясь.

— Там, где родилась! — Она кивнула на обгоревший дверной проем.

Конан осторожно вошел внутрь. Тварь сидела у дальней стены и смотрела на них ненавидящим взглядом. Похоже, она ожидала прихода людей и понимала, что смерть идет за ними следом.

Жалкий уродец выглядел злой пародией на монстра, которого они знали. Ростом в локоть, он походил на себя прежнего не больше, чем мумия напоминает живого человека, и сейчас, сделавшись ростом с крупную крысу, стоящую на задних лапах, в нем появилось еще больше крысиного, чем прежде, и от впечатления этого не могли избавиться ни крокодила шкура, ни копытца.

Увидев Зиту, тварь дернулась навстречу, но Конан, не целясь, выстрелил, и тварь заверещала, ухватившись за стрелу, припилившую ее к стене. Не говоря ни слова, Конан выхватил меч и, проткнув тварь, отшвырнул ее в камин, в объятия жадного пламени.

Тварь заверещала и засучила лапами, точно так же, как и ранее сожженная кисть, и, ярко вспыхнув, рассыпалась прахом.

— Надеюсь, больше превращений не будет? — Киммериец вопросительно посмотрел на Зиту, и та лихорадочно закивала, не в силах вымолвить ни слова.

Глава одиннадцатая

Пожар в комнате давно стих. Все, что могло гореть, сгорело, покрыв потолок и стены толстым слоем жирной копоти. Остатки мебели валялись на полу грудями тлеющих углей, исходящих удушливым сизым дымом. Впрочем, это было неважно.

Незримый не боялся огня, как такового, и дым ему, лишенному тела, был не страшен, но свет ослеплял, как любую ночную тварь, лишал способности ориентироваться, и это раздражало. Но теперь огонь угас, и демон успокоился, получив, наконец, возможность спокойно обдумать создавшееся положение, а было оно безрадостным — этого нельзя было не признать.

Шквал событий, случившихся с ним с начала ночи, напоминал морское плавание в разгар шторма. Его, словно утлое суденышко, то вздымало на гребень волны, позволяя испытать бурю восторга, то низвергало в пучину ужаса, грозя в любой момент пустить на дно. Однако шторм стихал. Волны становились ниже, а спуски более пологими, но это не приносило радости — мачты были сломаны, а корпус нахлебался воды и грозил в любой момент затонуть!

Он попал в нелепое положение, когда события стремительно развивались самым непредсказуемым образом, а он даже не знал правил, по которым играют люди, и в результате все его ответные шаги заканчивались неудачей. Он

слабел все больше, после каждого проигранного этапа терял силы, почерпнуть которые было неоткуда.

Из мощного демона, с которым вынуждены были считаться сами небожители, он превратился в жалкую тень! С ним остались все его способности, но сил проявить их не доставало. И это сознание собственной немоции было невыносимо!

Лишь одна мысль владела Незримым сейчас — бежать! Но для этого нужно выбраться из кокона, в который упрятали его люди. Остаться здесь нельзя. Скоро они сами придут, чтобы освободить его, но этот миг свободы останется всего лишь мигом — его вновь заточат в темницу, из которой волею случая удалось бежать.

Самому ему не выбраться — это он понимал, и потому без раздумий отдал часть сил меньшей своей половине и ослаб еще больше. Похоже, злой рок удостоил его своим вниманием! С момента освобождения он стремительно терял силы. Сперва их отбирали у него не спрашивая, потом он начал отдавать их добровольно, всякий раз попадая во все худшее положение.

И все-таки на этот раз он потратил силы не зря — поддела сделано, осталось только воссоздать вторую половину, и он выберется отсюда. Для этого у него есть всего один шанс, но он его не упустит. Плохо другое — едва он вырвется из плена, проклятая колдунья узнает об этом, и за ним вновь начнут охотиться, а этого нельзя допустить, а значит, он должен спрятаться, и для этого у него будет тоже всего один шанс. Иначе он погиб безвозвратно.

Фабиан стоял у окна и тупо смотрел на поляну, залитую лунным светом, не сознавая, что видит пред собой. Кулаки его были разбиты в кровь, — он так и не смог прорваться наружу — но он не чувствовал боли. Когда стало совершенно очевидно, что выхода из проклятого дома нет, он вдруг потерял интерес ко всему. Ему стало все равно, что с ним произойдет дальше. Он стоял, смотрел в окно и не думал ни о чем. Голова была пуста, словно выеденный червем

орех. Он даже не знал, давно ли стоит здесь. Он стал подобен растению, без мыслей, без желаний идущему по жизни от рождения к смерти.

Внезапно он вздрогнул — последний осколок стекла, неизвестно как до сих пор державшийся в раме упал, жалобно звякнув. Быть может, Митра нарочно оставил его до времени на месте, чтобы звуком падения привести в себя глупца, лишившегося ума со страха? Дать ему еще один шанс доказать, что он все-таки не растение и разум дан ему не только для того, чтобы бояться и ненавидеть, но и любить тоже?

Он медленно опустил глаза на грудку осколков и щепок под ногами, и на этот раз во взгляде его промелькнул отблеск мысли.

Что он делает здесь?

Где остальные и что с ними?

Где Мелия? Зита? Конан?

Имена людей с которыми он недавно был вместе, всплывали в мозгу сами собой, и каждое заставляло его вздрагивать, но уже не возбуждали ни похоти, ни злости — Митра пробудил его разум вовсе не для того, чтобы он тут же лишился его вновь. Податель жизни внушал ему нормальные человеческие мысли: что с друзьями, где они и почему он один?

Почему он один?

Он повернулся и пошел вниз. Не задумываясь над тем, где искать их, он шел, все ускоряя шаг, пока наконец не побежал. Куда? Ясное дело — он знал, где искать их.

— Вот теперь действительно можно отдохнуть. — Конан отер пот со лба и устало улыбнулся, но, к его сожалению, Зита лишь покачала головой.

— Нет. Нужно найти Фабиана. Я боюсь, как бы с ним чего не случилось.

По правде сказать, Конан и думать забыл об их спятившем от страха приятеле, но спорить не стал — это и в самом деле было сейчас важнее отдыха. Правда, теперь, когда они покончили с тварью, а Незримый был надежно заперт в коко-

не, он не видел причин для беспокойства. На его взгляд, этот здоровый, сильный мужчина должен был сам побороть свой страх и вернуться к ним, но раз надо, значит, надо.

— Хорошо, обойдем этажи. Думаю, это не займет слишком много времени.

Они начали с подвала, но все незапертые комнаты оказались пусты. Здесь все оставалось по-прежнему. Пол в коридоре устилал слой золы, при каждом шаге хрустевшей под ногами. Комната, где была создана Незримым и погибла от руки Конана тварь, производила зловещее впечатление.

Пол ее был завален горами прогоревших диковин, когда-то представлявших немалую ценность, а теперь обравшихся грудой никому ненужного праха, и видно было, что никого не было здесь, кроме твари и Конана — лишь их следы отпечатались на покрытом золой полу. Дальняя стена коридора оказалась развороченной вырвавшейся тварью, но никаких следов человека им отыскать не удалось.

Выйдя из подземелья, Зита повернулась к Конану.

— Я думаю, мы вполне можем разделиться — так у нас уйдет гораздо меньше времени.

Конан недовольно поморщился.

— Мне не хотелось бы оставлять вас одних.

Зита заразительно рассмеялась, настолько нелепыми показались ей опасения киммерийца, но он стоял на своем.

— Ваш приятель спятил. Не забывайте об этом.

— Брось, Конан! — Мелия, как и сестра, улыбаясь смотрела на него, явно не разделяя его опасений. — Спятил Фабиан или нет, но для нас с сестрой он не опасен.

Конан серьезно посмотрел на нее.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — Она убежденно кивнула. — Он веселый циник и похотливый жеребец, тряпка, как теперь выяснилось, но не убийца.

«И не вор», — чуть не вырвалось у нее, но она вовремя прикусила язык, так что даже сестра ни о чем не догадалась.

— Вам лучше знать, — Конан пожал плечами, не намереваясь дальше спорить, но показывая, что не согласен с ними и действовать будет так, как посчитает нужным, — он ваш приятель, не мой. А потому я ему не доверяю и пойду с вами.

— Ну же, Конан, — Зита обворожительно улыбнулась ему, — расслабься — все уже позади!

Варвар сжал зубы. Кром! Похоже, эта сопливая девчонка успокаивает его! *Его! Конана!* Он с трудом сдержался.

— Все будет позади, когда мы выйдем отсюда, а Незримый будет там, — он ткнул пальцем в пол, — где ему и полагается быть!

— Ты, конечно, прав, мой повелитель! — Она склонилась перед Конаном в полупуштливого поклоне. — И мы будем осторожны, как никогда! Верно, Мелия?

— Ну конечно! — Она обняла сестру и лукаво подмигнула молодому варвару, и у того дыхание застряло в горле.

Кром! Они что — издеваются?! Да пусть идут, куда хотят, иначе он за себя не ручается!

— Мы будем осторожны, повелитель! — На этот раз обе склонились перед ним.

— Хорошо. Я пойду по первому этажу, — выдавил он из себя, — хочу проверить — все ли в порядке.

Он развернулся и быстро пошел прочь, слыша позади их смех и ругаясь про себя последними словами.

Кром! Ну почему ты так устроил?! Руки ловки, а ноги быстры, тело налитое силой, а голова не обделена умом! Словом, все есть, что отличает человека от осла, но стоит лишь увидеть смазливое личико и хорошенькую фигурку — и где он, ум, и к чему приложить силу?

У киммерийца никогда не было сложностей с женщинами, но здесь случай был особый: сестры не были потаскушками из таверны, дарившими любовь за деньги. Поначалу они показались ему недостижимыми и неприступными, точно богини. Затем они оказались рядом и дали понять варвару, что дистанция не столь велика, и он позволил себе

почувствовать нечто большее, чем просто интерес к красивой женщине.

Потом и вовсе все оказалось забыто, и они стали «своими парнями», ни на что, правда, не годными, но преданными, готовыми сделать все, что в их силах, чтобы помочь одолеть общего врага. И вот теперь, когда он свыкся с этой мыслью, ему недвусмысленно напомнили о том, что ничто не забыто!

Конан в ярости потрянул черной косматой шевелюрой и напомнил себе, что ночь не кончилась и они еще не выбрались наружу, а стало быть, не время расслабляться. Нужно вымести из головы весь этот мусор и заняться делом!

Девушки осторожно поднялись по оббившимся винтом вокруг толстой каменной колонны ступеням до второго этажа. Зита остановилась и посмотрела на сестру.

— Я поднимусь выше — мне отчего-то кажется, что он там.

— Хорошо, милая. — Мелия ласково улыбнулась ей. — Обойдешь все и спускайся — я буду ждать тебя в зале.

— Ты не подождешь меня здесь?

— Нет. Я думаю, что ты вернешься раньше — мне отчего-то кажется, что он здесь.

Обе рассмеялись, и каждая пошла своим путем: Зита по ступеням, ведущим наверх, а Мелия прямо по коридору.

Она быстро и тихо скользила вперед по отшлифованным плитам пола, временами прислушиваясь, но тишина стояла мертвая — ничто не указывало на присутствие человека. Не торопясь, иногда останавливаясь у одного из окон, чтобы полюбоваться на залитый лунным серебром парк, она сделала круг и на лестнице вновь прислушалась, но и здесь было тихо. «Наверняка Зита уже успела вернуться, да и что делать Фабиану в пустых коридорах. Наверняка он давно освободился от своего страха и спустился, чтобы самому найти нас», — подумала она и беззаботно побежала вниз.

А Зита в это время стояла у разбитого окна, а расколотая пополам массивная каменная ваза валялась в груде осколков на полу. «Какая силища!» — невольно подумала девушка, но непонятно было, чем она восхищена: мощью человека, оказавшегося способным нанести такой удар, или силой своего колдовства, оказавшегося способным противостоять удару.

Никогда она не думала, что Фабиан столь силен. Но мысль эта лишь мимолетно коснулась ее. Она пошла дальше, пока, почти в противоположной стороне дома, не наткнулась на следы еще одной попытки. Здесь действовали серебряной вазой и били, пока оконная рама не оказалась измочаленной в щепы. Подоконник оказался измазанным кровью — видимо, в ход пошли и кулаки.

Увидев второе окно, Зита сразу поняла, что в первый раз это Конан, а не Фабиан пытался выбраться наружу — один мощный удар, и результат ясен. Зато здесь — явно дело рук Фабиана. Похоже, он довел себя до изнеможения... «Как муха, — вдруг подумала Зита, — видит цветок за окном и бьется в стекло, надеясь, что следующая попытка непременно окажется удачной».

Она прошла чуть дальше и остановилась у следующего, неповрежденного, окна, глядя на парк, раскинувшийся внизу, и мысли ее вдруг оказались далеко-далеко от этого места, и была она не одна...

Словно громом пораженный, Фабиан остановился у входа. Дверной проем был заткан магической паутиной, а это могло означать лишь одно — Незримый все еще на воле и охотится за людьми, которые спрятались от демона в единственно подходящем для этого месте — там, где Зита могла пустить в ход свое колдовство.

«Значит, они закрылись внутри и забыли о нем! — Эта мысль словно громом поразила Фабиана. — Они как всегда забыли о нем! Сперва бросили раненого в зале, а когда ему чудом удалось спастись, даже не попытались найти его, а затаились, бросив его на съедение демону!»

Некоторое время он стоял, не в силах поверить в случившееся. Быть может, они искали его, но не нашли? Ну конечно! Они искали его, но звать боялись, опасаясь привлечь Незримого. Он просто разминулся с ними в огромном доме!

Сейчас он постучит, и они впустят его!

Он поднял руки и в неверном свете догорающих факелов увидел на ладонях кровь Эмерика. Фабиан мгновенно вспомнил все. Он убил своего приятеля вот этими руками! Его кровь так и осталась на нем, и эти трое знали обо всем! Они просто отомстили ему, оставив на поживу демону!

Фабиан не знал, откуда взялась эта мысль. Он и думать забыл о Митре, вернувшем ему способность мыслить, равно как и о всех прежних своих благородных побуждениях. Он вновь думал лишь о себе и том, как бы ему спастись.

Меч! Меч! Тебе нужен меч!

Мысль, пришедшая извне, встряхнула его, заставив лихорадочно заозираться в поисках оружия. Конечно, ему необходим добрый клинок — единственное, с чем он умеет как следует обращаться! Как знать, что ждет его впереди? Быть может, не все потеряно, и он еще спасется! Но для этого он должен быть вооружен!

Тут же явилась еще одна мысль: нет времени бегать по дому в поисках оружия — тварь может появиться в любой момент, и тогда смерть! Взгляд его лихорадочно шарил по стенам вокруг, пока не остановился на затянутом паутиной проеме — вот оно, то, что ему нужно! Торчит прямо из двери!

Фабиан схватился за рукоять и потянул ее на себя, но та не желала поддаваться, словно была воткнута не в деревянную дверь, а в гранитную скалу! Он хотел было бросить это бесполезное занятие и поискать оружие в другом месте, но вновь появившаяся в самый нужный момент мысль придала ему сил — этот дохляк Эмерик сумел воткнуть клинок, так неужели же ты, могучий воин, не сможешь вынуть его! Фабиан закусил губу и удвоил усилия — медленно, словно бы нехотя, меч поддался.

Тело Фабиана ныло от напряжения, мышцы налились усталостью, но он не ослаблял усилия. Вот уже половина лезвия снаружи. Еще немного, еще... Он рванул, не в силах больше ждать, и ему показалось, что остаток клинка вылез сам собой.

Не удержав равновесия, он повалился на пол, тяжело дыша, но довольный сознанием того, что победил, не поддавался обычному искушению бросить трудное дело на полпути и заняться чем-то другим.

Он отдыхал и смотрел на дверь, не в силах оторвать взгляда от освобожденного отверстия, из которого потянулась к нему черная струйка дыма. К нему? Почему к нему? Почему не к потолку, как полагается любому порядочному дыму?

Когда черное ледяное щупальце коснулось тела, он вдруг понял все и попытался вскочить на ноги, с единственной мыслью — бежать, бежать как можно скорее! Все равно куда — лишь бы подальше от этого места!

— Вреш-шь, не уйдеш-шь... — леденящий душу могильным холодом голос возник внутри головы, заставив засыпать, волосы подняться дыбом, заморозив так и не вырвавшийся из судорожно разверстого рта вопль ужаса. Холод быстро распространялся по телу.

— Вон отсюда-а!..

Фабиан почувствовал увесистую оплеуху, и ему показалось, что верхняя половина его тела разделилась надвое, и он смотрит на самого себя словно со стороны. Он потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения, но оно не желало пропадать.

— Я сказал — вон!

Голос звучал все энергичнее и звучал уже не в голове, и это отрадное на первый взгляд обстоятельство заставило Фабиана содрогнуться, когда он со смесью удивления и ужаса увидел, что говорит, оказывается, он сам, точнее — *его тело, лежащее на полу!*

Едва он осознал это, как второй удар едва не выбил из него дух, и он еще больше отдалился, увидев свое тело уже целиком и понял, что лишь слабо цепляется за себя рука-

ми! Его затрясло — Незримый выставлял его из собственной шкуры, и если он не защитится, то пропал!

— Не-е-ет!

Как ненормальный заорал он и судорожно вцепился в ускользающего себя. Он получил еще один удар, но на этот раз почувствовал злость — это *его* тело, и никто не имеет на него права, кроме него самого!

Он получал удар за ударом и бил сам, и это было страшно — бить самого себя, но он бил все сильнее, потому что чувствовал, как слабеет сопротивление Незримого. Наконец он решил, что пришла пора, и полез внутрь самого себя через ворот рубахи, словно это было не его живое тело, а лишь пустая скорлупа, за право обладания которой они, два рака-отшельника, дерутся сейчас, и он не желал отступать, потому что знал — ему без этой раковины не жить!

Со стороны это выглядело совсем дико.

Огромный мужчина валялся по полу, отчаянно размахивая руками, словно сражаясь с кем-то невидимым, и впечатление усиливалось зажатым в правой руке мечом. Он лягался, кусался, изрыгал проклятья. Временами слышалось отчаянное — Не-е-ет! — и чей-то дьявольский хохот. Удары сыпались один за другим.

«Как дорожит этот человек своей шкурой и как силен он оказался! Гораздо сильнее, чем я рассчитывал! А главное — сколько шума производит этот ублюдок! — пронзила демона внезапная мысль. — Если сейчас сюда сбегутся остальные, мне придется туго!»

На миг в нем вспыхнула ярость при мысли, насколько он ослаб — душу простого смертного не в силах вытрясти из тела! Придется вновь идти на хитрость, но смертный об этом еще пожалеет...

Фабиан почувствовал, как мгновенно ослабло сопротивление Незримого, сломленное его мощным натиском, и радостно бросился внутрь себя, но не успел овладеть телом, почувствовать его, как град ударов вновь обрушился на него. Град ударов, от которых мысли путались, обрываясь на полпути. Он почувствовал, что его схватили за шиворот

и запикивают куда-то. Он судорожно вцепился в себя руками.

Только не наружу! Нет! Ни за что!

— Сиди тихо... — услышал он внутри себя голос, — и я тебя не трону. Твоя шкура нужна мне лишь на время. Скоро я покину тебя, но сиди тихо.

И Фабиан лихорадочно закивал.

В следующий миг он легко вскочил и прислушался — вдалеке нарастал топот. Кто-то бежал сюда, привлеченный шумом борьбы. Проклятье! Одним движением человек вогнал меч на прежнее место. Нет, все равно они могут догадаться... Они догадаться наверняка! Начнутся расспросы, а он не сможет отвечать сам — они сразу поймут, кто он, а человеку, чья жалкая душонка притаилась, забитая в самый дальний уголок мозга, доверять нельзя. Он неизбежно испортит все дело. Нужно сперва договориться с ним, а на это нужно время.

Он развернулся, схватил со стены длинный, узкий меч и быстро и бесшумно побежал прочь.

— Ну как? Нашла что-нибудь интересное?

Мелия покачала головой.

— Я обошла весь второй этаж, но, по-моему, там никто даже не побывал. Во всяком случае, чувство именно такое. — На миг она замолчала, но почти сразу спросила: — А ты?

Конан поморщился.

— По-моему, я видел его. Он бесился у двери — наверное решил, что мы засели внутри, бросив его одного. Потом увидел меня и дал деру, видимо приняв за тварь.

Сказав это, он замолчал. Всю ночь кто-то кого-то ловил и даже теперь, когда тварь убита, а Незримый в ловушке, им опять приходится заниматься тем же!

— Где Зита? Ты уверена, что ваш друг не опасен?

— Совершенно, — она убежденно кивнула, — а Зита поднялась выше. По правде говоря, я думала, что она вернется раньше меня. Видно, ее что-то задержало.

Конан кивнул в ответ на ее слова и добавил:

— Или кто-то. По-моему, нам стоит ее поискать.

Мелия тронула его за руку.

— Ты тревожишься напрасно. Когда я спускалась, стояла мертвая тишина. Если он и спрятался где-то, то только в подвале. Проверить, конечно, надо, но не стоит торопиться. Подождем еще немного, а потом пойдем. Кстати, мне показалось, что ты хотел рассказать еще о чем-то, что могло задержать ее?

— Верно. — Конан кивнул. — В самом начале ночи я пытался выбраться из дома и обнаружил, что окна не открываются. Я подумал, что это ловушка, и очень разозлился.

Мелия рассмеялась и, немного успокоившись, испытующе посмотрела на Конана.

— Что же ты сделал, когда понял, что тебя поймали? — Девушка с интересом посмотрела на киммерийца.

— Я расвирепел! — Для полноты впечатления варвар состроил зверское лицо.

— И только-то?! — Она с деланным удивлением всплеснула руками, и в глазах сверкнули озорные искорки.

— Нет, только сперва, — согласился он.

— А потом?

— Ну, — Конан скромно пожал плечами, — я не привык сдерживаться...

— Я это заметила, — кивнула Мелия, — так что же ты сделал?

— Там у стены стояла ваза...

— И ты смог поднять ее?! — Она вновь всплеснула руками, но на этот раз восторженно-изумленно.

— Почему только поднять? — Он пожал плечами. — Я выбросил ее в окно.

— Что-о?? — Глаза девушки округлились от удивления, на этот раз вполне искреннего.

— Ну, не получилось, — Конан развел руками, — рама вывалилась, ваза раскололась и упала на пол. Чуть ноги мне не отдала, — пожаловался он.

Мелия смотрела на него изумленными глазами, прекрасней которых Конан еще не видел, хотя немало кра-

сивых женщин любило его. Он был молод, и его еще ни разу не посещало намерение более серьезное, чем желание хорошо провести ночь. Ни разу, вплоть до сегодняшнего дня...

Он наклонился к девушке, и она не отодвинулась от него, а наоборот, прильнула, коснувшись щекой его щеки. Конан ощутил ее нежную кожу, вдохнул аромат волос и почувствовал, как сердце бешено заколотилось, словно крича: чего ты ждешь?!

Фабиан стоял, напряженно прислушиваясь. Хотя жарко не было, тело его лоснилось от пота, а дыхание вырывалось хрипом.

— Ищи колдунью, — услышал он внутри себя голос, — только колдунья сможет помочь нам — тебе и мне. Если сделаешь все как надо, я отпущу тебя. Если нет... — Некоторое время демон молчал, давая человеку возможность по достоинству оценить оба варианта, затем спросил: — Согласен?

— Да, да! — лихорадочно закивал Фабиан. — Я все сделаю!

— Тогда заткнись и шагай! Молчи!

Фабиан не посмел издать ни звука, но вновь закивал, выражая согласие, и побежал вверх по ступеням. На площадке второго этажа он прислушался. В гулкой тишине ему почудились легкие шаги, и он обрадовался, но голос внутри коротко бросил: «Поднимись выше — тебя не должны видеть!» Он не стал спорить, потому что теперь даже не думал, что делает, лишь тупо выполнял команды. В несколько прыжков преодолев половину оставшегося подъема, он остановился и вновь прислушался.

Шаги приближались, пока он не услышал их прямо под собой.

— Зита! — услышал он негромкий возглас и понял, что Мелия зовет сестру.

Ответа не последовало, а это означало, что девушка уже ушла или наоборот — все еще бродит наверху. Мелия начала осторожно спускаться — видно, не взяла с собой огня.

Звук легких шагов становился все тише, пока не сделался совершенно неслышным, и только тогда Фабиан бросился наверх. Сам не понимая, почему так торопится, он знал лишь, что должен как можно быстрее отыскать Зиту.

Одним махом он оказался на верхней площадке и прислушался — ни звука, ни малейшего шороха, указывавшего на присутствие здесь человека, не прозвучало, но Мелия звала, и если Зита спустилась раньше, он неизбежно должен был бы столкнуться с ней, но этого не произошло. Значит, она здесь.

Все так же бесшумно ступая, он свернул налево и, добравшись до первого поворота, осторожно выглянул из-за угла, но никого не увидел. Тогда, так же бесшумно, он развернулся и побежал обратно. Теперь отделанные серым с красным полированным гранитом стены мелькали слева от него, а окна справа, но ему не было до этого дела. Он бежал, с радостью ощущая, как наливается силой тело, как он становится прежним!

В голове гвоздем сидела мысль: «Сейчас я найду Зиту. Она должна освободить меня — дать то, чего хочу сейчас больше всего на свете!» Эта мысль пьянила его. Он сам не заметил, как свернул раз, второй и остановился как вкопанный.

Впереди у окна стояла девушка. Она облокотилась о подоконник и смотрела в окно. Ее тело в потоке лунного света показалось Фабиану божественно прекрасным, почти нереальным в своем совершенстве, а резкая игра света и тени лишь подчеркивала соблазнительные формы юного тела.

«Она должна!.. — пульсировало в мозгу. — Проклятая ведьма! Она должна мне слишком много, и теперь вернет все!»

Он бросился вперед, мощно и стремительно, как молодой лев, долго кравшийся во тьме и вдруг почувывший, что добыча близка и решающий момент настал.

Зита смотрела на лунный пейзаж за окном и думала о том, что вот, наконец, и подошел к концу ночной кошмар,

который, казалось, никогда не кончится. Скоро рассветет, она снимет заклятье, и они уйдут из этого дома, едва не ставшего их могилой.

Ей вдруг пришло в голову, что дом не просто построен в форме пентаграммы, он имеет форму неправильной пентаграммы! Его пропорции придавали ему очертания *гроба* со слегка заостренной верхней гранью! Ей впервые пришло в голову такое сравнение, и она почувствовала неприятный холодок, пробежавший по телу, но тут же одернула себя — ну что за глупые аналогии!

Она едва не рассмеялась, отгоняя глупые страхи, но смех так и не сорвался с ее губ — для Эмерика этот дом и в самом деле стал гробом!

Нет! С нее хватит! С завтрашнего дня никакого колдовства! Хватит! Начиталась глупых сказок! Что с того, что одна из ее прабабок была колдуньей, вознамерившейся овладеть силой бога-паука? И почему она возомнила, будто именно она — та девочка, которой суждено осуществить то, что не удалось старой ведьме? Да даже если и так? Разве не ее право выбирать, как ей жить? Она молода и красива. У нее есть все, что нужно для счастья — к чему ей колдовство?

Власть? Да разве власть может дать счастье? Счастье дарит лишь любовь! При этой мысли в груди у нее потеплело. Она невольно подумала о Конане, но в этот момент услышала нарастающий топот и обернулась.

В первый миг она удивилась и обрадовалась — наконец-то он нашелся! — но, встретившись с обезумевшим взглядом мчавшегося на нее мужчины, увидев меч, зажатый в правой руке, испугалась не на шутку. Неужели Конан оказался прав, и Фабиан на самом деле свихнулся?

Она попыталась улыбнуться, но улыбка застыла на лице, когда она увидела прямо перед собой его горящие черным пламенем глаза, услышала тяжелое дыхание. Он бежал прямо на нее, но словно не видя ее. Да он хочет ее убить! Она растерялась, не зная, что делать, лишь коротко вскрикнула и заслонилась руками, словно это могло спасти ее.

В следующий миг Зита почувствовала удар, словно ее смело лавиной, мир опрокинулся. Потолок, стены, окна — все закружилось в безумном хороводе, и она почувствовала, что падает. Она не знала, потеряла сознание или нет, но вновь начала осознавать происходящее, когда оказалась прижатой к полу тяжелым телом Фабиана и почувствовала на лице его тяжелое, горячее дыхание.

— Что... Что ты делаешь?

Она почувствовала, что губы его настойчиво ищут ее губы, и отчаянно замотала головой, словно это могло помочь ей спастись. Его трясущиеся руки оцупывали ее тело, лихорадочно раздирая в клочья одежду. Она ощутила грязь прикосновения его потного, волосатого тела, от которой не отмыться до смерти, и тут, наконец, до нее дошло, что ему нужно.

Она поняла, чего он хочет, и отчаянно заизвивалась, пытаясь вырваться, но этим лишь сильнее возбуждая насильника, который, несмотря на свою силу, никак не мог добиться чего хотел.

— Никуда ты не денешься, проклятая сука! — прохрипел Фабиан чужим голосом. Удары градом посыпались на нее. В остервенении он бил по лицу, по рукам, грубо ломая ее сопротивление, возбуждаясь от этого все сильнее. — Я все равно получу то, что мне нужно!

Зита чувствовала, что слабеет. Мир заволкло туманом. Голова, как у тряпичной куклы, безвольно болталась из стороны в сторону — она почти потеряла сознание, когда тело ее пронзила острая боль, и она закричала жалобно и обреченно, запоздало вспомнив, что они не одни в этом проклятом доме!

Фабиан победно зарычал, и тело его ритмично задвигалось, а зубы впились в нежную плоть, и Зита вновь закричала, на этот раз безысходно, предчувствуя приближение чего-то ужасного. Фабиан откинулся, победно глядя на покрытую самку. Он увидел на ее лице лишь отвращение и боль, но ему было уже все равно — он чувствовал приближение своего торжества.

Вот сейчас!

Фабиан замер и посмотрел в глаза жертве. Вот он, сладостный миг! Спазм наслаждения скрутил его тело, и никогда еще он не длился так долго! Бесконечно...

Победный вопль самца разнесся по дому.

Едва это случилось, как, слившись с потоком мужской силы, Незримый скользнул вниз и слился с сознанием девушки. В первый миг Зита невольно изумилась, почувствовав вдруг, как отвращение сменяется дьявольским, необъяснимым наслаждением, но это был лишь краткий миг. Сознание Незримого овладело ею, и она начала воспринимать его восторг, как свой, уже не удивляясь ему, лишь чувствуя, что сила переполняет ее, пьянит, но она требовала еще и еще...

Ей нужна была вся сила!

Фабиан, освободившийся от Незримого, с ужасом взирал на девушку, которую насиловал. Только что она бешено сопротивлялась, а теперь вдруг забилась в экстазе, отдаваясь ему с жаром, совершенно неестественным для молоденькой девочки.

— Отдай мне всего себя!

Это был голос Зиты, но Фабиан узнал в нем знакомые интонации и в ужасе посмотрел на девушку, еще не понимая, но уже чувствуя, что случилось. Она впилась торжествующим взглядом в его глаза, и он в отчаянии задергался, но не смог оторвать взгляда от ее горящих неистовым огнем глаз. Он чувствовал, как силы покидают его, словно он тяжело, смертельно болен.

Ужас его усиливался, как сильнее становился и злорадный восторг девушки, вдруг превратившийся из жертвы в охотника. Он уже знал, что умирает, но поделать ничего не мог и последним, что он видел, был злобный, торжествующий взгляд прекрасных глаз юной колдуньи...

— За что? Великий Митра?! — прошептал он, и уста его сомкнулись навсегда.

Округлившиеся от ужаса глаза Фабиана так и остались безумно выпученными, рот застыл в беззвучном вопле, — но напрасно. Сморщенное тело глубокого старика безвольно повалилось на пол, руки раскинулись, и правая легла на

оброненный меч, словно в напоминании о том, кем он был, кем мог бы стать и кем стал.

Конан резко отпрянул от девушки и прислушался. Мелия открыла глаза и томно посмотрела на киммерийца, не понимая, что встревожило его и еще не решив — сердиться ей или обратить все в шутку.

Мелия хотела что-то сказать, но вместо этого невольно прислушалась — и ей послышался слабый зов.

Очень далекий, заглушенный расстоянием... такой, каким и должен был быть крик, проделавший долгий путь по коридору, слетевший по лестнице и, на исходе сил, преодолевший остаток пути до зала.

Она вскочила, часто дыша от волнения, но это было не то волнение любви, которое она испытывала мгновение назад — это было волнение страха от предвидения неотвратимой беды. Она в ужасе посмотрела на Конана.

— Бежим! — Он схватил ее за руку и буквально потащил за собой — сама она со страху не смогла бы сделать и шага.

Вновь все завертелось, словно в бреду, как в страшном сне, назойливо возвращавшемся каждую ночь. Только что она чувствовала себя настолько счастливой, что даже сама боялась поверить своему счастью, и вдруг чье-то злое колдовство ворвалось в жизнь, в который уже раз закружив в страшном водовороте, из которого Конан только что с таким трудом вытащил ее.

Стены, окна, ступени — все замелькало перед глазами, и она даже не поняла, в какой момент Конан подхватил ее безвольное тело на руки и огромными прыжками помчался вверх по лестнице.

Она вновь пришла в себя, только когда почувствовала пол под ногами и услышала голос Конана:

— Я убью этого мерзавца!

На полу, оперевшись затылком в стену, лежал Фабиан, и стеклянными глазами неотрывно смотрел в окно, словно увидел там что-то интересное.

Впрочем, Фабиан ли это был? На человеке была одежда Фабиана, в этом не было сомнений, но лицо... Кожа на

лице и руках была сморщенной, словно у столетнего старца, и все-таки это был он. Но что здесь произошло?

Вид Фабиана так сильно поразил Мелию, что она только сейчас посмотрела на сестру и то, что увидела, заставило ее вздрогнуть. Зита, сжавшись комочком, сидела у стены, судорожно пытаясь прикрыть нагое тело жалкими лохмотьями, оставшимися от роскошного наряда. Она ни на кого не смотрела, тело ее мелко дрожало от сдерживаемых рыданий.

Мелия в растерянности посмотрела на Конана, но вид его лишь добавил ей отчаяния. Огромный варвар стоял, переводя взгляд с Зиты на Фабиана, и озабоченно хмурился, словно сию минуту пытаясь поймать ускользающую мысль.

«Он что, тоже свихнулся?» — мелькнула дикая мысль.

— Да сделай же что-нибудь! — в отчаянии закричала она, но Конан хмуро посмотрел на нее и сказал то, чего она совсем не ожидала услышать.

— Что-то здесь не так. Я никогда не брал женщин силой, но тем не менее знаю, что делают это ради удовольствия.

— Да о чем ты говоришь?! — закричала она. — Ты что — тоже сошел с ума?!

Но Конан продолжал говорить, словно и не слыша ее.

— Посмотри на своего приятеля — что-то он не очень похож на счастливца.

Мелия готова была броситься на варвара с кулаками, но невольно посмотрела на распростертое на полу тело и содрогнулась, словно только теперь осознав то, что предстало ее взору.

— Да что же это такое?

Она перевела растерянный взгляд на сестру, словно требуя у нее объяснений, и только теперь заметила, что та уже не плачет, а просто сидит в прежней позе, молча прислушиваясь к их разговору.

И тогда Мелия, видя, что никто ничего не желает объяснить, шагнула к стене и склонилась над Фабианом.

— Что с ним?

И лишь тогда Зита впервые заговорила:

— Оставь его, он больше ничего не скажет.

Она медленно подняла голову, и Конан, собравшийся что-то сказать, замер, пораженный ее видом. Не изодранной одеждой, не избитым телом, а лицом.

Он видел те же черты, но что-то неуловимо изменилось. Настолько неуловимо, что даже нельзя было сказать что, но от тихой доброты и девичьей стыдливости не осталось и следа.

Жесткость, даже жестокость появилась во взгляде, а черты стали суровыми. Во всем облике чувствовалась необъяснимая уверенность силы, и что-то подсказало Конану, что девочка эта может оказаться куда опасней своего незадачливого кавалера.

Не сводя взгляда с Конана, она медленно встала. На сестру она не обращала ни малейшего внимания, словно той и не было рядом. Когда она поднялась, на лицо ее легла улыбка, вызывающая, похотливая улыбка дешевой портовой шлюхи, но в отличие от последней в глазах у нее так и осталась холодная оценивающая настороженность.

— Ты сетовал на то, что у меня нет плоти? Посмотри — разве я не красива? Возьми же меня, варвар, и я подарю тебе мир! Сделаю величайшим из смертных!

Обрывки одежды перестали прикрывать наготу, и она застыла в вызывающей позе, призывно глядя на Конана, который лишь окинул ее брезгливым взглядом.

— Я вижу, Фабиану его порция счастья припала не очень-то по вкусу! Прости, но я привык всего добиваться сам.

Улыбка сползла с ее лица, уступив место злобной мстительности, но она тут же улыбнулась вновь, на этот раз пренебрежительно, как глупцу, отказавшемуся от предложенного ему несметного богатства.

— Ты уже не хочешь меня? Брезгуешь? Ну что ж, — насильно мил не будешь. Отдай мне талисман, Конан, — она чуть наклонила голову, глядя на него исподлобья, но все еще не переставая улыбаться, и протянула вперед левую руку, — и можешь убираться вместе с моей дурой-сестрой!

— Ты уже спрашивала о нем, если помнишь. — Конан выглядел совершенно спокойным, словно это был обычный, ничего не значащий разговор. — Я не могу отдать тебе камень — за него уплачено вперед, и заказчик ждет меня с ним завтра.

— Ты отказываешь мне даже в такой безделице? — Она не изменила позы, и даже интонации ее остались прежними. — Считаешь ее чрезмерной платой за две никчемные жизни? Ну так я возьму и то, и другое! Теперь тебе остается убить меня, если сможешь, иначе пожалеешь, что родился на свет!

Любящее сердце подсказало Мелии, что будет дальше, и Зита не закончила еще говорить, когда она протянула руку, желая предупредить Конана, а мгновением позже раздался ее пронзительный крик:

— Конан!

Он почувствовал на своем плече руку, а крик услышал уже позже, когда, выпрыгнув из-за спины, меч замер в его руке.

Но на этот раз ее предупреждение не спасло Конана. Непонятно как Зита вдруг оказалась с ним рядом, и толчок в грудь был настолько силен, что впечатанный в стену Конан едва не потерял сознание. На миг у него потемнело в глазах, но этого краткого мига Зите оказалось достаточно. Она повторила маневр и вновь очутилась рядом с Конаном, вырвав талисман из-за пояса.

Она двигалась рывками, как и сгоревшая тварь, мгновенно меняя позы, заставляя тело свое замирать в самых неестественных положениях, и это выглядело дико и страшно.

Затем она отскочила на прежнее место и замерла с вытянутой к окну рукой, с зажатым в ней мешочком с талисманом, а Мелия, словно замороженная, смотрела, как он раскачивается из стороны в сторону на тонком кожаном шнурке.

— Видишь, как все просто, глупый варвар! Ты отказал мне в такой безделице и за это умрешь — ну не обидно ли?

Она хотела сказать еще что-то, но в этот момент Мелия, повинувшись безотчетному порыву, ударила по держащей та-

лисман руке. Ей показалось, будто удар пришелся по мраморной статуе, слабая ладонь соскользнула с каменной доски, и пальцы скользнули по мешочку. Шнурок лопнул, и талисман полетел на пол.

Зита удивленно посмотрела на сестру.

— А я и забыла о тебе, милая. Досадная оплошность...

Звонкая пощечина отбросила девушку к ногам Конана. Сталь клинка, который она держала в руке, обиженно зазвенела, упав на каменные плиты пола. Мелия судорожно дернулась и прижалась к стене. Грудь ее высоко вздымалась при каждом вздохе, из носа потекла тонкой струйкой кровь, в голове звенело, а в глазах, которые она не в силах была отвести от сестры, застыл ужас.

— Ты никогда не понимала меня. Жаль. А ты, Конан, тоже учишься на своих ошибках? — Она протянула к нему руку. — Подними талисман и дай мне.

Киммериец не шевельнулся.

— Возьми — он твой.

Она вновь, рывком, дернулась вперед, но на этот раз не столь удачно, как прежде — и отлетела назад, наткнувшись на руку варвара.

Она неестественно выгнулась и зашипела на человека, повторяя все повадки твари, и от этого сочетания прекрасного девичьего тела и неестественных движений монстра мороз пробрал Мелию. Она смотрела на сестру, и ей казалось, что еще немного, и она сойдет с ума, став третьей жертвой Незримого.

Зита подхватила валявшийся на полу меч и бросилась на Конана. Сталь зазвенела, встретившись со сталью, но Мелии этот звук казался погребальным звоном.

Девушка знала, на что способен Конан. Она видела, что и сейчас он дерется, экономно расходуя силы, избегая лишних движений, искусно защищаясь, нанося ювелирно выверенные удары, но тоска безысходности накатила на нее. Она не верила, что он сможет выстоять, а тем более — победить! Силы демона, даже принявшего облик слабой девушки, неизмеримо больше, а киммериец, лишенный защиты талисмана, мог рассчитывать лишь на себя, в

то время, как демон мог вполне пожертвовать этим телом, с тем чтобы завладеть новым, хотя бы даже и ее, Мелии, телом.

При этой мысли ей едва не сделалось дурно.

Неужели ничего нельзя поделать? Неужто это конец?

Взгляд ее судорожно заметался в поисках маленького мешочка, валявшегося где-то рядом. Она уже не обращала внимания на сражавшихся и потому не видела, что атаки новоявленной твари с каждым разом становятся опаснее, что она неумолимо подбирается к Конану, которому становится все труднее обороняться.

...Незримый чувствовал, что одерживает верх. Его выпады пресекались в опасной близости от тела врага. Он чувствовал, что еще немного — и достигнет своего, но вот этого последнего шага никак не мог сделать — словно кто-то невидимый помогал его противнику. Острая сталь, направленная его волей, в руке слабой девушки, в одночасье превратившейся в могучего воина, замирала, будто что-то препятствовало ей впиться в плоть варвара.

И вдруг его осенило. Проклятая девчонка, чей дух он второпях лишь подавил, не посчитав нужным вышвырнуть из тела, мешала ему, защищая своего возлюбленного! А он не может отвлечься, чтобы изменить это! Оставалось только одно. Он сменил тактику и, выбрав момент, поднырнул под руку, оказавшись вплотную к Конану.

Наконец-то!

Однако мощный удар невооруженной руки заставил поглощенное Незримым тело, кувыркаясь, отлететь назад. Туда, где лежал у стены уничтоженный им человек.

Фабиан лежал без движения, неотличимый от трупа, но он не умер, хотя жизнь едва теплилась в его жестоко изуродованном теле. Он был живым трупом... только так и можно было определить состояние, в котором он находился, то проваливаясь в блаженное небытие, избавлявшее на время от страданий, чтобы после краткого мига забвения очнуться, мечтая о последнем ласковом прикосновении смерти, ее нежных объятиях...

Шум драки заставил его в очередной раз очнуться, изменив ход мыслей.

Некоторое время Фабиан не мог понять, где он и что с ним случилось. Он даже не мог вспомнить *кто он!* Лишь с трудом приподняв каменные плиты век и увидев сражающихся, он мгновенно вспомнил все: и себя, и Зиту, и Мелию, и Конана, равно как и все, что произошло между ними.

Он знал, что Незримый покинул его тело, но злость и ненависть, так долго внушаемые демоном, остались. Правда, теперь они обрели иную цель...

Ненавидящим взглядом он смотрел на Зиту, которая заманила его в этот дом и убила!

Убила!

Эта простая мысль показалась ему дикой, ведь он был еще жив! Но он сознавал ее истинность, ибо то был лишь последний всплеск, перед тем как душе его предстояло отправиться на Серые Равнины. Так зачастую, затрещав, вспыхивает огонь перед тем, как угаснуть окончательно. Он взмолился Митре, моля даровать ему сил хотя бы на краткий миг, на время, достаточное, чтобы отомстить за себя!

Его рука с трудом нащупала рукоять меча, валявшегося рядом, но сил поднять его не было. Он готов был заплакать от обиды, завывать волком от злости! Помянув Митру, он напрягся, вложив в это последнее движение все, что мог, все, что у него оставалось...

Медленно, медленно кончик меча поднимался вверх, и когда существо, еще недавно звавшееся Зитой, а теперь принадлежавшее Незримому, отброшенное рукой Конана, упало на Фабиана, на пути его оказался клинок, ужаливший нежное тело между грудей и мгновение спустя вылезший со стороны спины.

Смесь боли и изумления легла на лицо девушки, придав ему на время человеческое выражение, но это был лишь краткий миг. В следующее мгновение она посмотрела на рукоять, торчавшую из тела, перевела взгляд на Фабиана и глухо зарычала. Лицо сделалось злым, нежные черты исказила яростная усмешка.

— А-а! Так ты еще не издох?!

Одним усилием воли она вышибла из бедняги дух. Только волей! Ее рука так и не коснулась лежащего, но теперь он был несомненно мертв.

Душа Фабиана, видимая лишь Незримому, завывая от страха и боли, бросилась назад, к своему телу, но напрасно — оно было мертво.

Зита дико расхохоталась.

— Я оставила тебя в покое, как обещала, но тебе захотелось мести! Так прими же мою! — Она вновь дико расхохоталась и, рывком выдернув из своей груди меч, резко обернулась к Конану.

Киммериец не понимал, с кем она говорит, и что означают ее слова. Он знал лишь, что другого такого момента ему не представится, и не раздумывая метнул меч. В тот же миг Зита обернулась, но лишь затем, чтобы успеть увидеть сверкнувшее в лунном свете острие клинка, входящего ей под левую грудь.

С воплями ужаса душа Фабиана бросилась прочь, но люди этого не слышали, а Незримому было наплевать.

Глаза Зиты вылезли из орбит, рот распахнулся, исторгнув рев дикого зверя, но увернуться она уже не могла. Острая сталь рассекла нежное тело, безжалостно перерезав нить жизни, и это было концом — существовать в теле с рассеченным надвое сердцем не мог даже Незримый, мгновенно понявший, что нужно немедленно найти новое или бежать!

Рев монстра сменился жалобным предсмертным стоном несчастной девушки, и Мелия от жалости и страха едва не лишилась чувств, но тут же взяла себя в руки — это не было концом. Темное облако, полностью повторяющее формой тело сестры, отделилось от нее и тут же начало меняться, на миг обретая зримые черты истинного облика демона.

— Конан! — Мелия бросила мешочек с талисманом, и Конан подхватил его на лету. Картинка из колдовского сна проплыла перед глазами: стигиец смотрит на талисман и гибнет... Не задумываясь над тем, что делает, он нацелился

в тело черной твари и резко сжал мешочек. Круглый камешек вылетел из его руки, словно выпущенный из пращи, и Мелия не успела опомниться, как он оказался у груди скованной путами страха черной фигуры.

Глаза Незримого вылезли от ужаса из орбит, обнажив всю черноту его бездонной души, когда он увидел, как, словно в дурном сне, к сердцу его подлетел маленький, сияющий солнечным огнем шарик и вонзился в мрак плоти.

Пасть разверзлась в предсмертном оскале. Чудовищный вопль сотряс стены дома, заставив Мелию зажать голову руками и отвернуться, чтобы не видеть, как ужасно корчащееся тело демона сморщивается и бледнеет, теряя плотность, становясь полупрозрачной тенью, остатки которой, закрутившись безумным вихрем, свертываются воронкой, в самом конце которой огненным оком горит, пожирающий его, огонек талисмана. Последний клочок потерявшего плотность мрака со свистом всосался внутрь, и наступившая вслед за тем тишина показалась им нереальной и жуткой.

Некоторое время двое оставшихся в живых не в силах были двигаться, словно боялись показать кому-то неведомому, затаившемуся рядом, что они, несмотря ни на что, не умерли, что все начнется сначала.

Первым очнулся Конан.

Он бросился к Мелии и поднял ее, придерживая за талию. Быть может, ему не следовало делать этого, ибо девушка едва держалась на ногах. Она упала Конану на грудь и залилась слезами.

— Как это страшно! Как страшно, Конан!

— Ну, ну! Все уже позади, поверь мне, девочка.

Повинуясь какому-то внутреннему побуждению, она вдруг обернулась и замерла, глядя на неподвижные тела Зиты и Фабиана, лежащие рядом. Теперь, когда смерть успокоила их навеки, избавив от сомнений и тревог, надежд и желаний, лица обоих выглядели спокойными и умиротворенными, — даже изборожденное старческими морщинами лицо Фабиана. Лишь раны и кровоподтеки напоминали о выпавшем на их долю.

Мелия склонилась над сестрой и, поцеловав ее в губы, закрыла мертвые глаза, которым не суждено увидеть ничего более. Ни улыбки любимого, ни синего неба, ни родных людей... Эта мысль показалась ей невыносимой. Она вскочила и прижалась к широкой груди киммерийца, ища в его силе успокоения.

— Как это страшно, Конан, — повторила она, чуть успокоившись. — Эти двое хотели этой ночью подарить друг другу любовь...

— А подарили смерти! — закончил ее мысль киммериец.

— Как это страшно, Конан, — в который раз повторила она, — страшно и... несправедливо!

Варвар печально вздохнул.

— Да. Это так, но в жизни часто бывает, что находишь совсем не то, что ищешь.

Глава двенадцатая

Конан склонился, разглядывая лежащий на полу камень с почти невидимым теперь тельцем паука, неведомым образом попавшим в его середину, потерявший свой солнечный цвет, потемневший, словно прогоревший на костре кусок дерева, местами сделавшийся черным и лишь в одном месте, над головой паука, не утративший былой прозрачности.

«Как видно, душа Незримого оказалась слишком черна даже для всей светлой силы, запасенной камнем», — подумал киммериец, бережно укладывая талисман в мешочек и старательно затягивая шнурок.

Покончив с этим, он обернулся к Мелии.

— Пойдем, детка, не годится тебе оставаться здесь.

Она грустно покачала головой, не в силах оторвать взгляда от распростертого на полу тела сестры.

— Не имеет значения, Конан — мне этого никогда не забыть.

Киммериец не стал спорить, понимая, что она права. Он просто молча повел ее прочь, подальше от этого места, и ночное небо за окном уже не казалось таким темным — близился рассвет, и край неба окрасился алым.

«Цвет крови, — подумал Конан невольно. — Крови, пролитой этой ночью...»

Они спустились по выщербленным ступеням лестницы, прошли по погружившимся в темноту коридорам первого этажа, где почти не было окон, а факелы давно догорели, и

наконец пришли в зал, в котором судьба впервые столкнула четверых беззаботных людей и Конана.

Видно та же мысль пришла в голову и Мелии, потому что она вновь ткнулась ему в плечо, и они долго стояли так, глядя в огромное окно, на занимающуюся на востоке зарю.

Сама того не заметив, Мелия перестала плакать — рождающийся у нее на глазах новый день против воли породил в ней и новые надежды. Надежды на лучшее, уверенность в том, что вместе с уходящей ночью все дурное останется позади. Закончилась тьма ночи, и впереди день! Первый из бесконечной череды дней, в которых не будет больше крови, не найдется места страху. Лишь свет и счастье! Ведь с ней теперь будет он — *ее Конан!*

И хотя мысли эти не могли до конца изгнать из сердца боль и тоску, очистив место для покоя и радости, — слишком свежа еще была утрата — но они несли облегчение, а это в ее положении уже было немало.

Она посмотрела в глаза Конану.

— Ты помнишь, что нам не выйти отсюда? Нет, нет! Я не жалуюсь — я всю жизнь готова прожить здесь, лишь бы ты был рядом!

— Ну зачем же здесь?! — рассмеялся Конан. — Обернись и посмотри, какой огромный мир ждет нас!

Она недоверчиво покачала головой, и грустное счастье — радость, густо замешанная на боли — застыло на ее прелестном личике. Конан рассмеялся, но вовсе не потому, что ему было весело. Просто он не мог, не имел права допустить, чтобы ее затянуло в болото уныния. Не для того он спас ее, не для того она перенесла столько бед, превозмогла столько боли, чтобы теперь, когда все осталось позади, сломаться, не выдержав тяжкого гнета памяти!

— Я не шучу!

Он принялся срывать со стен гобелены и сваливать их в кучу посреди зала. Две свечи на столе еще не догорели, и Конан бросил подсвечник в середину тряпичной горы. Пламя быстро занялось, и он добавил туда же пару кресел, предварительно обломив спинки с ножками.

— Что ты делаешь?

Она смотрела на Конана, ничего не понимая, но он лишь рассмеялся, ничего не объясняя, и вдруг она сама поняла, когда колдовская книга Зиты — прежде роскошная, а теперь обернувшаяся жалким ворохом обгоревшего пергамента — книга, до сих пор хранившая на своих пожелтевших страницах проклятые заклинания, ввергшие людей в такое множество несчастий, полетела в середину костра.

Пламя охотно приняло ее в свои жаркие объятия, окрасившись на миг алым светом. Не обращая больше внимания на огонь, Конан обнял девушку за плечи и подвел к окну.

Алые отблески разведенного киммерийцем костра, текущие по стеклу кровавыми сполохами, исчезли, смытые золотом показавшегося из-за горизонта солнечного диска. Ни листок не шелохнулся на деревьях в саду за окном, лишь пламя за спиной все яростнее гудело, набирая силу, — словно и оно жадно впитывало льющуюся в окно огненную мощь Митры — готовясь освободить людей. Яркая зеленая вспышка опалила им спины, на миг поглотив собой мир за окном, придав зелени трав и деревьев изумрудный оттенок, напоив их, заставив сочиться этой силой.

Молния вспыхнула в безоблачном небе над домом и ударила, казалось, в самую середину здания, прямо в центр разведенного на полу костра, а когда раскат грома расколол тишину раннего утра, стекла не выдержали и искрящимися на солнце осколками брызнули наружу. Свежий ветер ворвался внутрь вестником освобождения. Мелия подставила ему лицо и закрыла глаза, а всепобеждающий свет Митры омыл их золотым сиянием.

Мир стал ярче и светлее. Он звал и манил. Казалось, сам воздух звенел торжественным гимном — вы победили!

Конан поднял девушку на руки и вынес в заросший парк. Ее руки обвили его шею, глаза смотрели в глаза, и кроме них, она не видела больше ничего. Она не помнила, когда и где заставила его опустить себя на землю, взяла за руку и потянула за собой. Ноги сами привели ее на дальнюю, окруженную кольцом кустарника поляну в самой глухой части парка. Здесь она оставила киммерийца и,

отступив от него на два шага, долго смотрела на своего избранника.

Конан видел, как сменяют друг друга на ее лице все те чувства, что довелось ей пережить нынешней ночью: радость и боль, счастье и горе, ненависть и любовь... пока, наконец, не осталась одна любовь, вытеснив собой все.

Мягкий шелк разноцветными волнами скользнул на траву, обнажив для любви тело богини, и Конан почувствовал, как кровь застучала в висках, а руки задрожали.

— Кр-ром!

Он шагнул навстречу рванувшейся к нему девушки и сдал в объятиях ее горячее тело. Она почувствовала обжигающий жар его дыхания, прикосновение раскаленных губ, задохнулась восторгом и судорожно задышала, чувствуя, что ей уже не хватает воздуха. Волна наслаждения пробежала по телу, мир перед глазами закружился.

Ей казалось, что она стала невесомой, ноги перестали касаться земли, и она летит, сотрясаемая накатывающимися одна за другой волнами восторга. Она стонала от счастья и плакала от любви. И когда поверила, что это будет длиться вечно, вдруг почувствовала приближение чего-то неведомого доселе и на краткий миг замерла.

То, что подобно лавине обрушилось на нее мгновением позже, было почти болезненным, против воли заставив гибкое тело выгнуться, то ли в попытке остановить, то ли наоборот — еще более усилить это чувство, которое и без того неудержимо нарастало. Она вдруг поняла, что еще немного, и умрет! Умрет от любви и счастья, не выдержав пытки наслаждением!

...Конан сидел в таверне старого Абулетеса и молча потягивал вино. У него чесались руки от желания свернуть тощую шею стигийца, но тот опаздывал, и киммерийцу поневоле пришлось отложить свое намерение на неопределенное время. «Впрочем, — успокоил он себя, — вряд ли ожидание продлится излишне долго».

Он вынул из-за пояса мешочек, взвесил его на ладони, невольно задумавшись о том, насколько зыбко и неверно

все построено в мире, и от каких мелочей зависит порой человеческая жизнь. Ведь опоздай он всего на миг, и потайная комната стала бы для него недоступной, прежде чем он сумел достать талисман.

Что произошло бы вслед за этим, угадать было нетрудно, но думать об этом не хотелось. Конан не страдал излишней чувствительностью, но был уверен, что на этот раз память его долго не успокоится, услужливо напоминая о Зите и Фабиане. Как живое, являлось пред его внутренним взором это зрелище — тело молодого, могучего мужчины, превращенного злой силой монстра в сморщенного, обездвиженного старца, едва нашедшего в себе силы, чтобы на локоть приподнять над полом кончик меча.

Правда, в самый нужный момент... Эти два случая начали и завершили невероятную череду случайностей, редчайшего стечения удачных обстоятельств, позволивших им остаться в живых!

Впрочем, и все остальное в этот вечер было странным. Станным и отвратительным, как дурной сон. Мужчины оказались ни на что не годными, а молоденькая девочка едва не угробила всех, приняв мощь древней магии, оказавшейся у нее в руках, за игрушку, призванную позабавить веселую компанию...

А своенравная игрушка вырвалась из ее рук и уничтожила ее саму и еще двоих!

Впрочем, нельзя было снять вины и с погибших. И дело вовсе не в том, что судьба Фабиана была глубоко безразлична Конану. Просто этот сильный, вполне способный постоять за себя мужчина весь вечер вел себя так, словно решил покончить с собой, лишь сомневаясь в выборе способа. Тем более безразличен был ему Эмерик, который давно уже не жил, лишь день за днем удовлетворял свою все более ненасытную похоть, находя для этого все более изощренные и извращенные способы.

Зато воспоминания о Зите, несмотря на то что она явилась главной причиной постигших всех бед, доставляли ему боль. Он невольно представил себе, что чувствовал бы сейчас, окажись на ее месте Мелия, и нахмурился. Даже в

мыслях он не произнес этого слова — любовь — но чувство, которое оно обозначало, уже родилось в нем. Он понял, что из положения этого существует лишь два выхода: либо остаться в Шадизаре, обзавестись детишками, разлентиться, обрасти жирком, начав вести спокойную жизнь степенного, уважаемого всеми горожанина, либо...

Он усмехнулся, представив себя в роли степенного отца многочисленного семейства, и грустно покачал головой — эта роль была явно не по нему.

Оставался второй путь — *путь боли...*

Он должен убить свою любовь в зародыше, пока она не завладела им настолько, что, лишившись воли, он станет годным лишь на то, что только что отверг.

Появившаяся в дверном проеме неуклюжая фигура стигийца отвлекла Конана от его невеселых мыслей. Он без сожаления выбросил их из головы и довольно усмехнулся, предвкушая развлечение. Жрец пришел за *камнем*, а киммериец знал, что это теперь действительно *просто камень*, и все, что он может — это сыграть роль приманки, да и то лишь до тех пор, пока жрец не увидит его собственными глазами.

Впрочем, все, что Конану было нужно — это показать стигийцу, намеревавшемуся получить волшебный талисман, кусок янтаря, лежащий у него за поясом, и последить за его реакцией.

Жрец тем временем подошел к столу, опустился на стул и нервно сцепил пальцы, не сводя внимательных глаз с лица Конана.

— Ну как? Принес? — Он окинул киммерийца настороженным взглядом, словно дивясь про себя тому, что тот до сих пор жив.

Конан молча кивнул и, вытащив из-за пояса мешочек, бросил его стигийцу. Тот жадно схватил его и, трясущими руками развязав тесьму, выкатил камень на тарелку.

— Это не талисман! — воскликнул он мгновение спустя. — Ты обманул меня, варвар! Этот камень просто выглядит как тот, но это не он!

— Откуда тебе знать? — вкрадчиво спросил Конан, в свою очередь впившись внимательным взглядом в лицо стигийца.

— В нем нет силы! — выпалил тот и осекся, но было уже поздно.

— Силы?! — Конан сгреб жреца за шиворот и приподнял над стулом, словно то был не человек, а чучело, набитое соломой. — Ты прав, колдун, — в нем не осталось силы. Она ушла на то, чтобы спасти пятерых от Незримого, и трое все-таки погибли от его руки!

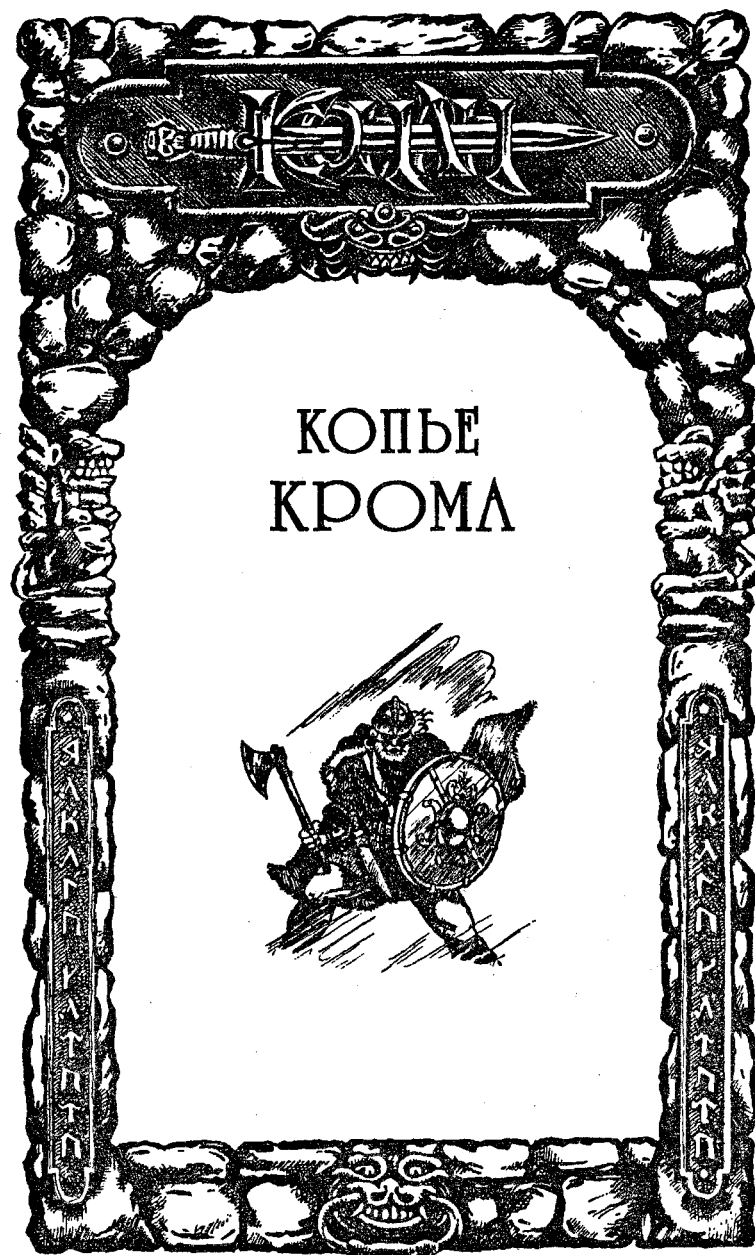
— А-а! Люди! Помогите! — завопил стигиец, видя, что дело оборачивается нежелательным для него образом. — Проклятый варвар ограбил меня, а теперь хочет убить!

Немногочисленные в этот час посетители с интересом наблюдали за бесплатным представлением, но никто и не подумал вмешаться — Конана, в отличие от чужака, здесь знали все.

— Заткни ему пасть, киммериец, — равнодушно посоветовал Абулетес. — Клянусь кишками Нергала — твой приятель дурно воспитан, а я не выношу с утра громких воплей!

Огромный кулак разжался, и стигиец безвольно повалился на стул. Конан окинул его презрительным взглядом и с чувством сплюнул на пол — у него пропало желание пачкать руки. Видимо, он слишком долго ждал.

— Я принес то, что лежало в тайнике, и, можешь мне поверить, этот камень и есть твоя семейная реликвия. — Конан усмехнулся. — Так что лучше забирай его и уходи. Никто не станет подделывать такую дешевку. Как сам ты сказал — она имеет цену лишь для тебя!

Глава первая

Всех вас ждут Серые Равнины! Рассекая искрящийся морозный воздух, меч очертил сверкающую дугу и указал вниз; его голубоватое жало, казалось, собирается устремиться вглубь смерзшегося наста, прорубая скованную вечной мерзлотой землю, до самого мрачного царства Смерти.

Предыдущая тирада говорившего была подхвачена порывами метели и унесена куда-то вглубь ледяных пустошей. Но двое его собеседников, видимо, прекрасно представляли себе, о чем говорил рыжеволосый гигант, стоящий перед ними в напряженной позе с оружием в руке, хотя и относились к сказанному по-разному.

Прибывший на север буквально несколько часов назад посланец Аквилонской Короны, тот, с кого порывы бешеного ветра норовили сорвать неуместный бархатный плащ, весь в золоченых львах и серебристых завитушках, кривил губы и выражал всем своим видом презрение к варвару, невесть по какому праву взявшемуся его учить. Он поднял было руку, дабы сделать некий знак, долженствующий означать окончание беседы, но ледяные иглы холода тотчас проникли под полу распахнувшегося плаща, добираясь сквозь парчу и доспехи до изнеженного тела, кости тарантийца вмиг оледенели, гневная фраза умерла на устах и жест не состоялся.

Вместо этого он резко крутанулся на каблуках, разворачиваясь спиной к ветру и собеседнику, передернул в гневе плечами и зашагал прочь.

Второй воин проводил столичного гостя долгим и выразительным взглядом, поплотнее запахнул в тяжелую мохнатую накидку из тех, что носят жители Гандерланда, и сказал:

— Завтра. Завтра, Атли, ты поведешь нас.

Голос его был низким, хриплым, словно боевой рог, привычный отдавать команды сквозь шум и лязг бранного поля. И хотя рыжеволосый житель Ванахейма превосходил его ростом едва ли не на две головы, гандер смотрел на разгоряченного здоровяка словно бы сверху вниз, как привык смотреть на своих солдат за долгие годы карьеры.

Оба собеседника, и варвар из Нордхейма, и житель Аквилонии, были немногословны — метель успела проглотить фигуру посланца столичных стратегов, у их сапогов ледяная крупа не один раз сложилась в шевелящиеся причудливые фигуры, мгновенно рассыпавшиеся и превращавшиеся в снежные смерчи, танцующие пляску холода, пока наконец ванир не заговорил вновь:

— Южане... — несмотря на все уважение, выдаваемое им гандеру, в тоне его звучали нотки пренебрежения. — Что вы можете знать о ритуале Кровавого Копья!

Он тряхнул головой, и бронзовые бычьи рога его шлема разбили танцующий в объятиях метели ледяной смерч. Он поднял руку и указал мечом на север.

— Завтра эти пустоши исторгнут из себя орды визжащих демонов, киммерийцы растопчут вашу крепость, и только Имир может знать, не пойдет ли эта волна дальше, вглубь Аквилонии. Их дети будут играть на флейтах из ваших позвонков, собаки будут катать по алому льду черепа, а киммерийские женщины получают множество новых рабов, чтобы мять кожи и выделывать меха.

Столь длинная и связная тирада поразила гандера, он удивленно проводил глазами меч, который ванир резким, раздраженным движением швырнул в ножны.

— Расскажи мне, Атли, про этот ритуал. Пока еще я, а не этот обвешанный побрякушками столичный хлыщ, команду гарнизонам, да и всем Северным Легионам, я должен знать, с чем мы столкнемся.

Видно было, что нордхеймца несказанно утомил пустопорожний разговор с тупоумными южанами, и он в любую минуту готов развернуться и исчезнуть в белесой хмари, оставив неженек-аквилонцев расхлебывать ими же заваренную кашу, когда те вторглись, не подумав, в загадочные, затянутые морозными туманами пустоши за границей хайборийской цивилизации. Он подбоченился, пошире расставил ноги, запустил большие пальцы багровых от холода рук за широкий кожаный пояс, растрескавшийся, весь в медных и серебряных бляхах, с которых на гандерландца скалились хримтурсы — инеистые великаны, дети Имира, повелителя здешней суровой земли, и заговорил, выплевывая из огненной бороды целые клубы пара, которые порывы ветра швыряли прямо под капюшон аквилонского офицера.

— Наши старейшины, даже самые мудрые и старые, не припомнят, когда в последний раз меж стойбищами киммерийцев проносился вестник Крома, как они это называют — ребенок с окровавленным копьем, который несется по пустошам без еды и питья, без спутников и даже без собак — этих демонят, видно, хранят темные и могущественные силы, раз в песнях поют, что ни один из них никогда не наткнулся ни на волков, ни на медведей, ни на пургу, ни на горный обвал или лавину. Все кланы, даже те, кто затерялся в горах, даже те, кто скитается вслед за оленями далеко к северу, у становищ асов, начинают стекаться к их мерзкому капищу где-то в самом сердце этой Имиром проклятой земли. Здесь, под звуки костяных флейт и завывания своих шаманов-туиров они обретают бесноватое мужество, становятся похожи на гигантскую стаю бешеных полярных волков, жаждущих теплой крови...

Припорошенные снегом брови аквилонца поползли вверх — он впервые слышал, чтобы суровый и угрюмый северный варвар говорил едва ли не нараспев, а цветистая речь, явно позаимствованная из репертуара бродячих скальдов, сделала бы честь и всем прибывшим из столицы горестратегам, которыми был полон ныне лагерь Северного Легиона.

Гандер подумал невольно, что уж если на скупых в подборе слов нордхеймцев ритуал объединения киммерийских кланов произвел столь неизгладимое впечатление, то воистину, Митра свидетель, есть отчего обеспокоиться. Первые же стычки с киммерийскими кланами воспитали в нем уважение к этому дикому и беспощадному врагу — чего тогда можно ожидать от целой орды?

Разобщенность северян в его родном Гандерланде была притчей во языцех, вошла даже в поговорку. В столице же если и задумывался кто-либо из приближенных короля о северной угрозе, то в качестве главного противника Аквилонии представлял себе бродячие наемные дружины жителей Асгарда, организованные, падкие до немедийского золота, или тех же ваниров, народ более многочисленный и затронутый хайборийской культурой, чем киммерийцы.

По мнению тарантийских стратегов, Ванахейм вообще стоит на пороге создания собственной государственности — им не хватает лишь стоящего вождя да хитрого союзника, который был бы одновременно недругом Аквилонии, что поспособствует этому грозному процессу. Однако все это, что сказал сегодня Атли, наводило на грустные мысли.

Тем временем ванир закончил свое пылкое описание «орды кровожадных демонов»:

— Вы вступили в их исконные охотничьи угодья, без всякой причины уничтожили целое селение и возвели свою нелепую крепость на месте одного из их капищ! Мы, ваниры, давно сражаемся с киммерийцами, знаем их, как умный охотник знает повадки росوماхи, и мы вам говорим — Ритуал Кровавого Копья уже начался, уже завтра объединенные кланы обрушатся на ваши передовые отряды в пустошах и крепость будет окружена.

Хотя гандер знал Атли уже не один год, да и ванир, в отличие от большинства северян, долго жил среди аквилонцев, однако варварский акцент все так же бил по ушам, словно воронье карканье.

— Ты, Сапсан, спас мне жизнь и честь воина, только для тебя я уговорил своих старейшин привести вам на помощь отряды Нордхейма — чтобы ударить по орде в горных тес-

нинах и прижать их к крепостным стенам. Но перед ванирами должен предстать именно ты — командир Северного Легиона, известный на севере человек, а не эти... — тут Атли выкрикнул в метель что-то лязгающее и хрипящее, — ты должен принести в роды ваниров виру за убитых вами прежде воинов и дать клятву выплатить виры за всех, кто погибнет под стенами твоей крепости.

Сапсан кивнул головой в знак того, что обо всем этом говорено уже не один раз, но гигант шагнул вперед и рывкнул, перекрывая вой ветра:

— И выйти мы должны сегодня!

— Нет, Атли, завтра! — Метель крепчала, и обоим приходилось почти кричать.

— Или ты хочешь вернуться и застать среди дымящихся руин только чавкающего Хресвельга?

— О Митра! Кто такой Хресвельг?

— Хресвельг — это пожиратель трупов, Сапсан.

С этими словами ванир, видимо, решил, что сказал достаточно.

— Я буду в лагере со своими людьми, когда утихнет пурга, — отрезал он, развернулся и пошел прочь. Его голос донесся до Сапсана уже из самого сердца клубящегося ледяного тумана:

— Пусть все будет готово к походу!

Аквилонский офицер в сердцах осыпал проклятиями безразличные ледяные смерчи, поплотнее запахнул в накидку и отправился в противоположную сторону, к лагрю своих войск.

Глава вторая

Командира Северного Легиона создала и воспитала граница. Здесь, вдали от мощенных гранитными плитами дорог, сверкающих дворцов и распаханых полей, среди сумрачных скал, чреватых лавинами, среди завывания неистовых ветров и грохота водопадов, среди гандерландских укрепленных городков и боссонских деревень, больше похожих на форты и деревянные крепости, чем мирные поселения, где каждый мужчина был воином, а каждый ребенок — охотником и следопытом, прошла его жизнь.

И хотя все четыре десятилетия своей карьеры ему ни разу не довелось участвовать в крупномасштабной войне или регулярном сражении, его опыту мог бы позавидовать любой из тарантийских стратегов, заносчивых пуантенских баронов или хваленых немедийских командиров, выпедших из стен знаменитой на весь цивилизованный мир военной академии в Бельверусе.

На северной границе Аквилонии, впрочем, как и на западной, шла вечная, кровавая и первобытная война, война, состоящая не из батальей, осад и штурмов, а из засад, стычек, набегов и карательных рейдов. Пограничье с его воистину первобытными нравами вылепило особую касту военных, похожих на пышное рыцарство центральных, южных и восточных провинций или наемных искателей приключений из столичных полков не более, чем походили на них сами враги пограничья — дикарские племена

пиктов, кланы киммерийцев или дружины мелких родовых вождей жителей загадочного Нордхейма — асиров и ваниров.

Испокон века северные и западные гарнизоны считались среди офицерства и рыцарства Тарантии, Шамора, Танасула и Галпарана местом ссылки, совершенно не почетной и крайне опасной. Северный Легион, так же как и отдельные пограничные отряды в Боссонских Топях, формировался по приказу из Тарантии преимущественно из самих жителей пограничья — боссонцев и гандеров. Со временем они превратились в особую воинскую касту, независимую, нелюбимую в столице, но весьма боеспособную.

В рядах Северного Легиона ценились совершенно иные качества, чем в среде «регулярных» — тут не найти было лихих дуэлянтов, для которых личная честь или честь дамы ценилась превыше самой жизни, готовых, забавы ради, подставить грудь под меч первого попавшегося забияки: однако вот уже десять лет, как на столичном турнире мечников и копейщиков северяне брали первые призы к вящему неудовольствию гвардейских полков.

Среди малочисленной кавалерии Легиона также не найти было пестрых стаяк вороватых и расфуфыренных оруженосцев, равно как и увитых колокольцами и бубенцами тонконогих восточных скакунов в шелковых золоченых пополах: низенькие, но крепкие и выносливые гандерландские кони несли в бой своих седоков, не обремененных неподъемными турнирными доспехами южного рыцарства — легкие шлемы без забрала, редко — вороненные кольчуги, а чаще — кожаные куртки с нашитой стальной чешуей, никаких кирас, наколенников и наплечников и, разумеется, никаких трепещущих флажков с гербами и девизами.

При виде гвардейцев или Черных Драгун, которые реже редкого появлялись в пограничье, воины и командиры Легиона только пожимали плечами — им трудно было представить, зачем бы мог понадобиться в бою грудь в грудь или в ночном дозоре тонкий кинжал или хрупкая, с ажурной гардой, зингарская сабля. Те же, в свою очередь, с со-

мнением и легким презрением вертели в руках широкие секиры с окованными для парирования топориками, мощные рогатины, более похожие на короткие широкие мечи, насаженные на древки толщиной едва ли не с руку, неуклюжие на первый взгляд дощатые круглые щиты, покрытые толстой буйволово́й кожей с грубым медным узором посередине.

Про внешний вид и говорить нечего — ни бархатных плащей, ни шитых золотом кафтанов с манжетами, ни ботфортов с отворотами в Легионе не носили. Боссонцы и гандеры предпочитали сражаться в том же, в чем их можно было встретить на охоте или за полевыми работами в своих селениях: им привычнее были полотняные рубахи, короткие штаны, подпоясанные широкими «мужскими» поясами, сапоги или кожаные башмаки, легкие и бесшумные.

Нравы тут и в городах аквилонской короны также разнились — за отрядами Легиона не тянулись богатые обозы или кибитки маркитанток, лагеря и временные стоянки северяне не обносили рвами и частоколами, подкладывая вместо этого под головы щиты и наполовину обнаженные клинки, и спали вполглаза.

Зачастую посланникам столицы трудно было определить с первого взгляда, кто здесь офицер, кто командир Легиона, кто обычный боец-порубежник, а кто просто гость, забредший к бивачному костру из ближайшего селения.

Сапсан, кроме прекрасно обученных отрядов Легиона, обладал и великолепно поставленной разведкой — его агенты наводнили не только Гиперборею, Пограничное Королевство и северные провинции Немедии, они под видом купцов и скупщиков рабов были повсюду в северных городах и пустошах, выискивая союзников Аквилонии, следя за недругами и ссоря между собой ваниров, асиров и киммерийцев, наблюдая за муравьиным роем пиктских племен у истоков Громовой и Черной.

Несколько лет назад Сапсану всеми правдами и неправдами удалось склонить к переговорам и в дальнейшем — к хрупкому миру все орды, племена и ватаги, которые на-

ходились в постоянном боевом соприкосновении с гарнизонами Легиона.

Несколько наиболее строптивых шаек горцев и пиктов, привыкших жить набегами на аквилонскую территорию, были попросту уничтожены отрядами порубежников или вырезаны новоявленными союзниками Сапсана, такими как Атли, один из ванирских вождей. Остальные вроде бы попритихли. Но не успели боссонские и гандерландские поселенцы вздохнуть свободно и, отложив в сторону копья и луки, взяться за мотыгу и плуг, как грянула новая напасть.

Сейчас, сидя в самом сердце своего воинства за простым деревянным столом, в командирском шатре, Сапсан скривился, как от боли, вспоминая тот день, когда взмыленный конь и еле стоящий на ногах от усталости молодой гвардеец принес ему послание из столичного Магистрата по делам Северных Территорий.

Как и теперь, в тот злополучный день командир Легиона вернулся в один из временных лагерей рейдерского корпуса из ледяных объятий метели и отогревался горячим вином, просматривая карту пограничья, изломанную на углах, проткнутую во многих местах кинжалом, когда ее в лютый ветер прикалывали к щиту на привале, залитую внизу кровью одного из любимых Сапсаном младших командиров, которого пиктская отравленная стрела нашла даже сквозь прочное полотно командирского шатра.

Это было не послание, не уведомление, а категорический приказ — «собрать распыленные силы Легиона в один кулак», тем самым оголив во многих взрывоопасных участках границу, «вызвать всех командиров младшего и среднего звена из отпусков» — в которых они отродясь не бывали, «выдвинуться вглубь вражеской территории» — то бишь в безлюдные и гибельные пустоши, пройдя опасные горные теснины Южной Киммерии, — «и учредить» там-то и там-то «форпост Аквилонской Короны в виде укрепленного военного лагеря, именуемого в дальнейших посланиях Магистрата Венариумом». Ко всему этому прилагалась крайне неточно исполненная карта Киммерии с жирным

кружочком на месте, где тарантийские отцы-командиры представляли себе будущее расположение «форпоста».

Сапсан был взбешен. По дороге в столицу он загнал своего любимого боевого коня и еще двух почтовых, личная охрана безнадежно отстала от него где-то в Галпаране, едва ли не штурмуя в конном строю рогатки дозорных постов и ворота сторожевых придорожных крепостей. Он влетел в Тарантию и устремился во дворец...

Аудиенции он, разумеется, не добился. Магистрат был закрыт «для особо важного совещания», которое проводилось почему-то в пиршественной зале. Когда Сапсан вслух прошелся по поводу этого эпизода, а также столичных нравов в целом, какой-то бравадный гвардейский офицер, без дела слонявшийся по дворцу, перешучиваясь с фрейлинами и зазывая перекинуться в кости часовых своего полка, вслух выразил мысль, что этих северных мужланов давно следует пороть на площадях для поддержания дисциплины в линейных полках, а именно этого пыльного и немытого субъекта надлежит пажам спустить с лестницы и там, внизу, переломать все кости, ибо ему, младшему потомку барона такого-то, зазорно марать клинок о всякую падаль.

Доведенный до белого каления командир Северного Легиона сам спустил его с парадной лестницы вместе с двумя пажами, кинувшимися сему воспрепятствовать, где внизу они и переломали себе все кости. Скандал вышел изрядный, пришлось Сапсану вспоминать, что он, помимо всего прочего, герцог Сайнийский, и будучи поставленным перед дилеммой — тюремное заключение или дуэль, отрубить кисть совершенно незнакомому вельможе, отцу того самого гвардейца. Дворянское собрание заседало за три дня его пребывания в Тарантии дважды, закидывая короля нижайшими просьбами то о четвертовании, то о колесовании позорящего рыцарское звание Сапсана.

Удовлетворения они, ясное дело, не получили, однако король Хаген, к тому времени принявший Сапсана на охоте, был настроен столичным брожением соответственно. Последовала короткая взбучка за дуэль и приказ немедленно

приступить к своим обязанностям. А уж когда в разговоре промелькнула фраза про «северный форпост Аквилонской Короны», Сапсан понял, что все его надежды рухнули в одночасье — к составлению нелепого приказа приложили руку не только безымянные стратеги из Магистрата, но и сама августейшая особа. Оставалось только пытаться выполнить нелепый, чреватый серьезными жертвами и потрясениями для всего пограничья указ, при этом продолжая охранять боссонские и гандерландские поселения, или же — уйти в бесславную отставку.

Сапсан встал из-за стола, потянулся, чувствуя, как в левом плече зашевелился осколок костяной пиктской стрелы, вот уже пятую зиму говоривший заранее о пришествии в пустоши грозových туч, и носком сапога подтолкнул в уголья полено.

Шатер его был устроен на киммерийский манер — с открытым костром внутри и сквозной дырой в куполе наверху, куда уносились дым и гарь. Полено окуталось зыбкой мглой, затрещало и мгновение спустя вспыхнуло, заалели приунывшие было уголья. Взгляд Сапсана рассеянно провожал сплетающиеся и расплетающиеся дымные струи, уносящиеся в хмурое свинцовое небо...

...Королевский Парк, полный сочной зелени, запаха восточных цветов, перегулов охотничьих рожков, звонкого заливного лая борзых и гончих, клекота соколов, рвущихся с кожаных рукавиц пажей, словно бы пропитанный густым летним солнечным цветом... и посреди этого, среди гомона разодетых в пух и прах придворных — Хаген, король Аквилонии, Золотой Лев, и прочая, и прочая... ослепительно-белый мундир гвардейца, иссиня-черный жеребец, подарок гирканского посланника из-за моря Вилайет, тонкое охотничье копье, которое второй сенешаль выдергивает из шеи еще дергающегося оленя, восторженные крики...

Полено перестало шипеть и вспыхнуло ясным чистым пламенем, и взор Сапсана вернулся из далекого от суровых будней пограничья Королевского Парка, замерев на карте...

— И Аквилонская Корона, клянусь Светозарным Митрой, пожнет плоды этого безумия!

Это восклицание прозвучало в тишине неожиданно громко, полог шатра откинулся и внутрь заглянул один из пограничников; пальцы его нервно плясали на обухе топора за поясом.

— Ничего, ничего, это я Митре, — задумчиво склоняясь над картой, пробормотал Сапсан, добавив целую тираду на асирском наречии, как нельзя лучше характеризующую состояние дум командира Легиона. Воин понимающе ухмыльнулся, и полог упал на место, взметнув из костра тучу раскаленной сажи.

Пробежав глазами по горным теснинам и водопадам, Сапсан устоял на маленький красный кружок, потерянный посреди серого царства льда, камня и ветра. Венариум, форпост не только Аквилонской Короны, но и всего хайборийского мира, по нему теперь проходит черта, отделяющая утонченную цивилизацию Запада от царства дикарских вождей, богомерзких шаманов-туиров и первобытных орд.

Из сундука, куда небрежно была скинута меховая накидка и прислонен меч в грубых деревянных ножнах, Сапсан извлек план укрепленного лагеря и еще раз в сердцах произнес что-то на наречии асиров, точном и прямом, как древко гандерландского копья. Полгода, долгих полгода, нарушив самим же им объявленное перемирие, Сапсан и его Легион выбивали с перевалов и укромных урочищ гор Южной Киммерии прочно обосновавшиеся там шайки и ватаги, забросившие было свое разбойное ремесло и перешедшие на торговлю рабами-гладиаторами для немедленных арен.

Потеряв множество опытных бойцов, ударные силы Легиона вырвались в пустоши и столкнулись с небольшим отрядом киммерийцев, встревоженных коварным натиском южан. Встречный бой был стремителен и кровав — головной отряд боссонских лучников, лишенный бешеным ветром своего преимущества боя на расстоянии, был изрублен в куски, однако подошедшая гандерландская пехота выдержала дикий натиск варваров, а кавалерия, утопая по кон-

скую грудь в смерзшемся снегу, совершила охват и ударила по киммерийцам с флангов и тыла.

Как и предвидел Сапсан, не побежал ни один из врагов — атакуемые со всех сторон вдесятеро превосходящим противником, засыпаемые дождем жаждущих мщения и не знающих промаха боссонских стрел, варвары, сомкнув щиты над головами, встали вокруг убитого первым же выстрелом вождя и устроили ему великую тризну, на радость поименованному Атли Хресвельгу — только когда тьма объяла пустоши, последний варвар, дравшийся обломком меча, пал с добрым десятком стрел и копий в груди.

Сапсан, по обыкновению ведущий в бой свою кавалерию, в тот день был ранен, и командование поступило в руки присланного из столицы герцога Орантиса, одного из авторов убийственного проекта. Орантис не слушал увещаний помощников Сапсана, устроил карательный рейд в горы восточной Киммерии и уничтожил деревню, откуда родом был молодой киммерийский вождь.

Затем тарантийский стратег приступил к закладке крепости на месте киммерийской святыни — для него это был лишь удобный с точки зрения обороны холм, с верхушки которого он велел убрать и пустить на топливо несколько деревянных истуканов. Так был рожден Венариум, где сейчас и находился выздоровевший Сапсан, мучительно вглядывающийся в карту и ждущий грозной лавины, которую, без сомнения, вызовет Ритуал Кровавого Копья.

Невеселые думы Сапсана были прерваны донесшимся перестуком оружия и криками. Сметя на утоптанную землю меховую полость и забросив в сундук бумаги, командир Легиона выскочил из шатра, на ходу застегивая перевязь с оружием. На его резкое движение спокойно сидевшие в шатрах постовые обернулись и вскочили. Это были лучник из Боссона и следопыт из северной Аквилонии, который как раз правил лезвие топора — красный правильный брусок, выпав из взметнувшейся в воинском приветствии руки, глухо стукнул по щиту и утонул в грязном снегу.

— Пополнение в строй ставят, — проговорил боссонец и опустился на прежнее место.

Его напарник, сняв рукавицу и запуская руку в холодную жижу за брусом, добавил:

— Молодой дворянин муштрует.

Впрочем, Сапсан и сам уже видел — два десятка недавно прибывших в лагерь гандерских увальней, разбитые на пары, охаживали друг друга тяжеленными на вид дубинами, забавно хрипя и меся грязь босыми ногами. Они были по пояс голыми, и пар валил от раскрасневшихся на стуже тел.

Кое-кому уже изрядно досталось — из рассеченной брови одного капала в грязь неестественно алая кровь, на разбитых губах другого вздувались пузыри сукровицы, третий при каждом резком движении охал и кривился на левый бок, где меж ребрами наливалась солидная гуля.

Вокруг учебной площадки в середине укрепленного лагеря собралась изрядная толпа легионеров, жужжавшая, как разворошенный улей. То и дело кто-нибудь выкрикивал грубоватые слова одобрения или гневные тирады в адрес земляков — особенно громко шумели и сквернословили гандеры.

Между дерущимися расхаживал один из прибывших с Орантисом столичных офицеров — самый молодой, едва ли не мальчишка.

«Герцогов племянник, паж...» — припомнил Сапсан и поморщился. Столичные дворяне самым фактом своего существования вызывали у него острые приступы головной боли.

Молодой тарантиец, ловко лавируя среди так и летающих вокруг дубинок, рук и ног, находил время для каких-то замечаний, бросаемых тому или иному палочному бойцу. Имели они смысл или же служили тарантийцу средством показать важность порученного ему дела, Сапсан на таком расстоянии расслышать не мог. Однако он отметил плавность и точность передвижений пажу в самой гуще дерущихся — тот двигался, словно тонко чувствующий ритм танцор, не петляя или прыгая, и не останавливаясь, ровно и достаточно спокойно для сложившейся вокруг толчеи перемещаясь к интересующим его парам.

Синий плащ с верноподданническими золотыми львами был перекинут через согнутую в локте левую руку, открывая сияющую кольчужную рубаху, правая небрежно лежала на навершии тонкого длинного меча.

На поясе, излишне тяжелом для столь хрупкой фигуры, угадывался кинжал и еще какая-то режуще-колющая снасть, справа висел на цепочке рожок, однако при всем при этом тарантийский юноша, увешанный как ковер со стены оружейной лавки, двигался во всей этой сбруе не без изящества и достоинства — и хваленый плащ не волочился по грязи, и мелочи не болтались и не бряцали, и меч, подвешенный без портупей — на кавалерийский восточный манер, высоко и почти горизонтально, — не цеплял дерущихся и не путался между ног... словом, не происходило ничего такого, чего ожидали от столичного франта бывалые вояки, собравшиеся посмеяться над неженкой, назначенным учить гандерландских парней держать в руках оружие.

Меж тем поединщики начинали выдыхаться, дубинки взлетали вверх все медленнее и медленнее, движения новобранцев стали как у подгулявших заморийских матросов. Тарантиец почувствовал, что занятие следует прервать, и остановился, набрав в легкие побольше воздуха для команды, когда из своего шатра вышел и направился к открытой площадке герцог Орантис.

Сапсану неудержимо захотелось сделать что-нибудь безобразное, словно он снова был молодым дуэлянтом-забиякой из затерянного в предгорьях Киммерии гарнизона, словно не было за плечами четырех десятилетий изнурительной войны, крови и грязи, а была лишь молодая сила и злоба на придворных хлыщей. Не успев осознать всю опасность и глупость того, что он собирается сделать, Сапсан, Черный Коршун Приграничья, чья голова седа от побед и поражений, словно окружающие снега, громко хлопнул в ладоши и хриплым, срывающимся голосом отдал команду...

Команда была проста, и даже самые молодые из новобранцев уже знали это весьма полезное для отработки определенных боевых навыков упражнение — «свалка». Это было

приглашение к популярной в гандерландских деревнях на праздниках игре, когда молодые парни дерутся «все против всех» и «каждый сам за себя», стараясь не быть выброшенными из центра потешного ристалища. Дикарская тризна, оставшаяся в деревенских обычаях со времен далекого хайборийского прошлого, чреватая выбитыми зубами, свороченными скулами и вывихнутыми руками-ногами.

В этот раз она была вдвойне, даже втройне опасна: бойцы были злы и разгоряченны, а в руках их еще достаточно крепко сидели суковатые дубины. Вмиг усталость и дрема покинули молодых аквилонцев, и они с диким ревом бросились друг на друга, раздавая направо и налево пинки, затрещины и палочные удары. А в самом центре схватки оказался тарантеец.

Надо отметить, что юноша вышел из этого испытания с честью. Он нырнул под один удар, отшатнулся от второго, пнул в бок замахнувшегося было на него третьего. Воздух вокруг него гудел, палки мелькали с невообразимой быстротой. Уже кто-то катался по снегу, выплевывая зубы, рядом боролись, схватив друг друга в охапку и поминутно макая лица друг друга в ледяную слякоть, несколько человек оказались вышвырнутыми из схватки и выслушивали теперь насмешки зрителей. Паж же, так и не притронувшись к мечу, вырвал палку из ослабевших рук волонтера, которого кто-то вытянул по хребту, и уверенно пробивался к краю утоптанной площадки.

Побагровевший герцог Орантис метался вокруг, силясь перекричать царивший гвалт и остановить схватку. К нему, после недолгого замешательства, присоединился и Сапсан. Общими усилиями им удалось остановить свалку.

— Что это значит, прах вас побери? — Орантис Антуийский разглядывал своего помятого, запыхавшегося племянника, который гордо сжимал в руке обломки палки и дул на разбитые костяшки пальцев второй руки.

— Обычное занятие, сударь, — невозмутимо сказал Сапсан. — Это же ваша идея — поставить сего весьма ловкого юношу обучать новобранцев. Надо отметить, что он справился с честью.

— Мало чести для дворянина — дубасить палкой деревенских мужланов, — вступил в разговор один из спутников столичного стратега, тощий и вечно покашливающий барон, которому щедрость Митры подарила великолепный, длиной с пол-локтя нос, каковой маркиз очень любил совать в дела северных территорий еще задолго до создания Магистрата.

— А вы попробуйте, — весело предложил один из боссонских командиров.

— Да, барон, попробуйте, — поддержал своего офицера Сапсан. — Юноша справился неплохо, а вы, говорят, выдающийся фехтовальщик.

— Я фехтовальщик на мечах, к вашему сведению, а не на деревенской утвари. А ты, — и нос указал на боссонца, — благодари Митру Милосердного, что не служишь в гвардии. У нас наглецам, что встречаются в разговоры командиров, полагается дюжина плетей.

— Вернись к своим обязанностям, Горм, — велел Сапсан и добавил, уже обращаясь к барону: — У меня в Легионе считается, что хороший боец может фехтовать всем возможным и невозможным оружием и даже предметами, к оружию не относящимися. Скажем, веслом.

— Кроме распатанной дисциплины, по поводу которой я и прислан сюда Магистратом, в вашем Легионе еще и царят совершенно варварские нравы.

— Что поделаешь, барон, места тут дикие, и население, действительно, по преимуществу варвары. Воевать нам приходится не на бархатных коврах и не в танцзалах. Поверьте мне, трудно убедить врага, если он кидается на вас, размахивая оглоблей от телеги, что честь дворянина не позволит вам продолжить поединок, ибо вы не обучены действовать мечом против оглобли. — Тут Сапсан счел нужным прекратить бесполезные трения и потрепал пажа по голове, взъерошив тому волосы: — А юноша хорош, очень хорош. Со временем из него выйдет отличный солдат.

— Я чрезвычайно рад, герцог Сайнийский, что мой Эй-ольв вам пришелся по нраву, так как именно с ним вы

отправитесь к вашим наемникам из Митрой проклятого Ванахейма и приведете их под стены Венариума, — вступил в разговор Орантис.

Эта мысль пришла ему в голову только что. Он не сомневался, что племянник прекрасно разобрался в том, кто натравил на него кучу вонючих мужиков с дубинами, желая выставить в смешном виде. Сапсана следовало срочно удалить от гарнизона, а раз он сам заварил эту ванирскую кашу, так пусть ее и расхлебывает. За самодурствующим пограничным выскочкой следует приглядывать, а паж со всех точек зрения был кандидатурой подходящей.

Сапсан в свою очередь заметил, как удивленно вскинул глаза юноша при этих словах, и сделал свои выводы.

— А позвольте вас спросить, месьор, кто будет командовать гарнизоном в мое отсутствие? — спросил он, хотя заранее знал ответ.

— По решению Магистрата — на время отражения варварской угрозы Северным Легионом буду командовать я, а после того, как подойдет из Тарантии основная армия — тот, кого августейшая особа посчитает достойным этой должности.

— Разумеется, мой герцог. — Сапсан с трудом сохранил невозмутимое выражение лица. Об «основной армии» он слышал впервые. Итак, столичные интриганы победили. Он, зачинатель сил охраны аквилонского пограничья, отстранен от командования собственным детищем. Вместо Легиона теперь он возглавит вспомогательный отряд наемников, а когда их придется после окончания кампании распустить... Опала, отставка...

Сапсан не знал слов страшнее. «Я еще поборюсь, — подумал он зло, прислушиваясь к возмущенному ропоту своих командиров, слышавших последние фразы, — без меня граница развалится, варвары сомнут все кордоны и богатейшие провинции Внутренней Аквилонии обратятся в пустыни. Уж за пиктов и киммерийцев можно быть спокойным — их сдерживает один только Легион. А командовать Легионом могу один только я. Митра, да тут и волноваться

нечего. Все эти столичные хлыщи, только и способные, что звенеть перстнями да болтать языком, провалят уже эту кампанию, и им не поможет ни одна дополнительная армия, ни целый десяток».

Успокоив себя таким образом, Сапсан отдал указание офицерам продолжать учебные занятия и направился вслед за Орантисом Антуйским в его палатку. Наступал вечер, и как было обещано, явился Атли, вместе с которым предстояло отбыть Сапсану и юному Эйольву.

Атли привел с собой четверых из своей знаменитой в этих краях вольной дружины. Словно стая полярных волков, они жались к своему вожаку, держа руки поблизости от оружия и с нескрываемой ненавистью обводя глазами лагерь грозного Легиона. Не трудно было понять, зная нехитрую душу северян, что они чувствуют себя в захлопнувшейся ловушке с того момента, как за их спинами хмурые стрелки-боссонцы затворили ворота и проводили ваниров и их сани недобрыми взглядами.

Вожак же чувствовал себя в аквилонской крепости совершенно спокойно или же, проведя не один год среди хайборийской цивилизации, научился так же, как и ее дети, скрывать свои истинные чувства. Он прикрикнул на собак, затеявших грызню, сулившую долгое распутывание упряжи, совершенно хозяйским жестом сорвал с рыжей шевелюры шлем и расположил его на санях среди каких-то тюков и бочонков. Рядом с рогатым чудищем расположился и цит.

Словно не замечая угрюмых, сверлящих затылок взглядов пограничников, с молоком матери впитавших если уж не ненависть, то — опаску к жителям Нордхейма, Атли широко улыбнулся заходящему солнцу и направился к патру командира Легиона. Четверо воинов его ватаги остались возле саней, подчеркнуто внимательно следя, чтобы громадные белоснежные псы Ванахейма не устроили грызни ни между собой, ни тем более со сторожевыми псами легионеров, что подозрительно принюхивались к чужакам, сбиваясь в стайку неподалеку от стоянки ванирской упряжки.

В этой сумрачной и жестокой земле, где гость зачастую оказывался вражеским лазутчиком, а попутчик — будущим врагом, собаки и люди вели себя совершенно одинаково, разве что одни из них были не в пример хитрее и приспособленнее к суровостям пустоши, к тому же на их стороне всегда было холодное железо, вторые же не умели скрывать своей вековой мучительной боязни чужих и без лишнего отступлений начинали глухо ворчать, скалить клыки и поплотнее сбиваться в тугую ком пока еще оборонительной агрессии, коготь к когтю, клык к клыку.

Вокруг четверки нордхеймцев собралась добрая сотня порубежников, которые хмуро переглядывались, нарочито громко обсуждая вооружение и одежду пришельцев. А обсуждать было что. Четверка дружинников представляла собой великолепный образец векового врага хайборийского мира, каждый из них был природным хищником без лишнего мышца, словно бы слепленным Имиром из одних жил, костей и тугих канатов.

Все они, выказывая презрение суровому климату, были без плащей и накидок, в одних только меховых куртках, стянутых поясами и португееми. Хлопья снега били в незатянутые шнуровкой вырезы, из которых выглядывали многочисленные варварские амулеты и обереги, клыки и когти могучих полярных медведей, нанизанные на бусы, нити которых сплетены были из такого материала, что их владельцам позавидовал бы любой пикт-людоед с берегов Западного океана.

На бычьих шее спускались кудлатые огненные бороды, в которых сверкали кристаллики льда, глаза по-звериному поблескивали в прорезях рогатых шлемов, не глядя куда-то в одну точку, а словно бы сквозь обступающую их толпу, стремясь охватить все возможное поле битвы. Меховые высокие сапоги, перетянутые ремнями от лодыжек почти до колен, еще более усиливали звериное впечатление от варваров.

В штанах же дружинники позволили себе разноразличных пристрастий — были тут и дико контрастирующие с образом полярного Нордхейма шелковые гирканские шарова-

ры, под которыми угадывались в лучах беспощадно правдивого вечернего светила волосатые мускулистые ноги, были и явно трофейные короткие брючины от костюма немедийского верхового, по отдельности закрепленные на бедрах все той же подозрительной шнуровкой, и пара традиционных северных юбок белого нежного меха королевских котиков, разрисованных сине-зелеными письменами, более похожими своими ломаными значками на обухи топоров и перекрестья мечей, чем на буквы или руны Асгарда.

Защитного вооружения на дружинниках Атли не было, если не считать бронзовых тяжелых наручей на запястьях. Эта четверка была, без сомнения, из числа воинов-волков, по легендам южан, неуязвимых оборотней, родичей тех существ, памятуя о существовании которых, хайборийцы страшились ночи, грозы и заброшенных могил.

Надо отметить, что хитроумный Атли пользовался дурной славой немногих истинных «неистовых детей грома» — берсеркеров, боевые подвиги которых давно ушли в прошлое даже в полном первобытных сил Нордхейме. Его дружинники умели в бою рвать на себе одежды, исходя пеной и скаля зубы, чем повергали некоторых впечатлительных воинов-южан в суеверный ужас.

В одном давнем бою, когда ваниры за золото дрались в рядах армии Бритунии против залетной гирканской орды в тундре к северу от моря Вилайет, волчий вой, исторгнутый из хриплых глоток северян, заставил обезумевших от страха скакунов валить своих седоков прямо под мечи и топоры пешей дружины.

Истинными знаниями о том, как ввести воина в состояние «неистового сына грома», заставить его душу слиться с «внутренним зверем», обладали к тому времени лишь некоторые туиры киммерийцев, свято храня даже от собственных вождей секреты боевой магии времен сокрушения черных ахеронских твердынь.

Оружием, правда, нордхеймцы впечатлить порубежников не могли — тяжелые боевые рогатины без перекрестий, страшные глубокие раны от которых открывали верную дорогу в

лучшие миры, широкие топоры и хищные кинжалы, созданные, чтобы прорывать кольчуги и рвать кости и мясо, были в Легионе, а что касается мечей, то кузнецы Ванахейма уступали не только лучшим кузнецам Севера — киммерийцам, но и соседям-асам, не говоря уже о качестве стали.

Лучшая «громовая» руда шла в хайборийский мир с юга и востока. Впрочем, воины Легиона далеки были от мысли, что средний клинок в руках опытного и могучего бойца может уступить любому из древних Великих Клинков в руках посредственного мечника.

Все эти детали экипировки нордхеймцев, равно как и многое другое, касательно уже обычаев и нравов северян, на многие голоса обсуждалось посреди Венариума в последних лучах солнца. Ретивые головы, а вместе с ними откровенно скучающие бойцы и те, кто за долгие годы противостояния на границе так или иначе пострадал от бродячих ванирских отрядов, начинали задирать спутников Атли, то притравливая собак, то обсуждая «вороватый вид» четверки, великолепно зная, что нет страшнее обвинения для нордхеймцев, чем обвинение в покушении на чужое имущество в доме хозяев.

Немногие более старшие порубежники из тех, что по приказу Сапсана плечом к плечу с дружиной Атли бились во многих стычках и рейдах как в горах и пустошах южной Киммерии, так и к западу от Боссонских Топей среди дремучих лесов и болот, старались вразумить крикливых, но благоразумных оказалось в тот момент немного.

В толпе сновали двое-трое из офицеров Легиона, великолепно осведомленных о том, что нордхеймцы специально приглашены в Венариум Сапсаном. Но и они были бесильны остановить зарождающуюся во внутреннем дворе укрепленного лагеря ссору. Недавние потери в боях с киммерийским отрядом воскресили в порубежниках исконную пламенную ненависть ко всем племенам и народам, обитающим к северо-востоку от Гандерланда.

Гроза, собиравшаяся весь вечер, готова была разразиться. Псы Ванахейма, скаля кривые и острые, как кинжалы, клыки, припадали на брюхо у ног своих хозяев и уже не

ворчали, а злобно лаяли, готовясь ринуться в свой последний бой. Их налитые кровью глаза, не моргая, смотрели уже не на сторожевых псов, заливающихся до хрипоты где-то за спинами порубежников, а на окружавших сани людей, и ледяные демоны-хримтурсы щерились на толпу из их глазниц, а в черных, как полярная ночь, зрачках плясали на крылатых конях дочери Имира — валькирии.

Четверо дружинников без единого слова подняли повыше щиты, с которыми они, кстати, не расставались с самого начала, не в пример Атли. Медные умбоны, позеленевшие от времени, все в зарубках и вмятинах, устали в четыре стороны от упряжки. Еще раньше бесполезные в могучей начатся свалке рогатины были воткнуты в мерзлоту под ногами, и в руках ваниров тускло засверкали мечи и секиры.

— Имир! — раздался грозный рев, руки ваниров поднялись, и сталь громыхнула по медным умбонам, унося легендарный клич в небо над Венариумом.

За всей этой сценой следил стоявший неподалеку барон. Его длинный нос буквально шевелился от возбуждения. Он с удовольствием ожидал момента, когда наглядно станет видно полное отсутствие дисциплины в рядах Легиона. В голове уже складывались витиеватые строки отчета в столицу. Однако в тот вечер крови не суждено было пролиться.

— Что тут происходит, Нергал вас разбери? — расталкивая порубежников, к месту действия пробивался Сапсан.

Все превратности и недосказанности импровизированного военного совета вмиг вылетели у него из головы. Он знал своих подчиненных, знал и ваниров. И кожей чувствовал сгустившийся мрак веками копившейся ненависти.

К нему протиснулись офицеры Легиона и что-то говорили, но слова Сапсану не были нужны — и без того он видел выражение лиц боссонцев и гандерландцев, с которых близость к своим извечным врагам стерла тонкий налет цивилизации, обнаружив самое нутро. И нутро это требовало крови.

Видел он и ваниров, готовившихся не сходя с места переместиться в Ледяные Чертоги Гигантов, прихватив с собой как можно большее количество врагов.

— Офицеры! Немедленно очистить площадь. Горм — марш к новобранцам, или отправишься в столицу оруженосцем к какому-нибудь хлыщу!

Пока Сапсан разгонял своих воинов, которые ворчали и расходились, не рискуя идти против воли своего командира, зло поглядывая на готовых к смертельной схватке ваниров, к месту действия протиснулся Атли.

— Эгей, рыжебородые! У вас лица такие, словно вы увидели саму Хель, Имирову супругницу. Уж не перепугал ли кто вас, пока меня не было. Может — вот эти псыны, — и он указал на собак легионеров, все еще скаливших зубы, — или вон тот южанин, который носом шевелит, точно медведь, учуявший тухлую рыбу?

Рыжебородые опустили оружие и с готовностью загоготали, указывая пальцами на барона. У того аж глаза полезли на лоб — Атли произнес всю тираду на аквилонском. Спутники его все прекрасно поняли, тарантиец — тоже, и что самое неприятное, поняли и толпившиеся кругом легионеры.

Накопленное напряжение враз разрядилось. Общий хохот взлетел над лагерем едва ли не выше к небесам, чем недавний боевой клич затравленных ваниров. Атли знал, что делал. Он тоже чувствовал тугие волны злобы и страха, колыхавшиеся в лагере, и как вожак, нашел самый простой способ излиться агрессии.

Барон, на которого смотрела не одна сотня глаз, шагнул вперед — он чувствовал, что, только поставив на место варвара, он может завоевать в Венариуме требуемый авторитет.

К тому же он действительно был известным задирой и дуэлянтом в гвардейских полках, пока нужды карьеры не увлекли его в пучину интриг и кабинетной возни. Однако дух северной вольницы воскресил в нем былую удаль.

Тарантиец подбодчился и выдал витиеватое, роскошное оскорбление, сделавшее бы честь любому из столичных бре-

теров. Легионеры восхищенно зацокали языками и некоторые даже высказали вслух мысль, что «столичная штучка еще ничего, того, наш». Ванирская четверка ничего не поняла, но по тону и жестике они тоже разобрали, что к чему и принялись кричать что-то Атли, подзадоривая его.

Атли коротко, примитивно, но емко охарактеризовал тарантийца и подмигнул Сапсану. Тот понял его без слов и прошептал одними только губами:

— Только быстро, и не вздумай убивать. Потом мы уходим.

Толпа снова собралась в круг, в центре которого стояли и осыпали друг друга оскорблениями Атли и барон. Кто-то из нордхеймцев протянул своему вождю плем и щит, барон же выхватил из ножен узкий зингарский клинок и рубанул перед собой воздух крест-накрест, что вызвало бурю восторга среди зрителей.

— Эйольв, ты готов к дороге? — спросил Сапсан у паж, который приготовился следить за схваткой.

— Но... я... да, месьор, готов.

— Тогда отправляйся в мою палатку и захвати там в сундуке карту. — Так как паж замешкался, Сапсан одними углами рта усмехнулся и сказал: — Тут решительно не на что будет смотреть.

— Я тоже так думаю, месьор. Барон давал мне уроки, я видел его триумф на турнире в Галпаране год назад.

— А, ну тогда оставайся, тебе будет на что посмотреть, юноша. Это будет отличным уроком — ведь тебе придется провести на севере Аквилонии не один год вместе с герцогом Антуйским.

Паж не очень понял ход рассуждений Сапсана, но вдумываться не стал, и повернулся к месту, где должна была начаться смертельная схватка.

Атли стоял спокойно, как скала, и смотрел из-под низко нахлобученного шлема, как его противник чертит в воздухе замысловатые фигуры тонким и гибким клинком. Плащ барон навернул на левую руку и отставил ее в сторону, низко присел и хищно оскалился, делая в своего невозму-

тимого противника легкие выпады, стараясь того заставить скрестить с ним меч.

Вероятно, барон был действительно хорошим фехтовальщиком, однако ванир привык сражаться в несколько иной манере. Он пару мгновений с недоумением следил за движениями тарантийца, а затем с ревом скакнул вперед, рубанув мечом сверху вниз. Он прыгнул грузно, как медведь — доспех, щит на левой руке и огромный меч только усилили впечатление грузности и неповоротливости.

Барон легко уклонился от удара, отдернув голову и перенеся центр тяжести на далеко отставленную заднюю ногу, затем мгновенно распрямился в выпаде. Это был не простой выпад, направленный в сердце — клинок смотрел Атли в живот, а затем с быстротой молнии изменил направление полета, и устремился в горло.

Движение было неуловимо глазом, плавное и стремительное, тысячи раз отработанное в фехтовальном зале и нескольких нешуточных поединках. Парировать такой удар, когда он уже нанесен навстречу движению, смогли бы лишь один-два бойца во всем королевстве.

Но Атли и не стал его парировать. Он просто присел и втянул голову в плечи.

Легкий клинок ударил прямо в бронзовый рог его шлема и сталь с хрустальным звоном разлетелась, едва не сорвав тяжелый шлем с ванира. Атли только покачнулся, сам же барон едва не наскочил на него всем телом. Еще не успев понять, что происходит, он автоматически набросил свой плащ на опущенный меч ванира, мастерски дернул его вбок и собрался пнуть врага в колено.

Атли остановил его бросок мощным ударом щита. Окованный железом край врезался в грудь тарантийца и отшвырнул того на три шага. Тот еще попытался встать, но сломанный клинок выпал у него из ослабшей руки и горлом пошла кровь. Эйольв бросился к нему, и бережно опустил на снег. Кругом восторженно кричали.

Пажа до глубины души поразила эта короткая и эффективная расправа над одним из лучших столичных бойцов. Весь поединок длился не дольше, чем требуется, чтобы задуть

свечу. Выпад — и ответный удар. От Эйольва не ускользнуло, что ванир попросту играл с противником, как сытый кот с забавной храброй мышью — он не собирался ни убивать своего врага, ни калечить: первый взмах был совершенно не опасным, даже нарочито не опасным, а удар щита вполне мог прийтись и в голову, а не в нагрудные пластины роскошного баронова панциря.

— А теперь мы выступаем, — как ни в чем не бывало произнес Сапсан.

Атли уже шел к своей упряжке, втоптав в снег обломки великолепного дуэльного клинка.

Глава третья

Поступь громадных копыт была тяжела. С черных, растрескавшихся на морозе ветвей при каждом скоке зверя пышными белыми ломтями валился снег. Самка гигантского северного зубра с шумом вобрала воздух, и из темных провалов ноздрей вылетел горячий пар. Красные злобные глазки, едва различимые среди висящей на морде бурными клоками шерсти, обшаривали окрестности. Что-то встревожило зубра. Самка остановилась, взрыла передними копытами снег и заревела.

В отличие от других, более робких обитателей предгорий восточных киммерийских гор, зубры не боялись никого. Ни полярные волки, ни медведи или барсы, ни твари помельче не рисковали связываться с неукротимыми, как лавины и бури, стадами северных быков.

В особенно страшные голодные зимы хищникам удавалось выкрасть молодых, еще не окрепших бычков, однако они предпочитали, даже умирая от голода, выискивать более безобидную добычу — оленей, зайцев, на худой конец себе подобных. Но даже разбуженный стужей или злыми демонами медведь-шатун, само воплощение лютой и неотвратимой смерти, не стал бы подходить близко к зубру-королеве именно в это время. Теперь она была опаснее всего, опаснее даже, чем скитаясь по пустошам с двумя-тремя беспомощными, нуждающимися в защите детенышами.

Самки и самцы полярных быков обычно живут порознь, если не считать непродолжительного периода, когда только

грозные рога и копыта самцов обороняют от невзгод северной природы молодняк. Основную часть года гордые вожаки отдельно скитаются, подобно ожившим бурным курганам, по безлюдной, взвихренной ураганами и снегопадами пустоши, молодые самцы небольшими группами откочевывают к северным границам Гандерланда, где больше шансов вырыть из-под снега чахлую жесткую траву, а самки, равно как и старые вожди — в одиночку взбираются на отроги Киммерийского Кряжа. Туда, где причудливая воля богов поместила уединенные плато, что находятся выше ледников и орлиных гнезд, на которых, однако, царит вечное лето.

Богам было угодно, чтобы на заоблачных цветущих пастбищах, в грязевых фонтанах, бьющих из-под благоденственной земли, поселилась Безымянная Погибель. Зловонные испарения, лохматыми облаками висящие над сочной зеленью укромных полянок, были совершенно безвредными для зубров, но за несколько часов сводили с ума и убивали людей.

Немногие смельчаки-горцы могли похвастаться тем, что пробирались на заоблачные плато, чтобы добыть драгоценный для не чуждых колдовства южан песок из Родников Безымянной Погибели. И не один из них не оставил наследника, ни один из них не прожил после того дня и трех зим, и конец их ужаснул соплеменников настолько, что и жители Нордхейма, и киммерийцы, и жители Гипербореи и Пограничного Королевства более не посылали своих смельчаков на верную гибель.

Даже охота на зубров считалась с некоторых пор делом весьма губительным и опасным, ибо Повелителей Пустоши без сомнения возлюбили грозные существа, куда как могущественнее земных владык и смуглых с глазами-угольями чернокожих Юга.

За несколько лет до описываемых событий произошло дело неслыханное на севере обитаемого людьми мира, о котором еще долго будут жуткими зимними ночами, слыша хохот ветра, рассказывать у костров старики. Некий стигийский владыка, отчаявшийся договориться с вдруг оробевшими жителями ледяных хребтов и полярных ночей,

отправил за бесценным для неких тайных деяний песком целый отряд.

Отряд этот под пологом черного колдовства ускользнул от пограничных заслонов хайборийских держав и даже пересек пустоши и хребты. Однако в ущельях Восточного Киммерийского Кряжа он был атакован отрядами киммерийцев, асиров и гиперборейцев и уничтожен, со всеми колдунами, собаками и диковинными зверями, сопровождавшими караван.

И хотя меньшими врагами, чем раньше, северяне не стали, однако целую зиму ни капли человеческой крови не пролилось на безразличные снега предгорий.

В том месте, где стаи песцов и волков, урча, догрызали останки стигийцев, обгладывая даже ремешки от сандалий и подвязки шлемов, а росوماхи и барсы дрались за лоскутья кожи из бубнов чернокнижников, гиперборейцы воздвигли каменный обелиск, на котором на всех северных языках, в которых была письменность, была выбита мудрость, седая, как сами горы: «Не буди лиха, пока оно тихо».

Безымянная Погибель надежно хранила зубров с той поры. А в ту пору, о которой мы ведем рассказ, на пути самки мог встать разве что особо зловредный или безумный демон-хримтурс или же безмозглый обитатель Трольхейма, по недосмотру богов и гигантов вырвавшийся в обитаемый мир.

Именно в это время года у самок начиналась течка, и гордые и невозмутимые королевы севера устремлялись на поиски родного стада. В такие дни, заслышав трубный рев, призывный и одновременно — грозный, медведи спешили укрыться в берлогах, барсы — зарыться в снег по самые угольно-черные кисточки на ушах, урча и рыча разбегались хищники помельче, и даже орлы с воронами старались взлететь поближе к рваным, несущимся в бешеных потоках бурь облакам.

Ибо когда на рев откликнулся далекий гул приближающегося стада молодняка, становилось поздно убежать — бурые громады, словно штормовые валы взбесившегося океана, покрывали равнины, срывая копытами целые холмы,

топча все на своем пути, сметая рощи и пробивая в снегу целые рваные раны дорог, по дну которых их копыта размазывали и затаптывали раненых и ослабевших сородичей.

Если не считать ледяных смерчей, насылаемых из Чертогов Имира, северяне более всего на свете боялись этого титанического праздника плоти. Страшились его и восхищались им.

Рев самки стих, ее бока с буграми мышц под замшелой коричневой шкурой, покрытой блестками застывшего кристалликами пота, тяжело опадали, и в такт им воздух вокруг дрожал от грозного хриплого ворчания. Огромная голова, метя снег бородой, качнулась направо, затем налево, копыта вновь взрыли снег. Где-то поблизости была угроза, но в том не повинны были ни медведь, ни барс, ни изголодавшаяся волчья стая. Запах, встревоживший самку, не был запахом зверя, то был запах человека.

Однако ни одна ветка в роще не шелохнулась, ни один снежный ком не скатился со склона скалы, и на тропе, как и на снегу окрест, не было ни следа.

В ущелье за спиной бурой громады взвыл злой ветер, погнав куда-то вдаль облако искрящихся льдинок, и самка решилась. Еще раз мощно взревев, она устремилась дальше, туда, куда вел ее инстинкт из тех, что сильнее страха смерти.

От рева и тяжелого скачка ветви над ней подогнулись, треща и не в силах противостоять давлению снега, обрушили вниз небольшую лавину. Но один из комьев летел вниз гораздо быстрее остальных — и не распался в воздухе на облачную пыль.

Самка зубра, когда тень сверху коснулась ее загривка, дернула горбом, осознав ледяное дыхание Смерти, и попыталась изменить направление следующего скачка, однако копыта проехали по коварному льду и передняя нога подломилась. Все, что она успела сделать, падая набок, так это подставить под летящую смерть крепкий загривок.

Снег заглушил звук падения, только вся роща и тропа вздрогнули, обрушив вокруг тучи белых водопадов. Зрелище удивительно напоминало нордхеймскую сказку про ползучий Холм Предков — коричневый дрожащий валун ше-

велился во взметенных ударом белых волнах — да только Дикий Охотник не вырвался из его недр к небесам с губящим души хохотом, а из самого холма торчало копейное древко.

В следующий миг предгорья огласил еще один рев, на этот раз не призывный, а полный боли и ярости, сорвавший вдалеке небольшую лавину. Самка попыталась подняться, упала на колени, затем, неловко подломив поврежденную ногу, встала. Пар из распахнутой пасти плавил снег, однако мороз на лету схватывал влагу, покрывая место охоты блестящей коркой. Да, это было место охоты, и сам охотник не замедлил появиться.

Синеватая снежная фигура, причудливая не более тех, какими веселые ветры покрывают пустоши ко дню зимнего солнцестояния, колыхнулась и рассыпалась, превращаясь из не приметного бугра у тропы в потайное логово-укрытие.

Поднявшийся из него человек был одет в шкуры, но снег так въелся в них за часы неподвижного ожидания, что он более напоминал легендарную снежную обезьяну, чем киммерийского охотника.

Узрев врага, самка всхрапнула и качнулась вперед, и вместе с ней качнулось древко у нее в загривке. То ли пробившая шкуру и хрящи тяжелая рогатина, то ли сломанная нога причинили ей боль — королева пустоши глухо всхрапнула и не двинулась, настороженно наблюдая за противником.

Охотник меж тем устремился к жертве и покрыл расстояние до нее в несколько могучих скачков, из тех, что не давали киммерийцам проваливаться в вязкие сугробы и так пугали цивилизованных южан совершенно звериной, тяжелой грацией.

В подымавшейся руке сверкнул широкий топор. Самка бросилась на него, склонив огромную голову. Стоптать, вмять в снег и раздавить врага!.. Однако тяжелые раны не дали ей провести атаку достаточно точно и стремительно.

Человек метнулся в сторону, заходя со стороны покалеченной ноги и пропуская тушу мимо себя, и двумя руками

рубанул по бычьей шее. Топор едва не вылетел у него из враз онемевших ладоней. Однако вторичный удар, нанесенный уже вослед проносившейся самке наискось перерубил заднюю ногу у самого копыта.

Вторично бурая королева обрушилась в мокрое, окровавленное месиво на тропе, сломав, как тростинку, раздвоенное дерево — причину ее первого ранения.

Топорище вывернулось из скользких, промороженных рукавиц, и охотник, потеряв оружие, полетел в сугроб. Там он едва успел перевернуться и откатиться с того места, куда валился древесный ствол. Киммериец оказался прямо в проходе, пробитом падающим зубром. Он вскочил, сорвал рукавицы и с достойным самого дикого зверя криком кинулся на поверженного врага.

Вскочить королева пустошей уже не могла, но почувствовав, что враг прыгнул на нее, брыкнулась так, что человек едва вновь не полетел в снег. Одна его рука, выдрав бурый клочок, скользнула по шкуре, оставляя на стеклянних от мороза шерстинках клочья кожи, но вторая крепко уцепилась за древко рогатины. Рыча, он подтянулся, ухватился второй рукой, вскочил на спине зубра и всем телом налег на древко.

Рощу огласило жалобное мычание, переходящее в хрип и бульканье — лезвие, величиной с тяжелый короткий меч, дошло до жизненных центров. Самка конвульсивно дернулась, отчего киммериец упал и остался висеть на древке, и умерла. Человек был тяжел — толстая палка, обшитая волчьей шкурой и обмотанная ремнями, с треском переломилась у самого перекрестья.

Охотник поднялся, отряхиваясь, зло пнул обломки древка, вспрыгнул на бездыханное тело, и взявшись за втулку, торчащую из раны, рванул. Вместе с фонтаном брызг на свет вылетело и лезвие. Киммериец тщательно обтер его об дымящуюся шкуру зубра, потом ухватился зубами за обломки деревяшки, что словно оголенные кости торчали из посеребрянной втулки, и вырвал их.

Щепы и обрывки волчьей шкуры полетели в снег, а рот охотника оказался весь в крови. Впрочем, он словно

бы ее не замечал. Взгляд его шарил по снегу, пока не наткнулся на топор, от которого над взрыхленным снегом виднелся один только черенок. И только подобрав рукавицы, человек снова обратил свой взгляд к поверженной жертве.

Следующие часы он занят был кровавой и не очень приятной работой.

Топор мерно взлетал и опускался, разрывая плоть и прорубая кости. Наконец, задняя нога, вместе с бедром была отделена от туши, а все вокруг оказалось забрызганным кровью, снег от горячей липкой влаги протаял едва не до камней, и под ногами у охотника было жуткое месиво.

Однако его, видимо, не интересовал традиционный охотничий трофей — лучшие мясные части он безразлично отбросил в сторону.

Человек явно не торопился — хотя вся округа наверняка пропахла запахами кровавого пира, — но рев разгневанной самки совсем недавно трижды облетел предгорья, и вряд ли какой зверь мог явиться потребовать своей доли от добычи до наступления темноты.

Человек давно уже работал, раздевшись до пояса — его привычное к холодам могучее тело покраснелось, словно бы на него падали блики неземного огня. Лезвие рогатины и топор покоились, завернутые в меховую куртку, приспособленную в ветвях поваленного дерева. Теперь в его руке появился нож.

Довольно быстро, что показало изрядный навык, он снял с бока зубра большой клок толстой шкуры, нарезал ремней, и соорудил небольшой мешок. Из-за голенища высокого мехового сапога появилась глиняная склянка с какой-то жидкостью, и мешок, вычищенный чистым снегом, был облит внутри и снаружи, а склянка полетела в сугроб.

Киммериец громко и с чувством выругался. Это были единственные слова, что он произнес за сегодняшний день. Облегчив душу, он побольше набрал воздуха и наклонился над огромной раной в том месте, где была нога зубра. Руки

его нашарили пахучие железы, и нож в два движения отделил их от тела.

Ни мгновения не медля, он вскочил, бросил свой страшный трофей в мешок, затянул ремни и, бормоча себе под нос проклятия всем Повелителям Пустоши и их покровителям, принялся оттирать руки. Запах был настолько нестерпимым, что охотник морщился и чихал еще долго, пока собирал свое оружие и вещи.

Затем, оставив ночным хищникам тушу зубра, он все теми же звериными скачками отправился в чащу. Пройдя какое-то время по лесу, он потрогал ладонью зарубку на коре высохшего древесного великана, удостоверился, что эта та самая зарубка, что он оставил сегодняшним утром, и свистнул.

Мгновение спустя из чащи раздался далекий, но быстро приближающийся лай, и появилась свора пушистых собак, впряженных в небольшие сани без всякой поклажи.

Человек потрепал по кудлатой голове вожака, который с интересом обнюхивал его окровавленные сапоги и мешок в руках, затем снял с головы мохнатую шапку с меховым наличником, что все это время была на нем.

Длинные черные волосы разметались по плечам, и молодое, не знавшее ни усов, ни бороды лицо повернулось к слабому, идущему к закату светилу.

— Во имя Крома! — воскликнул юноша, потрясая мешком. — Поддела сделано, и пусть я не увижу восхода солнца, — месть уже крадется к их шатрам!

Вскочив на свою повозку, киммериец бросил прощальный взгляд на деревья, небеса и золотые лучи, пляшущие по снежным курганам, и издал дикий свист. Вожак оглушительно залаял и устремился вперед, увлекая всю упряжку за собой. Больше юноша по сторонам не смотрел. Его голубые, как льды Киммерийского Кряжа, глаза смотрели только вперед, а зубы были стиснуты так, что побелели скулы.

В эти мгновения он и впрямь напоминал Дикого Охотника, того, что в последний час мира со своей призрачной

свитой пронесется по меркнувшим небесам навстречу Последней Битве.

* * *

— Я была в горах. Последние из наших уже пируют в жилище Крома. Они перекрошили целую кучу рыжебордых и погибли, как мужчины.

Говорила пожилая киммерийка, а обращалась она к дряхлому старику, которого годы скрючили в три погибели. Теперь он мог стоять, только опираясь на сильное плечо юного Конана. Эта троица — вот все, что осталось от клана кузнецов из предгорья Восточного Кряжа.

— Мы втроем сделаем все за остальных. Хватит болтать, Дьяра, старик может умереть у меня прямо на руках, а его руки еще нужны Крому.

— Да, говорить нам больше не о чем, — прошамкал старец. — Дьяра, ты принесла мешок и для меня?

Женщина молча вышла из пещеры, где происходил этот разговор, и вскоре вошла вновь, швырнув на каменный пол два кожаных мешка, содержащих то же, что и мешок Конана, лежавший у погасшего очага. Старик наподдал ногой холодную золу и поплелся вглубь укровища, где висел полог из выцветшей и потерявший былой блеск шкуры барса. Он откинул полог и оглянулся:

— Собак отпустили?

— Отпустили, отпустили, — проворчал Конан. Он сидел на корточках и помешивал ножом в глиняном горшке какое-то варево. — Глина сейчас остынет, выводи оленей!

Старик исчез за шкурой и вскоре вышел оттуда, держа в поводу трех великолепных северных оленей. Киммерийцы, даже те, что обитали на самом севере, редко ездили в оленьих упряжках — благородные животные были слишком строптивы, — и почти никогда не ездили верхом. Однако задуманное ими дело требовало именно таких скакунов — кони в это время года были в пустошах бесполезны, собаки бы просто не справились с задачей.

Олени почуяли запах из плотно связанных мешков и взвились на дыбы. Конан с проклятием протянул Дьяре

горшок и кинулся помогать старику. Вдвоем им с трудом удалось успокоить животных.

Дьяра меж тем чисто вымыла лицо снегом и, зачерпнув из горшка голубоватой жижи, нанесла ее на правую щеку и правую половину лба. Глаза ее блестели светом безумия. Затем и старик разрисовал себя священной голубой глиной с горы Бен Морг, пока Конан выводил скакунов из пещеры. Теперь пришла и его очередь.

Наконец все трое имели лица, покрытые с одной стороны быстро темнеющим сизым цветом. Они подхватили мешки, не оборачиваясь покинули пещеру и вскочили на оленей. Те дичились, взрывали снег копытами, косясь на страшную ношу своих седоков.

— Главное, не дайте зубрам догнать вас, пока не ворветесь в лагерь к этим псам. Как увидите стадо, зажигайте костер — начнем одновременно, — велела Дьяра, и трое киммерийцев, для которых не существовало большой войны, Ритуала Кровавого Копья, ничего, кроме мести, понеслись вскачь в разные стороны.

Глава четвертая

Дружина Атли и несколько ватаг примкнувших к нему вольных ванирских вождей в течение всех переговоров своего вождя с командиром Северного Легиона, все долгие десять дней, провела на осадном положении. Как-никак они находились на вражеской территории.

Восточный Киммерийский Кряж испокон века принадлежал черноволосым кочевникам. Разумеется, Атли вряд ли удалось бы уговорить такое количество воинов провести столь долгое время где-нибудь в сердце пустошей или в отрогах северных, южных или западных Кряжей.

Известно было, какой неистовой любовью киммерийцы любят свою землю, затянутую вечными туманами и скованную холодами навеки, и уж кому-кому, а ванирам, давним недругам местных варваров, была известна та тупая упорная мстительность — черта, по мнению даже нордхеймцев более росомашей природы, чем человеческой, с какой кланы Киммерии могут выслеживать, преследовать и травить в своих негостеприимных землях рискнувших туда вторгнуться чужаков. Однако, как уже было сказано, Восточный Кряж — дело особое.

Безымянная Погибель и связанный с нею страх прогнали с его плодородных заоблачных оазисов горцев, и теперь одни лишь зубры-королевы блуждали в зеленом изобилии, возведенном руками богов в двух шагах от вечных ледников. В предгорьях обитал некогда многочисленный кимме-

рийский клан, славившийся на весь север обитаемого мира своими удивительными кузнецами.

Однако, когда в пустоши потянулась длинная рука Аквилонской Короны, Атли, тогда еще один из многих вождей бродячих ватаг, вознамерившийся получить с этого факта определенные выгоды, уговорил нескольких племенных старейшин Ванахейма совершить набег именно в эту область.

Рейд был совершенно безумным — объединенной дружине пришлось прорываться сквозь земли Асгарда, понеся немалый урон, однако старейшины в тот раз оказались на диво покладисты. Каждый из них думал примерно так: молодой и непоседливый Атли, набирающий все больший вес среди молодых, не обтертых жизнью ваниров, скорее всего, сложит свою буйную рыжую голову в глубине коварных пустошей — ну и пусть, в племенах поубавится смутьянов и станет побольше порядка и почитания заветов Имира и славных предков.

Зато без сомнения будут ослаблены киммерийцы... К тому же золото, данное Атли старейшинам за покладистость, так дивно сверкало. И совершенно не смущало многомудрых вождей Ванахейма, что золото то было доставлено на север морем, на аквилонских кораблях, в сопровождении внушительной стражи из отрядов Северного Легиона.

Дружина ваниров прошла огнем и мечом по предгорьям, оставляя за собой пылающие селения и разрушенные кузницы и медеплавильни. В те дни, как докладывали Сапсану, волки и песцы разжирели и обнаглели настолько, что перестали охотиться, а боевой путь дружины Ванахейма можно было проследить, находясь за день пути от ее передовых дозоров — так густо роились над ними иссиня-черные вороны, пепельно-серые стервятники и гигантские орлы.

Жители предгорий были уничтожены почти полностью, и хотя потери были по меркам войн в цивилизованном мире значительными, никогда за все время вражды ваниров и киммерийцев не выпадало жителям Нордхейма такой удачной кампании.

Делу помогло и то, что многие молодые жители предгорий, по указу старейшин, были направлены на юг, где Золотой Лев Аквилонии протянул свои когти сквозь сумрачные ущелья Гандерланда.

Однако выжившие устроили на дружинников настоящую охоту, к тому же ни один ванир не собирался способствовать продвижению аквилонской державы на север очень уж рьяно, да и добычи поход более не обещал, так что Атли, уведомив о том Сапсана, распустил дружину.

Многие вернулись назад — этим на обратном пути так досталось от озверевших киммерийцев и возмущенных вторичным вторжением асиров, что они навсегда прокляли имя Атли. Другие последовали мудрому совету своего удачливого вождя и мелкими отрядами миновали твердыни Пограничного Королевства и стали на время наемниками в Бритунии, обороняя проходы в Кезанкийских горах от гирканских полчищ.

Сам же Атли то выполнял мелкие разведывательные поручения Сапсана в Гиперборее и северной Немедии, то появлялся в бритунских отрядах ванирских наемников, стараясь, чтобы нордхеймцы не забыли удачливого вождя, то исчезал из поля зрения друзей и врагов где-то в заснеженной северной тундре.

Его заветной мечтой было стать морским таном. Втайне и от аквилонских стратегов, и от своих старейшин, чью преданность древним заветам он глубоко презирал, Атли руками доверенных воинов и тишком переправленных на север рабов возводил в одном из бесчисленных оскаленных фиордах своей родины боевые корабли, собирал золото и полезные связи.

Через восторженно поклоняющуюся ему молодежь он расшатывал власть старейшин и битый молью авторитет других военных вождей Ванахейма. И вот — он посчитал, что его время пришло.

Если его набег лишь обозлил киммерийцев и нажил ему несколько десятков кровных врагов в пустошах, то масштабное вторжение аквилонской армии, по его расчетам, должно было вызвать целую лавину грозных событий, каковую

лавину ванирский вождь намерен был использовать на пользу своему будущему танству.

Атли ринулся к Сапсану, затем — в Кезанкийские горы, где его сотоварищи, не воюя вот уже три месяца и не получая платы все пять, готовы были двинуться в Нордхейм.

Здесь он и объявил наиболее доверенным ванирским дружинникам о собственных кораблях и грандиозных планах. Все это было принято наемниками с восторгом, а сам Атли — провозглашен таном.

Это было началом бунта против власти племенной знати и многих установлений, на которых держалась вселенная рыжеволосых почитателей Имира. Однако и сам Атли, и его сподвижники в достаточной степени были затронуты хайборийской культурой, для того чтобы с усмешкой отметить препоны, возведенные их предками для своих сыновей. Новоявленному северному вождю оставалось выполнить две задачи: вернуть своих воинов домой — что было задачей достаточно сложной, а кроме того — сколотить изрядное состояние, чтобы начать действовать на море.

Печальный опыт его предшественников, а имелись и такие, говорил, что Нордхейм не терпит слишком вольнодумных и удачливых вождей — следовательно, надо было подыскивать место для своего пиратского флота и дружины.

К тому же все указанные предшественники, взбудоражив, словно зловеющая комета, умы нордхеймских храбрецов и власть имущих особ хайборийских королевских кровей, пошли на корм рыбам и ныне служили утехой дочерям Морского Владыки — флоты Зингары, Аргоса и Стигии были не по зубам вольным дружинам, равно как и приморские твердыни.

Целью будущих набегов нового тана должны были стать берега Черных Королевств к югу от Куша. Рабы, благовония, драгоценные плоды, черная и красная древесина — все, чем богата земля к северу и югу от реки Зархеба, притягивали алчные взоры Атли.

А для того, чтобы относительно спокойно прошмыгнуть на своих немногочисленных «морских змеях» в жаркие

охотничьи уголья, предстояло подолгу и помногу беседовать с командиром аргосских, зингарских и стигийских флотилий, а лучшим аргументом в таком разговоре могло быть золото.

Этот урок цивилизации варварская душа Атли впитала как сухая глина — дождевую воду: есть металл, чей голос во многих ситуациях цивилизованным южанам слушать приятнее, чем звон стали. И этот металл Атли собирался получить в Аквилонии.

Быстрая разведка показала, что обозленная несколькими поражениями Киммерия готова вспыхнуть. Что такое ритуал, о котором у него шла речь с Сапсаном, Атли слышал с детства. Он был рад, что вызвал столь грозную бурю, что будет дуть ему в паруса, и рад вдвойне, что буря эта обрушится не на его воинство, а на Золотого Льва.

Без сомнения, вскоре Венариум будет осажден. К тому же тан ни секунды не сомневался, так же как и Сапсан, что прорвать осаду войска из Аквилонии не смогут, а скорее всего, будут растрепаны в горах к северу от Гандерланда до полной неспособности. Только истинные северяне смогли бы на равных сражаться с грозными ордами черноволосых варваров.

Став спасителем Венариума, Атли сделался бы обладателем такого количества золота, которое дало бы ему возможность купить мир со своими старейшинами до отплытия и стать пропуском на юг, дремлющий на горах сокровищ в ожидании хмурых северных героев.

Кроме того, хотя, говоря по правде, эти мечты Атли прятал в глубине души даже от самого себя, тан мечтал когда-нибудь вернуться на родину славным и богатым вождем и заставить кое-кого потесниться у племенных костров... Однако столь далеко идущие планы терялись в дымке повседневных ратных забот.

К началу описываемых событий Атли мелкими группами, где крадучись по ночам, в холоде, без еды и костров, где — силой мечей, где — подкупом, провел свое воинство в сердце Восточного Кряжа.

Безымянная Погибель служила ему в некотором роде щитом, а в некотором — и котомкой, ибо беспринципный тан вел дела и со смуглыми южанами, одни расшитые летучими мышами и совами одежды которых послужили бы им пропуском на костер в любой митрианской державе хайборийского мира.

В Стигию и Шем уходили мешки с песком, на север ехали увесистые слитки золота... Предрассудками Атли не страдал, а посему расположил свои пятнадцать сотен дружинников в отрогах Кряжа, продуваемых лютыми ветрами с пустошей, откуда и отправился, сильно, кстати сказать, рискуя, на встречу с аквилонцами.

В день встречи со своим вождем и офицерами Северного Легиона лагерь должны были перенести как можно ближе к югу. Вождь рассудил, что после Ритуала Кровавого Копья бурные реки киммерийского воинства хлынут прямо к Венариуму, оставляя пустоши к северо-востоку от места событий.

Помощники Атли все сделали по чести — носа не казали из отрогов до указанного дня, после чего осторожно, в боевых порядках и полном вооружении двинулись в сторону Венариума. В условленном месте был разбит лагерь. Воины были недовольны — их заставили еще в горах делать из молодых древесных стволов нелепые сооружения под диковинными названиями «рогатки» и волочить их на себе весь марш.

Однако дисциплину в дружине тан навел железную. Рыжебородые поругались, помянули родню Атли, призвали ему на голову Негасимый Пламень Нифльхейма, что рано или поздно пожрет мир, и успокоились. Так что полевой лагерь оцетинился со всех сторон причудливыми конструкциями, о которых варварам много что могли бы порассказать в бельверусской военной академии, и замер в ожидании своего тана и аквилонцев.

Посты были разбросаны повсюду, и ваниры хмурировали клинки и перебирали свои надежные брони, ища слабинку, куда может вкратиться киммерийский клинок.

Вечерело, и слабые лучи угасающего солнца в последний раз пробегали по сугробам, словно пальцы купца по

самоцветам, запоминая очертания. Пурга, весь день завывавшая над пустошами и швырявшая в лица часовых пригорошни льдышек, иссякала вместе с дневным светом. Хмурая северная ночь готовилась простереть свои крылья над равниной, отбирая последнюю власть у благих существ и передавая ее в руки выползней из Тролльхейма и иных, призрачных и зыбких стран, где нечисть чтит не сверкающих ледяных гигантов, а уродливую Хель, Дочь Мировой Погибели, состоящую наполовину из мертвой плоти, наполовину — из желтых костей.

Двое, что сидели для защиты от ветра у подножия большого снежного холма и беседовали, в троллей и выползней из преисподни не верили, однако чем ближе подступали ночные часы, тем больше мрачнели их лица и голоса по неволе становились приглушеннее.

— А я тебе говорю, Снурр, киммерийские демоны не какие-нибудь сопливые южане, что бегут от сверкания мечей, поджав хвосты. В том походе, когда Атли еще только набирался гонору, я дрался с такими мужчинами в этих предгорьях, с которыми, Имир свидетель, мне еще придется позвенеть мечами в Дружинных чертогах Гигантов! — проворчал один из них, не переставая обшаривать глазами быстро темнеющую пустошь.

— Там были не только мужчины, Трулл, и дрались эти демоницы, словно валькирии на твоём щите... — откликнулся второй, наподдав ногой указанную бляху на щите товарища, — ...да, за них нам придется держать ответ еще в этой жизни. Помани мое слово, недобитые горцы идут по нашим следам, как росوماха за раненым лосем.

— Ну, тут ты, Снурр, маху дал, пожри тебя Хресвелъг. Последних десятка полтора этих бешеных собак порубил Ругер со своими ребятами три дня тому, в той балке, будь она неладна... А неплохими бойцами были и Тьюр, да и остальные, — добавил он погодя.

Приятель его кивнул, беззвучно помянув балку неслестными словами, потом встрепенулся и сказал:

— Неплохими, а Эйнар — тот мне должен остался, еще с Бритунии.

Оба помолчали, потом Снурр снова пнул злосчастный щит и спросил, привставая и заглядывая под шлем Труллу, свистящим шепотом:

— Ну тогда скажи мне, чтоб твои волосы побелели до срока, куда это теперь делись Ругер, да и остальные из его десятка?

Трулл толкнул того в грудь, и собеседник его повалился в снег, потом потрогал выбившуюся из-под шлема прядь с таким видом, будто и впрямь мог стать похожим на бледноголовых низинных выходцев, и не торопясь сказал:

— А мне почему знать... в карауле, как и мы. А на марше — может, в авангарде был...

Снурр снова уселся на свой щит и с невеселым задором продолжил:

— Или — в арьегарде. Тоже от тана нашего слов умных набрался? Поганных, немедийских. Тоже мне — меча не знают, с какого конца за него браться, а все называют так, что только троллю и выговорить, и то — подвыпившему троллю. Нет его, Ругера, нет, как не было, — в желудке у Хресвелъга, не к ночи будет поганный помянут! Меня сотник услал в первый лагерь, еще с тремя, прибрать там кое-что с собой. Мы пришли, а там...

— Что там? — почти заорал Трулл, начисто забывший, что он в дозоре, и вскочил, нависнув над напарником.

— А то... — снизу вверх глядя на него и недобро щурясь, проговорил Снурр. — Бошки их рыжие на колах торчат, мечи сломанные пополам — там же, шлемы без рогов — все как надо...

Не только в Нордхейме, но и в пустошах, и в Гандерланде, Пограничном Королевстве, Гиперборее, Северной Немедии и даже — Бритунии это означало, что не возжелавший вместе с оружием принять в себя часть души павшего, намерен загнать его мимо Чертогов Блаженства прямоком в Воды Забвения, в чем и клянется посмертной судьбой своей души.

Слова употреблялись везде разные, но за ними стояли тени мрачных легенд, память о которых стерлась из люд-

ских преданий к югу от Нумалии и Галпарана. Это означало кровную месть, но сверх того, еще и покушение на то в человеке, о чем не говорили суровые северяне, о чем напрочь забыли южные гиперборейцы и о чем совсем не знали жители Черного континента и восточных степей.

— Жив, значит, тот сопляк... — проговорил Трулл, собираясь сесть.

— А может, и не он один, проглотил их пес Гарм, — печально добавил Снурр, когда они оба мгновенно почувствовали, что в пустошах что-то происходит.

Земля дрогнула у них под ногами, слегка заколыхалась. Оба ванира смотрели друг на друга с суеверным ужасом. Вершина снежного холма покатила вниз и обсыпала обоих колючим крошевом.

В это же время в лагере дико взвыли псы Нордхейма. Их безнадежный, полный боли и тоски вой вмиг смел лагерьный покой и сонную одурь привала. Ваниры вылетали из шатров, кто — на ходу опоясываясь мечом, кто — кидаясь к упряжкам, стараясь вразумить обезумевших собак. Те из дружинников, кто были детьми гор и скал Нордхейма, недоуменно шарили глазами окрест, свистом подзывали к себе скулящих вожakov упряжек, и поминали разом всех хримтурсов, самого их отца и даже запретное имя Дочери Ледяного Гиганта.

Им было отчего прийти в изумление и растерянность — подобным образом вели себя псы Нордхейма только в родных предгорьях и ущельях, предупреждая хозяев о внезапном извержении вулкана, надвигающейся лавине или снежном оползне.

Однако кругом, теряясь в липком, холодном тумане, расстилалась киммерийская пустошь, где последние солнечные блики метались по сугробам, будто бы уворачиваясь от серых, бесформенных теней облаков, накрывших плотным пологом сизое безмолвие.

Часовые, разбросанные вокруг лагеря, почти одновременно ощутили мерное подрагивание тверди под ногами, услышали надвигающийся дробный топот, глухой, но приближающийся с грозной неотвратимостью штормового вала, и

увидели в неверном вечернем тумане взметенные тысячами копыт снежные буруны.

— Туры! Снежные туры! — первым опомнился Снурр. Назвав Повелителей Пустошей ванирским именем, он схватил за плечо своего товарища, который как замороженный следил расширенными от ужаса глазами за надвигающейся волной из взметенного снега и ледяного крошева, что широкой дугой охватывала лагерь с юга.

— Бежим, Трулл, бежим! — И дюжий воин почти волоком потащил за собой упирающегося воина, который впал в какое-то смертное оцепенение и хриплым, давно пропитым и сорванным в бесчисленных боях голосом навывал строки из «Наваждения о гибели Богов».

Подобная же картина наблюдалась и в других секретах — с северо-запада и северо-востока, в грохоте и дрожи, валившей людей с ног, надвигались валы вздыбленной плоти пустоши.

Вначале опомнились, как им и полагалось, ванирские вожди — некоторые из них слышали о брачных игрищах грозных зубрих стай, некоторые разобрали в оре и крике, повисшем над лагерем, слова ворвавшихся туда часовых: «...Туры, туры идут!», пропустив мимо ушей истошные визги о Диком Охотнике и Последней Битве, кое-кто и разбираться ни в чем не стал, а, раздавая пинки, тычки и колотушки, привел к повиновению ближайших мечущихся бойцов и повел их на встречу неведомой опасности, резонно заключив, что оружие — самый древний оберег, а стену из щитов и копий еще не прошибала ни одна бесплотная нечисть.

Меж тем три стада из молодых зубров, ведомые на манящий запах умелыми и безжалостными киммерийскими руками, стали различимы для сильных духом — над белесо-синими пенными тучами неслись бурые туши, набившие шеи и грозно выставившие могучие рога. Грозное и неистовое мычание оглушало, от грохота палаточные шесты выворачивало из наста и временное пристанище дружины начало таять — шатры, как листья осеннего леса в ураган, бесшумно валились под ноги ванирам, злые ветры гнали их пологи взад-вперед, усугубляя панику.

Первым пал Трулл, которого упорный Снурр доволол почти до самого начала лагеря, но, оглянувшись, бросил и дико заорал, тыча в надвигающийся вал обнаженным мечом. Трулл, как во сне, обернулся и вмиг увидел сплошную движущуюся стену бородатых голов, рогов и копыт, перед которой неся олень, на спине которого, воздев руку с каким-то мешком и припав к пятнистой шее, сидел Конан.

Все смешалось в глазах ванира — белые буруны, рога, копыта, пена, летящая из окровавленных оленьих губ, всадник, половина лица и тела которого, словно у богини Смерти, была синей... Он закричал, как не кричал никогда в жизни, успев увидеть, как наполненный криками и мычанием тысяч глоток воздух вспарывает крутящийся в полете топор. В голове словно что-то разорвалось, удар швырнул его прямо под ноги бешено летящего оленя, и стадо, втоптывая его тело в снег, ворвалось в лагерь.

Конан уже давно не мог управлять своим оленем — благородное животное спасало свою жизнь, и пока стадо несло следом, олень как стрела летел над сугробами и снежными холмами. Прodelав отчаянный прыжок, он сиганул через рушащийся на землю шатер, скакнул вправо — оттуда ему под ноги метнулась свора совершенно взбесившихся собак, потом — влево, когда в его бок выскочивший из палаточного лабиринта ванир всадил копье.

Олень поднялся на дыбы — бешеный удар тяжелого копыта превратил лицо под шлемом в кровавое месиво и бросил уже бездыханное тело на группу лучников, старавшихся встретить неведомого врага во всеоружии. Олень скакнул дальше, но как-то неровно, боком, медленно и тяжело, и Конан понял, что скачка окончена.

Он оглянулся по сторонам, раскрутил над головой мешок со страшным трофеем, отчего кровавые опметки разлетелись из вспоротой шкуры во все стороны, прыгнул со спины умирающего животного и юркнул меж шатров. В следующую секунду шатающийся олень был утыкан стрелами и рухнул на колени, стукнув рогами в оброненный кем-то щит.

Вслед за ним в промежутки меж шатрами ринулись быки, и ванирам стало не до мальчишки, возникшем в диком и жутком виде из ледяного тумана над пустошью и растворившемся как по волшебству.

Стадо, которое несло с северо-востока, настигло своего поводыря, не добежав до лагеря — олень, несший старика, споткнулся и, сломав ногу, полетел в снег. Его туша придавила ногу киммерийца.

Передовые быки остановились так резко, что тучи взметенного снега еще некоторое время плыли навстречу выдвинувшемуся из лагеря строю ваниров. Здесь находился один из самых решительных помощников Атли, который даже при виде призрачного воинства Троллхейма, скорее всего, скомандовал бы своей ватаге: «Сомкнуть щиты, вперед, во имя Имира!»

Самый громадный, темный, как старый дуб, зубр осторожно потрогал копытом мешок. Раненый олень попробовал вскочить, но подлетевший сбоку бык ударил его всем корпусом так, что отбросил далеко в сторону. Наступила секундная тишина, затем разгневанный рев потряс темнеющие небеса.

Стадо, размалывая старого киммерийца и оленя копытами, двинулось вбок, вдоль сомкнутого строя ваниров на расстоянии полета стрелы. Бока у зубров от долгого бега тяжело вздымались и опадали, головы были низко опущены.

В строю раздалась вздох облегчения. Ваны не разглядели в мельтешении надвигавшейся бурой волны ни всадника и его нелепой гибели, ни, естественно, причины ухода стада. Каждый дружинник сам для себя решил, что ледяные гиганты, оценив их мужество и готовность умереть во славу Имира, отвели угрозу.

Некоторое время три сотни рыжебородых северян наблюдали поверх щитов, как удаляется стадо северных туров, затем стиснутые до белых пятен на костяшках копыта, как в едином порыве, вздрогнули и опустились к земле.

Командир отряда, вогнав меч в ножны, взъерошил бороду и хотел что-то сказать вослед удалявшемуся мычащему

потоку, когда за его спиной в лагере послышался дикий топот, истошные вопли и лязг оружия. Мгновение спустя вновь ошетинившийся строй развернулся спиной к пустоши и боевым шагом двинулся назад, туда, где в лагере уже вспыхивали первые шатры, где хрипло лаяли псы и откуда вылетали навстречу гибели на копейных жалах первые быки, как вихрь промчавшиеся сквозь стоянку дружины тана Атли.

Стадо, которое вела Дьяра, чуть позже стада Конана, также ворвалось в палаточный городок, стоптав у самых его границ жидкий строй перепуганных наемников. Два бурых грозных потока столкнулись в самом сердце людской стоянки, и над тем местом, где разлетелся Конанов мешок, склонив рога, бросились друг на друга передовые зубры.

Вековая полярная драма, знаменующая зарождение будущей жизни, развернулась в центре разворошенного людского улья. Быки вставали на дыбы, мычали и ревели, роняя хлопья кровавой пены, с треском сталкивались рога, соперники то и дело опрокидывались навзничь, сметая шатры и давя собак, чтобы вскочить вновь и с удесытеренной яростью вновь кинуться друг на друга.

Хозяева пустоши не прерывали сражения даже тогда, когда их бока оказывались истыканными стрелами, а на хвостах и лохматых загривках повисали пришедшие в себя псы Нордхейма. Молодняк видел перед собой только дерзких соперников, ноздри раздувались от дразнящего запаха, разлитого повсюду — в этой войне людям не было места, их попросту не замечали.

И ваниры успели в этом убедиться. Не зря в дружине тана были собраны самые отчаянные и опытные бойцы севера. Они быстро пришли в себя от первоначального испуга, взяли в стальное кольцо центр лагеря и принялись методично уничтожать зубров, стараясь к ним не приближаться. Тучи стрел, копий и метательных топоров обрушились на сражающихся быков, и грозный рев сменился жалобным мычанием, а утопанный сотнями ног и копыт снег стал красным.

Вскоре к битве подключились командиры. Сквозь рев и грохот раздалась свистки и рожки, стальное кольцо в двух местах разомкнулось, и ваниры, перегруппировавшись, двинулись неспешным шагом, выставив копыта и вытесняя зубров из лагеря.

Первый запах схватки утих, трофея, из-за которого следовало ломать рога, на месте не оказалось, к тому же самые неистовые самцы уже погибли, и более робкая молодежь стала оглядываться на людей, вздрагивать от стрел, пробивающих шкуру, отбрыкиваться от снующих между ними собак.

К тому же все вокруг настолько пропиталось запахом их собственной крови, что отуманивающий аромат, гнавший их через пустошь и заставлявший не замечать любые препятствия, начал таять. Инстинкт выживания начал брать свое — самые робкие и израненные зубры устремились в открывшиеся проходы, преследуемые кровожадными собаками.

Через некоторое время два стада смешались и ринулись вон из ловушки, стоившей хозяевам пустоши едва ли не половины поголовья. Ваниры, разгоряченные битвой, еще не успели как следует задаться вопросом о причинах внезапного нападения животных — деле совершенно неслыханном.

Отдельные воины еще преследовали уходящих быков, другие разбрелись добывать раненых животных и оказывать помощь своим затоптанным товарищам, чьи голоса стали то тут, то там пробиваться сквозь смолкающее мычание, когда запылали первые шатры и упряжки.

Черные клубы дыма устремились вверх в разных концах лагеря, следом крики воинов и истошный лай псов, не ушедших преследовать туров, возвестил дружине, что в самом сердце ее разрушенной стоянки их поджидает другой беспощадный враг.

Снурр был одним из первых, кто увидел источник новой напасти. Он волок раненого лучника к одному из уцелевших костров. Могучее копыто размолотило ему левую ногу, несчастный потерял сознание от дикой боли, и лишь

рука мертвенной хваткой держала обломки бесполезного лука.

Он дважды обходил трупы воинов, души которых, без сомнения, уже пировали в Ледяных Чертогах, когда обратил внимание, что у одного из них аккуратным и точным ударом клинка была обрублена голова. Шлем со сбитыми рогами валялся в луже крови, а сама голова, надетая на обломки меча, таращила на Снурра белесые глазницы.

— Имир! — выдохнул ванир, бросая раненого и хватаясь за топор.

В ту же секунду шатер, возле которого происходило все это, задымился, пологи его заколыхались, распираемые пламенем, и жадные красные языки лизнули опрокинутые неподалеку сани. За спиной Снурра раздался топот и хриплое дыхание, задев его боком, к саням устремился большой поджарый пес, клыки которого были злобно оскалены.

Пес коротко зарычал и прыгнул за шатер. Оттуда раздался глухой стук удара и последний жалобный визг. Пламя занялось, шатер стал медленно падать, и в дрожащем, неверном воздухе Снурр успел разглядеть колеблющуюся вместе с ветром призрачную фигуру.

Она была до того ужасна, что ванир мгновенно признал в ней свою смерть — и дико растрепанные волосы, и располовиненное на алое и синее гибкое тело, и повелительный взмах руки, и дикий женский хохот, более похожий на карканье могильного ворона. Снурр упал на колени, схватившись за сердце. Пальцы его оплели короткое топорщице, а меркнувший взор успел запечатлеть лишь самый обух уходящего в тело топора.

Рука дрожащей в раскаленном воздухе фигуры опустилась, дикий смех умолк. Дьяра в два прыжка оказалась рядом с поверженным врагом, пинком перевернула его на спину, вырвала из раны топор и занесла его для удара. Одновременно со стуком откатывающейся головы появился ванирский сотник. Последним его словом было суеверное:

— Хель!

Дьяра, покрытая, кроме синей глины, еще кровью своих жертв и копотью, ринулась на него. Сотник справился с

испугом и, подняв меч, с ревом кинулся на киммерийку. Это был тот самый командир, что успел вывести в поле три сотни копий, опытный и бесстрашный.

Увидев широкий замах, он прыжком сместился вперед и чуть-чуть влево, припадая на колено и подсекая ноги. Он уже понял, что перед ним обычная женщина, и будь она хоть трижды киммерийкой, искусный в споре мечей наемник не сомневался в успехе. Время замерло, только раскаленный воздух плыл восходящими клубами, заставляя предметы искажаться и дрожать.

Любой, даже самый могучий боец прервал бы замах топора, чтобы перепрыгнуть меч, или же — отшатнуться. И к тому, и к другому ванир был готов. Однако пустые, отрешенные глаза женщины уже смотрели на нового противника, несущегося к ним, а топор летел точно в голову сотника.

Все инстинкты выживания умерли в ней, она шла не сражаться, а убивать, сама она была уже мертва. В том бою, в пожаре и панике ванирского лагеря топор, ведомый рукою самой Хель, не дрогнув, обрушился меж бронзовых рогов шлема противника и расколол череп.

Сотник был уже мертв, однако его тело все еще боролось за ускользающую жизнь, недолго, всего одно мгновение — летевший вниз меч в полете дрогнул и попытался изменить направление движения, взлететь, защищая уже несуществующую голову... потом бессильная рука, лишь только замедлившая уже ненужный удар, донесла клинок до цели.

Удар плашмя пришелся в подколенный изгиб Дьяры, она упала рядом с еще оседающим мертвым врагом и рыча вскочила. Топор, коснувшись земли, мог отлететь в сторону, однако кисть, мертвенно державшая его, не разжалась и была сломана.

Киммерийка словно бы не заметила этого — лишь оружие в момент ее броска к новому противнику отделилось от болтающейся нелепо руки и бесшумно упало в бурый снег.

Молодой наемник пытался одновременно привычным движением вскинуть и натянуть лук, и осознать странную

гибель известного мастера одиночного боя, когда его глаза скользнули по летящей к нему женщине... и душа его возопила: «Это — Смерть!»

Пальцы механически разжались, однако стрела ушла куда-то вбок, когда летящий, казалось, из самого пламени демон коснулся его. Пальцы здоровой руки Дьяры самыми кончиками коснулись его шеи, вторая протянутая вперед рука была жутко вывернута и изогнута, а перед лицом наемника возник лик Хель.

Ванир огласил воздух истошным воплем и на ватных ногах ринулся прочь, а киммерийка обрушилась вниз.

Когда к месту происшествия подбежала группа воинов, волоча за собой упирающегося и белого как снег лучника, они застали лишь кучи дымящегося пепла, разбитые шлемы и нанизанные на осколки бесполезного оружия головы с перекошенными от неземного ужаса лицами.

В другом конце лагеря царил не меньший переполох. Там еще метались обезумевшие зубры. Конан, не прячась, носился по лагерю с факелом в руке и окровавленным ножом — в другой. Десяток шатров и саней чадили и пылали, усугубляя неразбериху.

Раненые туры с истошным трубным ревом сметали и затаптывали всех на своем пути. Юному киммерийцу долгое время удавалось остаться вне поля зрения ваниров. Все те, кто натыкался на мстителя, оставались лежать на месте встречи.

Поэтому слух о киммерийском нападении на лагерь разнесся не скоро, и причиной тому были действия Дьяры. Она не надеялась выжить в этой мясорубке и не таясь ходила меж палаток. Но долгое время никто не пытался подойти к израненной, явно безумной фурии. Ее травили как зверя, вытесняя все дальше и дальше из центра лагеря.

Наконец она оказалась прижата к рогаткам. Хитроумные приспособления спасли многих — на острых кольях жалобно мычали многие зубры, нашедшие здесь остановку в своей безумной скачке.

Большая часть животных так и не смогла прорваться внутрь лагеря, за исключением двух потоков, которыми управляли Конан и Дьяра — они на оленях ворвались в небольшие проходы, оставленные для часовых, и немногие полярные быки, немногие, но самые сильные, ринулись вслед за ними.

Теперь женщина, еле волочившая ноги от ран и усталости, обернулась. Сзади были рогатки с нанизанными на них мычащими и шевелящимися тушами, впереди надвигался полукруг сомкнутых щитов и нацеленных на нее хищных копейных наветрий. Женщина расхохоталась и, собрав последние силы, швырнула в приближавшихся врагов липкий от крови нож. С безжизненным стуком оружие грянуло в один из щитов и упало в снег.

— Конан! — с нечеловеческой силой закричала киммерийка. — Уходи, уходи в горы, Кром доволен нами. Ты еще понадобишься своему народу, беги!

Когда из-за спин дружинников свистнули первые стрелы, женщина, внушившая ванирам столь небывалый ужас, выкрикнула имя своего бога, чьим именем она сегодня совершила так много убийств, и прыгнула на врагов.

Когда из дымных клубов к рогаткам выскочил Конан, услышавший последние слова последней женщины своего клана, над ее утыканным стрелами телом толпились ваниры.

— Это была сама смерть! Хотел бы я знать, какой демон вселился в эту бабу. — С этими словами говоривший нагнулся и, перевернув мертвую Дьяру, тронул пальцем остротки голубой глины на ее щеке.

Это движение спасло ему жизнь — лезвие рогатины, брошенное Конаном, прошелестело у него над головой и воткнулось в грудь одного из лучников, швырнув того на рогатки.

— Вот он! — закричало сразу множество голосов, и Конан нырнул в лабиринт развороченного лагеря.

Нечего было и думать отбить тело Дьяры и тем более — вытащить его из лагеря. Ваны уже пришли в себя и организовали на него настоящую охоту. Больше он не мог

им причинить ни малейшего вреда, а лишь бесславно погибнуть. Долг мести был сполна уплачен.

— Благодарю тебя, Кром! — вознес юноша к чернеющим вечерним небесам бесхитростную молитву. — Тени погибших киммерийцев уже идут к твоим чертогам. Я не просил у тебя жизни, но не стану и отказываться от дара.

Он наклонился, набрал полные горсти красного от крови снега и с остервенением растер лицо, смывая маску смерти. Затем нашел место почище и наскоро смыл с себя остатки крови и глины.

Несколько раз мимо него проходили жаждущие боя ваниры, однако юноша прятался, со злорадством прислушиваясь к их разговорам об огромных потерях, о демонах, хозяйке смерти и взбесившихся турах.

Когда на лагерь упала крошечная темень, легкая, неслышная тень заскользила меж кострами и трупами. Одна из рогаток была аккуратно выдернута из снега, и тень ускользнула в пустоши, объятые мраком.

В эти самые минуты к лагерю подъезжала упряжка, рядом с которой брели усталые аквилонцы, Атли и четверо его воинов. Главарь наемников уже видел по мечущемуся в лагере огню, крикам и царящему хаосу, что дело неладно.

Кроме того, совсем недавно их едва не затоптали выросшие вдруг из мрака гигантские зубры, которые неслись со стороны предполагаемого местонахождения его наемников, не разбирая дороги. Туши их были буквально истыканы копейными древками и стрелами.

— Они, что же, у тебя охоту устроили? — спросил Сапсан, едва поспевая за ванирами, устремившимися к лагерю.

— Не знаю, но кое-кто поплатится головой за этот гвалт! Имир и все, сколько их есть, великие гиганты! Да на этот шум сюда к утру сбежится пол-Киммерии! — прорычал в ответ Атли.

— Сейчас тут самое безопасное в пустошах место. Все черноголовые или у своей священной горы клянутся перед Кровавым Копьем пролить реки аквилонской крови, или

уже под стенами крепости, — пробурчал один из дружинников.

— Заткнись, Хорса, и иди назад, постереги этого мальчишку, еще не хватало, чтобы в темноте его затоптала какая-нибудь бешеная корова, или застрелил один из часовых. Кстати, а где часовые, поberi их прах! Нет, пару-тройку голов я сегодня снесу, дайте только разобраться! — С этими словами Атли остановился и принялся молча разглядывать рогатки, которые словно бы были живыми — мычали, шевелились, кое-где были повалены.

Пока они созерцали разгром, учиненный киммерийцами, примчался Хорса, отправившийся было к упряжке и Эйольву.

— Там, там... кто-то увел мальчишку. Я нашел только его меч. Сопляк что-то заметил, или собаки подали голос, он отошел от саней... потом кто-то на него напал, выбил из рук меч...

— И что еще? — ледяным тоном спросил Атли. Было видно, что его совершенно не волнует судьба никчемного с его точки зрения пажа.

— А еще кто-то украл тюк с одеждой. Темно, следов уже не найти.

— Так, вначале разберемся, что тут произошло, а с рассветом — в погоню, — сказал Сапсан, и они направились к проходу в рогатках.

В эти минуты Конан гнал перед собой Эйольва и гадал, пустят или не пустят собак по следу.

Глава пятая

Атли рвал и метал. До такой степени рыкающим и бешеным его не видели со времен ссоры со старейшинами по поводу похода в эти злосчастные предгорья.

Он метался по разворошенному, дымящемуся лагерю, как барс, с красными, налитыми злобою глазами, кричал дурным голосом на правых и виноватых, а его меч при ходьбе в разболтавшейся португее хлестал его по бокам, словно чувствовал себя хвостом гигантской снежной кошки, что вернулась домой и застала берлогу разоренной, а детенышей — израненными и полумертвыми.

Было от чего прийти в отчаяние. Набег снежных туров стоил дружине полусотни бойцов, затоптанных, задавленных и зарезанных киммерийцами. Кроме того, равное им количество ваниров в ближайшее время не могли участвовать в боевых действиях — с раздробленными руками, сломанными ребрами, исполосованные горскими кинжалами, они мало того, что ослабляли и без того крохотную дружину.

Тан понимал, что оставить их зализывать раны в киммерийских пустошах значило бы обресть их на верную и лютую смерть. Следовательно, их надо было каким-то образом перебросить на родину — а это означало выделение охраны. Нечего было и думать прорваться в Венариум с ранеными.

Самым неприятным было то, что нападение мстителей не только нанесло непоправимый ущерб боеспособности

маленького отряда наемников, уменьшив количество мечей. Оно ввергло дружину в пучину нелепейших, с точки зрения Атли, суеверий и мифов.

Вот и сейчас, бродя по лагерю, тан слышал на все лады пересказываемые подробности нападения, расцветченные следами дремучих нордхеймских преданий — тут была и хозяйка смерти Хель, которая якобы лично металась по лагерю, пожирая всех на своем пути, и сам Дикий Охотник, пронесшийся среди поля битвы, снося головы и предвещающая скорую гибель мира, была тут и воля Имира, отвратившего одно из турьих стад от добычи, поощряя сильных и умелых.

Одним словом, все то, что для цивилизованных хайборийцев звучало туманной сказкой, а для ничего на свете не боявшихся грозных ванирских наемников было теми нитями, из коих сотканы их сны.

Атли не был бы Атли, если бы не понимал — именно из этой питательной среды страхов и суеверий, запретов и героических деяний вырастает железное древо власти старейшин.

Его ноздри, словно у встревоженного животного, раздувались — он словно бы уже чуял, как скальды, каковых немало было в его дружине, начнут распевать «О Погибели Мира», особенно громко и голосисто выделяя кенинги, посвященные причинам вселенской катастрофы — забвение воинами заветов туманных, но мудрых предков.

Если военный вождь был воплощением Имира и всей его свиты хримтурсов на поле брани, то на привале думами воинов полностью и безраздельно овладевали бродячие скальды. В чем-то мудрые и суровые, а в чем-то — сущие дети, жители Нордхейма не мыслили своего существования вне уложений древних бесчисленных преданий.

Другое дело, что суровая реальность окружающего мира, грозная и требующая полной концентрации в себе, уводила ваниров из былинных пучин в мир огня и стали, призраки тускнели и отступали в глубины сознания. Наиболее циничные из молодых ваниров и те, кого, как и Атли, задела сияющая колесница просвещенной хайборийской культуры,

совершенно не оглядывались в своих действиях на эти выплывшие тени. Но то — до поры, до времени.

Как только парадоксальный северный мир выкидывал очередное коленце, вполне напоминающее внешне один из узловых моментов преданий старины, как ваниры из ситуации «здесь-и-теперь» могли в мгновение ока соскользнуть в мифологическое измерение с другим временем, другой географией, другими правилами игры.

Атли уже не раз и не два видел, как его начинания разбиваются, словно бессильные волны, об этот гранитный утес: воины оказывались потерянными в самом гиблом месте Срединного Мира, окруженные чудовищными хрестельгами, гармами и драконами, с тверди небесной на них беспощадными ледяными глазами смотрел Имир из своих Чертогов, земля, не скрепленная исполнением обычаев предков, расплзлась и разверзалась у них под ногами, и в трещины бредовой реальности в любую секунду могли хлынуть жители Тролльхейма или бесплотные слуги Хель, и откуда мог вырваться, сшибая звезды, солнце и луну Дикий Охотник.

В такие минуты Атли проклинал Нордхейм и волю Ледяных Гигантов, что заставила его родиться среди дремучей дикарской полярной зимы.

Сколько затей пошло прахом, сколько походов не состоялось и сколько битв было проиграно! Тан мог сражаться с противниками из плоти и крови — в этом ему, вероятно, не было равных на севере обитаемого мира, однако он был бессилен перед призраками и кенингами скальдов.

Следует, однако, отметить, что и сам Атли иногда просыпался в холодном поту и с диким криком на устах, когда ему вдруг в кошмарном сне привидится, что он умер от болезни или же утонул, и посланные за ним из Ледяных Чертогов валькирии вернулись в Валгаллу ни с чем.

Не было для самого тана ничего более жуткого, чем возможная смерть не на поле боя и неизбежные посмертные скитания в костяных палатах хозяйки смерти с последующим погружением в Воды Забвения.

Затем наступал день, с его заботами, сражениями и походами, и Атли вновь с презрением и негодованием следил, как его бойцы перед битвой облачаются в амулеты и обереги, срывая стремительную атаку, потому что часовые ночью видели падающую звезду с зеленым хвостом, или скальд, исполняя кенинги восславления Гигантов, подавился и закашлялся.

На сей раз дело было еще хуже. Что-то в горском нападении было действительно пугающее — когда двое бросаются на целое войско (про старика, затоптанного на подходе к лагерю, Атли знать не мог), причем один из двоих — мальчишка, а вместе с ним — женщина... когда грозные и неукротимые снежные туры безо всяких причин штурмуют людскую стоянку... когда израненный сопляк, у которого погоня висит на плечах, умудряется похитить у самого тана и его телохранителей важную персону... когда...

Словом, после всего этого тан не мог позволить возникнуть разговорам о том, угоден Имиру данный поход или не угоден. И он всеми силами не позволял.

Подгонял тех, кто собирал сани для раненых, назначал воинов в сопровождение — стараясь наиболее суеверных, склонных к песнопениям, и тех, кто лоб в лоб столкнулся с Конаном и Дьярой, назначить в отряд сопровождения, делил припасы. К озабоченному не на шутку тану подошел Сапсан.

— Атли, сколько воинов ты поведешь к Венариуму, — гандер указал рукой на сани с ранеными, — ты и без того привел в предгорья меньше, чем обещал, а теперь...

— Я обещал спасти вашу крепость, и я ее спасу. Если понадобится — в одиночку, без дружины.

Было видно, что ванирскому вождю в данный момент совершенно не было дела ни до аквилонской твердыни, ни до конунга южан, который без дела слоняется по лагерю и сует нос туда, куда ему, южанину, нос совать совершенно нечего.

Ответ не понравился аквилонцу, и он бросил в лицо ванира:

— Если двух киммерийских псов и стада коров хватило на то, чтобы вывести из строя сотню твоих дружинников, то чего будешь стоять в бою ты один?

Губы Атли побелели, рука мягким движением опустилась к мечу. Сапсан меж тем стоял совершенно спокойно и смотрел несколько отстраненно, как привык смотреть на излишне ретивых новобранцев, прямо в точку между кустистыми рыжими бровями.

— Ты хочешь проверить, конунг?

Свистящий шепот Атли разбудил дремавшего неподалеку волкодава. Пес вскочил и зарычал, ища противника. Затем скакнул к говорившим.

— Ты горяч, Атли, а я холоден, и голова моя поседела раньше, чем ты убил из детского лука своего первого оленя. — Сапсан совершенно спокойно сел на корточки и потрепал собаку за холку.

Та бешено завияла хвостом, сметая с сапогов гандера снег. Вокруг уже собралось несколько дружинников, которые, сохраняя каменные лица, взирали на эту сцену. Были они из числа тех, на кого Атли не стал бы прикрикивать, прогоняя проверить собачью упряжь — иссеченные шрамами, твердые, как приморские скалы, наемники, гораздо старше Атли по возрасту.

Хмуро оглядев их невидящими глазами, вождь убрал руку от меча и, не в силах себя сдержатъ, наподдал сапожищем псу, который ткнулся было носом ему в ногу. Взвизгнув от неожиданности и обиды, пес убрался за спину Сапсана и там принялся яростно вылизывать ушибленное место.

— Я отправлю своих раненых и тех, кого не прельщает аквилонское золото, вместе с ними — и робких, и болтливых...

— И сколько же останется? — спросил гандер кислым тоном, с интересом разглядывая серебряную фибулу, которой был скреплен у горла его плащ.

— Десять сотен северных волков, Сапсан. — Атли тоже уставился на витую застежку.

Гандер взвился:

— Тысяча мечей, о Митра! Да ты обещал привести две с лишним из Бритунии! Киммерийцев будет — как сугробов на этой проклятой солнцем равнине!

— В Бритунии мои люди дрались в Кезанкийских горах и несли потери... — начал было Атли, но Сапсан уже разошелся не на шутку:

— В Венариуме стоят четыре тысячи моего Легиона, и пять-шесть сотен новобранцев, вполне способных если не для боя, то чтобы дорого продать свою жизнь на стенах. Орантис Антуйский, будь он неладен, отдал приказ двум столичным полкам панцирной кавалерии и свободным от обороны немедийской границы баронским дружинам двигаться к крепости — а это еще по меньшей мере пять тысяч. Так скажи мне — за что я буду платить так много золота тебе, Атли?

Тан уже справился со своими чувствами и ответил спокойно и холодно, словно был не вождем разбойной бродячей ватаги, а заправским тарантийским вельможей, поднаторевшим на интригах:

— Легион — уже не твой, Сапсан. Ты — большой конунг на севере Аквилонии, но только — на севере, есть еще такие, как Орантис. — Зубы гандера скрипнули, удар попал в цель. — На каждого солдата легиона придется по меньшей мере десяток этих бешеных псов. Что же до панцирной кавалерии и ваших расфуфыренных, словно петух перед случкой, баронов... — Атли хищно ухмыльнулся, — в горах Южной Киммерии найдется немало недобитых тобою шаек, которые так обглодают этих олухов, что киммерийцам достанутся одни кости. И хотел бы я посмотреть, что будет делать ваша хваленая кавалерия в снегах и холмах.

Прислушивавшиеся к разговору наемники загомонили, на все лады обсуждая, как удобно и приятно изничтожать конников и из-за стены щитов, и расстреливая их с вершин холмов из луков, и заманивая в глубокий снег, и стаскивая с коней. Атли молчал, скаля зубы.

Сапсан некоторое время прислушивался к ванирской похвальбе, думая о чем-то своем. Меж тем тан продолжил, когда гомон начал стихать:

— Кроме того, конунг, — он часто называл аквилонца этим северным титулом военного вождя, подчеркивая свое уважение к командиру Северного Легиона, однако на этот раз титул звучал явно издевательски, — теперь не ты командуешь всей кампанией, я думаю, что тебя бы порадовало известие о том, что Орантис Антуйский подвел под луки и пращи разбойников дворянскую кавалерию — красу и гордость Аквилонской Короны, да вдобавок — едва не потерял крепость. И тут появляешься ты, изгнанный из Венариума с позором, в сопровождении соглядатая, во главе небольшого отряда, нанятого на твои личные сбережения, и спасаешь положение, а?

Сапсан поспешно придал лицу выражение высокомерного презрения аквилонского вельможи к неотесанному северному варвару, вздумавшему учить его политике и стратегии, однако от пронизательного наблюдателя не скрылась бы некоторая растерянность, промелькнувшая в его взоре при последних словах Атли.

Варвар, без сомнения, был умен. Слишком умен и пронизателен для варвара и наемника. К тому же, судя по связности и логичности его речи — он к ней готовился заранее, собираясь скрутить в бараний рог «южного конунга», как только тот попадет к нему в лагерь.

Ястреб Пограничья не достиг бы таких высот, если бы не мог найти выхода из любой трудной ситуации — хоть в жарком бою, хоть — ведя переговоры. Он быстро оправился и сам перешел в наступление, выкладывая свой козырь, заготовленный именно на такой случай:

— Мы излишне кричим друг на друга, тан Атли, словно два голодных песка над тушкой мускусной крысы.

При слове «тан» брови Атли поползли вверх, а зрачки расширились. Он не умел еще так хорошо владеть мимикой, как поднаторевшие в демагогии и интригах жители культурных областей мира. Сапсан, заметив замешательство собеседника, внутренне усмехнулся и продолжил более тихо и вкрадчиво:

— Да, мне кое-что известно о некоем строительстве, что ведется в ванахеймском фьорде под названием Оскален-

ный по приказу... м-м... одного молодого, но грозного повелителя наемной дружины. Известно мне также кое-что относительно планов этого воина. Но так как планы эти не могут навредить Аквилонской Короне и ее интересам, то и мой интерес к этому фьорду лишь показывает любознательность, присущую всем цивилизованным хайборийцам. В то же время — Аквилонская Корона, при желании, поставив в известность некоторых... — тут Сапсан назвал имена нескольких ванирских племенных старейшин и именитых военных вождей, которые были чрезвычайно могущественны и, одновременно, недолгоблюдали Атли, — может сии планы нарушить...

Атли попытался что-то вставить в тираду гандера, но Сапсан повелительным жестом заставил его умолкнуть.

— Одним словом, Атли, я знаю, насколько выгода от спасения Венариума принесет успех тебе, а ты знаешь, насколько мне нужна эта победа.

Оба воителя смотрели друг на друга с нескрываемой неприязнью и тяжело дышали, словно бы в продолжение этих минут не беседовали, а рубились на мечах. Сапсан суммировал разговор:

— Итак, ты ведешь тысячу мечей. Золота тебе будет дадено столько же, сколько я обещал за более сильную дружину. Но... Есть еще «но». Киммерийский мальчишка украл родственника Орантиса Антуйского. Чрезвычайно важно, чтобы он вернулся назад в Тарантию, так как из всех столичных выходцев, что вертятся вокруг Легиона и всей кампании, он единственный, кто понимает мою, и твою, кстати, роль в этой войне. Ты можешь спросить — а что значит слово мальчишка, когда говорят убежденные седины воины? Это взгляд варваров. В Аквилонии дворянин — всегда дворянин, лишь бы он уже вышел из детского возраста и не имел опекунов. Если... вернее — когда Орантис Антуйский погибнет, его племянник станет старшим по титулу в группе присланных стратегов — он же будет отчитываться перед Магистратом и королем. Конечно, король Хаген может не утвердить его в этой должности и, скорее всего, не утвердит. Но все это будет потом. А после того, как мы

прогоним киммерийскую орду от Венариума, новый герцог Антуйский должен доложить об успехе Северного Легиона и его союзников из среды наемных ванирских дружин. Я — вернусь на прежнюю должность командира Легиона, а ты — получишь золото и благословение Аквилонской Короны на свое танство.

Атли слушал все это, раскрыв рот. Он не предполагал до сего времени, насколько коварными и беспринципными могут быть сильные мира хайборийской культуры, когда речь шла об их титулах, положении и других игрушках южан.

Особенно тан удивился, когда услышал, словно бы о деле решенном, про скорую и, надо полагать, насильственную смерть Орантиса. Нет, Атли был сыном своего неизнеженного, жестокого мира, и убийство как таковое просто не могло его шокировать. Если есть враг, он должен быть убит. Так же он собирался поступить в будущем и со своими врагами в Ванахейме.

Но убивать он их собирался собственноручно, в поединке или же на поле боя. Здесь же речь шла именно об убийстве из-за угла или — не приведи Имир — отравлении.

Отравленный, по убеждению северян, и тут Атли был пленником представлений своего народа не меньшим, чем любой из его дружинников, не мог попасть в Вальгаллу, равно как утопленник или удушенник.

Эти виды смертей, вместе с болезнями, насылаемыми из призрачных сопредельных миров, были под стать киммерийским убийствам с уничтожением оружия и сбиванием рогов. Но там речь шла о кровной мести, и хотя киммерийцы посягали не только на жизнь своих врагов, но и на их посмертие, до цинизма убийства не оружием из-за положения в обществе любому из северных воинов, и Атли в том числе, еще было расти и расти.

— Итак, — меж тем продолжал Сапсан, ковыряя стоптанный снег носком сапога и теребя фибулу у горла, — жизнь Эйольва Антуйского нам важнее сотни мечей, и я требую, чтобы сотня воинов отправилась немедленно по следу мальчишки, затем — отсиделась бы в предгорьях до окончания кампании и привела бы его в Венариум.

— Я полностью согласен, конунг. — В этот раз титул прозвучал как должное.

— Но это еще не все. Мне необходимо быть уверенным, что с этой сотней ничего не случится, и ты, Атли, будешь ею командовать. Я не верю твоим командирам.

— Что, Имир тебя разрази! — взревел гигант. — Что может случиться с сотней наемников в пустыне? Все киммерийцы, кроме этого остатка предгорного клана кузнецов, уже пляшут свои пляски духов вокруг горы Бен Морг!

— Этого не знаю, зато знаю, что что-то случилось с пятнадцатью сотнями наемников посреди безлюдных пустошей прошлым вечером, когда тут бегало двое «остатков» этого клана. Тогда с вырождаком-мальчишкой была женщина. Уж поверь мне, Атли, точнее, тан Атли, если бы эта женщина была жива, я сам отправился бы с тобой. А раз он один — то так уж и быть, я поведу отряд на Венариум.

Было понятно, что Сапсан откровенно издевается, и Атли уже давно боролся с желанием снести его седую голову с плеч одним ударом меча, вот так вот, наискось, от уха слева до шеи справа. Но крыть ему было нечем. Он еще пытался возразить, что его дружина не будет сражаться под чужим командованием, но понял, что это не так.

Слава Черного Ястреба Пограничья давно облетела весь север, и любой воин почел бы за честь драться за такого вождя с кем угодно и за что угодно. По крайней мере, любой воин Нордхейма.

Кроме того, раз Атли погонится за киммерийским вырождаком, то все формальности будут выполнены — умершие лютой смертью товарищи будут отомщены — и ваниры, отбросив всякие мистические сомнения, перестанут коситься на установления предков и отправятся добывать золото и славу.

Разговор дальше пошел более спокойный. Они уточнили, развернув прямо на санях карту, через сколько дней орда может подойти от горы Бен Морг к Венариуму и обложить крепость, и сколько времени останется аквилонской кавалерии на то, чтобы потерять в горах Южной

Киммерии часть ударной мощи, вырваться в пустоши и — либо быть вырезанной киммерийцами, либо прорубиться сквозь их ряды и засесть в осаде вместе с гарнизоном.

Командиры решили, что через пять дней все указанное может свершиться и начнется непрерывный дикий штурм.

Оставалось надеяться, что убийцы герцога сделают свою работу чисто и быстро, а значит — и обороной будет командовать кто-либо из офицеров Легиона. Насчет смерти Орантиса у аквилонца явно имелся некий план, но, сколько ни пытал его ванир, он так и не пожелал сказать ни слова, чем еще больше возбудил подозрения северянина.

Однако он справедливо рассудил, что это его, в общем-то, мало касается. Боевые приготовления имели для них куда большее значение.

Итак, к тому времени Сапсан, имея под командованием девять сотен мечей, должен будет тревожить орду ударами с тыла — известно, что киммериец, как росوماха, не оставит добычу, чтобы погнаться за другой жертвой, пусть даже и более привлекательной, даже раненой. Цель, выбранная первой, преследуется долго, тупо, упорно, косолапо, но до конца.

Сапсан рассчитывал, что, разбив себе несколько раз лоб о башни крепости, понеся потери в столкновении с аквилонской кавалерией и дружиной ваниров, орда не выдержит ударов с тыла и вылазок гарнизона и рассыплется.

Глава шестая

Э то было одно из селений, разоренных дружиной Атли во время его достопамятного похода в предгорья Восточной Киммерии. По всему было видно, что людей здесь не было очень и очень давно. Когда Конан вдруг прекратил свой терзающий измученное тело Эйольва бег по снегам и холмам, резко свернув в сторону снежных холмов справа от их пути, аквилонец с наслаждением подумал, что их ждет привал.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что неровные приземистые холмы и сугробы были изрядно припорошенными пургой домами.

Кое-где ветер посрывал белые покрывала, обнажая почерневшие бревна срубов, местами — каменную кладку, над которой потрудились разрушительные силы людей, ветра, льда и зверей.

Конан молча достал из-за пазухи ремни и скрутил руки и ноги юноши, затем заставил его сесть прямо в снег, а сам пошел дальше, сжимая в правой руке единственное свое оружие — нож, опустив его к бедру, вытянув перед собой левую руку, как щит, и низко припав к земле, точь-в-точь — снежный барс. Та же неслышная, стелющаяся походка, та же грозная грация.

Киммериец знал, что заброшенные людские селения редко бывают пустыми. Даже здесь, в царстве холода и запустения, жизнь не терпит небытия. Разумеется, варвар не мог думать бесплотными категориями философов — просто он

сам был частичкой этого замерзшего в ледяном оцепенении бытия и всем телом ощущал присутствие.

Щека его дернулась от дуновения легкого ветерка, когда в руинах одного из домов с обгорелой потолочной балки неслышно сорвалась полярная сова и спланировала к мышиной норе.

Где-то скрипнула, проседая, некогда треснувшая от мороза доска. По снегу, изрытому многими звериными следами, пробежали сизые тени облаков.

Угрожающее присутствие чувствовалось где-то слева. Присутствие недоброе. Голод, гложущий внутренности, голод и жажда теплой крови угнездились в десятке шагов от молодого горца.

Он замер, стараясь неосторожным скрипом не спровоцировать неведомого врага к действию. Тот, кто охотился на человека, а Конан знал, что речь идет именно об охоте, ибо от него не прятались в ужасе, — именно этот охотник оставался пока неподвижен, жадно ловя ноздрями запах, который нес предательский ветерок в его сторону.

Прежде чем вступать в бой или ретироваться, киммериец хотел знать, с кем имеет дело. Следов, разумеется, не было — неведомый охотник вошел в селение не с той стороны, откуда киммериец и его пленник, и дальше прокрался по крышам.

Вряд ли это мог быть медведь — ветхие строения не выдержали бы бурой туши взрослого, а медвежонок в этой ситуации скорее бы затаился, источая запах, а не стал бы ловить ветер.

Конан оглянулся, удостоверившись, что Эйольву ничего не угрожает, затем с надеждой посмотрел в просвет между домами. Мимолетная улыбка тронула его напряженное лицо — вдали, в пустоши, еле различимый, зарождался небольшой снежный смерч. Киммериец выждал, когда направление движения белесого клубящегося столба определится, сделал несколько неслышных шагов назад и повернулся к пролому в стене одного из строений.

Его дикарская хватка и сметливый мозг выиграли эту схватку с неведомым охотником — ветер, попав в лабиринт

домов, забился, срывая снежную крупу со стен и крыш, одно из его невидимых крыльев просунулось на мгновение в пролом, и прежде чем порыв тугого воздуха унесся дальше и прежде чем неведомый враг переменял свою позицию, в ноздри Конана ударил кошачий запах.

— Барс.

Спокойно назвал имя зверя киммериец, опустил напряженные руки и вернулся на прежнее место, откуда почувствовал пристальное внимание. Слабый сквозняк понес его запах к месту, где затаился снежный кот. Зверь понял, что он обнаружен, и поднялся на плоской, усыпанной льдинками крыше сарая.

— Иди сюда, — позвал по-киммерийски Конан. — Клянись Кромом, твоя шуба будет не лишней моему пленнику, он того и гляди околеет от холода.

Гигантский кот бесшумно взвился в воздух и опустился на улицу заброшенного поселка, взметнув белые фонтанчики снега. Конан лишь чуть-чуть подогнул ноги и выставил перед собой клинок.

Зверь сделал небольшой рывок вперед, слегка согнув передние лапы и резко нагнув голову, создавая у жертвы иллюзию нападения. Однако киммериец совершенно не чувствовал себя жертвой, и иллюзий у него не создалось, он лишь гаркнул во все горло, сам оставаясь неподвижным, да так, что барс подпрыгнул и зашипел, стегая себя хвостом по бокам.

Как и любой хищник его породы, он был мастером бросков из засады, мог в несколько скачков догнать убегающее животное. Однако только находящийся на последней стадии истощения или больной снежный кот кидался на здорового врага, который спокойно ждет его атаки.

Человек и барс закружились посреди мертвого поселка в странном, неслышном нормальному уху танце — то падали к земле, то странно выгибали головы, то делали еле заметные выпады в сторону друг друга.

Неизвестно, чем бы закончился этот завораживающий танец, если бы не Эйольв. Ему стало вдруг жутко в белесой тишине, где только ветер носил взад-вперед колючий снег

да мелькали тени. Он, пытая и извиваясь, поднялся, связанные ноги не смогли удержать равновесия, и упал.

Именно в это время Конан разговаривал с неудачливым охотником, и глухой стук падения не был услышан. Потом пажу удалось подняться, привалясь спиной к покосившемуся столбу, изрезанному диким орнаментом. Тут он увидел жуткую снежную пляску и вскрикнул.

Барс, который чувствовал себя все более неудобно, фыркнул и прыгнул в сторону, бросив быстрый взгляд вдоль улицы. Охотник прекрасно отличал человеческий голос от звериного крика и не любил его; кроме того, он тоже не собирался быть жертвой или попадать в чужие охотничьи ловушки.

В последний раз зашипев на Конана и стеганув себя хвостом, снежный кот на согнутых лапах, воровато нагнув голову, словно его домашний мелкий собрат, устремился вон из селения. Спустя мгновение на равнине последний раз блеснули его глаза, мелькнули черные кисточки плотно прижатых ушей, и он растворился в пустоши.

Конан спрятал нож и весело расхохотался, пряча нож. Можно было быть уверенным, что никого крупнее ретировавшейся кошки в поселке нет. Он помахал рукой пленнику и зашагал к видневшейся вдали полуразрушенной трубе кузницы.

Кузница имела совершенно жуткий вид. По всей видимости, она была последним рубежом обороны в те дни, когда дружина Атли огнем и мечом проходила по здешнему краю. Разумеется, ни человеческих костей, ни обильно разбросанного оружия тут не было. Над первым поработали звери, второе — прибрали к рукам человеческие руки, остальное довершил огонь.

Как понял Конан, внимательно, хоть и быстро осмотревшийся в помещении, кузницу просто извне обложили дровами и подожгли, принимая на копыта тех, кто умудрялся выскочить через узкие окна, спасаясь от дыма и пламени. Все внутри было черным-черно. Видимо, огонь продолжал бушевать в уже покинутом убежище довольно долго — вытяжка тут была хорошая, расчетливые работники втащи-

ли внутрь не одни носилки с древесным углем, намереваясь хорошенько потрудиться.

Пока не прогорел весь уголь, занявшийся хоть и с трудом, но потом разгоревшийся ровно и жарко, к домику, наверное, невозможно было и подойти — так накалились каменные стены.

Конан, словно разоряющий гнезда лис, копошился в давно остывшей золе и шлаке, чихая и ругаясь, в районе огромной, поражающей воображение наковальни, которая сама по себе в более цивилизованных местах могла стать целым состоянием — искристое, матово поблескивающее Небесное Железо, выплавленное из камней, что в редкие годы падали на северные земли, отколовшись от Небесной Тверди, ценилось далеко за пределами Восточного Киммерийского Кряжа. Теперь она потускнела, покрылась пушистым черным пухом и возвышалась посреди запустения, словно последний страж заповедного, древнего ремесла.

Конан искал оружие. Он уже понял, что мародеры забрали с собой все, что имело в их глазах мало-мальскую ценность, разве что за исключением наковальни — где найти таких силачей, что уволочут ее отсюда в горы или проделают с нею путь через проваливающиеся под ногами снега пустошей. Ее, к тому же, охраняли древние заклятия — разве что самый глупый из самой культурной страны человек мог попробовать прогневить темные силы, покровительствующие кузнечному делу, и сдвинуть с места сердце оружейной мастерской.

Конан, однако, сейчас не был сытым от убийств и грабежей наемником, увешанным смертоносным металлом, окропленным кровью женщин, детей и стариков. Он был беглецом, погоня висела у него за плечами, и кроме этого, он был беглецом почти безоружным.

Ему сошли бы и недоделанные заготовки — все, что еще не имеет в себе Духа Войны, что не прошло идеальной обработки, заточки, полировки и закалки, над чем не шептали в багровых отсветах от горна губы волхва или мастера. Ему требовалось что-нибудь такое, что длиннее и тяжелее ножа и хотя бы чуть тверже руки.

Дрался же он, в конце концов, будучи десятилетним мальчишкой, с четой весьма крупных и зверски голодных полярных волков одной только суковатой дубиной и тупым, сделанным для детских забав бронзовым кинжалом!

В тот раз дрался не особенно долго — один волк, самец, полуголушенный палочным ударом, повалился мальчику под ноги и был добит ударом игрушечного клинка в глаз, озверевшая же самка, крупная, поджарая, исполосовав когтями плечи Конана, была застрелена из лука подоспевшими охотниками из соседнего клана. Кстати, этого самого, в руинах деревни которого теперь копошился киммериец.

— Кром! — сквозь зубы выдохнул Конан.

Память о первых шрамах, заработанных в жизни, выплеснула на поверхность его раскаленной жаждой мести натуры новый счет к ванирам. И если раньше он собирался только передохнуть в деревне, дать прийти в себя Эйольву и бежать дальше, то теперь это место, выходцы из которого некогда спасли его детскую жизнь, должно было в досталь напиться вражьей крови.

Теперь он уже не торопился — оторвал от какой-то угольно-черной конструкции металлический прут, ворошил кучи серой, хрустящей окалины возле наковальни, внимательно вглядываясь в пыльный полумрак под ногами.

Он то и дело выуживал из окалины и водружал на наковальню различные сохранившиеся предметы — то серые бруски, бывшие некогда кувалдами, рукояти которых пожрал огонь, то лезвия топоров дровосеков в том же состоянии, то какие-то совсем уже непонятные скобы и прутки.

Куча становилась все внушительней, а Конан все чаще хмурил брови и поминал своего сурового бога, когда радостный возглас согнал с печной трубы устроившегося там и чистившего перья стервятника.

Из дверей кузницы Конан вышел, едва не приплясывая — все же многое в нем еще было от мальчишки, сурового, битого дикой жизнью и побывавшего в нешуточных боях, но мальчишки. Пятнадцать суровых северных зим уже разукрасили шрамами его лицо, покрыли тело узлами

мышц и изъели душу мстительными думами, однако они еще не придали серьезности озорным глазам и не навсегда прогнали улыбку с молодого лица.

Эйольв, который совершенно окоченел на морозе и был испуган возней в погорелом доме, только разинул рот. За все время пути варвар не сказал ему и двух слов, был дик и угрюм, а тут едва ли не визжал от восторга, размахивая над головой какой-то жуткого вида железякой.

В руке у Конана была заготовка под меч, успевшая только выйти из-под молота, со следами клещей, выбоинами, в окалине.

Глава седьмая

Я бы не стал этого делать на вашем месте, барон. — Говоривший придержал упавшее на лицо забрало шлема и раздраженным движением закрепил его в поднятом положении крюком.

— Когда вы будете на моем месте, вы поступите по-своему, а пока я хочу знать — почему, во имя Митры, ваш полк, представляющий авангард войска, несет такие потери, словно бы мы каждый день даем бой регулярной армии немедийцев или, на худой конец, какого-нибудь Офира?

Барон слегка пришпорил своего скакуна, и шелковая попона, накинутая на круп лошади поверх кожаной брони явно гирканского происхождения, заколыхалась и задела грубый крест из двух бревен, на котором умирал прибитый гвоздями киммерийский воин.

Собеседник его последовал за ним, разглядывая изящно вышитых руками несравненных пуантенских искусниц геральдических зверей на развевающейся попоне.

— Ну и что вы можете сказать? — Барон был явно раздражен первым замечанием командира передового полка и отыгрывался, пользуясь своим положением. — Пока вы еще держите ответ передо мной, однако, если дело пойдет так и дальше, вам не миновать объяснений августейшей особе о причинах столь значительных потерь в гвардейском полку в столь незначительной кампании.

— Барон, я дам вам такие же объяснения, как и самому королю. — Голос говорившего гневно дрожал. — Мой полк

относится к панцирной кавалерии и предназначен по всем законам тактики для таранного удара на поле регулярного сражения...

— Да, да, для взламывания обороны противника стальными клиньями! Уж не вздумали ли вы учить меня воинскому искусству, а?

— Ни в коем разе, барон. — Короткая вспышка прошла, и командующий авангардом аквилонского войска взял себя в руки.

— Ну и хвала светоносным богам, побери меня прах! Вначале меня пытался учить этот выскочка, герцог Сайнийский — вы его знаете?

— Очень много наслышан о командире Северного Легиона, однако лично — не имел чести.

— Велика честь, — фыркнул барон. Он привстал на щегольских, вышитых жемчужным бисером стременах и обвел рукой, запятанной в латную перчатку, окружающие их горы, склоны которых были густо усеяны мелким лесом и кустарником, а ледяные вершины терялись в косматых облаках. — Он примчался в столицу отсюда весь взмыленный, как вестовой, на взмыленной лошади уродливой местной породы и пытался объяснить мне, герцогу Орантису, и всему Магистрату, что аквилонская армия якобы бессильна перед местными варварами и силами природы. А его хваленый Легион, видите ли, справится с задачей куда как прекрасно.

И вот вам результат — герцог Антуйский, хвала Митре, находящийся в Венариуме с приказом Магистрата сместить этого выскочку, если того потребуют обстоятельства, присылает донесение... И знаете, что в нем?

— Никак нет, барон, — коротко, по-военному ответил командир полка, который держал руку все время на перекрестье меча, обшаривая глазами склоны, которые, как он уже убедился, могли в любое мгновение изрыгнуть тучи стрел или тучи кровожадных дикарей, вырастающих словно бы из самых недр Южно-Киммерийского Кряжа.

— Так вот, в бумаге содержится констатация факта, и без того известного членам Магистрата — Легион совер-

шенно небоеспособен, укрепления в Венариуме не удовлетворяют никаким фортификационным требованиям, киммерийские кланы, подкупленные немедийским владыкой, прах его побери, объединяются и вскоре осадят форпост Аквилонской Короны. И вот мы здесь. Шесть тысяч лучшего войска Тарантии, идем по богами проклятой земле спасать этот самый Легион. А если это отвлекающий маневр немедийцев? Если их армия скрытно подошла к границе и теперь переходит Тайбор или Хорот? Однако мы отвлекаемся. Как насчет потерь? Только, прошу вас, без лекций по тактике и панических рассуждений о будто бы серьезной военной силе варваров.

Его собеседник мог попытаться объяснить, что панцирная кавалерия не может взломать вражеский фронт, ибо не видит перед собой вражеского фронта. Что его полк не обучен вести партизанскую войну и совершенно незащищен в узких горных теснинах перед падающими из-под облаков каменными ливнями искусственного происхождения, ливнем стрел, бьющих из каждой каменной трещины, ножами в своих неукрепленных лагерях, когда горцы, словно дикие звери, подбираются к самым кострам, вырезая одними ножами часовых, калеча боевых коней, отравляя еду и воду.

Однако все это, без сомнения, относилось к тактической лекции, а ее эmissар Магистрата выслушивать намерен не был. Пришлось ограничиться коротким рапортом о плохо организованной по его вине караульной службе и заверениями, что она будет отныне улучшена.

Кажется, барон остался доволен. Он приостановил своего скакуна, позволив чувствуящему себя последним болваном собеседнику поравняться с ним.

— Ваш полк предназначен для взламывания? Великолечно, так взломайте их оборону, да лишит Митра всех варваров своей благодати!

Командир гвардейского кавалерийского полка отдал честь и опустил забрало, боясь, что барон увидит выражение его лица.

— И самое главное, не унижайтесь больше и не спрашивайте совета у этих гандерландских порубежников. Да,

местность, возможно, они знают неплохо, однако воевать просто не умеют, как и любая деревенщина, да и заводят вас из засады в засаду.

Про дисциплину я просто умолчу, чтобы не гневить небеса сквернословием. Ничего, не будет Сапсана, и сюда дотянутся законы королевства. Гандерландцы и боссонцы провалили, вернее, почти провалили всю кампанию, теперь очередь за нашим таранным ударом. Мы пройдем эти теснины, созданные на погибель всем хайборийцам, вырвемся на оперативный простор и бронированным кулаком втопчем в землю этих варваров, имевших глупость собраться в одну зловонную кучу!

По всей видимости, барон вообразил, что он держит речь перед своим Магистратом или же перед всей аквилонской армией.

— Да, мой барон, так и будет.— Голос из-под забрала донесся глухо, но это было хорошо, ибо изменил интонацию сказанного сквозь зубы, а грязное казарменное ругательство из тех, каких можно набраться только в высококультурной светоносной Тарантии, запуталось в стальной решетке и вовсе не долетело до баронских ушей.

А тот уже не так громогласно продолжил:

— Вы — перспективный офицер, и не след якшаться с солдатней, к тому же — нерегулярных частей. Я знаю, что они вам нашептывают. Дескать, если мы перестанем казнить взятых в плен разбойников, как вот этих пятерых, например, — его бронированная ладонь неопределенно махнула на юг, где злоеющие кресты уже скрылись за поворотом извилистой горной тропы, — то вызванные каким-то магическим ритуалом горцы уйдут из ущелий к Венариуму.

А я вам вот что скажу: наша задача — это бить варваров и деблокировать форпост Аквилонской Короны, а не делать все наоборот — оставляя им возможность отступить из этих гор и затеряться в пустошах или, чего доброго, усилить осадное воинство. Вам все понятно?

— Да, мой барон, — сказал командир столичного полка, а про себя добавил: «Ну ничего тут не поделаешь, эти псы

так и так бы гнались по всем теснинам за нашим войском, только называлось бы это не кровной мстью, а защитой родного очага. И правда, я не собираюсь ставить свою карьеру в Тарантии в зависимость от гандерландских бредней».

Опущенное забрало спасло ему жизнь — стрела хищно клюнула его шлем и бессильно упала, запутавшись в конской гриве, всадник только покачулся. Зато вторая, вылетевшая, как и первая, словно бы ниоткуда, ударила барона точно между глаз, вышибив того из седла. Тонконогий гирканский жеребец шарахнулся и потащил по камням тело стратега, чья нога запуталась в стремени.

Когда к месту убийства подоспели баронские телохранители и солдаты столичного полка, они не нашли в придорожном кустарнике никаких притаившихся черноголовых убийц: над тропой висели два охотничьих самострела, какими пользовались все жители этих гор и которые мог поставить на звериную тропу даже ребенок. Оставалось загадкой, как прокрались невидимые варвары в самое сердце аквилонского войска.

Меж тем двое киммерийских мальчиков, едва ли старше десяти лет, ужом проскользнули между камнями и солдатами, прочесываящими ущелье, и сбивая босые ноги, понеслись назад, туда, где на деревянных крестах висели мертвые старики их сожженной по баронскому приказу деревеньки.

Им еще предстояло достойно похоронить павших и идти по следу убийц, сквозь начинающуюся метель, тьму, засады, ночные нападения на часовых, сбрасывания с вершин платных валунов на головы захватчиков, снова сквозь тьму и слепящий на скользких ледниках свет — до самых чертогов Крома, куда их звала мсть.

Гвардейский полк имел дело только с женщинами, стариками и детьми разоренных еще Орантисом селений. Все мужчины ушли, призванные Ритуалом Кровавого Копья, на север, в Венариум. Только один, довольно многочисленный отряд ждал аквилонцев в самой узкой теснине на выходе из Южно-Киммерийского Кряжа.

Воины ждали подхода ненавистных захватчиков, щурясь от яркого солнца, глядя, как над ущельями пониже косматых туч кружат стервятники, ожидающие хорошей поживы.

Командование принял пуантенский граф, не из Магистрата, однако смыслившей в горной войне немногим больше своего предшественника.

Взвыли трубы, взметнулись навстречу солнечным лучам алые стяги с золотыми львами, и стальная змея, извиваясь, сверкая панцирной чешуей, поползла дальше по ущелью навстречу своей судьбе.

Глава восьмая

Эйольв сидел на деревянном чурбачке и держал руки над костром. На черной, искривленной стальной полоске шипела и капала соком на угли сова. Или, вернее, то, что недавно было белой полярной совой.

Отвратительная и, наверное, очень вредная еда. Оставалось надеяться, что птица незадолго до того, как киммериец свернул ей шею, вдоволь напилась мышами и мускусными крысами.

Ветра не было, и дым поднимался в сизое небо совершенно прямым столбом, истончаясь и теряясь в низко висящем над деревней облачном одеяле. Наверное, дым был виден издалика.

Конан не собирался прятаться, он ждал своих преследователей. Ждал не угрюмо и озлобленно, а с какой-то острой радостью. Кровавый долг был уплачен — за каждого погибшего члена клана Хресвельг и Воды Забвения получили щедрую виру, и юноша, закончив обшаривать развалины, с наслаждением смыл чистым снегом с лица остатки намалеванной голубой глиной маски смерти.

Кроме того, если месяц назад он вынужден был, словно больной волк, красться за дружиной ванов, скользя бледной тенью возле освещенных стоянок, выхватывая часовых, охотников и просто зазевавшихся наемников, теперь ситуация в корне изменилась.

Взятый заложник тянул нордхеймцев к себе не хуже, чем пахучие железы зубров тянули за собой целые стада.

Конан сильно опередил погоню — по его подсчетам из растоптанного и разворошенного лагеря она могла выйти лишь утром, в то время как он бежал всю ночь.

Пустоши помогли своему сыну — ночная метель, которую так клял, волочась на аркане, Эйольв, замела все следы. Разумеется, наемники отыщут их, но первое время от собак толку им будет мало.

Конан вооружился, изучил предстоящее место боя, дал прийти в себя измученному и замерзшему пленнику, сам немного отдохнул.

Теперь дымный столб безошибочно, как маяк в ночную бурю, указывал погоне дорогу. Киммерийский юноша собирался перекусить и начать новую жизнь.

Когда он, последняя женщина клана и последний старик клана готовились к нападению на лагерь, Конан не думал совершенно о собственной жизни.

На каждого убитого родственника требовалась вира в пять, а лучше — в десять рыжебородых, он знал, что не в силах человеческих полностью удовлетворить законное чувство мести, но отступать и гневить Крома не думал. Смерти в бою он не искал, но в каждой схватке не искал и лазейки, чтобы выжить или избежать ранения.

Именно во время вечерней резни, когда юноша метался среди туш зубров и горящих шатров, размахивая ножом и лезвием рогатины, орудуя им, как мечом, явилось озарение. Это было — как первый золотой луч солнца, бегущий по темному сверкающему льду вечного ледника, как мгновенная дрожь в сердце в разгоряченном теле после нырка в прорубь, это была сама истина.

Как-то отстраненно, нанося и отражая сыплющиеся со всех сторон удары, Конан обнаружил, что его движения значительно быстрее, чем выпады и взмахи матерых, закаленных войнами наемников, что он тратит в несколько раз меньшее количество движений в поединке, чем они.

То есть он, конечно, не думал громоздкими словесами, а видел картину в целом, со всеми ее звуками, запахами, калейдоскопичностью цветов и мельканием теней, но от этого неуловимая открывшаяся бойцовская истина была

еще ярче и отчетливее — в атаке он не потратил ни одного движения на уклонение от свистящей кругом стали, на парирование, на нырки.

Он беспрерывно и яростно атаковал, не думая избежать гибели, а лишь торопясь унести с собой как можно большее количество врагов. И тело подчинилось — ни одна жилочка, ни одна частичка мускулов не получали и тени сигнала самосохранения — вся энергия его души и тела были нацелены на атаку.

Глаз сам собой выбирал новую цель, само собой угадывалось направление ударов и рывков, отклоняя их, ни разу корпус не вильнул, избегая столкновения с разящим оружием ваниров. Он не старался выжить, а просто колот, рубил и резал, как волк в стаде овец, и ни одно хищное жало, ни одно лезвие не коснулось Конана.

Он был быстрее своих противников, как взблеск молнии быстрее морской волны, он был неуязвим, потому что не защищал себя, свою жизнь и не сражался с ванирами. Он просто убивал их.

А они именно сражались, стараясь применить весь свой воинский опыт, арсенал хитрых приемов, силу, чтобы победить и остаться живыми. И гибли один за другим.

Каждый ванир в отдельности был и сильнее; и более опытным бойцом, не говоря о целых группах, которые кидались на него со всех сторон. Однако Хель, в которую свято верили и которую панически боялись норд-хеймцы, была на поле боя и просто не заметила киммерийца, который не бегал от нее. И она угнездилась в его руках.

Это упоение боем, когда вся острота чувств направлена на саму битву, оставив животную проблему самосохранения где-то позади, теперь навечно останется с Конаном.

Пройдут годы, полные скитаний, лишений, пылающих городов, скалящихся из бездн демонов, ржания лошадей, крика раненых и рева победоносного войска; Конан станет намного сильнее. В Туране он научится сабельной рубке и искусству вольтижировки, немедийские и аквилонские мастера, иногда помимо своей воли, найдут в нем талантли-

вого ученика-фехтовальщика, боссонский и гирканские боевые луки будут не менее смертоносны в его руках, чем охотничий лук его народа.

Но в том бою, когда желание разить обогнало навечно желание выжить, Конан стал Конаном, по крайней мере в том, что касается Конана-воина.

В Кхитае и Вендии мудрецы поведали бы ему, что перед боем воин должен понять, что уже умер, и более не отвлекаться на эту глупость. В его родной Киммерии, у Горы Крома туиры, если бы они снизошли к мальчишке, оставшемуся без клана, он мог услышать звуки костяных флейт и рассказы о «неистовых детях грома».

Впрочем, в обоих случаях Конан только пожал бы плечами или же рассмеялся своим заразительным, раскатистым смехом, чисто и открыто, как не могут смеяться цивилизованные люди.

Тогда, в свои неполные пятнадцать лет, он не стал берсеркером или отрешенным восточным убийцей. И те и те сражались из презрения к жизни, а Конан-киммериец сражался из презрения к Смерти.

После окончания резни в лагере, после похищения Эй-ольва и долгого бега сквозь ночную метель Конан устал. Только подготовившись к предстоящему бою, он позволил себе расслабиться. Он вытянул возле костра свое измученное, избитое тело и задремал.

Ему впервые снились чертоги Крома. самого грозного бога своего народа он не видел. Сияющий ледяной свет, как и громовой голос, лились отовсюду. К нему тянула свои костяные руки призрачная женщина, наполовину красная, наполовину синяя, горящие глаза, казалось, прожгут его насквозь. Когти оцарапали его плечо.

Однако грянул гром, сверкнули молнии, и женщина с замогильным стоном вспыхнула и растаяла тенью. Свет все лился и лился, рокочущий голос сотрясал все нутро Конана, и в этом свете плавали, распускаясь цветами неземной красоты, яркие картины.

Голос повелительно звал его куда-то вдаль, в сердце пустошей, где вокруг грозной крепости готовился к бою его,

Конана, и его, Крома, народ, где, затмевая белым сиянием тучи воронья, парило копье. С лезвия вниз лились потоки алой крови.

Затем появилась деревня, в которой юноша остановился вместе со своим пленником. Но она была еще жива — курились дымки над домами, лаяли собаки, из кузницы раздавался тревожащий звон молота и наковальни. Разумеется, были и люди.

Вот один из них взмахнул рукой, глядя в небо, словно бы узрев сквозь туманную хмарь чертоги бога. Лицо человека надвинулось, прояснилось, и Конан узнал охотника, того, что спас его от волчицы. Голос рокотал, алмазные световые лучи били в глаза, шрамы, оставленные волками на еще детском теле, вспыхнули, словно к ним прикоснулись раскаленным железом.

Затем — ничего. Только парение над облаками, в самой Небесной Тверди, среди света, льющегося отовсюду, и твердого, как адамант.

Легкость, невыразимая легкость, которая наполняла все его существо, заставляя кувыркаться в волнах этого света, этого голоса. Лишь шрамы все больше наливались болью.

Еще один диковинный цветок распустился, открывая новую картину. Рыжебородый Атли смотрит, как горит киммерийская деревня. Атли взмахивает рукой, и ливень стрел скашивает киммерийских воинов — жалкую горстку, вставшую против многочисленной дружины захватчиков. Атли треплет по загривку громадного белого пса, пес рычит, но не на ванира — хвост его мотается в воздухе, а окровавленная морда тычется в женское тело, которое еще шевелится на алом снегу.

Полыхнули молнии, покрыв сияющей сетью вмиг почерневшие небеса, и Конан увидел море. Море ярилось и пенилось, вздымая на зеленых валах корабли с резными морскими змеями на носсах. Злой ветер бил в паруса, подгоняя корабли, молнии покрыли сверкающей сетью чернильный мрак и осветили лицо Атли, который что-то хрипло орал, указывая своим воинам куда-то вправо.

Затем видения замелькали, кружа голову. Корабли изрыгают на побережье воинов. Горят селения, к небесам тянут руки жирные дымные столбы, маленькие темные фигурки несутся к далекому странному лесу с непривычными глазу деревьями, настигаемые стрелами и собаками.

Пылает приморская крепость, на зубчатых стенах идет бой. Картина становится ближе, и Конан видит Атли. Один из рогов его шлема напрочь снесен, из плеча торчит древко обломанной стрелы. Атли ударом топора сбрасывает со стены вниз лучника, не успевшего наложить на тетиву вторую стрелу, и поднимает к губам рог.

Опять полет в лучах, водопадах, реках света. Внизу север, покрытый белой шалью снегов. Ванахейм. В фьорд, края которого напоминают челюсти оскаленного морского чудовища, входят корабли, звучит гулкое эхо, отражающее от стен фьорда приветственный клич рога. Атли с дружиной сходит на берег. На берегу восторженно орет толпа, группа старейшин и военных вождей идет навстречу Атли и его воинам.

Горы. Сверкание ледников, пышные, завораживающие в своем грозном движении вниз — лавины. По перевалам текут стальные реки. Видение тускнеет, затем вновь расцветчивается красками — постаревший, изрядно располневший Атли на боевом жеребце указывает рукой на огромный белокаменный город, на башнях которого трепещут незнакомые стяги, а по стенам скачут, как осы по сотам, черные точки. Стальные реки, стекая с перевалов, тянутся к воротам, на которых серебряный геральдический зверь расколот надвое: в распахнутые створки вливаются потоки людей, животных, телег.

Город пылает, по улицам его несутся конные фигуры в рогах, шлемах не с тусклыми факелами в руках. Мечутся и пешие, без доспехов фигуры, за ними, словно волки за зайцами, гоняются белоснежные псы-убийцы.

Атли. Рыжая борода куда-то исчезла, кудри седые, на голове его сияет массивная корона, у ног — громадный пес, зевает и чешется, к резной ручке трона прислонен могучий топор.

— Кром! Этому не бывать! — закричал во сне киммериец и открыл глаза.

Над ним навис Эйольв, обеими руками держа одну из самых жутких на вид железяк из разоренной кузницы. Конан одним плавным движением вскочил и придержал обеими руками поднятые локти паж, а коленом от души засадил тому в живот.

Кисти Эйольва разжались, и железяка упала в снег, сам он застонал и согнулся. Конан собрался было дернуть его на себя и швырнуть в угол кузницы, но вместо этого он тряхнул головой и рассмеялся.

— Ну ты и болван, аквилонец. Не мог, что ли, удушить или кинуть в меня чем-нибудь? Пока ты замахивался, я увидел три сна, и в одном из них уже вогнал тебе в брюхо нож.

Киммериец отшвырнул от себя стонущего Эйольва и потянулся, как кот, радостно скаля зубы солнцу.

— В следующий раз обязательно удушю, — прохрипел паж и тут закашлялся, помял руками живот, на губах его появилась пена, и его вырвало прямо на снег.

Конан, с интересом наблюдавший за ним, расхохотался еще громче, хлопая себя руками по бедрам:

— Э, да ты полптицы уже умял. Я смотрю, жужанин, наши пустоши и снега сделали из тебя мужчину — ты сожрал все, что мог сожрать, и решил кого-нибудь убить. Я потом у наших костров буду рассказывать, что взял в плен достойного аквилонца.

Эйольв к тому времени отполз в сторону, вытер лицо снегом и вскочил, сжимая кулаки. Губы его были плотно сжаты и белы, как у мертвеца.

Конан встрепенулся, хохотнул и принял потешную стойку, какую принимают в придворных дуэлях — сильно согнув переднюю ногу, оставив заднюю, подняв к небесам левую руку и далеко выставив вперед правую. В этой нелепой позе он не смог удержать равновесие и повалился в снег, грязно ругаясь.

Эйольв оторопел было, но затем глаза его сузились, он что-то заорал и кинулся на Конана. Тот уже откатился в сторону и поднялся, отряхиваясь, как медведь после купания. А паж совершил два прыжка, скривился, вновь взялся за живот и сел на корточки.

Конан вскрикнул с притворным испугом и метнулся к ближайшему дому, на бегу крича, что зарежет аквилонца, если тот заблует ему недавно украденную меховую накидку.

Пока Эйольв боролся с приступами подступившей дурноты, раскачиваясь на корточках, Конан резво обегал вокруг дома. Он собирался подкрасться к аквилонцу сзади и дать ему хорошего пинка. Но тут он почувствовал в плече жжение и автоматически провел пальцами по этому месту.

Пальцы были в крови, Конан задумчиво облизал пальцы. Он точно помнил, что на этом плече не было ни царапины, да и Эйольв не мог его зацепить. Тут ему вспомнилось давешнее видение.

— Кром! Это смерть коснулась меня своими когтями! — проговорил киммериец и вмиг покрылся липким потом.

Все-таки он был дикарем, и его дикарская натура весьма и весьма серьезно относилась к таким вещам, как вещи сны и раны, появляющиеся на теле после пробуждения.

Он прислонился спиной к стене и, с наслаждением ощущая, как за ворот ему сыплются потревоженные снежные комочки, остужая тело, попытался вспомнить подробности того сна.

Грозный голос рока звал его на поле брани — только кровавая месть могла отсрочить вызов Ритуала Кровавого Копья, и этот долг уже был уплачен. Раз уж ему попалась на пути та самая деревня, следовало уплатить долг крови и спасшему его охотнику. Оставался еще Атли.

На него указало само верховное существо, авторитет которого в пустошах был непререкаем. Однако, рассудил молодой Конан со свойственной ему простотой, сны есть сны, — может присниться баранья лопатка, а может — девичья нога.

Если цивилизованные люди огромное значение придавали личности, то простые варварские установления пользовались совершенно другими понятиями: кровь, земля, род, племя, семья, дружина.

Конечно, если бы Атли попался Конану где-нибудь в укромной лощинке, то тану бы несдобровать, однако сам факт того, что он возглавил поход, еще не делал его главным виновником гибели киммерийских деревень.

Убийства, подлые и кровавые, совершили ваниры, конкретный народ, конкретная кровь и семья, еще точнее — конкретный мужской союз — ванирская наемная дружина. Этим сообществам Конан отплатил сполна.

Он и дальше собирался убивать ваниров где только их ни встретит, однако не делая из этого главной цели своей жизни.

И уж по крайней мере не его вражде с ванирами было отменять распоряжения, данные всему народу Ритуалом Копья — тут уж все бросай и беги спасать саму киммерийскую землю, во имя Крома!

Он собирался по возможности уничтожить или по мере сил — потрепать погоню, которая по его расчетам должна липнуть на захваченного аквилонца как осы на мед, а затем следовать в пустоши и в рядах объединенных киммерийских кланов загонять наглого аквилонского льва назад, за рубежи гандерландских поселений.

Однако сон...

В голове Конана стали всплывать картины видения, из которых он заключил, что Кром доволен его уплатой кровавой виры, доволен его дальнейшим планом, но что-то связанное с ванирским вождем все сверлило и сверлило сознание киммерийца.

Конан поплотнее закрыл глаза и попытался сосредоточиться на лице Атли. Вот он вспомнил черты его лица, виденные мельком, из кустов, во время ночных визитов в лагерь наемников. Вот — воображение начало дорисовывать рыжую бороду, шрам под правым глазом, заставляющий ванира неприятно щуриться.

Затем в голове словно бы что-то вспыхнуло — в потоках уже знакомого Конану алмазного света возникло лицо Атли, и лица, и еще...

По пустошам шел отряд воинов, во главе которого вышагивал Атли, неся в согнутой руке свой рогатый мас-

сивный шлем. Перед отрядом неслись скачками пять псов Ванахейма, уткнувшие черные носы-пуговки в свежий, пушистый снег.

Затем видение вернулось и заколебалось, словно горячий воздух над костром, поплыло.

Теперь Конан как бы со стороны видел разрушенную деревню, тонкую струйку дыма, уходящую в небеса, и пять быстрых белых теней, несущихся прямо туда.

— Кром! — взревел варвар, отгоняя видение. Он почувствовал, как холодные пальцы коснулись его шеи и распахнул затуманенные глаза.

Эйольв, незаметно подкравшийся к Конану, теперь старался его удушить. На лбу его вздулись жилы, лицо, бледное от пережитого, покрылось красными пятнами, он тяжело дышал сквозь стиснутые зубы. Конан же стоял, как стоял до этого — прислонясь спиной и слегка откинув голову. Теперь он только самую малость согнул ноги, чтобы не потерять равновесия.

Зрелище было довольно комичное. Эйольв был ниже варвара самое малое на голову. Кроме того, он был значительно более хрупким и тонким на вид.

И если в Тарантии таковое телосложение сочли бы изящным, то на севере обитаемого мира такие люди могли быть сочтены больными или же — находящимися на последней стадии истощения. И вот сей нежный юноша, пыхтя, старался свести на бычьей шее Конана свои длинные пальцы.

Киммериец недобро сощурился, потом ухмыльнулся в напряженное лицо своего одноклассника и произнес:

— Не старайся сломать мне шею, аквилонец. Душить надо так... — С этими словами Конан поднял свои свободные руки вверх и аккуратно положил их на ворот куртки Эйольва.

Огромные лапы его сомкнулись вокруг шеи аквилонца — еще движение, и варвар мог отломать тому голову, что не составило бы особого труда для этих мощных как древесные стволы рук. Однако он давал урок — большие пальцы уперлись в кадык и легонько нажали. Аквилонец поперхнулся и закашлялся, хватка его ослабла.

— Или — так...— Большие пальцы нащупали сонные артерии и погладили их.

Эйольв захрипел. Теперь его лицо поменяло свой цвет — стало все красное, и сквозь красноту проступили бледные пятна. Руки его готовы были вот-вот соскользнуть с шеи варвара, когда глаза пажа блеснули, и он резко ударил вперед ногой. Но все же — недостаточно резко.

Конан присел, и нацеленный в пах удар пришелся в живот. Звук получился сродни барабанному удару, а колени отскочило в точности как барабанная палочка в слабых руках.

Конан удовлетворенно хмыкнул и, подхватив подмышками, аккуратно опустил себе под ноги Эйольва, взор которого постепенно тускнел, а губы шептали проклятия.

— Это уже кое-что, южанин. Бить только надо посильнее и ниже.

Варвар вспомнил про приближающихся собак и перешагнул через тело аквилонца, на ходу бросив:

— Впрочем, я бы еще укусил за нос.

Теперь киммериец заторопился — он подбежал к огромной куче хлама, которую натащил со всей деревни, некоторое время погромел в ней, взял необходимые предметы, жадно втянул запах, что источала недоеденная Эйольвом птица, и кинулся вон из лабиринта строений.

Равнина была пуста едва не до самого горизонта. Но там клубились смерчи, и даже зоркие глаза варвара не могли разглядеть в точности, приближаются к лагерю собаки, или они еще далеко.

— Если все это не приснилось мне: Но если погоня недалеко, то вперед действительно пустят собак. В любом случае — есть время что-нибудь сожрать, перед тем как кого-нибудь убить!

И, громко хохоча над собственной остротой, Конан направился обратно к костру, где с завидным аппетитом принялся есть.

— Эй, аквилонец! — заорал он, оторвавшись от еды через какое-то время. — Ты сожрал лучшие куски, но почему-то не разгрыз костей.

Ответом ему была тишина. Конан перестал хрустеть птичьими хрящами, прислушиваясь. И точно — где-то возле крайнего дома слышались осторожные шаги. Конан ухмыльнулся и вернулся к еде. Только покончив с позвонком, который его крепкие зубы смололи полностью, он вновь обратился к Эйольву:

— Южанин, ты думаешь не только сбежать от меня, но и в одиночку пересечь пустоши, а? Значит, все же ты круглый дурак, и мне нечем будет хвастаться у вечерних костров. Или ты решил, что отряд ваниров приближается к поселку? Да, может, и приближается, только пока их что-то не видно. Рыжебородые не очень-то рвутся за тебя в бой, неженка. Но учти, впереди их отряда пущены по следу собаки. Ты видел этих псов? Я не побегу спасать тебя на сытый желудок. Передай привет Хресвельгу, хотя вряд ли ему многое от тебя останется после псов Ванахейма.

И варвар вернулся к прерванной трапезе. Когда он выплюнул последний осколок кости, вытер об накидку жирные руки и с наслаждением потянулся, из-за дома вышел угрюмый Эйольв. Киммериец приветствовал его богатырским взмахом руки.

Паж двинулся было к костру, но взгляд его упал на металлическую кучу, и шаг его замедлился. Это привело Конана в неопишуемый восторг. Он пытался что-то сказать, указывая на железо у своих ног и в куче, однако начал безудержно икать и только махал рукой. Аквилонец зло пнул сапогом угол дома, поплелся к огню и сел с каменным выражением лица.

— Брось ты, нам еще долго быть вместе, пока я не перебею столько рыжебородых, сколько Атли не пожалеет за тобой послать, а потом отправлюсь к своим. Ты мой пленник, и я могу поступить с тобой как захочу.

— Как, например? — спросил паж, с ненавистью глядя на варвара, по лицу которого гуляла довольная улыбка — икота сама собою прошла.

— Ну, твой отец — большая шишка там, на юге?

— Допустим, — буркнул Эйольв, потирая шею.

— Я так и понял — уж больно дурным голосом орал этот аквилонский офицер, да и ваниры голосили, словно стадо хримтурсов, которым Кром поджаривает пятки. Ну — я отпущу тебя под честное слово, а твой папаша пришлет мне выкуп — надо бы только решить, сколько и чего мне надо, — Конан самодовольно обвел взглядом свою нехитрую одежду и грудку недоделанного или испорченного оружия. — Вот только мы возьмем Венариум и спалим его, а ты тем временем посидишь в каком-нибудь нашем укреплении в горах, а там я тебя в Гандерланд и отведу.

— Моего отца нет в живых, а вот мой дядя, герцог Орантис Антуйский, в Венариуме. И не просто в Венариуме. Он командует гарнизоном, — выпалил паж, но тут же недовольно прикусил язык. Ну что разговаривать с откровенным разбойником с большой дороги!

Конан присвистнул:

— Вот оно как... не видать мне выкупа, а тебе — дяди, — добавил он сокрушенно.

— Это почему же?

— Да спалят твой Венариум. А гарнизон перебьют.

— Вам, дикарям, взять форпост Аквилонской Короны? — фыркнул Эйольв и сплюнул в костер.

— Нам и взять. Увидишь или услышишь. Я вот думаю, как бы мне с рыжебородыми здесь не завозиться и не пропустить веселье. А как эта каменная глупость называется — форт, поселок или там «форпост» — неважно, быть там руинам и призракам.

Вот только выкупа жаль. Придется тебя за просто так удавить, — заключил Конан, вставая и направляясь посмотреть, не бегут ли собаки.

Эйольв, словно не замечая явной угрозы в словах варвара, гневно бросил ему вслед:

— Мой дядя разгонит вашу орду, а чтобы найти меня, прочешет пустоши и выкурит все ваше дикарское племя из всех каменных щелей, куда оно забьется, воя от страха!

Конан остановился и проговорил:

— Если уж я ушел от ваниров, которые хоть и проклятый богом народ, но народ воинов, то если на меня начнет

охоту в пустошах аквилонская армия... Славная получилась бы охота. Вот только непонятно, кто бы был охотником, а кто — дичью. Жаль, не бывать этому, убьют твоего дядю раньше.

С этими словами киммериец пошел по проходам между домами, посмеиваясь. Перспектива подобной охоты его явно позабавила. Эйольв же остался у источника тепла, бессильно кусая губы и призывая на головы всех дикарей и варваров громы небесные.

Меж тем Конан, выйдя из поселка, увидел пять силуэтов, несущихся в его сторону. Теперь псам Ванахейма не нужен был слабый след — они чуяли запах дыма и неслись вперед, призывно лая. Ваниров пока же не было видно.

— Кром! Их действительно пять! — процедил сквозь зубы киммериец, не особо удивляясь. Он разложил свою странную металлическую снасть по снегу вокруг и стал ждать, задумчиво вертя в руках заготовку под меч.

Это была дикого вида стальная полоса, при первом взгляде на которую впечатлительный человек мог подумать, что ее долго жевал тролль или дракон. Она не имела перекрестья, была местами весьма неровной и шероховатой. Точильные камни ее не касались, лишний металл убран не был, и сама заготовка весила очень и очень немало. О закалке и заточке и говорить нечего.

Пять белых пятен приблизились, уже отчетливо слышался грозный лай и можно было разглядеть розовые слюнявые пасти и черные глаза. Конан поднял с земли один из своих снарядов, раскрутил над головой и метнул. Прыжок одного из псов оборвался — тело еще летело на врага, а голова уже представляла собой месиво из крови, костей и мозгов. Остальная четверка дико взвыла и кинулась на варвара.

Железяка прошелестела в воздухе и с жалобным визгом пес Ванахейма упал с перебитой хребтиной. Третьего остановил пинок в живот, четвертого Конан успел схватить за горло у самой своей груди. Однако прыжок был мощный, и юноша отступил назад и упал на одно колено.

Оскаленная пасть щелкала клыками у самого его лица, когда опрокинутый пинком зверь поднялся, бешено зарычал и стал обходить Конана сбоку. Острые железяки двигались вместе с ним, описывая дугу и все время глядя точно меж черных глаз. Собаки севера великолепно знали, что такое железо в руках человека. Знала и эта. Она кралась и кралась, собираясь вцепиться жертве в загривок, раз уже не удалось навалиться на нее всем скопом, как на медведя.

Меж тем варвар резко дернул левой рукой, и голова пса, что висел на ней, свесилась набок. Варвар вскочил на ноги и швырнул труп в последнего пса.

Кузнечная заготовка описала дугу у него над головой.

— Ну, где ваши трусливые рыжие хозяева! — заорал киммериец.

Глава девятая

— **П**одите прочь! — воскликнул граф, отшвыривая в сторону карту Южно-Киммерийского Кряжа. Лицо его раскраснелось, глаза от нескольких бессонных ночей, проведенных под свист горских стрел и рожки сигналов тревоги, были затянуты багровой пеленой.

— И я от себя добавлю. — Голос командира авангарда аквилонской армии, к которому принадлежали стоявшие понуро трое разведчиков Северного Легиона, был холоден, как и положено голосу столичного гвардейского офицера, когда он обращается к распоясавшимся мужланам. — В случае если вы еще раз нарушите приказ и задержите наше продвижение, я велю прибить ваши трупы на кресты рядом с пленными киммерийцами!

— Наше топтание на месте только на руку врагу. — Командир второго полка панцирной кавалерии был более спокоен — его части шли в самой середине бронированного потока, между авангардом и дворянскими ополчениями, замыкавшими шествие. Потерь ему варвары нанести еще не успели, если не считать нескольких десятков угнанных лошадей и пропавших без вести боковых дозоров.

— Разговор окончен! — Граф загнал душившее его бешенство куда-то внутрь — сказала придворная выучка. — Больше я не намерен давать отчет о своих действиях никому, слышите, никому из Северного Легиона. Наша задача — вырваться на равнину, развернуться в боевые порядки и раздавить орду, гнать ее до самого Нордхейма, где их дикие соседи

доглодают остатки! Никаких остановок! Только вперед — завтра к утру мы должны быть по ту сторону кряжа!

Последняя фраза была обращена к командиру авангарда. Тот громыхнул железной рукавицей по кирасе и вытянулся в струнку:

— Да, месьор. С вольницей среди гандерландских волонтеров сейчас же будет покончено, виноватые в остановке продвижения примерно наказаны.

— Вот так вот... — удовлетворенно кивнул командир воинства, идущего на помощь Венариуму.

Смерть предшественника, его давнего недруга из Магистрата, открывала перед честолюбивым пуантенцем радужные перспективы.

Небольшая победоносная кампания. Быстрое расследование, проведенное среди офицеров и воинов Северного Легиона, которое вскроет немедийский или — гиперборейский, барон еще не решил, заговор, а затем... — место покойного командующего в Магистрате.

Оставался еще герцог Орантис Антуйский, метивший в те же заоблачные дали, однако граф был уверен, что банда, именуемая Легионом, будет настолько растрепана варварами, что у короля Хагена не останется и тени сомнения в том, чьи войска выиграли кампанию и утвердили форпост Аквилонской Короны на Севере.

А дальше, дальше — стремительные наступления тяжелой кавалерии и гвардейских полков на Аргос... а может быть — Зингару или, Митра, упаси от сглаза, — на Немедию. Прекрасные, мощные дороги, великолепный климат, созданный для цивилизованной войны, покоренные города, вереница вражеских дворян, понуро протягивающих его оруженосцу свои мечи, верой и правдой служившие еще их предкам на полях легендарных сражений. И, наконец, — место главы Магистрата, место советника при венценосце...

Об этом думал пуантенский вельможа, волею судеб возглавивший этот поход. В другом направлении текли мысли командира авангарда.

Его благодетель пал, сраженный невидимым дикарским стрелком. Рушилась вся паутина, какую гвардеец плел не

один год. Чтобы ныне добиться роли офицера-фаворита при новом командующем, следовало идти самым прямым путем — с мечом в руках доказывать свою шаткую славу перспективного военного.

К тому же у пуантенского вельможи имелся свой фаворит в столичной гвардии — командир второго панцирного полка. И как назло, именно на долю авангарда приходились все варварские колотушки — и исчезающие без следа дозоры, и угоняемые лошади, и неожиданные обвалы, и разящие без промаха стрелы, и капканы, и волчьи ямы, и кровавые стычки, в которых закованные в броню кавалеристы были полностью беспомощны перед летучими киммерийскими отрядами.

Первое время положение спасали порубежники Легиона, приказом Орантиса вызванные из боссонских гарнизонов и подчиненные авангарду армии. Однако следопыты Сапсана были своевольны, кроме своего командира ни в грош не ставили никого, и незаметные их успехи видел лишь гвардейский офицер, а о скандальных эпизодах неповиновения слух мгновенно доходил до старших командиров.

Вот и теперь — гандеры и боссонцы требовали остановки на ночь, с тем чтобы прочесать узкое ущелье, за которым армия Аквилонской Короны могла вырваться на оперативный простор из каменных теснин.

Предложение было разумным — гвардеец сам был в передовом дозоре и убедился, что в случае нахождения в ущелье сколь-нибудь значительных киммерийских сил огромных потерь не избежать — Орлиный Перевал был словно создан для засады самими Темными Силами, хранившими дикарские пустоши. На совете командир авангарда вначале держал сторону разведчиков, однако быстро понял, что пришелся не ко двору, и резко переменял позицию.

Командир колонны, следовавший в центре войска, был несказанно рад неудачам, выпавшим на долю того выскочки, которого ставили ему в пример вот уже несколько лет, со времен Академии.

Теперь настал его час — его полк, не понесший потерь, свежий и прекрасно вооруженный, без сомнения, решит судьбу предстоящей на равнине сечи.

Сомнения вызывали лишь заносчивые ополченцы южных провинций — личные дружины тамошних аристократов, однако когда их глава неожиданно-негаданно возглавил всю армию, гвардеец успокоился. На поле боя каждый из этих франтов будет драться сам за себя и почтет за честь не подчиняться общей линии.

Совет был закончен. Командиры отправились к своим войскам. Киммерийские горы медленно погружались во тьму — шла зябкая, туманная горная ночь, когда не видно собственной вытянутой руки и не слышно ржания коней за пять десятков шагов. Стальная змея вздрогнула и поползла вперед, к Орлиному Перевалу. Впереди бронированной конницы шли, сбившись в плотный клин, боссонцы и гандеры. Они прекрасно представляли себе, сколько недобрых настроенных глаз следит за ними с окружающих темных круч, из лесов и щелей, сколько стрел смотрело в затылок каждому из них из тумана и сколько камней готово было обрушиться вниз, на узкую каменную тропу.

Боковые дозоры, что готовились несколько часов назад следовать по гребням скал над основной армией, выковыривая из нор и секретов засевших там варваров, были стянуты к основным порядкам. Лица бойцов Легиона были мрачны. Все они бросили в месте привала провизию и палатки, взяв с собой лишь оружие.

Когда окружающие склоны, уже пожранные мглой, ожили и стрелы и копья вырвали из клина первых павших, легионеры обились в плотный кулак и бросились вперед — на прорыв, склонив копья. Они не оглядывались назад, где в тумане глухо ворочалась змея, где звучал приглушенный смех, конский храп и бряцал металл. Они знали, что последует за первым залпом не знающих промаха стрел, и торопились, спасая уже свои жизни, а не честь армии королевства.

На самом выходе из теснины они врезались в плотный строй варваров, когда за их спинами раздался жуткий гул. Казалось, содрогнулся весь Кряж.

Камни, сброшенные со склонов, камни и бревна, вызвали обвал — конское ржание и людские крики, захлебываясь в удушливом тумане, многократно отражаясь от гранитных стен, слышны были как голос одного гигантского зверя, ворочавшегося во тьме. Зверя, попавшего в капкан.

Несколько десятков порубежников прорубились сквозь визжащий ком, заткнувший ловушку, и бросились врассыпную вглубь пустошей. Их не преследовали — рой киммерийцев заколыхался, уплотнился и втянулся внутрь тропы, ведущей вглубь грохочущего и стонущего Орлиного Перевала, ставшего могилой аквилонской армии. Такой же рой шевелился и гудел, облепив завал с южной стороны от Перевала.

* * *

Все пространство вокруг укрепленных стен Венариума было черным-черно от трупов, а небо над крепостью — от стервятников и воронов. Дальше, за ничейной снеговой полосой, мерцали костры варваров.

Орда появилась со всех сторон одновременно. Ни один из дозорных, высланных еще Сапаном, не вернулся, чтобы поведать защитникам крепости о численности варваров.словно черные воды объяли тот клочок пустошей, где реяли знамена с золотыми львами. Воды подступили со всех сторон и ринулись, чтобы сокрушить препятствие на своем пути, поглотить его, задушить в объятиях, растоптать и развеять по ветру.

За два дня осады защитники крепости отбили уже пятый штурм. Варвары шли на приступ остервенело и неорганизованно, клан за кланом, волна за волной, словно одна бесноватая воля гнала их, как безумных китов из зингарских легенд, навстречу гибели.

Они не катили перед собой деревянных щитов на полозьях, не волокли на плечах осадных лестниц с крюками, не метали через стены окованные железом бревна, не подкапывались под башни. Они просто завалили собственными трупами ров и лезли вверх по стенам как муравьи.

Некоторые забрасывали на парашют крюки и арканы, другие вбивали в стыки меж камней кладки крючья, привязывая к ним ремни, усыпанные узелками, но основная масса карабкалась по плечам и головам друг друга, цепляясь пальцами за малейшие неровности стен, бойницы и воткнувшиеся в стыки случайные копейные древки.

Над полем боя стоял несмолкаемый рев. Те варвары, кому не хватало места в общем строю, метались вокруг с факелами в руках, ныряли в это месиво, выныривали, перемещались без всякого видимого смысла от башни к башне, от ворот — к выдвинутым вперед скошенным крытым бастионам.

Никаких переговоров или предварительных уведомлений о начале штурма, сигнальных рожков или тому подобных деталей, сопутствующих любой войне, аквилонцы не увидели. Снежная мгла исторгла копошащуюся тьму, тьма обтекла крепость и захлестнула ее.

Бешеный натиск стихал так же внезапно и необъяснимо, как и начинался. Как Орантис ни вглядывался с самой высокой башни в плотный дикарский рой, он не различал ни вождей, ни шаманов-туиров, о которых столько твердили ему сапсановы помощники, ни вообще отдельных групп людей.

Это была единая масса, которая шевелилась, двигалась, нападала и отступала, метала тучи стрел, подмигивала защитникам множеством факелов, обтекала поле боя то по ходу солнца, то — против, но все это было за гранью постижения тарантийского стратега и пугало его.

Орантис Антуйский, отбив третий, самый яростный штурм, с ужасом признался себе, что, имея он под своим командованием и десятую часть этой орды, при условии, что она подчинялась бы его приказам и имела бы время подготовиться к приступу — давно бы взял Венариум.

Разумеется, он тщился не выглядеть полководцем, готовившимся сдать в плен. Может быть, потому что и сдаваться было некому — как управлялось это черноголовое воинство и управлялось ли вообще, тарантиец не знал.

Он стоял, облокотившись о ложе баллисты, к которой, кстати сказать, так же как к катапультам, больше не было снарядов, и отдавал короткие, уверенные, бессмысленные команды офицерам Легиона.

Что-то вроде: «Соберите все масло в походных кухнях, велите разлить по горшкам и зарядите, Митра вас разорви, баллисты и проклятые катапульти!».

Легионеры, большей частью израненные, смертельно усталые, потные, с печатью обреченности на лицах, переводили пустые глаза с герцога на шевелящееся море врагов. Они уже сделали для обороны форпоста Аквилонской Короны все, что было в человеческих силах, и готовились умирать.

— Через день-два из-за Кряжа подойдет армия, цвет аквилонского рыцарства, лучшие полки столичной гвардии, и сотрет дикарей в порошок... — Тарантийцу казалось, что он говорит уверенно и веско.

Он размахивал руками, показывал командирам отдельных башен секретные планы Магистрата, вещал о том, что надо выстоять, ибо варвары есть варвары и ни черта не смыслят в стратегии.

Офицеры-порубежники смотрели куда-то вверх, и Орантис все не мог понять, на что — то ли на горделиво выющиеся по ветру алые стяги с золотыми зверями, то ли на вдруг очистившееся киммерийское небо, тщаь разглядеть Дворец Митры, то ли на кружащихся в прозрачном воздухе трупоедов.

— Завтра, а скорее всего — послезавтра дикари будут раздавлены между крепостными стенами и тяжелой кавалерией, как между молотом и наковальней! — Голос стратега дошел до визга, он поперхнулся и замолчал, глядя на пятерых угрюмых легионеров, созданных на совет. — Пять башен, пять овейанных славой знамен, привезенных моим эскортом из сверкающей Тарантии, пять славных командиров... — бормотал Орантис, комкая в руках кружевной платок, когда над черноголовым воинством пронесся истощенный вой, в котором чуткое ухо могло бы узнать имя грозного божества этой земли.

Воды всколыхнулись и поплыли к стенам аквилонской твердыни. Один из легионеров, баюкая у груди стянутую в лубке сломанную руку, задумчиво смотрел на море факелов, трое, словно по команде, повернули свой взор не на юг, откуда, по мнению герцога, должна была прийти помощь, а на северо-восток. Туда, где клубились снежные смерчи и разглядеть что-либо было невозможно.

Пятый, невысокого роста боссонский ветеран, по мнению Орантиса — совершенно разбойничьего вида, одноглазый, трехпалый, рябой, шагнул вперед, к мертвенно застывшей баллисте.

Орантис Антуйский успел выдохнуть со свистом воздух из разрывающихся легких, когда командир лучников коротко, без замаха, левой покалеченной рукой ударил его по лицу.

Голова герцога безвольно мотнулась на тонкой белой шее и безвольно свесилась на грудь. Небеса, непривычно синие, стервятники, зубчатая стена, колесо метательной машины — все это завертелось в глазах Орантиса, и он упал на дощатый настил башни, и щегольской плащ накрыл его тело.

— Да как вы смеете, мужичье! — закричал носатый барон, в это мгновение поднявшийся на башню с тревожной трубой в руках.

Он бросился к боссонцу, на ходу вытаскивая из ножен огромный кавалерийский меч с золоченой гардой. Раненый гандер не глядя ткнул ему в живот ножом и скривился от боли в сломанной руке, вызванной резким движением.

Кандидат в Магистрат по делам северных территорий, так и не ставший действительным его членом, уронил наполовину выхваченный клинок назад в ножны, схватился за панцирь, где между пластинами в кольчужной сети зияла дыра, сделал два неуверенных шага и закричал.

Боссонец, ругаясь на обоих нордхеймских языках, поминная также и пиктских демонов, ухватил его за плащ и старался удержать на краю парашета. Однако ударившая снизу киммерийская стрела пробила барону горло, тело его конвульсивно дернулось и полетело вниз. Бушующие внизу волны поглотили его.

— Жаль меча, — буркнул командир лучников.

Он поднял выпавшую из рук тарантийца трубу, проиграл сигнал «к оружию» и невесело рассмеялся.

На стенах уже шла рукопашная. Пятеро командиров взглянули друг на друга, на копошащегося под плащом Орантиса и двинулись меж зубцов к ближайшей башне, где мелькали факелы, слышался стук мечей и хриплые вопли раненых. Ни один из них не видел, как пронзил бархатный плащ и тело под ним арбалетный болт, украшенный трехцветным пером...

Стрела клюнула покалеченную руку гандера, но слабо, на излете, и упала вниз. Тот вытер окровавленный нож, остановился, повертел его в руках и, сильно замахнувшись, швырнул его в лезущих вверх по стенам врагов. Попал — или нет, он не увидел.

Следующая стрела нашла его сердце даже раньше, чем четверо остальных командиров Легиона ворвались на башню, рубя направо и налево, со звероподобным кличем: «С нами Митра Непобежденный!», который слился с гортанным «Кром!», выдохнутым десятками глоток.

Глава десятая

Атли поднял руку, останавливая свой отряд. Вдали, у самого горизонта, к просвету меж тучами тянулась тонкая, едва различимая струйка дыма.

— Этот соплук мало того что вымотал нас, удирая как крыса от беркута, так еще и насмехается! — произнес кто-то за его спиной.

Тан не обратил на это ни малейшего внимания. Он напряженно думал, сдвинув брови и теребя бороду.

— Жалкая уловка, весьма жалкая, — пробурчал он. Затем Атли задумчиво проследил за цепочкой собачьих следов, вне всякого сомнения ведущих в сторону дыма, и повернулся к дружинникам. — Он и рассчитывает на таких Имиром обиженных олухов, как ты, Бьярни. Хьяриди, возьми четыре десятка и бегом отсюда. Пойдете на юго-восток, отрезая его от гор. Уверен, выродка в этом разоренном селении уже и след простыл. Хорса, ты возьми своих — и на юго-запад, чтобы он не рванул вглубь пустоши, к своей орде. А остальные — со мной, к селению, встретимся там. Кто увидит мальчишку — берите в кольцо — и сразу — сигнал. Зелье дымное захватили?

Хьяриди и Хорса кивнули.

— Мальчишку взять живым, можете калечить, но не сильно. Главное — пленник. Пленник нужен живым. А я с остальными на сигнал поспею.

— А если он в поселке, мой тан? — спросил Хьяриди.

— Ты, сивая борода, что же, считаешь двадцати ваниров и пяти псов не хватит на одного киммерийского недоноска? Да я сам его руками голыми удавлю. А кончится поход, я еще разберусь, что это он за страху на вас нагнал. Не бывать вам в Ледяных Чертогах, не будь я Атли. Зачем Имиру пятнадцать сотен рыжебородых баб, на которых могут нападать коровы, дети и старухи? Молчи лучше, Хьяриди, не смейся молодых.

Хьяриди покраснел, гневно топнул ногой и, излишне громко крича, принялся собирать свои десятки.

— А вот сани, Атли, не надо было с ранеными все отправлять, ох, видят Гиганты, не надо было. Сами бы доковыляли или бы в лагере отсиделись.

В разговор вступил Хорса, один из самых старых наемников, весь иссеченный шрамами, оставленными людьми и зверьем, огромный, как медведь, и опасный в бою, как два медведя.

— Сами бы доковыляли, старый пес! — вскричал Атли. — А асиры потом сто зим хвалились бы, что перебили на границе несколько сот ваниров? В лагере, говоришь! А я думаю, что у киммерийцев, кроме детей и женщин, которых вы и ты, Хорса, первый, боитесь как огня, найдется сотня-другая бойцов, чтобы оставить на месте лагеря груды голов и ломаных мечей!

— Уймись, тан ты или не тан, покажешь, когда я вместо того, чтобы искать аквилонского соплук, буду ворочать веслом где-нибудь в устье Зархебы. А пока — ты военный вождь, орать на старших тебе прав не давали. Хочешь поединка — давай прямо сейчас.

Атли, решивший положить конец всем разногласиям в дружине раз и навсегда, шагнул к старому ваниру и очертил круг на снегу у своих ног.

— Да вы оба... Хресвелг пожрал ваш ум, — встал было меж ними тот дружинник, что сцепился с тарантийским бароном в лагере Легиона, но его грубо оттащил в сторону Хьяриди.

Он был все еще зол, а раз кругом не было стоящего противника, предпочел бы подраться со своими:

— Спор мужчин решает только кровь, рыжебородые. Имир рассудит, тан это или мальчик на побегушках у аквилонских собак.

Меж тем Атли и Хорса кружились как два бойцовских петуха на туранском базаре и не обращали внимания на то, что творилось кругом. А кругом творилось следующее — ваниры угрюмо разошлись на две далеко не равные ватаги, и хотя оружия еще в ход не пускали, до битвы было уже несколько мгновений — Имир любит правду, и никогда не ошибается в судном деле. Ошибаются его нерадивые дети.

Как только один из поединщиков прольет кровь другого, партия проигравшего атакует первой. Тут был спор не двух ваниров, тут был спор дружины тана и тех, в ком ожили заветы предков, кого тянуло назад к племенным кострам, власти старейшин и уложений Гигантов.

Наемники знали цену друг другу. Хорса был стар, Атли молод и силен. И сторонники племенных заветов заранее подняли для броска копьа и топоры.

И к самому порогу Ледяных Чертогов вознесся клич, взывая к справедливости грозного бога Нордхейма. В который уже раз снега окропились кровью. Кровь и сталь вершили путь истины новой, молодой, сильной и истины старой, прочной, надежной.

— Имир, — рычало рыжебородое воинство, протыкая друг друга, рубя друг друга, и закалывая, свято веря в то, что недреманное око Гигантов не даст одолеть неправым.

Аквилония, Венариум, осады и форпосты, политика и стратегия — все понятия мира цивилизации вмиг умерли для этих простых первобытных душ. Время их культуры еще не пришло, дети Имира, убивая друг друга, купались в волнах первозданной Силы, буйствующей, неуклюжей, еще не знающей себе приложения, но уже пробужденной к жизни.

Если бы в окрестностях оказался стигийский маг, он смог бы разглядеть крылатых дев, то и дело выхватывающих из боя и уносящих к небесам души воинов.

Если бы в окрестностях оказался один из всезнающих аскетов-мудрецов из гор далекой Вендии, он мог бы очеред-

ной раз подивиться пестроте и никчемности людской жизни.

На голых, безжизненных равнинах человек перед ликом своих богов творил историю мира. Достигший вершин развития, опасно близкий к неизбежному упадку хайборийский народ Аквилонии тонул в искусственных политических интригах, поливая снег кровью своих лучших и худших сынов.

Молодые, еще не оперившиеся нордхеймцы, которые призваны были спустя века стать одними из сокрушителей хайборийского мира и первыми ростками мира нового, растрачивали силы в поисках пути Назад и Вперед, и кровь аела и плавила снег.

Киммерийцы, осколок дремучего мира, существующего лишь на старинных картах и в песнопениях туиров, утратившие все признаки общества и культуры, сохранившие лишь когти и клыки, дрались за свое выживание, как они это делали бесчисленные века, прошедшие со времен их павшего величия.

А посреди этого бушующего океана сил юный Конан, которому насмешники-боги подарили роль хранителя шаткого, раздираемого мира ждал, когда же вослед за собаками явятся их хозяева и его враги. Ему не было дела до осколков старых миров, начала заката этого мира, до ростков будущих миров.

Он выполнил долг мести, его звало Кровавое Копье, он бросил размышлять о темных видениях и просто ворчал, разглядывая кузнечную заготовку, очищенную от песьей крови:

— О, Кром! И сын кузнеца должен драться вот этим?

* * *

Сапсану было больно. Его сознание, словно неяркий язычок свечного пламени, трепыхалось где-то невообразимо далеко и в то же время невообразимо глубоко внутри; в объятиях черных осьминогов, на дне глухих колодцев, сгорало в огне, замерзало насмерть, вдребезги билось на сотни осколков, рушилось в пропасть.

Бодело все. Были травмированные ребра под кольчугой, саднила колотая рана в плече, ссадина под подбородком, натертая ремешком шлема, напилалась потом и саднила тоже. Кроме того, ему впервые в жизни было страшно и стыдно одновременно.

Он, после второй неудачной попытки освободить осажденный Венариум, понял, что его Легион, любимое детище, погибает в одном переходе от ванирской дружины. И нет на всем севере такой силы, которая сможет его спасти.

Киммерийцы не ожидали удара в спину. Это была орда в самом точном смысле этого слова — ни резервов, ни часовых, ни единого командования.

Сапсан вывел свои девять сотен мечей из клубящихся смерчей и сразу, с марша, ударил в тыл огромному темному зверю, грузно ворочавшемуся под стенами аквилонской твердыни. Некоторые кланы так и продолжали свои попытки оседлать зубчатый каменный гребень, некоторые развернулись навстречу новому врагу.

Это не был решительный удар — киммерийцы бились в стальной ванирский клин, словно град об крепкую крышу. Слабо, монотонно и долго.

Вначале таранный удар дружины расплывался в стороны небольшие кучки осаждающих, как кабан стряхивает с себя твоякающих травильных собак, чтобы наброситься на охотника. Затем нерушимый строй врезался в сплошную шевелящуюся массу черноголовых, как колун в старый трухлявый пенек.

Некоторое время казалось, что фронт киммерийцев будет прорван и дружина дойдет до ворот. Затем створки распахнутся, и навстречу им выйдет такой же несокрушимый клин легионеров. Однако топор увяз.

Спустя час после начала атаки дружина дралась в окружении, не дойдя до ворот трех полетов стрелы. Затем — начала пятиться, огрызаясь и щетиня во все стороны часток колпачных наверх.

Натиск на нее все увеличивался. Самое страшное было то, что штурм продолжался — все новые и новые волны карабкались вверх по стенам, и у обессиленных защитни-

ков не было ни сил, ни времени помочь. Они сами еле держались.

Организованно, унося раненых и не нарушая строя, дружина отступила. Киммерийцы не преследовали их. Казалось, орду совершенно не тревожила угроза с тыла. Варвары продолжали натиск на крепость, который иссяк внезапно — вдруг, безо всякой причины, темные воды отхлынули от стен и забитого трупами рва.

Затем был ночной штурм. Сапсан наблюдал за ним с ледяного сугроба, искусав себе все губы в кровь. Его дружине требовался отдых, и тут уж ничего нельзя было поделать.

Благо, что рыжебородые наемники вообще пошли на безнадежное дело под командованием иноземца.

Затем была еще попытка, и еще. В последней им даже удалось пробиться сквозь плотные ряды врагов дальше, чем раньше, и навстречу из распахнутых ворот вылетели конники Легиона.

Казалось, что победа близка. Дракон, обвивший башни с горделивыми алыми стягами, был разрублен надвое. Но малочисленная конница увязла в рукопашной, потеряв преимущество маневренности, и была попросту сожрана, смята и проглочена. Дружину вновь отогнали, а грозный киммерийский ящер вновь сросся в единую, полную чудовищной силы тушу.

Сапсан, уже раненный, видел, что защитникам Венариума с огромным трудом удалось отстоять ворота и захлопнуть их.

Все усилия были бесполезны. Крепость должна была в скором будущем пасть перед первобытной, неуправляемой, бездумной силой. И бессильны перед ней были мужество отдельных защитников, ухищрения стратегов и опыт наемников.

На краткий миг забрезжила слабая надежда — из метели вместе с первыми рассветными лучами вылетели вдруг конники, на бронированных конях, одетые в сияющие доспехи. Сапсан воспрял духом и в который уже раз повел своих валившихся с ног ваниров на прорыв.

Однако это была самая гибельная попытка. Никакой организованной атаки не получилось. Да и не было многочисленной, свежей, вооруженной по последнему слову военного дела аквилонской армии.

Были ее остатки, запуганные, изможденные, на шарахающихся от каждой тени конях, голодные и подавленные. Они наскочили на киммерийскую орду и отлетели. Вновь наскочили и вновь отлетели, усеяв снежное поле неподвижными фигурками, знаменами, значками гвардейских рот и цветастыми плащами. Наемников тоже отогнали. На стенах крепости шла жестокая сеча и мелькали факелы варваров.

И тогда на поле боя явились те, кто уничтожил в горах большую часть аквилонского войска. Они шли следом за кавалерией, чуть поотстав в пути, и ударили с тыла.

Разгром был полный. Когда через сутки Сапсану удалось собрать под свое командование остатки кавалерии и своей рассыпавшейся по пустоши дружины, он ужаснулся.

Полторы тысячи аквилонцев, совершенно небоеспособных и подавленных, потерявших весь офицерский корпус, и четыре сотни израненных и изможденных наемников, клянущих его, Атли, и всех богов черными проклятиями и вот-вот готовящихся уходить в Нордхейм.

— Мне нужна сотня храбрецов. Которые не провели пять дней в бесконечных схватках с этим демоническим народом, которые не побоятся пойти со мной на решающий прорыв.

И аквилонцы, и те немногие ваниры, кто еще надеялся на победу в этой войне, разводили руками.

— Мы переоденемся в эти их зловонные шкуры и ночью проберемся сквозь их атакующие порядки. Надо будет открыть ворота. Гарнизон с одной стороны, а вы все с другой — прорвем их строй и будем отступать. Крепость превратилась в ловушку, а при моем плане мы некоторое время будем иметь дело только с одной четвертью киммерийцев — пока все те, кто окружает крепость с других трех сторон, соберутся вместе, мы уже построим «черепаху» и двинемся на юг. Я думаю, что они кинутся грабить крепость, а может, даже не будут нас преследовать — в конце

концов они не воюют с королевством. Их раздражает аквилонская крепость в их пустошах, не больше и не меньше. Я беру ответственность на себя. Крепость нам не удержать, мой долг — это немедленно вывести из войны остатки войска. Для этого всего-то нужна сотня добровольцев!

Однако окружающие все разводили руками и прятали глаза.

И тогда Сапсан вспомнил про Атли и его отряд.

— Немедленно выслать отряды на восток. Там без дела шатается нужный нам отряд. Он должен быть где-то в половине дневного перехода от нашего лагеря. Пустоши сейчас безлюдны, все черноголовые варвары здесь, перед нами. Дай, Митра, нам сроку полдня, отврати штурм до темноты!

Глава одиннадцатая

Вот это да, клянусь всеми богами! — Воскликание, вырвавшееся у Эйольва, было совершенно искренним.

Он наблюдал всю схватку Конана с псами Ванахейма из-за угла крайнего дома. Столь быстрая расправа со знаменитыми собаками-убийцами впечатлила его едва ли не больше, чем «дуэль» Атли с бароном.

«А ведь этот дикарь не был даже толком вооружен!» — с благоговейным ужасом подумал паж.

Атли был могучим воином, опытным, прошедшим в боях годы и годы, а Конан был его ровесником. Что бы сказал аквилонец, если бы его знакомство с киммерийцем началось чуть раньше?

Не когда вдруг в подступившей темноте залаляли собаки и какая-то неведомая сила сжала его запястье, выкручивая меч, и Эйольв оказался пленником раньше, чем осознал факт нападения, а когда добрая сотня грозных нордхеймских наемников была выведена из строя за неполный час?

Однако, кроме эпизода со снежным барсом да его собственными нелепыми попытками убить варвара, битва с псами была первой бойней, учиненной Конаном у него на глазах.

— А, южанин! — весело воскликнул Конан, волоча за ноги двух мертвых собак. — Помоги лучше, чем стоять столбом.

— Зачем они тебе? — спросил Эйольв, заворожено глядя на кровавые дорожки, пятнающие снежную белизну.

— Я их сожру! — бодро заявил Конан.

— Какая мерзость! — воскликнул паж и схватился за горло. Дурнота вновь подкатила к самому горлу, а проклятый варвар вновь захохотал.

Ему даже пришлось бросить свою ношу и утирать слезы. Эйольв не видел здесь ничего смешного.

— Вот схватит тебя за брюхо голодная Хель, а собачатины уже не будет, и придется тебе искать дохлых ваниров, чтобы подкрепиться. А я, и мой народ — не людоеды, что бы вы о нас в своей Аквилонии ни говорили. Мне и собак вполне достаточно.

Эйольв так и не понял, всерьез это говорил Конан или нет. Он как-то отрешенно наблюдал, как варвар втаскивает в центр поселка свои жертвы, аккуратно снимает с них шипастые ошейники, вбивает в снег оглобли, подвешивает туши и свежует их. Конан же не обращал внимания на пажа совершенно — он весь ушел в свою работу.

— Эй, южанин, подбрось-ка дров в костер — не ровен час, ванирская дружина нас пропустит. Сам погреешься, да и спасители твои здесь будут побыстрее, а то они, видать, заблудились где-то, — прокричал он какое-то время спустя.

Эйольв последовал его совету и уселся у огня, со словами:

— Жду не дождусь, когда они появятся здесь и подвесят тебя рядом с этими тупаами.

Конан никак не отреагировал на эти слова аквилонца, продолжая расхаживать по поселку, лазить по крышам, спускаться в какие-то ямы. Паж уже разобрался, что киммериец готовит из всего того хлама, что он набрал в поселке, какие-то ловушки. Наконец все уже было готово, и довольный Конан подсел к костру, разглядывая своего пленника.

— Теперь будем ждать, — сказал он и вытянулся прямо на снегу. Потом привстал на локте и сказал, весело щурясь: — Бежать тебе нет смысла, за тобой и так придут,

а бросаться на меня больше не стоит. Я готовлюсь к битве и могу зашибить ненароком. Просто сиди и молчи. И по селению не ходи, попадешься в капкан, оторвет твою ничемную голову.

— А как ты готовишься к битве?

— Коплю злобу, — отрубил Конан, хищно ухмыльнувшись прямо в лицо аквилонцу, снова захохотал, а потом мгновенно затих, словно бы уснул.

«Интересно, а что он со мной будет делать, когда сюда придут?» — подумал Эйольв, поеживаясь. Ответа на сей вопрос он не знал, а потому принялся разглядывать облака, стараясь не смотреть на зловещие собачьи туши, под которые натекло крови и которые раскачивались, усугубляя ощущение запустения вокруг.

Психология этого варвара оставалась для Эйольва совершеннейшей загадкой. А он-то себя считал знатоком человеческих характеров...

С детства выросший среди воинов, прошедший нелегкое обучение в пажеской роте гвардейского панцирного полка, он никак не мог уразуметь этого дикарского типа.

На его месте, думалось Эйольву, любой воин бы готовился к битве, именно готовился бы — чистил, скажем, оружие... хотя, конечно, какое уж тут оружие... ну тогда хотя бы разминал тело, чтобы в схватке не порвать мышцы, не растянуть связок, не вывихнуть запястье.

Паж с завистью посмотрел на могучее тело варвара. «Как же, порвешь эти мышцы. Он выглядит как детеныш великана из сказки. И ведет себя, кстати, тоже как детеныш великана».

Конан же безмятежно спал. Пе его лицу отнюдь нельзя было сказать, что он «копит злобу». На лице спящего киммерийца сияла буквально детская улыбка. С уголка рта на щеку даже вытекла ниточка слюны, тут же замороженная холодным воздухом, и теперь сверкающая, как карнавальная блеска на платье у столичной кокетки.

Вот только множество синяков, царапин и шрамов портили все впечатление безмятежности, волнами исходящее от спящего Конана.

И зловещая стальная полоса, правда, очищенная уже от песьей крови, напоминала Эйольву о том, что перед ним лежит человек, готовящийся драться и, может быть, умереть.

«Ну не перебьет же он целый отряд наемников!» — в отчаянии думал Эйольв.

«А может — он безумен? Говорят, в этих пустошах в людей вселяются злые демоны убийства и разрушения, заставляющие самых робких бросаться на вдесятеро сильнейших врагов». Однако паж и сам знал, что его похититель мало походит на сумасшедшего.

Больше всего он похож был на старого лесничего герцога Орантиса, который присматривал за Эйольвом в детстве, в те минуты, когда старик, расставив силки на куропаток, спокойно приваливался к древесному стволу и безмятежно играл на флейте, пока юный дворянин возился как на иголках, ожидая первой жертвы.

«Точно, у лесничего было такое же спокойно-радостное выражение лица, хотя они совсем не похожи, этот дикарь и утонченный аквилонский слуга, вышколенный и обученный множеству наук и ремесел в столичных солидных школах для прислуги».

«А ведь он действительно не собирается сражаться с ванами, он собирается на них охотиться, как на куропаток, — подумал Эйольв, — так же, как Атли в Венариуме не собирался сражаться с бароном, а просто дал тому напасть, и вывел его из строя».

Если бы в эти минуты Конан не спал, витая мыслью где-то во владениях своего бога, и он владел бы искусством красочной речи, то вполне мог состояться меж ними разговор. Разговор двух юношей, варвара и сына утонченной хайборийской культуры, о войне. И об охоте. Варвар мог бы сказать:

«Война для меня — это не дуэль или хитрые боевые приемы, созданные для трусов, лентяев и слабосильных южан. Война — это охота. Охота на человека. Охота на его слабости, его страхи, его глупость. С одним противником еще можно сражаться, с двумя — сложно, с большим коли-

чеством попросту невозможно. Но если Кром приказывает, их можно убивать. Быстро и безжалостно, как охотник убивает дичь. Так во все века поступали мои предки.

Много в мире было жутких страшилищ, гораздо сильнее человека, с когтями, клыками, ростом до небес, летающих, ползающих, прыгающих. Изрыгающих огонь и убивающих взглядом. Однако хозяином земли стал человек, ибо он не пытался равняться с ними силой, он просто охотился на них, со всей невозможной для тупого монстра хитростью и со всей страстью сердца, недоступной лишенному души призраку.

И он выжил, человек, а призраки населили кладбища и мерзкие капища, драконы поселились в сказках, гхоблины, трольхи и прочая нечисть оказались выпшвырнутыми за окоем, в царство теней и призраков.

Кости, гигантские клыки и когти неведомых даже мудрецам зверей находят в северных пещерах в золе очага, среди детских глиняных игрушек.

Мой народ был велик в эпохи забытых царств Валузии, Грондара, Комелии. Мой народ был ничтожным стадом обезьян во времена, когда тонули ныне несуществующие континенты и зарождались контуры этого мира. Мой народ дрался веками со своим ровесником — народом пиктов в старом мире, вражда эта живет и поныне. Мой народ дрался с юными первобытными хайборийцами на заре эпохи.

Он не допустит на свои пустоши выросшие и окрепшие хайборийские королевства. Мой народ сдерживает новые молодые народы — ваниров и асиров, готовых обрушиться на эти королевства, как некогда хайборийцы обрушились с севера на дряхлеющий Ахерон. Мой народ переживет грядущие катастрофы и станет камешком, который сорвет лавину, что снесет нынешний мир, и застанет зарю новой эры.

Потому что мы — первые люди. И секрет нашего выживания не поймут никакие мудрецы и никакие колдуны, как не поняли нашу силу упыри и драконы на заре Вселенной.

Потому, что этого секрета не знаем и мы сами. Мы — просто живем.

Наш Кром дает нам мужество и силы для битв и свершений и ожидает нас в своих чертогах. Он знает этот секрет. Секрет человеческого сердца, которое тверже алмаза, горячее расплавленной руды, которому не нужны молитвы, магия и наука, чтобы быть, которому не нужны когти, зубы и самое что ни на есть лучшее оружие, чтобы сражаться с достойными и охотиться на тех, кто сильнее и кого больше.

А тех, кого от света собственного сердца уведат посты и молитвы, алтари и учения чернокнижников, кого от невзгод защищают армии, а от болезней души и тела — жрецы, становящиеся хозяевами людских душ, Океан Времени смывает в Ничто, и все начинается сначала. Дабы сами боги следили за недоступной им тайной — жизнью человеческих сердец».

Однако Конан всего этого сказать не мог, потому что не мог так красиво и связно говорить, потому что он не говорил, а жил сердцем, не жалея ни о чем, не стремясь обновить ни один миг и не спасая свою жизнь от опасностей, а идя им навстречу. Кроме того, он просто спал. Опасность сама шла к нему, Кром с улыбкой смотрел на своего сына, а ему снилась самая увлекательная из охот, охота на человека.

И над пустошами разносился богатырский хrap.

* * *

— Эти псы заслужили свою участь — остаться на корм песцам и лисицам, — сказал Атли, тяжело дыша и вытирая об одежду мертвого Хорсы свой меч.

Голова Хорсы лежала неподалеку, а рядом с ней валялись обломки изрубленного щита Атли, превращенного могучими ударами в груды щепок.

— Слава тану! — в один голос воскликнули верные ему наемники, оказавшиеся победителями в кровавой сече, в которой Гиганты дали победить новой, молодой, хищной дороге, по которой теперь мог двигаться народ Ванахейма.

— Слава Имиру, что даровал победу правым! — воскликнул Атли.

Он был доволен, что взял в погоню за киммерийцем самых своих испытанных и верных бойцов, а также самых недовольных в дружине. Выяснение отношений должно было состояться давно и, хвала Имиру, унесло меньше жизней, чем могло бы. Всего-то три десятка мертвецов скалило зубы в синеву, сжимая побелевшими руками рукояти мечей и секир.

— Итак, у нас десять раненых. Кто это там шевелится? А, Хьяриди, старый пес. Добейте его. Тур, Грима и еще десяток, — Атли наугад тыкал кулаком в широкие пояса своих дружинников, — пойдете западнее. Встретите сопляка, дадите знать. Если нет, идите к Венариуму. Там вся дружина, вместе с Сапсаном. Ты, Отар, с тремя десятками отрежешь ему путь к Восточному Кряжу. Остальные двадцать — за мной, или эта война закончится без нас.

Глава двенадцатая

Эйольв задремал и уже в вечерних сумерках был разбужен грубыми толчками. Ни слова не говоря, Конан за руку подтащил упирающегося аквилонца к собачьим тупам, одним ударом вогнал в наст здоровенный дрын, и прикрутил его ремнями.

— Тут самое безопасное место в поселке, южанин. Ты, конечно, если постараться, вырвешь эту деревяшку, только пусть твой Митра вразумит тебя, и ты уйдешь той дорогой, по которой сюда войдут ваниры. Но это только если я погибну. Все, можешь орать, молиться или смотреть.

И киммериец в три прыжка исчез за обгоревшей кузницей, а Эйольв остался стоять с открытым ртом.

На поселок опускалась ночь, где-то далеко на западе от этого места киммерийская орда пошла на штурм аквилонской твердыни, где-то на юге обвал погребал под собой цвет панцирной кавалерии королевства.

А в нескольких десятках шагов Атли задумчиво поднял из окровавленного снега оголовье кувалды, в проушину которого был вставлен ремешок. Это был тот самый метательный снаряд, что оборвал жизнь первого из псов Ванахейма.

— Так вот куда делись собаки, клянусь Имиром. А где трупы? Ах, этот мальчишка не только умеет разыгрывать из себя саму Хель, так еще знает наши пословицы! Не будь я первый ванирский тан, если мы не застанем здесь его, а найдем Хресвельга, жующего наших псов.

— У хозяина и собаки одна судьба, — задумчиво проговорил один из ваниров, теребя бороду.

— Заткнись, или у тебя точно будет та же судьба, что и у этих псов! — закричал Атли и замахнулся на воина кувалдой.

Гнилой ремешок лопнул, и железный брусок улетел куда-то назад. Тан ругнулся, выхватил меч и огляделся.

Его воины уже завершили окружение мертвого поселка. Костров на западе и востоке видно не было.

— Да выест Хресвельг его череп, он здесь. Вперед, рыжебородые!

Двадцать стремительных силуэтов скользнули между домами.

Бросившийся в проход между домами воин принял на себя смерть, предназначенную Атли — пока тот, замешкавшись, разглядывал следы и кровавую дорожку, раздался какой-то треск и сразу вслед за ним — крик боли.

Грудь наемника была пробита целым заостренным бревном, подвешенным на заплесневелую веревку. Воин все еще сжимал в ладони причину своей гибели — шелковую нить, что была натянута миг назад поперек прохода.

— Сопляк, я вырву твои кишки и намотаю на этот кол! — заорал тан и прыгнул вперед.

На то место, где он только что стоял, рухнула груда какого-то ржавого хлама. Тяжелая груда, вполне способная оглушить и поранить.

— Выходи и сражайся как мужчина! — закричал Атли, в тревоге прислушиваясь к раздающимся в разных местах поселка призывам о помощи.

На миг вожак наемников почудилось, что он угодил в логово кровожадного чудовища. Потом — что он с малым отрядом оказался в ловушке, и вот-вот из-за каждой присыпанной снегом развалины появятся пылающие местью киммерийские воины. Но все вновь стихло. Тогда тан осторожно двинулся вперед, выставив перед собой меч.

Эйольв видел, как на открытое пространство прямо перед их кострищем выскочил ванир. Он был без шлема, без щита, в руке его так и плясала секира на длинной прямой ручке.

— Эй, я здесь! — крикнул паж, но ванир даже не обернулся.

Он неуверенно ступил куда-то в противоположную сторону, затем запнулся и упал. В падении он повернулся — из спины его торчала знакомая аквилонцу кузнечная заготовка.

— О Митра! — одними губами выдохнул паж и принялся извиваться, стараясь вырвать кол, к которому был привязан.

Между домами мелькнул силуэт.

— Вон ты где, черноголовая тварь! — гаркнул приземистый одноглазый наемник.

Он бросился следом, на ходу засовывая за кушак топор и разматывая аркан. Он несколько лет был охотником на беглых рабов в немедийских каменоломнях и знал толк в охоте на человека.

— Сейчас я тебя, сейчас, — пыхтел он, вылетая из-за угла в тот самый проулок, где сидел совсем недавно барс.

Наемник остановился и удивленно разинул рот: прямо перед ним, подвешенная на ремне, покачивалась собачья голова. Кровавая лужа, кошачьи следы, оскорбительная надпись на снегу по-аквилонски — все это он увидел мгновенно, но рта уже закрыть не успел. За спиной его с крыши свесились две могучие голые руки и захлестнули на шее собачий ошейник, медными шипами вовнутрь.

Сдавленный хрип и бульканье, вместе с громким, леденящим душу смехом, услышал другой ванир, который наступил в сумерках на какую-то ржавую скобу и ковылял, тяжело опираясь на копьё. Он завернул за угол и увидел своего мертвого товарища, собачью голову и Конана, спокойно сидящего на крыше.

— Эй, рыжая борода, ногу зашиб?

— Ша я тебе голову зашибу! — сквозь зубы проворчал воин и поднял копьё для броска, поморщившись от боли в ступне.

— Не добросишь! — сказал Конан, прищурившись и прикидывая расстояние. — Сделай шаг в Вальгаллу, убийца детей.

— Я удавил в этом поселке троих сопляков и сейчас припилю к бревнам еще одного, — сказал ванир, сделал быстрый шаг и метнул копьё.

Это был действительно его последний шаг, и первый шаг к Имиру — тяжелый гвоздь из детского самострела пробил его горло и вонзился в бревно на той стороне улицы. Конан же поймал копьё, прыгнул с крыши и исчез раньше, чем на голоса прибежали трое запыхавшихся наемников. Один из них тоже прихрамывал.

— Клянусь сосульками из бороды хримтурсов, мы взяли сражаться с духом, — сказал один из них, дико озираясь.

— Может, их тут много? — задал вопрос охромевший лучник, ослабляя тетиву и убирая стрелу в колчан.

— Или — ни одного, — заключил третий. Тут они услышали грозный рык Атли и побежали к центру поселка.

Среди столбов и кровавых трофеев, развешанных на них, стоял Атли и еще пятеро воинов с клинками наголо. Атли держал Эйольва за шиворот и монотонно стегал того по лицу черенком короткой охотничьей стрелы, которую выдернул из своего плеча.

— Знаешь, аквилонская крыса, что ты мне стоил многих воинов. Благодарю своего Митру, что я не велю повесить тебя рядом с этими тушами и свежевать, как оленя. Пойдешь со мной, а твой родственник благородных кровей заплатит мне золотом за смерть каждого дружинника, не будь я тан.

Каждая тирада заканчивалась ударом, наконец стрела сломалась, и Атли с раздражением швырнул ее под ноги, придавил сапогом и повернулся к трем подбежавшим.

— Где остальные, поberi вас прах!

— Не знаю, мой тан, я слышал крики... — сказал лучник, за что тут же получил такую зуботычину, что шлем его полетел в кровавую лужу под собачьими телами.

— Все. Этого ублюдка мы освободили, остальных, видно, до срока призвал Имир, или пожрал Хресвельг, или потоптали коровы, или они приглянулись Хель — плевать. Бросьте в костер сигнальное зелье, идем на запад, к Венариуму.

— Мой тан, может, рассредоточимся и прочедем поселок? — спросил седой, как полярная сова, воин, в крови которого пылала гремучая смесь семени гиперборейцев и ваниров.

— Заткнись, Имиров сын, — Атли сам в эти минуты был похож на выходца из-за призрачной грани мира. — Хватит с нас потерь. Сыпьте зелье.

Через миг к черному дыму от догорающего костра присоединились желтые клубы, а языки пламени подернулись мерцающей зеленью. Бросивший зелье выпрямился и хотел что-то сказать, указывая рукой в пролом в стене ближайшей развалины, как воздух взрезало копьё и, пробив посеребренную кольчугу, память о бритунском походе, пробило его живот. Он закричал и завертелся, упав в костер, подскокивший Атли добил его точным безжалостным ударом.

— Это копьё Стренги, — тихо сказал лучник и отошел к раскачивающимся тушам.

— Это сигнал другим отрядам? — спросил Эйольв, умытый лицо снегом и едва ли не без злорадства смотревший на вытянувшиеся лица своих спасителей.

— Да, — автоматически ответил Атли, шаривший глазами по крышам домов.

— Дождитесь их и окружите поселок, — как ни в чем не бывало сказал Эйольв.

Атли заорал ему в лицо, нависнув всей громадой над хрупким юношей:

— Идет ночь. В темноте все киммерийские демоны спускаются с цепей. Все. Этого сопляка уже не взять. Дождемся тех, кто ушел к горам, только не в этой западне, а на равнине, и к Венариуму. А ты, южанин, заткнись.

— Кроме того, его наверное уже тут нет — упорхнул в свои пустоши, Гарм пожри его тень, — сказал «Имиров сын».

Словно бы в ответ на это подозрение из сгустившегося мрака вылетел топор, слегка задев рог на шлеме Атли, и с тупым хрустом вонзился в собачью тушу, заставив ту завертеться и задеть лучника.

Тот в ужасе отпрянул, потом завопил что-то совершенно несусветное про призраков и ринулся туда, откуда прилетел топор.

— Оставьте его, — сказал Атли дернувшимся было остановить безумца наемникам, — Хресвелг выел его череп. Надо сказать, ему пришлось только заморить червячка — Орм был тупицей. А теперь все и ты, южанин, быстро на равнину. И смотрите под ноги. Щиты поднимите, рыжебородые! Этот выродок за три дня сделал из вас неумелых баб!

— Это был топор Скидильфа, — сказал «Имиров сын», последним протискиваясь в узкий лаз меж кузницей и сугробом.

— А это — твой меч, — раздалось у него над ухом.

Полукровка вместе со сталью, входящей между ребер, услышал шепот:

— Воин, уронивший оружие в битве, отправляется к теням.

Дружинники обернулись, но увидели лишь оседающего белоголового воина и метнувшуюся за кузницу тень.

— Стоять, не гонитесь за ним! — громовым голосом проорал Атли, разобравшись, в чем дело. — Из-за скотины Хорсы мы дали ему полдня, чтобы превратить эти развалины в крепость почище Венариума. На равнину, прах вас побери!

Тем временем Орм раскачивался на носках, пялясь во тьму.

— Ни один призрак не устоит перед честной сталью. Мой лук готов, порождение мрака! Иди же.

Вокруг была тишина. Орм на цыпочках обошел причудливый сугроб, влез на крышу какого-то строения, спрыгнул, перешагнул через бездыханный труп, сжимавший вонзившийся ему в бок металлический прут, и остановился.

— Где ты, сын погибели? — позвал лучник.

За его спиной мрак сгустился. Конан с интересом поглядывал на его трофейный гирканский тул для стрел, притороченный наискось через спину, нагнулся, слепил снежок и бросил через голову лучника. Орм вздрогнул, уставился в ту сторону, где снежный ком шмякнулся в стену, и натянул лук.

— Ну что, рыжебородый, скажи «здравствуй» Водам Забвения, — произнес Конан, протянув у того над плечом руку и перерезав тетиву.

Глава тринадцатая

Со времени битвы в заброшенном поселке прошло два дня. Два дня непрерывных боев под стенами Венариума.

Сапсан расхаживал, заложив руки за спину, по своему шатру, в котором столпились его командиры. Большинство из них были ранены, одежда на всех висела клочьями, доспехи изрублены, под глазами набрякли сизые мешки. Теперь трудно было отличить знатного пуантенского дворянина от бродяги-наемника из Нордхейма — все были одинаково измотаны и изранены.

— Господа командиры. — Голос Сапсана звучал слабо, сорванный в эти дни до последней крайности. Однако в шатре царила гробовая тишина, и его было слышно всем. — Если вы думаете, что только наши войска доведены до крайности и измотаны, вы глубоко ошибаетесь. Варвары точно так же, как и вы, валяются с ног от ран, голода и усталости. Гарнизон выстоял, выстояли и мы. Ни у аквилонской армии, ни у орды нет и капли сил, чтобы продолжать эту бойню. Будь у меня сейчас малая толика той армии, что так бездарно была погублена в горах, я бы гнал киммерийцев, как гусей, до самого Асгарда.

При этих словах многие аквилонцы потупили глаза. Сапсан тяжелым взглядом обвел ряды своих командиров, и остановил взор на Атли и Эйольве.

— Митра Победоносный! Атли, от тебя я ожидал большего. Прекрасно, что ты вернул нам отпрыска благородно-

го рода, да возрадуется на стенах Венариума герцог Орантис, если он еще жив, но именно твоей сотни мечей сейчас и не хватает.

Тут старый командующий Северным Легионом хватил по бревну, служившему столом, кулаком с отнюдь не старческой силой:

— Какая нечисть пожрала мой резерв? Чаша весов колеблется, один решительный натиск, и мы отбросим обескровленный киммерийский рой, а вместо свежей сотни доблестных ваниров мои дозоры чуть ли не на руках вносят в лагерь полсотни визжащих от ужаса рыжебородых баб, половина которых обморожена и изранена так, словно бы сражалась со стадом драконов! Где мои воины, Атли? Где твои воины, прах поберей такого командира дружины!

Атли, стиснув зубы, молчал. Он решительно не находил слов, как объяснить все то, что произошло между ним и Хорсой в пустоши, что стряслось с дюжиной его воинов в треклятом селении, откуда взялась буря, накрывшая его отряд на обратной дороге... он как наяву видел смерчи, обступившие его наемников, словно грозные хримтурсы пришли взять дань со своих нерадивых сынов... он, как и все, кто были с ним, был объят неземным ужасом, оцепенел, окостенел, сердце его заледенело и перестало биться... а когда смерчи вдруг колыхнулись, расступились и пропустили вперед бешеного киммерийского выроodka, мало кто мог ему сопротивляться.

Всем им хотелось лишь лечь и умереть, чтобы не слышать гневных призрачных голосов, доносящихся из снежных вихрей, чтобы отпустил душу и тело цепкий холод. А киммериец, словно воплощение гнева Гигантов, зыбкой тенью порхал над сугробами, сея быструю смерть.

Когда его удалось отогнать, а окончательно деморализованный отряд устремился прочь из объятий пугающей бури, за их спинами раздавалось чавканье Хресвельга, грызущего кости десятка несчастных.

Тогда Атли полностью уверился, что имеет дело не с человеком, а с голодным духом пустошей.

Его даже не брали стрелы. Лютый ветер относил их в стороны или же словно в насмешку швырял обратно в лучников, в то время как оружие мертвого Орма в руках мальчишки било насмерть, вопреки буре. Оставалось лишь смириться с волей Гигантов и бежать, бежать, проваливаясь по пояс в рыхлый снег.

Эйольв также мог кое-что порассказать аквилонцам о расправе, учиненной Конаном над грозным отрядом наемников, знаменитых от вод Западного моря до Кезанкийских гор. Однако паж яростно растирал обмороженные ладони и, стиснув зубы, молчал. Это было глупо, но он чувствовал вину за гибель ваниров — в конце концов, они отправились вызволять из плена именно его.

Так и не дождавшись ответа, Сапсан в сердцах помянул всех северных богов и, развернувшись на каблуках, принялся раздавать приказы:

— Передайте войскам — немедленно подготовиться к атаке. Всех раненых — в строй. Остальных оставим здесь, без всяческой охраны. Мне дорого каждое копье. Или мы погоним орду, или все поляжем под стенами крепости. Передайте дымом в Венариум сигнал — всеми силами гарнизону немедленно на вылазку. Эта сеча будет последней. Или мы, или они. Больше нельзя допустить ни одного штурма. Господа командиры, прошу к карте.

Глава четырнадцатая

Завыли сигнальные трубы, раздался многоголосый вой в лагере киммерийцев, и началась самая кровавая за историю осады Венариума битва.

Сила отчаяния вселила в сердца аквилонцев надежду. Ворота крепости распахнулись, и поредевший Северный Легион, страж границ Королевства, вышел в поле. Орда заколыхалась, раздалась, стремясь крыльями охватить немногочисленное воинство порубежников, и тогда ударил Сапсан.

В центре шли, сомкнув щиты и выставив копья, дружинники Ванахейма. На флангах дружно врезались в ряды варваров аквилонские панцирники. Раненые шли во второй линии — совсем немногие остались в лагере, обреченно ожидая судьбы. Но то были лишь безнадежно покалеченные и обмороженные.

Ощетинившийся стальными иглами еж Легиона прорубался сквозь ряды киммерийцев, и гордо реяли над немногочисленным отрядом алые стяги с золочеными львами. И орда, обескровленная не меньше, чем воинство королевства, заколебалась и дрогнула.

Эйольв, облаченный в привычный кавалерийский доспех, дрался в рядах панцирников на правом фланге, стремясь ни на шаг не отстать от Сапсана. Сами боги были в те минуты на стороне аквилонцев — за ночь мороз крепко схватил предательский снег, создав великолепный плац для удара тяжелой конницы.

Варвары, мастера одиночного боя, и грозные в бушующей стае, понятия не имели о воинском строе. Они раз за разом бились в несокрушимую стену щитов нордхеймцев и легионеров. Стена прогибалась, патиалась, но на место паавших вставали раненые из второй линии, и фронт держался, стянув на себя основные киммерийские силы. А панцирные клинья получили возможность сделать то, что они умели лучше всех в обитаемом мире.

Два молота обрушились на фланги черноголовой орды. Не нарушая строя, побросав копья с нанизанными на них трупами варваров, аквилонские рыцари развернулись и, рубя длинными мечами, пошли сжимать железные объятия.

Эйольв, поднимая коня на дыбы и обрушивая на голову подвернувшегося киммерийца меч, восторженно кричал, славя Черного Ястреба Пограничья. Железная дисциплина и воинское искусство брали верх над первобытным хаосом.

Атли дрался в первом ряду своей быстро тающей дружины. Наконец-то он видел перед собой ненавистных врагов, ощущал локтем соседей в строю и рубил, рубил, поминутно одергивая рвущихся вперед ваниров:

— Сомкнуть щиты! Выровнять ряд! Эй, там, оттащите Рульфа! Заснули, рыжебородые, заткните дыру!

Армия цивилизованных стран, охваченная со всех сторон, изможденная, без резервов, побежала бы. Но киммерийцам было все равно, как драться с захватчиками — когда они прямо перед ними или со всех сторон. Они гибли десятками под копытами коней, их целыми отрядами выкашивали боссонские лучники, их рубили ваниры, мстя за недавний позор, но киммерийцы не бежали.

И чаша весов вновь качнулась. Натиск малочисленной аквилонской армии иссяк. Предел последних сил был пройден, теперь даже сам Митра, явившись он вдруг на поле боя, не смог бы поднять их на новый натиск.

— Все, конец! — закричал Сапсан Эйольву и ринулся в самую гущу киммерийцев, размахивая мечом.

Прежде чем меч был выбит из ослабевшей руки и его стащили с падающего набок коня, Сапсан зарубил многих.

Так погиб паладин аквилонской границы.

С той поры внутренние области королевства не знали покоя от набегов пиктов и северян. Мир в этих краях воцарился лишь при царствовании короля-варвара.

Но до этого было еще далеко.

Вокруг тела своего командира poleg Северный Легион, весь до последнего бойца. Ни один не повернул вспять, когда нордхеймцы попятались, а аквилонская кавалерия стала рысью выходить из боя, чтобы перестроиться. Это отступление плавно перешло в бегство.

На плечах аквилонцев и ваниров киммерийцы врывались в распахнутые ворота Венариума. Атли, собрав вокруг себя несколько десятков бойцов, среди которых были и спешенные рыцари, и наемники, сдерживал натиск, надеясь захлопнуть железные створки. Он снес голову одному из нападающих, подрезал ноги другому, отшвырнул щитом третьего и вдруг в толпе варваров разглядел знакомые черты.

— Это Конан, — закричал Эйольв, дравшийся здесь же.

Он решил умереть, не спасая свою жизнь бегством, к тому же в горячке сечи ему казалось, что на бегство сил у него больше нет.

— А, рыжебородый, я все же нашел тебя! — закричал Конан и бросился на убийцу своего клана.

Дальше вихрь боя разлучил Эйольва и командира наемников. Он отбивался уже во внутреннем дворе, а в ворота врывались все новые и новые отряды киммерийцев. В руках у них были факелы. Кто-то тащил бревна, чтобы высаживать двери башен, где затворились последние защитники Венариума.

В голове Эйольва распустился громадный огненный цветок — он заорал так, как никогда в жизни, и бешено вращая мечом, устремился к воротам. Каким-то чудом ему удалось прорубиться сквозь поток черноголовых врагов, которые, увидев кровавую пену на его губах и остекленные глаза, расступались перед ним, как перед самим Диким Охотником. И в воротах, среди груды изрубленных тел, он увидел Атли.

Шлем слетел с головы ванира, и рыжие кудри трепал ветер. Меч его был сломан, а напротив него стоял Конан. Варвар не обратил внимания на появление Эйольва. В тот миг паж мог ударить его в спину, но в руках была свинцовая тяжесть, и меча было не поднять. Кровавая пелена медленно сходила с его лица.

Конан протянул к Атли руку, в которой была зажата знакомая аквилонцу ржавая полоса:

— Узнаешь, Атли? Это работа киммерийского кузнеца, которого ты убил прямо у горна.

— Ну и что с того, выродок,— прохрипел ванир, направляя в грудь киммерийца обломок меча.— Тебе только и драться такими железяками. Хоть мой меч и сломался об эту штуку...

— А с твоего шлема я посбивал дурацкие рога,— закончил за него Конан.— Так что теперь ты отправишься вслед своей дружке, в Воды Забвения. Ты крепко держишь меч, Атли? — спросил он с внезапным интересом и опустил свое жуткое оружие.

— А как же! — прорычал Атли, и пальцы его на скользкой от крови рукояти побелели от напряжения.

— Хорошо! — с удовлетворением сказал Конан и, выпустив из рук стальную полосу, пнул ванира в голень.

Глаза Атли метнулись вниз, потом вверх, он замахнулся... И тогда Конан, бросившись вперед, ударил его пальцами в глаза.

— О Митра! — прошептал Эйольв.

Конан отбросил в сторону мертвого наемника, с отвращением вытер об одежду пальцы и повернулся к Эйольву.

— А, это ты, южанин. Дай-ка сюда меч. Итак, ты последний защитник крепости, и ты — мой пленник. Дядя твой, наверное, уже мертв, так что насчет выкупа я прогадал. Ничего не поделаешь, придется отпустить тебя на родину... Кром один только ведает, где она, эта твоя Антуя... Но это потом. После того, как мы сотрем с лица земли Венариум.

Послесловие. Сага об Эйольве

Крепость действительно была стерта с лица, и там поселились призраки.

Конан, ставший знаменитым в родной Киммерии, отправил молодого дворянина в Аквилонию, вместе с ранеными, захваченными в плен, среди которых оказался и уцелевший чудом Троцери Пуантенский... но этим двоим предстояло познакомиться лишь много позже.

Черноголовые варвары не пощадили лишь ваниров.

А затем кланы разбрелись по пустошам. Голова знаменитого Сапсана была водружена на Кровавое Копье и установлена на горе Бен Морг, чтобы тепшить взор Крома.

Как явствует из истории Конана-Завоевателя, лишившись своего клана, он отправился в цивилизованный мир, и там началось его восхождение к трону. По крайней мере так об этом повествуют немедийские хроники.

Ваны, лишенные удачливого вождя, который мог бы объединить их разрозненные племена, вновь скатились к кровавым междоусобицам, заодно поставляя наемников всем воюющим армиям Севера.

А Эйольв, навсегда преисполнившись отвращением к войнам и сражениям, посвятил себя делу совсем не почетному для дворянина и сделался великим путешественником и первопроходцем хайборийского мира.

Он был первым из цивилизованных людей, кто пересек с севера на юг таинственную Вендию, побывал в землях за морем Вилайет. Анналы утверждают также, что он дохо-

дил с караванами купцов и до границ Кхитая. Спустия немало лет, когда Конан, будучи уже королем Аквилонии, встретил великого путешественника, то едва узнал в могучем мужчине, одетом на восточный манер и носившем к тому времени титул герцога Пеллийского, своего бывшего пленника Эйольва.

Эйольв Пеллийский стал придворным короля Конана Первого. И когда Немедийское королевство напало на Аквилонию, и Конан, беспомощный, в своем шатре клял всех богов, опутанный тенетами ахеронской магии, именно сотнику пеллийских копейщиков, а таково было звание советника короля в армии, было поручено пойти впереди королевских войск облаченным в черные доспехи своего короля — и погибнуть.

Так закончились земные пути Эйольва Пеллийского, носившего прозвание Валлан, данное ему королем Конаном, — что по-киммерийски означает Пленный.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Глава первая

Весна в этом году выдалась ранняя. Солнце быстро согрело землю, растопило снег, пробудило к жизни первую ярко-зеленую траву. Казалось, милость Богов снизошла на Киммерию, обычно унылую и строгую, как неутешная вдова. Теперь же она больше походила на влюбленную девушку, веселую, радостную.словно животворящие пальцы светозарного Митры, тонкие солнечные лучики пробегали по высоким стройным деревьям, журчащей в ручьях и реках воде, робко выглядывающим на свет божий цветам, касались низких крыш деревенских домов, заглядывали в окна.

Возле самого окна приземистого старого дома за деревянным столом, гладким и белым от частого мытья, сидела молодая миловидная женщина с пышными волосами цвета старой меди. Ее светлые с едва уловимым оттенком зелени глаза задумчиво глядели вдаль, а руки с длинными тонкими пальцами быстро перебирали нити, словно жили своей отдельной жизнью.

Над столом из стены торчал аккуратный деревянный крюк, на который были наброшены пучки черных и белых шерстяных ниток, пропущенных через квадратные дощечки с отверстиями в углах. Противоположные концы пучков, связанные шнуром, обвивали талию женщины. Дощечки лежали в один ряд на столе. Несколько ловких движений пальцами — и дощечки поворачивались боком. Еще миг — в образовавшийся зев ложилась нитка утка. Стоило жен-

щине резко выпрямиться, и основа натягивалась так туго, что уток исчезал между нитями. Еще движение — и дощечки поворачивались снова. Тонкий деревянный нож, подправив уток, ложился возле правой руки, как будто двигался сам по себе, а дощечки поворачивались еще раз, следующей стороной. Чем быстрее и увереннее бегали по ниткам пальцы, тем красивее и ровнее выглядел полосатый пояс, извивавшийся на столе.

Ткать пояса умели многие женщины этого селения, но таких гладких и широких поясов не получалось ни у кого. Ткать на двух, на шести и даже на восьми дощечках учили своих дочерей многие матери, а справляться сразу с шестнадцатью и при этом не запутать нити, а расположить их полосками разной ширины или даже составить из них замысловатый узор — это по силам только настоящей мастерице.

— Маев! — донеслось с улицы, и ткачиха вздрогнула от неожиданности. — Маев! Где ты, подруга? Встречай гостей!

Женщина вскочила, ловким движением скинула с себя нити и выбежала на крыльцо. Так и ест! Слух не обманул ее. Возле дома стояла молодая хорошенькая женщина. Она приветливо улыбалась, и на ее розовых щеках играли веселые ямочки. Нарядная лента стягивала чудесные длинные волосы. Широкое платье не скрывало заметно округлившегося живота. Чуть поодаль, тоже радостно улыбаясь, стоял высокий статный мужчина. На руках он держал прелестную двухлетнюю девочку с такими же глубокими ямочками на пухлых щечках, как и у матери.

— Санта! — воскликнула хозяйка дома. — Да благословят Боги твое плодовитое чрево. Ты, смотрю, еще одного малыша ждешь. Мальчика хотите?

— Кого пошлют Боги, — отозвался мужчина, опуская ребенка на землю. — Мы все равно на этом не остановимся. Ну, здравствуй, Маев. Вы тут пока поболтайте, а я пойду с Ниуном побеседую. Он в кузнице?

— А где ему еще быть, Релан? — ответила Маев, подхватывая девочку на руки и прижимая к себе. — Он там разве что не ночует. Отец-то потихоньку отходит от дел. А работы — невпроворот.

Релан быстро запагал к невысокому строению, откуда доносился звонкий перестук молотов. Женщины вошли в дом, и Маев захлопотала, убирая работу со стола.

— Как у тебя дела, подруга? — поинтересовалась Санта, тяжело опускаясь на скамью.

Маев остановилась, и на ее лицо набежала тень печали.

— Как тебе сказать? — вздохнула она. — Вроде бы все хорошо. Ниун ласков со мной по-прежнему. Отец в нем души не чает. Дом — полная чаша. Но чем-то прогневили мы Крома. Вот уж три года минуло, как повстречались мы в том страшном лесу, как спасли нас наши мужчины от псов поганных — ваниров. Три долгих года... — Она снова вздохнула и ласково посмотрела на прижавшуюся к Санте девочку. — Ты скоро второго ребенка приложишь к груди, а я... Не получается у нас ничего.

— Не печалься, — отозвалась Санта. — Я знаю, мне говорили, так тоже бывает. Все у тебя будет хорошо.

— Ладно, — махнула рукой Маев. — Не надо больше об этом. Расскажи, как вы живете.

И Санта принялась рассказывать. За то время, что подруги не виделись, случилось многое. Релан стал хорошим мастером-лодочником. Старый мастер, Вокнан, любил его, как родного сына, и с удовольствием открывал все свои секреты. Но этой зимой старик захворал, начал поговаривать о том, что на Серых Равнинах скучают по нему родные, и, не дождавшись весны, отправился к ним. Теперь, кроме Релана, лодочников в округе не осталось. Вот сейчас он закончил очередной заказ, который начинал еще с Вокнаном, и они с Сантой решили навестить друзей, а то вскоре появится малыш, и никуда уж будет не выбраться.

— Так вы погостите у нас несколько дней? — встреपелась Маев.

— Конечно.

— Что же я, глупая, стою? Путь вы проделали неблизкий. Устали, наверное? Я сейчас накрою на стол. Такой пир закатим! Я-то, как чувствовала, тесто приготовила. Да и пива наварила. Ты отдыхай, я одна управлюсь.

За хлопотами время побежало быстро, и не успела Маев оглянуться, как солнце уже прошло по небу больше половины пути. Но уж и дел она переделала немало, а угощение получилось таким, что и у сытого человека потекли бы слюнки от этих одуряющих ароматов. Многие умели руки хорошей хозяйки и справлялись со всем ловко и проворно. На большом выскобленном да отмытом столе как по волшебству возникала посуда, наполненная едой и питьем.

На круглых открытых пирогах истекала соком свежее запеченная рыба, дымились каша, щедро политая маслом, сквозь потрескавшуюся корочку проглядывали розовые полоски жареного мяса, густой травяной запах исходил от мясной же похлебки, словно маленькие солнышки, светились медовые лепешки, сладкий хмельной дух шел от сосудов с медом и чуть горьковатый — от свеже сваренного ячменного пива. Варить пиво — это особое умение, и не всякому оно давалось. Маев искренне радовалась, глядя на темную густую жидкость: пиво получилось прекрасным, а это хороший знак, быть удаче.

— Кром всемогущий! — донеслось от порога. — Я сейчас язык проглочу!

В дверном проеме, почти полностью закрыв его своим могучим телом, появился Ниун. За ним, причмокивая от предвкушаемого удовольствия, вошел Релан.

— А где отец? — поинтересовалась Маев. — У меня все готово. Пора к столу.

— Он сейчас придет, — отозвался ее муж. — Ты же знаешь, пока не смое с себя пот и копот, никогда есть не сядет.

— Какое там смое! — послышался голос на улице, и на пороге тут же возник высокий седой мужчина с густой сетью морщинок возле светло-голубых глаз. — Такие запахи!.. Сейчас все соседи, забыв о делах, сбегутся.

— Пусть приходят, — весело откликнулась Маев. — Слава Светлым Богам, у нас есть чем накормить гостей.

Все быстро уселись за стол. Маленькая дочка Санты проворно забралась на колени к старику и доверчиво прижалась щекой к его широкой груди. Он осторожно провёл

большой мозолистой ладонью по детской головке, и его выпетшие от времени глаза подозрительно заблестели. «О Боги! — подумалось ему. — Доживу ли я до светлых дней, когда смогу покачать на коленях внука? За что вы прогневались на мою дочь? Благословите ее чрево! Услышите мольбы старика!»

Маев бросила быстрый взгляд на отца, затем на мужа и опустила голову. Все трое сейчас думали об одном. Трижды с тех пор, как сыграли в этом доме веселую свадьбу, ложился на землю снег, и каждый день начинала и заканчивала Маев обращением к Богам. У нее была лишь одна просьба — даровать ей дитя. Но Боги отвернулись от нее и оставались глухи к молитвам. Молодая женщина даже пошла на маленькую хитрость: она соткала себе пояс, в который вплела узор, дарующий плодородие, и с тех пор носила его постоянно. Скоро уж минет месяц. Если уж и это не поможет, решила Маев, придется собираться в дорогу: в полудне пути от деревни в глухом лесу жил колдун. Может, он сумеет помочь? Правда, ходили слухи, что он груб и неприветлив... Ничего, все можно перетерпеть, лишь бы прижать к груди, разбухшей от теплого молока, маленький родной комочек — свою плоть, свою кровинушку.

Женщина решительно трянула головой, отгоняя тяжелые мысли. В конце концов, сегодня праздник: в доме друзья. Им с Ниуном повезло. В суровой стране Киммерии люди сдержанны и скупы на чувства. Неприветливый гористый край благоволит воинам, приучает беречь душевное тепло лишь для самых близких. И немало были бы удивлены пылающие ненавистью гиперборейцы или боязливые аквилонцы, почитающие горцев едва ли не дикими, алчными до крови псами, доведись им увидеть киммерийцев такими. Но подобная честь не для чужаков. Их удел — страх перед грозным, не знающим пощады соседом!

Впрочем, и между собой киммерийцы зачастую не отличались ни особой приветливостью, ни разговорчивостью. Даже девушки, казалось бы, дружившие с детства, стоило им выйти замуж, почти переставали общаться между собой, а при коротких встречах говорили о хозяйстве, детях, из-

редка об охотничьих и военных добычах мужей. А вот у Маев и Ниуна были верные друзья — Релан и Санта. То ли пережитые вместе опасности сблизили их, то ли было меж ними некое духовное родство — об этом никто не задумывался. Просто они всегда были рады встрече и скучали, если долго не виделись.

Теплое и доброе чувство заполнило душу молодой женщины, и собственная беда показалась не такой страшной и непоправимой. Она светло улыбнулась, и на лицах друзей и родных зажглись ответные улыбки.

Вечер прошел в спокойных беседах, добрых и страшных воспоминаниях, говорили о знакомых, делились задумками на будущее. Незаметно подошла ночь, и все улеглись спать. Стоило Маев юркнуть под одеяло, сотканное ее же умелыми руками из козьей шерсти, как она мгновенно заснула.

Привиделся ей удивительный сон. Раннее утро. День обещает быть теплым и сухим. По высокому ярко-голубому небу плывут облака. Маев стоит возле дома и пристально вглядывается вдаль, туда, где темнеет лес. Вдруг из леса выходят олениха с олененком, волчица с волчонком и медведица с медвежонком. Звери направляются прямо к Маев, подходят, трутся ей об ноги, тычутся мордами в ладони. Она звонко смеется. Ей отчего-то легко и радостно. Детеныши играют друг с другом. Маев тоже хочется побегать с ними, но взрослые звери почему-то не пускают ее. Они садятся рядом и взглядами приглашают женщину к себе. Вот так они и сидят все вместе, с умилением глядя на детские игры.

Неожиданно Маев пробудилась, но, перевернувшись на другой бок, тут же заснула снова.

На сей раз ей приснилось, что стала она большой-большой, такой, что, если бы захотела, смогла бы обнять весь мир. Именно обнять, ибо сердце ее было полно любви ко всему живому.

Наутро, проснувшись, она сказала мужу:

— Знаешь, мне сегодня такие сны странные снились...

— Ты вчера устала, милая, — снисходительно улыбнулся Ниун, — вот и спала беспокойно.

— Да нет, мне почему-то кажется, что это были хорошие сны.

— Я не мастер сны разгадывать. Расскажи о них Санте. Вы, женщины, больше знаете об этом.

Санта, выслушав Маев, пожала плечами:

— Не знаю, подруга. Но думаю, это сны добрые. Ты ведь чувствовала любовь и нежность, да?

— Да. Мне было так хорошо! И звери... Они словно хотели сказать что-то, только я не поняла.

— Все равно это к добру. Верь моему слову.

Они еще поболтали о снах, хороших и дурных предчувствиях, колдунах и знахарках... Впрочем, разве можно упомянуть и назвать все, о чем могли болтать женщины, особенно когда они давно не виделись?

День прошел так быстро, как будто и не начинался. На завтра друзья собирались покинуть гостеприимный кров, и потому все засиделись допоздна. Маев готовила им припасы в дорогу, Санта сидела с ней, а мужчины, серьезно и сосредоточенно поглощая темное пиво, обсуждали какие-то свои дела, совершенно неинтересные женщинам.

Ложась спать, Маев надеялась снова увидеть какие-нибудь сны, но ночь укутала ее в свое темное покрывало так плотно, что ни одно сновидение не пробилось сквозь него. Что предвещали сны, привидевшиеся накануне, так и осталось для молодой женщины тайной. Тонкий лучик поднявшегося над лесом солнца пощекотал длинные пушистые ресницы, и Маев сразу же открыла глаза.

Не привыкшая подолгу валяться в постели, она резко села, но, даже не успев коснуться босыми ступнями пола, мгновенно легла обратно: резкий приступ тошноты сдавил ей горло, перед глазами все поплыло.

— Ниун, — шепнула Маев, нащупывая руку мужа. — Ниун...

— Что случилось? — тут же пробудился муж.

— Мне плохо. Я заболела. Не могу даже сесть. В глазах темно.

— Отец! Санта! Релан! — завопил Ниун, вскакивая с постели. — Помогите же кто-нибудь! Маев плохо!

Санта, путаясь в наспех накинутом широком платье, рванулась к подруге:

— Что с тобой, милая?

— Не знаю. Голова кругом идет. И тошнит... Так мутит, сил нет...

Санта медленно опустилась на колени возле ложа Маев, обняла подругу, прижалась щекой к ее щеке, и Маев почувствовала, как к ее губам медленно потекла маленькая соленая капелька.

— Ты плачешь, Санта? Я умру?

Санта выпрямилась и, не вытирая слез, окинула всех счастливым взглядом, а затем повернулась к подруге:

— Выживешь. Эта болезнь пройдет. К зиме пройдет. Или чуть позже.

— Ты хочешь сказать...— приподнялась на локте Маев.

— Да. С моей девочкой было так же. Правда, на сей раз все иначе... Выпей воды. Тошнота отступит.

Ниун медленно опустился на лавку, словно силы разом покинули его.

— Маев...— выдохнул он и замолчал. Голос не повиновался ему. Он поискал глазами старика, и увидел, что тот плачет, не скрывая слез.

Глава вторая

Прошло чуть больше двух месяцев, и Маев уже нисколько не сомневалась, что ждет ребенка. Она научилась справляться с утренними приступами тошноты, которые мучили ее все реже и реже, и целыми днями порхала, как птичка, прыгающая с ветки на ветку. Все у нее получалось, все ладилось. Мужчины, правда, пытались освободить ее от домашних дел, но, отведав того, что ее старый отец самостоятельно приготовил на обед и несколько смело назвал едой, Маев решительно отказалась от какой бы то ни было опеки.

— Сколько женщин рождает детей, и я ни разу не видела, чтобы кто-то вместо них занимался хозяйством,— сердито заявила она.— Во мне полно сил, я ничуть не устаю. И больше даже слышать не хочу, как вы уговариваете меня отдохнуть! Вот Санта со своей девочкой не лежала с утра до вечера, потому и дочка у нее получилась резвая и веселая.

— Так то дочка. Им бы, пичугам, все щебетать. А сын должен быть серьезным,— возразил Ниун.

— Почему серьезным? — вмешался будущий дед.— Мой внук обязательно будет озорником.

— Что вы все заладили: сын, внук! — воскликнула Маев.— Санта ведь сказала, что со своей девочкой чувствовала себя так же. Или от дочки и внучки вы отказываетесь?

— Как ты могла такое подумать! — вскричал Ниун. Он быстро заходил по комнате, но вдруг резко остановился,

вдохнул и осторожно спросил: — Однако почему обязательно девочка? Разве может кто-нибудь заранее знать это?

— Когда ты еще не родилась, — вдруг вспомнил старик, — одна женщина, что жила на противоположном краю нашей деревни, сразу сказала твоей матери, что у нее будет девочка. Значит, это можно как-то узнать. Сходила бы ты, дочка, к ней. Хотя она уже очень стара... Старость — очень странная штука. Она может принести мудрость, но может и вообще лишит рассудка. Но попытаться стоит.

— Хорошо, — согласилась Маев. — Завтра же и схожу.

— А почему завтра? — забеспокоился Ниун. — Ты уже почти со всеми делами управилась. Сходи сегодня.

— Нет, — возразила Маев. — Нельзя идти с пустыми руками к людям, к которым обращаешься с просьбой. Я почти закончила новый пояс. Вот доделаю его и отнесу в подарок.

Как только Маев вплела в красивый пояс с четким геометрическим рисунком, означавшим здоровье и долголетие, последнюю нить, так сразу же поспешила в дом, где надеялась найти ответ на столь интересующий ее вопрос. Едва сдерживаясь, чтобы не побежать, молодая женщина устремилась на противоположный край деревни и вскоре увидела маленький домишко, почти вросший в землю. Маев осторожно постучала, но ей никто не ответил. Она постучала снова. Тишина. Постояв немного, она совсем уж собралась уходить, но, собравшись с духом, решительно шагнула к покосившейся двери и толкнула ее. Дверь медленно с пронзительным скрипом отворилась.

В комнате было темно и удивительно грязно. Густая паутина висела по углам, повсюду лежала пыль, на почерневшем от времени и копоти столе валялись засохшие кусочки того, что было когда-то едой, скорее всего, лепешкой.

Возле стены стояло ложе, на котором высилась гряда остро пахнущих шкур. Неожиданно гряда зашевелилась, и Маев невольно вздрогнула, увидев, как оттуда показалась сухая сморщенная рука. Рука, мелко-мелко дрожащая, отодвинула шкуру, и непрошенная гостья наконец-то увидела хозяйку дома.

Седые нечесанные космы торчали в разные стороны, не закрывая, однако, напоминающего сушеный гриб лица. На нем двумя светло-голубыми точками горели глаза, над которыми пучками торчали брови. Острый длинный нос украшала огромная волосатая бородавка, рот, в котором давно не было ни единого зуба, походил на узкую щель, а подбородок, вздернутый вверх, казалось, стремился коснуться кончика носа.

Старуха медленно села и опустила на пол большие желтые ступни с кривыми пальцами, налезавшими друг на друга. Она сощурилась, вглядываясь в лицо гостьи, и вдруг заговорила неожиданно гулким басом, отчаянно при этом шепелявя:

— Что ты делаешь в моем доме, великий воин? Вижу, ты принарядился: солнце так и играет на твоём медном шлеме.

Ты, видно, опять пришел просить моей руки? Но разве ты забыл мои слова? Я никогда не буду твоей женой. Мне другой по сердцу. — Она склонила голову к плечу, сразу став похожей на полуощипанную птицу, и добавила: — И свадьба скоро у нас.

Маев изумилась так, что слова застряли у нее в горле. Старуха сердито топнула ногой, подняв облако пыли, и вдруг тоненько захихикала, прикрывая рот рукой, а затем жалобно запричитала:

— Матушка родимая, почто разбудила свое дитятко в такую рань? Еще даже солнце не встало. Я вчера так умаялась! И лепешек напекла, и пива наварила. Не будь строга к своей деточке, дай поспать еще немного...

Маев, будто внезапно проснувшись, резко повернулась и опрометью бросилась от несчастной старухи, которую, похоже, давно покинули остатки разума. Отбежав как можно дальше, словно опасаясь, что полоумная ведьма погонится за ней, молодая женщина вдруг остановилась. Она внезапно подумала, что если старуха умела как-то определять пол будущего ребенка, значит, есть какие-то четкие признаки и их может знать либо симпатичная веселая бабулька, которая всегда приходила принимать роды, либо женщины,

которые уже имеют нескольких детей, причем и мальчиков, и девочек.

Порадовавшись собственной сообразительности, Маев направилась к дому повитухи, двери которого всегда были гостеприимно открыты. Хозяйка дома встретила ее, как и всех встречала, приветливо и пригласила войти.

— Я жду ребенка,— с порога заявила Маев,— и принесла тебе подарок.— С этими словами она протянула повитухе пояс.

— За подарок спасибо,— важно кивнула повитуха.— Но,— добавила она, окинув взглядом стройную фигуру гостьи,— мне кажется, ты поторопилась. Ко мне обращаться еще рано.

Маев слегка смутилась, но все же ответила:

— Я пришла спросить... В общем, не знаешь ли ты... Можешь ли ты еще до того, как ребенок появится на свет, сказать, кто это будет?

— Ах, вот в чем дело! — заулыбалась бабка, показывая редкие зубы.— Что ж, можно попробовать. Сними свой пояс и подойди поближе.

Маев, страшно волнуясь, шагнула к повитухе. Та быстрыми и уверенными движениями пощупала уже начинающую набухать грудь, оттянула ворот платья, заглянула внутрь, деловито постучала пальцем по одному соску, потом по другому.

— Соски-то у тебя разного цвета. Такие и были? Или что-то изменилось?

— Не знаю,— прошептала Маев.— А что это значит?

— погоди. Не торопись. Не так это просто — угадать, кто прячется в твоём чреве,— сурово ответила бабка и вновь принялась осматривать гостью.

Она положила обе ладони с длинными узловатыми пальцами на талию будущей матери, отошла от нее на расстояние вытянутой руки и задумалась, прикусив губу. Потом провела рукой по одному боку, удовлетворенно кивнула, затем по другому — и удивленно подняла бровь.

Маев молчала, боясь задавать вопросы. А повитуха, как назло, все ходила и ходила вокруг нее, то поглаживая, то

похлопывая, то прикладывая ухо к ее животу и с одной, и с другой стороны. Наконец она еще раз потрогала упругие соски Маев и решительно заявила:

— По всем признакам, которые мне известны, у тебя будет двойня. Мальчик и девочка.

Лицо молодой женщины озарилось счастьем.

— Спасибо тебе, добрая бабушка! Я сделаю еще один подарок для тебя. Спасибо. Живи долго.

— И тебе спасибо на добром слове, милая. Не надо мне больше подарков сейчас. Потом подаришь, когда я помогу твоим деткам выйти на свет. Главное — не забудь позвать. Хотя тут близко — всегда поспею.

— Конечно, не забуду. А сейчас побегу, обрадую мужа и отца.

— Беги, беги, милая. Они уж, наверное, заждались.

Торопясь донести до своих мужчин добрую весть, Маев поспешила домой. С раскрасневшимися от быстрой ходьбы щеками, запыхавшаяся, она влетела в кузницу и, стараясь перекричать стук молота, громко крикнула:

— Ниун! Отец! У меня будет двойня! Мальчик и девочка!

Ниун медленно опустил молот, и на суровом лице расцвела блаженная улыбка, а старый кузнец уронил в чан с водой раскаленную поковку, которую держал щипцами, и воскликнул:

— Я же говорил, что старость — удивительная штука! И все же мудрость сопровождает ее чаще!

— Что ты, отец,— возразила Маев.— Эта старая ведьма совершенно безумна. Она напугала меня до полусмерти.

— Так откуда ты знаешь про двойню?

— От повитухи.

— Ну, она тоже давно уже не невеста,— пробормотал старик, но дочь, не слушая его, продолжала:

— Ну да ладно, я побегу. Дел-то у меня теперь прибавится. Надо подумать о пеленках и одеяльцах для двоих детей!

Она радостно засмеялась и упорхнула.

— Вот это славная весть, отец,— заговорил молчавший до этого Ниун.

— Знаешь, сынок,— отозвался старик.— Ты, пожалуй, поработаешь тут без меня. Я уже стар, и проку от меня никакого. Но когда-то давно, еще мальчишкой, я ловко плел корзинки и вязал сети. Почему бы мне теперь не заняться колыбелью для внуков?

— Как скажешь, отец.

— Вот завтра и приступлю. Маев! Вот проказница, уже убежала.

Маев, едва сдерживаясь, чтобы не запрыгать на одной ножке от переполнявшего ее восторга, спешила к дому. Ей хотелось громко кричать о своем счастье, и поэтому, когда впереди показалась крупная, высокая женщина, тяжело ступавшая по земле, словно каменное изваяние, Маев тут же окликнула ее:

— Твила! Погоди!

Женщина остановилась, поправила волосы, убрав со лба черную с проседью прядь, и поинтересовалась:

— Что случилось, Маев? Ты сияешь так, словно сам Кром заказал твоему мужу меч.

— У меня будут мальчик и девочка! — выпалила Маев.

— Конечно, будут,— спокойно кивнула Твила.— Сначала девочка, потом мальчик. Или наоборот.— Она пристально взглянула на Маев.— Нет, не наоборот. Сначала девочка.

— С чего это ты взяла? — забеспокоилась Маев.— Повитуха сказала, что будет двойня.

— Повитуха? — фыркнула Твила.— Да, у нее чудесные руки, и нужные заклинания она знает назубок. Шесть детей приняла она у меня, и все роды были легкими. Но ни разу она не сумела правильно угадать, кто родится!

— Чего же теперь делать? — спросила Маев.— Мне так хочется знать, кого я ношу под сердцем.

— Тебя мутит по утрам?

— Немного.

— А соски в цвете изменились?

— Кажется, только один.

— Живот уже округлился?

— Совсем чуть-чуть, почти нет.

— У тебя будет девочка! Можешь не сомневаться, у меня самой их три.

— Ты уверена, что девочка? И одна?

— Если не веришь мне, пошли к Данге. У нее тоже шестеро.

Данга в отличие от Твилы была маленькой и очень изящной.

Если бы не мелкие морщинки возле глаз и губ, ее вполне можно было бы принять за девушку на выданье. Она внимательно выслушала обеих женщин и начала задавать вопросы:

— Тебя мутит по утрам?

Маев кивнула.

— Соски в цвете изменились?

— Один.

— Живот уже округлился?

— Чуть-чуть.

— Какие могут быть сомнения! — воскликнула Данга.— Конечно же, мальчик.

— Мальчик? — в один голос переспросили Твила и Маев.

— А кто же еще! И уж точно один. У меня-то три раза мальчики рождались. Уж я знаю.

Маев растерянно взглянула на Твилу, но та уже не обращала на нее никакого внимания. Уперев огромные, как у молотобойца, руки в бока не менее впечатляющих размеров, она свирепо глядела на Дангу и сердито сопела. Потом открыла рот, глубоко вздохнула и сказала, как топором махнула:

— Девочка.

Данга сначала даже не поняла, в чем дело, но, смекнув, что подруга оспаривает ее мнение, подскочила к ней и, задрвав голову, выпалила:

— Мальчик!

Маев переводила полный изумления взгляд с одной на другую, но ссорившиеся женщины ее уже не видели. Еще миг — и они вцепились друг другу в волосы.

— Мальчик!

- Девочка!
- Дура!
- Сама дура!

На крики сбежались соседи, но никто и не собирался разнимать дерущихся, все, наоборот, только подзадоривали их. Маев выбралась из толпы и понуро побрела домой.

Вечером она все рассказала своим мужчинам. Сначала оба огорчились, но, когда Маев дошла до драки Твилы и Данги, Ниун захохотал так, что даже слезы брызнули из его глаз. Его смех оказался настолько заразительным, что вскоре Маев с отцом присоединились к нему. Когда все немного успокоились, старик сказал:

— Неподалеку от деревни, как вы знаете, живет колдун. Разное говорят о нем, но я за всю жизнь не встречал ни одного человека, которому он сделал бы зло. Попробуйте поговорить с ним. Если он, конечно, захочет.

Маев вопросительно посмотрела на мужа. Тот кивнул:

— Пойдем. Но не завтра. Я через несколько дней закончу заказ и двинемся.

Глава третья

Старый колдун, последняя надежда Маев и Ниуна, жил в глухом лесу и никогда не появлялся в окрестных деревнях, ибо всячески избегал общения с людьми. За долгие годы, которые он провел в своем лесном жилище, он отвык от людей и очень не любил, когда кто-то нарушал его одиночество. Жизнь его была трудной и бесконечно длинной. Если бы его спросили, когда он родился, старый Покран не ответил бы на этот вопрос просто потому, что не помнил.

Когда-то давно, когда он был еще совсем мальчишкой, едва начинавшим познавать окружающий его мир, Покрана похитили враги и продали в рабство. Мальчик был непокорным, и хозяин поспешил избавиться от него, предложив своего раба заезжему торговцу за очень малые деньги. Но и второго хозяина не устроил буйный нрав мальчика, и он еще раз продал Покрана. Так, постепенно взрослея, он переходил из рук в руки, пока не оказался далеко на юге, в Иранистане. За эти годы он мало чему успел научиться, хотя прожил уже почти двадцать лет, ибо нигде подолгу не задерживался.

Правда, он освоил грамоту и мог свободно болтать на нескольких языках, так как от природы был смышленным и внимательным.

В Иранистане он бежал, и его приютил старый колдун, которого привлекли необычные синие глаза юноши, умные, пронзительные.

Колдун оказался добрым и покладистым человеком, и Покран, никогда прежде не видевший ни заботы, ни ласки, привязался к старику. Колдун в молодые годы был сильным магом, но к старости совершенно перестал использовать могучую магию, так как боялся, приведя в движение мощные силы, причинить боль чему бы то ни было живому. Он увлекся собиранием трав, врачеванием, мог заговорить боль, вызвать дождь — в общем, колдовал потихоньку, стараясь никому не навредить.

Своего приемыша он успел обучить очень многому, но при этом не уставал повторять, что людей надо любить и что свою силу необходимо использовать только для того, чтобы снимать боль, а ни в коем случае не множить ее.

Покран прожил у старого колдуна почти десять лет и искренне горевал, когда человек, заменивший ему и отца, и мать, отправился на Серые Равнины. Горе его было столь искренним и глубоким, что он даже не смог остаться в доме, где прожил лучшие годы своей жизни. Покран вспомнил, что его родина — далекая Киммерия, и решил вернуться туда, чтобы использовать свои знания для блага своих собратьев.

Однако ему еще не скоро было суждено попасть домой, ибо в Замоге он встретил женщину, которая показалась ему воплощением самой красоты и святости. Покран женился и прожил светло и счастливо со своей избранницей почти пять лет, пока однажды не обнаружил, что его сокровище все эти годы изменяло ему с человеком, которого Покран считал своим другом. Он покинул дом, где ему нанесли столь жестокий удар, и отправился в Киммерию. Женщин с тех пор он и презирал, и ненавидел одновременно и жалел только об одном: жена так и не родила ему детей, которых он, безусловно, взял бы с собой.

Добравшись наконец-то до родных гор и лесов, Покран попытался предложить соотечественникам свое искусство, но киммерийцы всегда настороженно относились ко всякой магии и старались держаться подальше от колдунов. Он походил из деревни в деревню, нигде не встречая доброго отношения, и в конце концов решил поселиться в лесу.

Сам построил себе дом, своими руками сделал мебель, научился кое-как охотиться. Постепенно люди, видя, что колдун никому не делает зла, стали время от времени обращаться к нему с разными просьбами и приносили в подарок то рыбу, то лепешки, то пиво. Будь его воля, он не пустил бы на порог никого, но слова старого учителя глубоко запали в его душу, и он ни за что на свете не согласился бы оскорбить память единственного человека, любившего его когда-то.

Времени для размышлений у Покрана было более чем достаточно, и он углубился в изучение старинных книг, которые захватил с собой, когда покидал дом своего приемного отца. Чем больше он постигал высшую магию, тем больше понимал, как был прав старик-учитель. Человек — существо хрупкое и незащищенное, и Светлые Боги мало чем могут помочь ему в противостоянии Силам Зла. Поэтому тот, кто может пробудить эти Силы, должен любить людей, а иначе уничтожит все человечество и погубит себя.

Однажды, когда Покран листал пожелтевшие от времени страницы, сквозь них неожиданно проступило какое-то изображение. Щуря подслеповатые уже глаза, старик сумел рассмотреть могучего воина с тяжелым мечом в руках, ведущего поединок с огромным демоном. Покран вздрогнул, и видение тут же исчезло, но то, что он увидел, наполнило его душу радостью, ибо это был знак: должен появиться в человеческом роду герой, который не убоится демонов и сможет противостоять им.

С тех пор прошло много лет, а Покран все ждал и ждал какого-то знака, предчувствия, озарения — чего угодно, что подскажет ему: свершилось! Но ничего подобного не происходило, силы постепенно покидали немощное тело, и старик почти перестал надеяться. Лишь иногда, сидя на пороге своего покосившегося дома и обратив взор к небу, он вопрошал Крома, когда он благословит чье-то чрево, чтобы оно явило миру великого воина. Тогда, как считал Покран, он сможет с легким сердцем отправляться на Серые Равнины, зная, что Силы Добра поддерживает непобедимое оружие, что по земле ходит человек, который сумеет защитить сво-

их собратьев, который не побоится выступить против Зла, сразится с ним и обязательно победит.

И вот совсем недавно надежды старого колдуна ожили снова. Он увидел во сне своего приемного отца, который сказал ему всего несколько слов: «Жди. Скоро». Покрану хотелось задать своему учителю множество вопросов, но старческий сон короток, и сколько ни силился колдун, заснуть так и не смог, и образ учителя больше не явился ему. Тогда он поднялся с ложа и вновь принялся листать старые книги, пока наконец не нашел в них то, что искал. Теперь он знал, что делать, когда наступит время.

Глава четвертая

Маев терпеливо ждала, когда Ниун закончит заказ и можно будет отправиться к колдуну за ответом на мучивший ее вопрос. Однако ожидание не растягивало, как обычно, время. Дни летели быстро, заполненные неотложными делами по дому. Лето было в самом разгаре, а когда же еще думать о долгой и суровой зиме, как не жарким коротким летом?

В лесу появились ягоды, и Маев каждый день ходила собирать их. Киммерийские женщины всегда заготавливали на зиму лесные ягоды, чтобы зимой иметь и еду, и лакомство, и лекарство от всяких хворей. Из ягод варили варенье, добавляя в него мед диких пчел, мочили их, сушили и даже засаливали. Чуть позже пойдут грибы, и опять дел у женщин прибавится: собрать, почистить, засушить, посолить. Зато потом, когда в дверь начнет стучаться холодная вьюга, можно достать из кадушки целенький грибочек, и в дом ненадолго вернется лето, повеет теплом, а сильный грибной дух приятно защекочет ноздри, поднимая настроение.

К заготовкам на зиму все относились серьезно, ибо, когда землю покрывал толстый слой снега, Киммерия оказывалась отрезанной от остального мира, и если поленился летом, придется идти к соседям с протянутой рукой. Они, конечно же, в беде не оставят, но про их уважение уже можно будет навсегда забыть: беспечных людей здесь всегда презирали.

Вот и крутились женщины с утра до вечера. Много продуктов надо припаси: и мяса засушить, и рыбы навялить и засолить, и ячмень собрать да муку из него изготовить, чтобы всегда на столе был свежий хлеб, да и на каши крупы оставить. Хлеб выпекали круглым и плоским с дырочкой посредине: так его удобнее было хранить. Хлеб надевали на тщательно оструганные палочки и прикрепляли их к жердям, специально прибитым над потолком. Так он не мялся, не крошился, не портился. А засохнет — невелика беда, можно размочить сухарик да съесть с удовольствием или, собрав крошки, залить их водой, добавить сало и поддержать на огне, да и подавать на стол горячую хлебную похлебку.

А рыбу заготовить — это даже не всякая хозяйка умела. Казалось бы, чего проще — повесил ее на солнышке, она и завялилась. Ан нет! Разогреет солнце рыбий жир, и пропал весь улов, сгнил. Надо специальное местечко приготовить, чтобы тень там всегда была, да ветерок рыбу обдувал. И вычистить ее надо старательно, сил не пожалеть, а хочешь, чтобы подольше она сохранилась, вымочи сначала в соленой воде.

И посолить ее непросто. Опять же почистить, солью внутри просыпать, кадушку из хорошего дерева подготовить да уложить в нее рыбку ровными рядами, одну к одной. Но и это еще не все. Постоит она так — и пойдет от нее тяжелый дух. Чтобы не было этого, надо траву особую собрать да и прикрыть ею рыбу, а сверху еще и камушком прижать. Тогда получится угощение на славу! Хочешь — так ешь, хочешь — суп вари. У хорошей хозяйки соленая рыба, взятая за хвост и поднятая вверх головой, столбиком стоит, не гнется.

Хоть и осталась Маев без матери рано, но все умели ее проворные руки. Не пропадет ее семейство зимой, всегда на столе еда будет, да и соседям, если понадобится, сумеют помочь. Хорошие это хлопоты — заготовки делать, да и время быстро летит, и думать о грустном некогда. Так и пробежали две недели, и Маев даже слегка удивилась, когда однажды вечером Ниун сказал ей:

— Собирайся. Завтра отправляемся.

Наутро, взяв с собой немного медовых лепешек, связку вяленой рыбы да хорошенького беленького козленка в подарок колдуну, они тронулись в путь. Сердце Маев учащенно билось, ноги, казалось, сами торопились поскорее преодолеть не такое уж и большое расстояние — всего полдня пути, а может, даже и поменьше.

Солнце еще стояло над головой, когда на опушке леса показался невысокий кривой домик с открытой нараспашку дверью. Маев с Ниуном приблизились, и Ниун крикнул:

— Ты дома, отец?

На пороге тут же возник невысокий старичок, сутулый, взъерошенный, держащий в сухих руках тяжелый посох с круглым набалдашником. Старик окинул гостей долгим взглядом, помолчал, пожевав губу, и наконец буркнул, обращаясь к мужчине:

— Чего притащился? Дома делать нечего? И бабу зачем-то с собой приволок... Бабское дело — хозяйство вести да детей рожать, а не по лесам шляться.

Маев, конечно, знала, что старик груб и неприветлив, но все-таки не ожидала такого приема. Она смутилась, но все же попыталась ответить:

— Понимаешь, дедушка...

— Тоже мне, внучка нашлась! — перебил ее Покран. — Тебя вообще никто не спрашивает. Я с мужем твоим говорю, вот он пусть и отвечает.

— Отец, позволь войти в дом. У нас к тебе дело. Мы тебе подарки принесли. Вот, возьми, — сказал Ниун, протягивая старику козленка и сумку с гостинцами.

— Козла на землю поставь, сумку сюда давай, — распорядился Покран. Потом, подумав, сменил гнев на милость: — Ладно уж, заходите. Не жди твоя баба мальчика, на порог бы ее не пустил.

— Мальчика? — задохнулась от удивления и восторга Маев.

— Она у тебя что, совсем дура? — мрачно спросил Покран у Ниуна. — Я же сказал, баба должна молчать и слушать, что говорят мужчины.

Ниун с превеликим удовольствием схватил бы старого грубияна за шиворот и потрянул бы хорошенько, но он боялся, что колдун тут же испустит дух, а кроме того, они пришли сюда по делу и, видимо, придется терпеть, пока старик не ответит на все вопросы. Поэтому он молча кивнул, и они с Маев вошли в дом, похожий на что угодно, только не на человеческое жилище. Всюду лежала пыль, с потолка плотными гроздьями свисала паутина, утрамбованный слой земли на полу говорил о том, что пол в этом доме никогда не мыли.

И только две стены в комнате сияли чистотой. На одной из них висело всевозможное старинное оружие, а на другой были сделаны полки, уставленные массивными книгами в кожаных переплетах. В середине комнаты стоял стол, на котором в величайшем беспорядке располагались чашечки, плошечки, миски, мешочки с травами, пакетики с какими-то порошками, сосуды с разными жидкостями.

Пока гости рассматривали дом, хозяин уселся на лавку и уставился на них не по-стариковски яркими глазами. Тонкие губы старика изгибались в едва уловимой улыбке. Он явно был чем-то очень доволен, но старательно скрывал причину своего хорошего настроения. Ниун решил, что все дело в подарках, которыми они угодили Покрану.

— Понимаешь, отец, — заговорил Ниун. — Моя жена ждет ребенка. И нам очень хотелось бы узнать, мальчик это или девочка. Ты можешь нам помочь?

— Что с вами поделаешь? — отозвался старик. — Раз уж мужчина бросил все дела и притаился в такую даль, придется помочь.

Он повернулся к Маев, окинул ее изучающим взглядом, потом встал, подошел к стене с оружием, снял маленький тонкий кинжал и шагнул к женщине. Она вздрогнула и невольно отшатнулась.

— Боишься? — захихикал Покран. — Ничего я с тобой не сделаю. Мне нужна лишь крохотная прядка твоих волос и несколько капель слюны.

Маев кивнула и распустила свои роскошные волосы. Колдун отделил тонкую прядь и срезал ее кинжалом. Затем он взял одну из плошек, сдул с нее пыль, протер рукавом, положил на нее волосы и что-то забормотал. Когда заклинание закончилось, он поджег прядь, и та вспыхнула ярким пламенем. Пламя погасло, оставив на плошке маленькую горку пепла. Старик повернулся к Маев:

— Подойди, женщина, и плюнь на пепел. Только аккуратно, не испорти мои порошки и травы.

Капелька слюны упала на самую верхушку горки, и на пепле образовался какой-то рисунок. Старик наклонился над ним и опять что-то заговорил вполголоса, потом удовлетворенно кивнул и сказал:

— У тебя родится сын. Но это будет не простой мальчик. Его ждет сложная и необычная судьба.

— Какая судьба? — спросил Ниун. — Ты можешь предсказать судьбу моего сына?

— Могу, — кивнул Покран. — Но не сейчас. Сначала придется поработать тебе.

— Я принесу тебе еще козла.

— Сам ты козел. Не нужен мне твой вонючий скот. Что я буду с ним делать? Ты изготовишь мне меч.

— Меч? — удивился Ниун. — Зачем тебе меч, старик? С кем ты собрался воевать?

— У тебя еще меньше мозгов, чем у бабы, — огрызнулся Покран. — Мальчик — будущий воин. Всякий воин — сын Крома, а значит, только с его помощью можно узнать судьбу твоего ребенка. Кром — сам воин, и говорить со мной он будет только через меч.

— Хорошо, — кивнул Ниун. — Через три дня у тебя будет любой меч, какой только пожелаешь.

— Засунь свой меч... — начал колдун, но почему-то решил не продолжать. — Мне не нужны твои игрушки. Ты сделаешь мне другой клинок. Он должен быть тонким, узорчатым, резать волос на лету и сгибаться в кольцо.

— Такого оружия не бывает.

— Много ты знаешь! Я дам тебе металл. Из него ты и сделаешь мне клинок. И еще возьмешь у меня травы. Их

добавишь, когда начнешь ковать оружие. И не три дня тебе понадобится, а все три месяца.

С этими словами старик подошел к стоявшему возле стены сундуку и попытался открыть его, но крышка не поддавалась.

— Старею,— вздохнул Покран.— Подойди сюда,— обратился он к Ниуну,— открой крышку и возьми металл, который лежит в сундуке.

Ниун с некоторым усилием откинул тяжелую крышку и увидел на дне сундука крупный кусок оплавленного металла, совершенно не знакомого ему.

— Что это, отец? Я никогда не видел такого железа.

— И не мог видеть. На земле его нет. Этот металл скинул с небес сам Кром.— Старик немного помолчал, а затем вдруг обратился к Маев: — Женщина, выйди. Мне надо сказать кое-что твоему мужу.

Маев поспешила покинуть этот негостеприимный дом. Она боялась старика, хотя почему-то чувствовала, что он не причинит ей никакого зла, что он вообще не хочет и не может причинять зла.

Когда Маев вышла, Покран обернулся к Ниуну и, хитро сощутив глаза, проговорил:

— Я и без этого представления прекрасно знал, что у тебя родится сын. Но ведь бабы не верят никому на слово. Им зрелище нужно. А этот пепел — он ни о чем не говорит. У тебя будет хороший сын. Достойный. А теперь иди. Работа тебе предстоит трудная. Но ты справишься, я не сомневаюсь. Есть в тебе что-то. Иди. Я устал. Отвык я от людей.

— Спасибо тебе, отец. Я сделаю такой меч, о каком ты говорил.

Маев и Ниун поспешили домой. Они шли молча, и каждый думал о своем. Маев, держа руку на животе, обращалась к своему будущему ребенку: «Мальчик мой, я не знаю точно, когда ты увидишь свет; но я уже люблю тебя. У тебя будут синие, как у отца, глаза и такой же спокойный нрав. Зачем тебе быть воином? Все киммерийские мужчины умеют держать в руках оружие, чтобы защищать

своих жен, матерей, детей и стариков. И ты научишься владеть им, конечно. Но лучше бы тебе стать кузнецом, как отец, как деды.

И хорошо бы, чтоб на твою долю выпало как можно меньше битв. Потому что битвы — это кровь, это смерть, это горе. А мне бы хотелось, чтобы ты не испытал горя, чтобы руки твои не лишали жизни, а делали что-то, что украшает ее. Мало ли мы с отцом хлебнули горя? Мало ли бед пришлось нам пережить? Нет, ты будешь счастлив. А потом, когда-нибудь, еще очень нескоро, я возьму на руки внука, твоего сына, и расскажу ему, как мы ждали тебя, как ты родился, каким рос и каким стал умельцем, самым знаменитым, самым, самым».

Ее муж размышлял совсем о другом. «Боюсь, что старый колдун не в своем уме. Где это видано, чтобы меч сворачивался в кольцо? И чтобы был тонким? Он же сразу сломается. Что можно сделать таким клинком? И как изготовить такое оружие? Отец делал настоящие тяжелые киммерийские мечи, и они славно служили нашим воинам. И я вроде мастер неплохой, но и мои клинки не сгибаются и не режут волос. Да и металл он дал какой-то странный. Что с ним делать? Ладно. Если ничего не получится, сделаю ему такое оружие, которое придется ему по нраву, но так, как умею. Еще никто не отказывался от моих мечей».

Они не заметили, как подошли к своему селению. Вот уж впереди показался их дом, возле которого стоял старый кузнец и из-под руки вглядывался вдаль. Увидев Маев с Ниуном, старик поспешил им навстречу.

— Ну, что сказал колдун? — обеспокоенно спросил он. — Он не прогнал вас?

— Не прогнал,— усмехнулся Ниун,— но радушным такой прием назвать нельзя.

— Да, он грубый человек,— согласился старик,— но не злой. И очень умный. Так что он сказал?

— Мальчик,— улыбнулась Маев.

— Да не простой мальчик,— добавил ее муж.— Колдун сказал, что у нашего сына будет необычная судьба, но, что-

бы он смог узнать, какая, я должен сделать ему странный меч. Он и железо мне дал. Говорит, что оно из рук самого Крома. Ничего, справлюсь.

— Тебе помочь? — спросил старик.

— Нет, отец, я должен все сделать сам. Неужели я не осилю какой-то меч?

— Хорошо. Тогда я займусь колыбелью для внука. Сегодня же и отправлюсь собирать прутья. Сплету ему такую замечательную колыбельку, каких вы еще и не видавали!

Глава пятая

Прошло несколько дней. Целые дни напролет Ниун проводил в кузнице. Даже еду Маев носила ему туда. Он стал совсем молчаливым, ни на какие вопросы не отвечал, но по его озабоченному лицу было ясно, что дела идут плохо и что-то не ладится. Однако Ниун дал себе слово справиться с заказом старого колдуна самостоятельно и поэтому ни к кому не обращался ни за помощью, ни за советами.

Нельзя сказать, что он был расстроенным. Он злился. Злился потому, что железо, которое дал ему Покран, не плавилось. Сколько бы ни держал его в печи кузнец, как ни накалял, железо не становилось мягким, и никакой молот его не брал.

Ниун перепробовал все, что знал и умел, но упрямый металл не хотел подчиняться. Вконец измучившись, Ниун решил-таки изготовить клинок из своего металла и отнести его старику.

Может, колдун просто не знал, какие замечательные мечи умел делать Ниун? Может, он посмотрит на добротный киммерийский клинок и поймет, что именно такой ему и нужен?

Эти мысли немного успокоили кузнеца, и за три дня он сделал такое чудесное оружие, каких еще не выходило из-под его молота. Клинок получился широким, прочным, острым, легко перерубал гвозди, и при этом на нем не оставалось даже зазубрин. Тщательно отде-

ланная рукоять хорошо ложилась в руку. Осмотрев меч и оставшись довольным тем, что сделал, Ниун засоби-рался в дорогу.

— Почему ты идешь один? — поинтересовалась Маев.

— Если старик скажет, что он доволен клинком, я вер-нусь за тобой.

Покран встретил кузнеца, как всегда, неприветливо.

— Чего приперся так рано? — злобно спросил он.

— Отец, я принес клинок и хочу, чтобы ты на него посмотрел, — пояснил Ниун, показывая старику меч.

— Чего мне на него смотреть? — пожал плечами кол-дун. — Что я киммерийских мечей никогда не видел? Меч как меч.

— Может, он тебе подойдет?

— Зачем? Я на войну не собираюсь. Стар уже. Да и в молодости не любил махать оружием. Врачевать — пожа-луйста, а драться — это не для меня.

— Для предсказания. Ты ведь говорил, что для пред-сказания нужен клинок.

— Вот дурак. Я, кажется, объяснял тебе, какой клинок нужен. Ты чего, совсем тупица?

— Твое железо не плавится. Я пробовал. Ничего не выходит.

— А уж это не моя забота. Кузнец-то ты, вот ты и думай, если, конечно, есть чем. И не теряй времени. Пред-сказание должно быть сделано до того, как родится ребе-нок. Ступай. Ты мне надоел.

С этими словами Покран повернулся к Ниуну спиной и исчез в доме. Кузнец постоял немного, убрал меч в ножны и отправился восвояси. Он понимал, что придется нару-шить данное самому себе слово и обратиться за советом к отцу Маев.

Тот уже стар, много видел, много знает, может, слышал когда-то о чудо-клинке, о котором говорил колдун? Если и он ничем не поможет, придется искать ответа далеко от родных мест. И не только потому, что очень хочется узнать судьбу сына. Но ведь если такие мечи есть на свете, если кто-то делает их, то почему для него, уже опытного кузнеца,

такая задача оказалась не по зубам? Нет! Он узнает секрет и изготовит клинок.

Старика Ниун нашел неподалеку от дома. Тот сидел на небольшой полянке, разложив вокруг себя тонкие ветви кустарника, который рос на берегу реки. Прутья были ста-рательно очищены и лежали пучками — самые тонкие от-дельно от более толстых.

Прежде чем пустить прутик в дело, старик проверял, достаточно ли он гибкий, и, если прут не ломался, вплетал его, тщательно прижимая один к другому. На коленях старика лежало уже почти готовое донышко колыбели, основу которого составляли толстые длинные ветви, пере-плетенные более тонкими. Концы толстых прутьев загиба-лись кверху, образуя остов стенки. Сейчас мастер перебирал заготовленные ветки, выискивая наиболее ровные и длин-ные. Он был так увлечен своим занятием, что не заметил приблизившегося к нему Ниуна и даже вздрогнул, когда тот заговорил:

— Отец, ты можешь ненадолго отложить колыбель и побеседовать со мной? Мне нужен твой совет.

— Конечно, сынок. Я давно жду, когда ты обратишься ко мне. Вижу, что тебя что-то мучает. Но ты молчал, и я не стал вмешиваться.

— Понимаешь, колдун велел мне сделать меч, который можно согнуть в кольцо. И еще он должен резать волос на лету. И клинок у него должен быть узорчатым. Для этого колдун дал мне железо и травы. Но я не могу расплавить его металл. Сколько ни держу его в печи, он все твердый. Не берет его молот, даже не мнет, не то чтобы ковать. Как быть?

Старик задумчиво посмотрел на Ниуна, а затем кивнул:

— Знаю, что ему надо. Слышал я, что далеко на юге, в Иранистане, делают такие клинки. Для них нужно мягкое железо, с которым мы работаем, и твердое, наверное, то, что дал тебе колдун.

Из них выковыывают два прута, переплетают их и, добав-ляя какие-то травы, куют меч. Причем долго куют. Но твердое железо не расплавить в той печи, к которой ты

привык. И дело даже не в самой печи, а в угле. Мы берем уголь от дерева, а надо — от камня.

— Как это от камня? Он ведь не горит.

— Не горит. Не знаю, как он получается, но в горах можно найти куски, похожие на насквозь прогоревший камень. Они черные и блестящие. Если ты сумеешь отыскать их и набрать столько, чтобы можно было заполнить печь, то и твердое железо расплавишь.

— А где его искать?

— Где-то в горах. Там, где есть речки. Или ближе к ледникам. Вода иногда размывает скалы и выносит на поверхность уголь, который тебе нужен. Отправляйся в горы. А я пока постараюсь вспомнить все, что знаю об иранистанских клинках. Вернешься — поговорим еще.

Ниун поблагодарил старика и пошел домой — попросить Маев собрать ему припасы в дорогу. Узнав, что мужу придется идти в горы, она забеспокоилась, но возражать не стала, ибо спорить с ним было все равно бесполезно: если он что-то для себя решил, то непременно поступит так, как считает нужным.

Кроме того, Маев прекрасно понимала, что Ниуну просто необходимо сделать этот клинок, иначе он перестанет себя уважать. Поэтому она быстро собрала дорожный мешок и попросила Ниуна:

— Будь осторожен.

Встав на рассвете, Ниун отправился в горы. Он довольно легко пересек лес, раскинувшийся у подножия, потратив на это, однако, почти целый день. Решив не начинать восхождение на ночь глядя, он заночевал у кромки леса, а утром, наскоро перекусив, двинулся к горам, которые издали казались неприступными. Но разве можно отыскать во всей Киммерии хоть одного мальчишку, который никогда не лазал по скалам?

К самым вершинам поднимались, конечно, не все, но все равно любимым времяпровождением для мальцов было и оставалось обшарить более-менее доступные ущелья, расщелины, скалы, искупаться в горной речке со столь холодной водой, что дыхание останавливалось, а кожа становилась

синей, покрытой мелкими пупырышками. Ниун улыбнулся, вспомнив беззаботное детство, и полез наверх. Он внимательно осматривался по сторонам, но как трудно что-то искать, когда толком не представляешь, как оно должно выглядеть! Пока, правда, ничего похожего на, как сказал старик, прогоревшие насквозь камни не попадалось, и Ниун все выше и выше поднимался в горы, пока не достиг перевала.

Он остановился, чтобы перевести дух и осмотреться, и невольное восклицание восторга вырвалось из его груди. Повсюду, куда ни кинь взгляд, простирались увенчанные ледяными шапками, словно драгоценными камнями, горные хребты.

Снег переливался под лучами солнца, искрился, и даже казалось, что пел. Внизу, почти под самыми ногами Ниуна, бежала быстрая речка, которая, будто серебряная нить, отделяла белые хребты от небольшой зеленой долины. Ниун долго стоял, любуясь красотой, пока вдруг его взгляд не наткнулся на россыпь черных камней, видневшуюся неподалеку от реки. Он быстро, не забывая при этом об осторожности, спустился в долину.

Подняв один из камней, кузнец принялся рассматривать его. Очень похоже на уголь, но только необычайно твердый. Может, это и есть то, что он искал? Ниуну очень хотелось верить, что так оно и есть, а к тому же он все равно больше не встретил по пути ничего хоть отдаленно напоминающего эти камни. Недолго думая он раскрыл специально взятый мешок и принялся складывать в него свою находку. Набив мешок до отказа, Ниун выпрямился, взвалил тяжелую ношу на плечо и побрел обратно.

Любоваться красотами на сей раз он не стал. Все силы ушли на то, чтобы и самому спуститься с гор, и драгоценную поклажу не потерять. Обратный путь занял значительно больше времени, чем подъем, и Ниуну снова пришлось заночевать у кромки леса на месте своей бывшей стоянки. К счастью, никакие звери не беспокоили его, и за ночь он выспался и набрался сил.

Лишь поздно вечером Ниун подошел к своему дому. Его выбежала встречать жена, а следом за ней появился и старик.

— Ну как? Нашел? — спросил он, хотя уже понял, что Ниун вернулся не с пустыми руками.

— Что-то нашел. Посмотри.

Старик достал из мешка несколько камней, повертел их в руках, попробовал разломить и кивнул:

— Это они. Завтра загрузишь печь. Вот увидишь, все получится. Заходи скорее в дом. Маев накроет на стол, а я пока расскажу тебе все, что вспомнил.

Глава шестая

Когда рано утром Маев открыла глаза, Ниуна рядом уже не было: он убежал в кузницу. Ему так не терпелось поскорее приступить к делу, что он едва дождался, когда солнце встанет над горизонтом.

Быстрыми и уверенными движениями Ниун очистил печь от древесного угля и аккуратно выложил ее теми камнями, которые принес с гор. Где-то в глубине души кузнец сильно сомневался, что камни будут гореть, но когда огонь мгновенно охватил их, сердце Ниуна заколотилось так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Прогрев печь, он бережно положил в нее кусок железа, который дал ему старый колдун. «Раскалить до цвета солнца, стоящего над пустыней, и остужать до цвета царского пурпура», — так сказал ему вчера отец Маев. Но Ниун никогда не видел пустыни и плохо представлял, какого цвета солнце светит над ней.

Подумав немного, он решил, что солнце — всюду солнце. Какого оно может быть цвета? Золотое. Или бледно-желтое.

Когда металл раскалился настолько, что на него стало больно смотреть, Ниун взял щипцы, вдруг почувствовав, как от волнения подрагивают пальцы, сильным рывком выхватил металл из печи и бросил его на наковальню. Затем он взял молот и резко опустил его на расплавленное железо. И оно поддалось!

Ниуну хотелось петь от радости. Наконец-то он победил упрямую железку! Теперь главное — не забыть ни слова, услышанного от старого кузнеца. Сначала он выковал прут на длину будущего клинка, а оставшийся металл отложил в сторону. Из него получится еще один меч. Если Покран говорил правду, и клинок будет обладать всеми свойствами, которые он назвал, то Ниун сделает второй меч — для себя. Или на продажу. Ему, наверное, цены нет.

Затем он раскалил обычное железо, с каким привык работать, и сделал еще один прут. Это заняло совсем мало времени, так как металл показался Ниуну на редкость мягким и податливым. Разогрев оба прута, он ловкими движениями переплел их и снова сунул в печь. Теперь осталось хорошенько поработать молотом — и чудо-клинок готов.

Напрасно колдун запугивал его трудностями. Да, раскалить твердое железо было очень и очень непросто, но теперь, когда оно наконец-то стало податливым, для опытного мастера остался пустяк. Сколько клинков уже вышло из-под его молота, и еще ни разу никто не пожаловался на оружие, купленное у Ниуна.

Настроение у кузнеца было приподнятое, работа ладилась, он уже почти видел, как изумится старый грубиян, когда поймет, что с его заказом мастер справился так же легко, как с горстью лесных орехов.

Он представлял себе, как слава великого умельца победит вперед, как эхо по горам, и к нему начнут стекаться люди со всей Киммерии, чтобы получить необыкновенное оружие. И пусть трепещут враги! Новые мечи, которые будет делать Ниун, расправятся с их клинками и доспехами, словно с трухлявым деревом...

Ниун все накалял и вновь ковал клинок, накалял и ковал, накалял и ковал... К концу дня ему даже показалось, что на лезвии уже начинается проступать тот самый волнистый узор, о котором говорил колдун. Еще несколько дней работы — и можно пускаться в путь.

Вечером старый кузнец поинтересовался:

— Ну, как идут дела?

— Все хорошо, отец. Трудное железо, куется непросто, но я все равно одолею его. Главное, я вижу — клинок уже получается.

Старик кивнул, задумался и вдруг охнул и даже всплеснул руками:

— Прости меня, дурня! Я забыл... Ох, дырявая голова! Как же я мог запомнить-то!...

— Что ты забыл, отец?

— Колдун дал тебе травы?

— Да. Только я не знаю, зачем они. Какие-то его магические штучки, наверное... — Ниун недоуменно посмотрел на старика.

— Вовсе нет. Надо было бросить щепотку травы в печь, когда в ней калилось твердое железо. А потом, когда ты уже начинаешь работать молотом, надо посыпать клинок смесью порошка из этой травы и порошка из угля.

— Прости меня, отец, я с большим почтением отношусь к твоему опыту и к твоим знаниям, но на сей раз тебя, похоже, подводит рассудок. Где это видано, чтобы железо посыпали каким-то порошком?

— Я не знаю, зачем это делается, но это нужно. Иначе клинок не станет таким, как ты говорил. Это точно.

Ниун не стал спорить. Он подумал лишь, что, к сожалению, старость есть старость и что старческие причуды не должны мешать делу.

Утром, опять чуть свет, он отправился в кузницу, приказав Маев не мешать ему и даже не носить еду и не звать к обеду. Ему хотелось поскорее закончить работу.

Работа спорилась, и раздумья о словах старика про порошок, мучившие Ниуна, вскоре забылись. Он думал теперь только о том, какой необычный клинок у него получается. К вечеру, однако, меч не был готов. И к следующему вечеру тоже. Прошла неделя, началась другая. И только к ее концу Ниун приступил к закалке. Накануне он попросил охотника из их селения убить для него вепря, и тот выполнил просьбу.

Что может быть лучше для закалки хорошего клинка, чем туша огромного жирного кабана? Воткнув в нее меч

поглубже, Ниун облегченно вздохнул и пошел домой. Теперь можно немного и отдохнуть.

— Закончил? — поинтересовался старик.

Ниун важно кивнул.

— А как закалять будешь?

— Как всегда. В туше вепря.

— Напрасно ты не стал меня слушать, даже не дав договорить. Иранистанские клинки закаливают на ветру. Садятся верхом на коня и долго-долго скачут, пока клинок окончательно не остынет. Только вольный ветер может дать ему гибкость и прочность.

— В Иранистане, может, и скачут туда-обратно. А в Киммерии отродясь лошадей не было.

— Значит, надо взять меч в руку и бежать с ним, пока ноги несут. А упадешь от усталости, как хочешь, но снова вставай и беги. Иначе все твои труды напрасны.

— Ладно, отец, я устал. Твою сказку я дослушаю как-нибудь в другой раз. А завтра пойдешь со мной в кузницу и посмотришь, что у меня получилось.

На сей раз утром Ниун никуда не спешил. Он поздно встал, сходил на речку умыться, долго и с удовольствием завтракал, словно старался оттянуть тот миг, когда покажет старику необыкновенный меч и увидит изумление и восторг на лице своего учителя. Он хотел сполна насладиться своей победой. Он так тянул время, что даже Маев спросила:

— Ты разве не пойдешь сегодня в кузницу?

Ниун строго взглянул на жену, нахмурился, как будто хотел сказать ей что-то резкое, но потом передумал и встал с лавки.

— Пойдем, отец, — обратился он к старику. — Пора посмотреть, что там получилось.

Они вышли из дома, и Ниун решительно зашагал к кузнице. Однако на пороге он почему-то остановился:

— Отец, лучше будет, если ты сам вынешь клинок из туши. Это ведь ты учил меня, как его сделать.

— Учить-то учил, да не доучил, — вздохнул старик.

Он приблизился к туше и осторожно потянул за торчавшую из нее рукоять. Плавным выскользнувший клинок

оказался на удивление легким. Когда они обтерли лезвие, на нем явно проступил странный волнистый рисунок.

— Вот видишь, все как говорил Покран, — радостно улыбнулся Ниун, и из его груди вырвался вздох облегчения.

Старый кузнец оглядел клинок и покачал головой. Ему что-то не нравилось, но говорить об этом он ничего не стал, а только предложил Ниуну:

— Согни его. Колдун говорил, что клинок должен сгибаться в кольцо.

— Запросто! — воскликнул Ниун.

Он взял меч из рук старика и почти без усилий согнул тонкое лезвие. Оно легко поддалось, но так и осталось согнутым. На лице Ниуна отразилось отчаяние.

— Как же так, отец?

— Ты ведь не хотел меня слушать, сынок. Ну да ладно, не печалься. У тебя еще осталось железо, которое дал тебе колдун?

— Осталось.

— Его хватит еще на один меч?

— Да, вполне.

— Тогда тебе придется выслушать меня. На сей раз внимательно.

Старик говорил долго-долго, подробно объясняя своему нерадивому ученику, где и как тот ошибся. Ниун слушал, то бледнея, то заливаясь густой краской, то постанывая сквозь зубы.

Оказывается, он был не прав с самого начала. Солнце-то над пустыней не золотое, а белое, и пурпур — это вовсе не ярко-красный, а совсем другой цвет. Почему он был таким самоуверенным? И металл испортил, и старика обидел.

— Прости меня, отец. Прости, что я мог усомниться в тебе. Теперь я всегда и во всем буду слушаться тебя. Только помоги мне сделать этот проклятый клинок!

— Отчего же не помочь? — согласился старик. — Да не убивайся ты так! Кто из нас не ошибается? Лишь тот, кто

сидит сложа руки. Умные люди на своих ошибках учатся. А чтобы ты больше никогда не обижал стариков, запомни правильные слова: как в отборной крупе нет сора, так в словах старика нет лжи. Не знаю, кто сказал это, но мудрый был человек.

— Давай сегодня же и начнем.

— Нет. Ты много работал, устал. Отдохнуть тебе надо хотя бы денек. Нельзя начинать большое дело наспех. Ко всему серьезный подход нужен. Вот завтра с утра поднимемся пораньше и приступим.

Глава седьмая

С утра в кузнице снова закипела работа. Только теперь возле Ниуна стоял старый его учитель и внимательно следил за тем, чтобы тот выполнял все точно и правильно. Сначала они раскалили твердое железо добела, не забыв бросить в печь горсть травы из мешочка колдуна.

Она мгновенно вспыхнула и исчезла, словно ее и не было. Ниун недоуменно пожал плечами, но возражать не стал: раз надо, значит, надо. Затем он изготовил тонкий прут и удовлетворенно кивнул, почувствовав, что на сей раз металл более податлив и послушен. Сделав второй прут, уже из мягкого железа, Ниун сначала нагрел оба стержня, а уж потом перевил их.

Когда под молотом начала образовываться широкая лента, старик придвинул Ниуну плошку с порошком, сделанным из угля и травы. Ниун посыпал ленту тонким ровным слоем порошка, сложил ее пополам и снова застучал по ней молотом.

Почти месяц он грел металлическую ленту, ковал ее, пересыпал порошком, складывал и вновь ковал. Ему уже начало казаться, что это никогда не кончится, как вдруг старик остановил его, щуря подслеповатые глаза, осмотрел клинок и сказал:

— Завтра ты сделаешь все это еще раз, потом насадишь клинок на рукоять и побежишь с ним. Только запомни: бежать надо по открытому месту, чтобы ветер все время

обдывал лезвие. Остановишься только тогда, когда клинок совсем остынет. И да укрепит Кром твои руки, потому что, если уронишь меч на землю, считай — зря трудился. А сейчас заканчивай работу. Завтра тебе понадобится много сил. Иди домой, поешь как следует, выпись. Если дашь слабину — погубишь свой труд.

И вот наступил этот решающий день. Казалось, все Светлые Боги улыбались Ниуну: небо закрыли легкие облака, солнце было нежарким и ласковым, дул легкий приятный ветерок.

Ниун обмотал бедра полоской ткани, чтобы лишняя одежда не мешала ему бежать, надел на ноги сапоги из мягкой кожи и, подняв над головой меч, словно бросая вызов небу, бросился бежать прочь от деревни. Сначала ему было легко и радостно: осталось совсем немного, и он узнает судьбу своего еще не родившегося сына.

Он бежал и думал о Маев, живот которой уже заметно округлился и иногда ходил ходуном, когда беспокойный малыш стучал в него сильной пяточкой, о милом розовощеком мальчишке, которого он скоро возьмет на руки, о старике и его большом добром сердце, которое так легко простило обиду, и даже о колдуне, казавшемся сейчас Ниуну милым и симпатичным.

Однако постепенно почти невесомый клинок становился все тяжелее и тяжелее, рука онемела и уже не чувствовала рукояти, лежавшей в ладони, дыхание становилось все отрывистее. Ниун переложил меч в другую руку. Стало немного легче, но теперь он ощутил, что ноги перестают слушаться его, а земля, по которой он бежал, словно нарочно, начала подсовывать ему под ноги то кочки, то корни, то камушки. Он споткнулся один раз, другой, третий и вдруг понял, что не может удержать равновесия и падает. Самым невероятным образом он умудрился перевернуться в воздухе, и, когда все же шлепнулся на землю, меч по-прежнему оставался устремленным в небо.

Ниун лежал на спине, покачивая клинком над головой, и вдруг подумал, что, если не поднимется сейчас же, не поднимется уже никогда. «Дашь слабину — погубишь свой

труд», — вспомнились ему слова старика, и он, собрав все свои силы, встал и побежал дальше.

Глаза начал застилать туман, грудь не принимала, а выталкивала воздух, колени дрожали, рук словно и вовсе не было, а Ниун все бежал и бежал. Наконец он остановился и совершенно без сил опустился на траву. Дрожащей рукой он провел по клинку, и из пересохшего горла вырвался полухрип-полурыв: лезвие остыло. Ниун еще долго сидел, глядя вдаль, на горные вершины, и говорил с Кромом, насколько не сомневаясь, что грозный бог слышит его.

«Кром всемогущий!

Я сделал этот клинок для тебя. Колдун сказал мне, что ты будешь говорить с ним только через меч. Посмотри, еще ни один твой сын не приносил тебе такого подарка. Будь милостлив к моему сыну. Не призывай его к себе раньше времени».

Солнце уже склонялось к горизонту, когда кузнец поднялся на ноги и побрел домой. В голове его не было никаких мыслей, а в душе — ни следа радости. Он чувствовал сейчас только одно — безмерную усталость. Ему казалось, что он никогда не дойдет до своего дома, что, закаляя клинок, убежал на край света и забыл дорогу назад. Но он шел и шел, пока впереди не замаячили крыши домов, а возле одного из них не показалась маленькая женская фигурка, которая зашепила ему навстречу.

Войдя в дом, Ниун рухнул на укрытое шкурами ложе вниз лицом. Он не слышал, как разговаривали Маев с отцом, как хлопотала жена, укрывая его одеялом, не чувствовал, как тонкие, но сильные руки разжали его онемевшие пальцы и вынули из них узкий клинок, покрытый волнистым узором. Он спал.

Первым, что увидел Ниун, когда наконец открыл глаза, было встревоженное лицо Маев.

— Слава Богам, ты проснулся, — облегченно вздохнула жена.

— А почему это тебя так беспокоит? — удивился Ниун. — Я просыпаюсь каждое утро, и ничего особенного в этом нет.

— Если бы каждое... Ты спал два дня. Мы с отцом уже начали думать, что пора обращаться к кому-нибудь за помощью.

— Что ты, милая! — воскликнул Ниун, вставая и потягиваясь. — Я никогда еще не чувствовал себя таким бодрым и сильным. А уж проголодался так, что могу съесть медведя, зажаренного прямо в шкуре.

Маев быстро накрыла на стол, словно давно готовилась к празднику. Чего там только не было! И запеканка из рыбьей икры, и прозрачная, остро пахнувшая уха, и пироги с грибами, и душистая ячменная каша. Ниун ел не торопясь, с наслаждением ощущая, как тело, вымотанное долгой и изнурительной работой, медленно наливается силой. Жена молча смотрела на него, ласково улыбалась, но ни о чем не спрашивала, ожидая, когда он сам заговорит. Наконец, насытившись, Ниун сладко потянулся и сказал:

— Ты видела клинок?

— Да, — живо отозвалась Маев. — Но я не очень разбираюсь в оружии. Это то, о чем говорил колдун?

— То. Я все-таки справился с ним.

— Значит, мы можем идти? Посмотри, — проговорила Маев, кладя руку на живот, который вдруг зашевелился, словно еще неродившийся ребенок тоже хотел на что-то посмотреть. Маев засмеялась и повторила: — Посмотри. Ему тоже не терпится узнать, что его ожидает.

Ниун положил свою широкую ладонь на маленькую ладошку жены, потом погладил ее по животу и почувствовал, как крохотная пяточка стукнула в его руку. Это необычное ощущение залило душу кузнеца радостью. Он тоже заулыбался:

— Разве можно отказать, когда тебя о чем-то просят и еще так замечательно топают ножкой? Собирайся, жена. Завтра с утра и отправимся.

Едва рассвело, как они уже вошли в лес и ступили на тропинку, ведущую к жилищу Покрана. На левом плече кузнеца висел дорожный мешок со взятыми с собой припасами, а в правой руке он нес клинок, аккуратно завернутый в самую лучшую ткань, которую только смогла изготовить Маев.

Старый колдун сидел возле дома и грелся на солнышке, прикрыв глаза. По сморщенному лицу блуждала довольная улыбка, но стоило путникам приблизиться, как Покран тут же нахмурился и недовольно буркнул:

— Ну что ты на сей раз притащил? Опять какую-нибудь дрянь сваял кое-как?

— А ты посмотри. Если и этот клинок тебя не устроит, то и не знаю, что тебе еще надо, — обиделся кузнец.

— Ладно, ладно, не ворчи. Вот доживешь до моих лет, тогда и начнешь огрызаться на всех. А пока мог бы и помолчать. Разболтался, как баба. Показывай свой меч.

Ниун протянул колдуну клинок, но тот лишь покачал головой:

— Я уже давно не могу держать в руках оружие. Нет у меня сил. — Потом, словно решив, что чересчур ласково разговаривает с Ниуном, добавил: — Мог бы и сам сообразить, если бы у тебя вместо треснувшей кадучки на плечах была голова.

Кузнец положил на землю дорожный мешок, бережно развернул ткань, и тонкое серебристое лезвие заиграло в солнечных лучах. Покран внимательно посмотрел на него и пробормотал:

— Ну что ж, похоже, очень похоже. Согни-ка его.

Ниун вздрогнул, вспомнив, как испортил первый меч, но все же взял клинок одной рукой за рукоять, а второй за острие и медленно согнул лезвие в ровное кольцо. Затем быстро отпустил острие. С тихим мелодичным звоном клинок выпрямился. Покран удовлетворенно кивнул, выдернул у себя толстый седой волос и приказал кузнецу:

— Поверни меч ребром.

Ниун подчинился, а Покран бросил на лезвие волос. Едва тот коснулся металла, как мгновенно развалился на две половины. Колдун еще раз кивнул и распорядился:

— Войди в дом. На стене, где висит оружие, есть старый и тупой меч, ни на что не годный. Единственная его ценность в том, что он сделан из очень прочного железа. Ты его сразу узнаешь. Возьми его и принеси сюда.

Когда кузнец вернулся с выдавшим виды тяжеленным мечом, Покран показал рукой на стоявший неподалеку широкий пенъ:

— Положи его туда. Хорошо. Теперь возьми свой клинок и изо всех сил ударь по этому хламу.

— Ты что, старик, спятил? — возмущился Ниун, забыв, что давал себе слово быть вежливым с колдуном. — Я положил на него столько трудов, а ты предлагаешь мне тут же сломать его? Или в этом и состоит твое предсказание?

— Не разевай рот, когда тебя не спрашивают, — огрызнулся старик и, покачав головой, добавил: — Я бы запретил киммерийским мужчинам жениться. Пожив бок о бок с бабой, они сами становятся хуже баб. У тебя язык работает быстрее, чем мозги. — Он топнул ногой. — Делай, что тебе говорят, и заткнись!

Ниун понял, что спорить со старым грубияном бесполезно, и, зажмурившись, изо всех сил ударил своим изящным клинком по старому толстому мечу, лезвие которого было не тоньше его указательного пальца. Он ожидал, что сейчас в его руке останется лишь рукоять, но этого не произошло.

Сделанный им меч развалил старинное оружие пополам так легко, словно оно было изготовлено из мягкого дерева. Кузнец открыл глаза и с изумлением уставился на невиданное чудо, потом взглянул на колдуна. Но тот, похоже, нисколько не удивился, а лишь снова удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, как это ни странно, но ты все-таки сделал его. Пора и мне выполнить свое обещание. Заходи в дом. И бабу зови. Как ни жаль, но она нам нужна. Без нее предсказания не будет.

Они вошли в жилище Покрана, и колдун указал сухим пальцем с толстым желтым ногтем на лавку:

— Садитесь рядом. Ты, — обратился он к кузнецу, — держи меч на вытянутых руках. А ты, — бросил он Маев сквозь зубы, — дай сюда руку. Оружие всегда требует крови. Чтобы узнать судьбу ребенка, нужна его кровь. Но он еще не родился, а ты с ним — одно целое. Так что придется тебе потерпеть немного и пожертвовать свою драгоценную кровушку.

Маев побледнела, а колдун тоненько захихикал:

— Да не трясись ты, дура. Мне же не вся твоя кровь нужна. И не сейчас. Сначала я приготовлю кое-какую смесь. А вы сидите тихо. Чтоб ни одного слова я от вас не слышал. Помешаете мне — пеняйте на себя. Ничего не выйдет.

Ниун с Маев замерли, боясь даже дышать, а Покран, повернувшись к столу, словно забыл о них. Он долго перебирал мешочки с травами, нюхал их, щупал пальцами, то качал головой, то кивал, пока наконец не отложил в сторону несколько мешочков. Затем он принялся за сосуды с жидкостями.

Он брал их трясущимися непослушными руками, подносил к глазам, откупоривал, опять же нюхал, и в конце концов поставил рядом с мешочками несколько тщательно выбранных емкостей. После этого старик загремел плошками, пока не нашел среди них ту, что была ему нужна. Ее покрывал толстый слой грязи. Покран повернул голову к Маев и приказал:

— Пойди вымой. Расселась тут, как в гостях. Да смотри, чтоб ни пылинки не осталось.

Когда Маев вернулась с отмытой плошкой, старик распорядился:

— Поставь на стол и садись на лавку. Жди.

Покран взял в руки плошку, придирчиво осмотрел ее, протер рукавом и поставил на стол. Затем он развязал мешочки с травой, взял из каждого по щепотке, растер траву в ладонях, чтобы получился порошок, и высыпал его в приготовленную посуду, после чего старательно завязал мешочки и убрал их на место, то есть просто отставил в сторону.

Окинув взглядом содеянное, он что-то пробормотал себе под нос и направился к стене с книгами. Перед ней он стоял долго, водя пальцем по переплетам, но все-таки выбрал две книги и вернулся с ними к столу. Пролистав обе, он оставил их открытыми, видимо, на нужных страницах, после чего приступил к жидкостям.

Откупорив первый сосуд, Покран быстро проговорил заклинание на не известном ни Ниуну, ни Маев языке, поглядывая в книгу, и вылил из сосуда три капли в порошок.

Тот зашипел, и над плоской поднялась тоненькая струйка ароматного дыма. Старик закаплялся, закупорил сосуд и взял следующий. Опять прочитав заклинание, уже из второй книги, Покран полил жидкостью смесь в плошке. Ничего не произошло, и Ниун забеспокоился, но, похоже, колдун это вполне устраивало.

Он еще довольно долго листал книги, читал какие-то заклинания, все добавлял и добавлял по капле разные жидкости, пока плошка не заполнилась почти доверху. Затем колдун взял тонкую деревянную палочку и тщательно перемешал буро-зеленую смесь. Наконец он обернулся к Ниуну:

— Держи клинок крепко. Сейчас начнем.

Он подошел к лавке, на которой сидели напряженные от мучительного ожидания гости, и начал осторожно выливать смесь на клинок. По лезвию побежали блики. Покран все той же деревянной палочкой размазал смесь по лезвию, чтобы она лежала равномерно. Ниуну показалось, что меч стал теплым. Было так на самом деле или нет, он не знал. Старик запел хриплым срывающимся голосом. Когда он замолчал, клинок был чистым, словно кто-то его старательно вытер. После этого, довольно улыбнувшись, колдун обратился к Маев:

— Давай сюда руку. Будем кровь пускать.

Покран снял со стены тонкий острый кинжал и хищно усмехнулся. Затем, поморщившись, взял руку женщины и провел по ней длинную линию, на которой тут же выступила кровь. Колдун поводил по крови плоской стороной кинжала, пока лезвие не окрасилось целиком, и подошел к мечу, который держал Ниун.

Снова зазвучали слова заклинания, и старик начал медленно водить окровавленным кинжалом по клинку. Лезвие подернулось дымкой, и колдун отбросил кинжал в сторону.

— Можете смотреть, — сказал он. — Только все равно ничего не поймете. Я потом объясню.

Ниун и Маев начали вглядываться в туманные картины, которые вдруг поплыли по мечу. Там были битвы, страшные, кровопролитные, после которых вдруг явно проступил ошей-

ник раба. Его сменила оскаленная волчья морда. Она быстро исчезла, и вдруг на клинке засияли драгоценные камни. Потом было море, корабли, женщины, опять битвы, очень много битв, какие-то чудовища, снова море. Затем на лезвии вспыхнуло изображение царского венца. Оно подержалось немного и погасло. Больше клинок не показал ничего.

Старик осторожно подставил руки под лезвие и слегка коснулся его. Оно осыпалось в сухие ладони горсткой пепла. Ниун вздрогнул и вопросительно посмотрел на колдуна.

— Вот видишь, неразумный? — усмехнулся Покран. — Даже такое необыкновенное лезвие не выдержало столь сильного колдовства, а ты хотел подсунуть мне никчемную железку. Она бы развалилась от одной смеси.

Кузнец шумно сглотнул и проговорил вдруг севшим голосом:

— Отец, я ничего не понял из увиденного.

— Немудрено. Я ведь говорил, что у тебя ума не больше, чем у бабы.

— Ты обещал объяснить.

Покран отнес пепел к столу, высыпал его в плошку и заговорил:

— Не знаю, понравятся ли тебе мои слова, а впрочем, это и не важно. Не в наших силах изменить судьбу, предначертанную Богами, а особенно Кромом — суровым и неумолимым. Твой сын будет необыкновенным человеком. Он не станет продолжать твое дело. Ты последний кузнец в роду. Он будет воином. Великим воином. Но не сразу. Ему придется пройти и неволю, и скитания. Он познает беды и лишения, но и побед одержит немало. Твой сын выступит против демонов и одолеет их. Твой сын осмелится противостоять Богам и останется жив. Он не будет созидать, как ты.

Его стезя — разрушение. Его стихия — кровавые битвы. Ему придется долго искать свой единственно верный путь, но в конце концов он отыщет его. И только выдержав все испытания, он поднимется на вершину. В конце жизненного пути его ожидает трон великой державы. Таково его предназначение — подняться с самого низа на самый верх, сменить ошейник раба на царский венец.

— Раба? — востепенулся Ниун. — Ты сказал... Раба?

— Ему придется испытать и это. Но недолго. Страсть к свободе, воля к победе — эти качества будут у него главными.

Великая судьба. Сейчас я могу сказать тебе. У меня было видение, что в мир придет великий воин, который сумеет одолеть Силы Зла. Я долго ждал его. Я не мог отправиться на Серые Равнины, пока не узнаю, что появился на свет человек, который будет защищать людей, который встанет с оружием на сторону Добра. Теперь я спокоен. Этот человек — твой сын.

— Послушай, отец...

— Все. Я устал. Больше мне нечего сказать. Уходите.

Маев молча коснулась руки мужа, они поднялись с лавки и медленно направились к выходу. На пороге Ниун обернулся:

— Спасибо тебе, отец.

Покран лишь кивнул в ответ и указал пальцем на дверь.

Ниун и Маев не спеша возвращались домой. Они не разговаривали, ибо слишком сильным было потрясение от всего услышанного и увиденного ими. Маев, прислушиваясь, как ворочается в утробе ее сын, размышляла о том, что, пожалуй, ей понравилось предсказание. Конечно, ошейник раба — это ужасно.

Любой киммериец согласился бы лучше умереть, чем стать рабом. Но старик сказал, что это ненадолго, что стремление к свободе у их сына будет столь велико, что он скинет оковы. Зато он станет королем. Королем? Даже страшно подумать, что ее сын, внук деревенского кузнеца, взойдет на трон. А ее, Маев, внуки будут принцами. Это не укладывалось в ее голове, и она не выдержала и нарушила молчание:

— Представляешь, Ниун, он будет королем!

— Эка невидаль — король, — огрызнулся ее муж. — По мне, так уж пусть бы лучше он стал кузнецом.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Делез
НОЧЬ ПАУКА

Глава первая	7
Глава вторая	34
Глава третья	52
Глава четвертая	72
Глава пятая	79
Глава шестая	122
Глава седьмая	144
Глава восьмая	158
Глава девятая	192
Глава десятая	207
Глава одиннадцатая	223
Глава двенадцатая	250

Д. Фрост
КОПЬЕ КРОМА

Глава первая	259
Глава вторая	264
Глава третья	286
Глава четвертая	296
Глава пятая	316
Глава шестая	327
Глава седьмая	334
Глава восьмая	340
Глава девятая	355
Глава десятая	364
Глава одиннадцатая	372
Глава двенадцатая	379
Глава тринадцатая	386
Глава четырнадцатая	389
Послесловие	393

К. Стайл. Предсказание	395
------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

МОРИС ДЕЛЕЗ
КРИСТИНА СТАЙЛ
ДОНОВАН ФРОСТ

КОНАН И КОПЬЕ КРОМА

Руководитель проекта: Наталья Баулина
Главный художник: Сергей Шикин
Художественный редактор: Екатерина Соболева
Художник: Алексей Федоренко
Верстка: Елена Посадова
Технический редактор: Елена Шараева
Корректор: Вера Чаленко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.03.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Бумага типо-
графская. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Тираж
30 000 экз. Заказ № 1508.

Издательство «Северо-Запад». ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap.inforpro.spb.su

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220013,
Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфком-
бинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ

От чьей руки пал таинственный
зингарец, суливший несметные
богатства пиратам? Что за
клад предстоит отыскать в
дарфарских джунглях?
Конан не знал ответа
на эти вопросы. Однако
в руках у него был обрывок
карты, и жажда приключений
вновь будоражила кровь.
Но он не мог и подозревать,
что погоня за сокровищами
заведет его в смертельную
ловушку.

Ядовитые джунгли расступились перед ним,
неприступные горы покорно склонили седые вершины,
рассеялось, точно морок,
черное колдовство,
и дорога серым псом
легла под ноги.

Долог и труден путь воина.

Но достанет ли ему сил
сделать последний шаг?

Когда сама Иштар распахнет перед ним

ВРАТА ВЕЧНОСТИ ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Андре Олмен

